

ТРУДАМИ СВОИХ РУК

Ефим
Агарин

Толстовские
земледельческие
колонии
в дореволюционной
России

серия

ВЕРШКИ

КОРЕШКИ

common place

Ефим
Агарин

**ТРУДАМИ
РУК
СВОИХ**

Толстовские
земледельческие
колонии
в дореволюционной
России

Москва
2019

УДК 9(02)"311"(1-4)

ББК ХЗ(2)5.3

А 23

Рецензенты:

доктор исторических наук Медведев Александр Викторович,

доктор исторических наук Селезнев Федор Александрович

А 23 **Ефим Агарин.** Трудami рук своих. Толстовские
земледельческие колонии в дореволюционной
России. — М.: Common place, 2019. — 384 с.
ISBN 978-999999-0-84-4

«Хождения в народ» и террор Народной воли к началу 1880-х годов затихли, и в это время выступил с новым религиозно-этическим учением Лев Толстой. Он считал разделение труда и социальное неравенство пороками современного мира, а богатство — нравственным преступлением и призывал обрабатывать землю и жить трудами своих рук. Многим его современникам это учение казалось парадоксальным и несвоевременным, но другие откликнулись на призыв Толстого и попытались претворить его идеалы в жизнь.

Толстовство рассматривается в этой книге как историческое явление. Автор анализирует основные тенденции его развития с 1881 по 1917 год, а также народническую сущность мировоззрения Толстого и то влияние, которое оказали на него другие общественно-политические и религиозные течения. В контексте социальных принципов толстовства исследуются мотивы участников движения «на землю» и особенности организованных ими колоний, реконструируется история всех известных толстовских земледельческих колоний и прослеживается судьба толстовцев, которые избирали индивидуальный путь для осуществления трудового идеала. Книга Ефима Агарина представляет интерес для широкого читателя, поскольку социальное неравенство по-прежнему остается насущной проблемой, а пороки современного общества достигли такого размаха, какой Толстому не мог даже присниться.

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

Оглавление

Предисловие	7
Введение	8
Толстовство: между критикой и забвением. Обзор литературы	13
Глава 1. Сущность и истоки толстовства	42
1.1. Толстовство как форма народничества	43
1.2. Истоки толстовства: российское народничество, рационалистическое сектанство, альтернативные движения	54
Глава 2. Толстовство и движение «на землю»	84
2.1. Мироззрение Л.Н. Толстого: религиозно- философское и социальное	85
2.2. Учение Л.Н. Толстого в восприятии последователей	101
2.3. Самосовершенствование по-толстовски и особенности земледельческих колоний толстовцев	111
2.4. Идеал единения и виды земледельческих колоний толстовцев	128
Глава 3. Коллективные колонии толстовцев в 1881—1917 гг.	140
3.1. Общины в 1880-х и в первой половине 1890-х гг.	140
3.2. Артели и общины с середины 1890-х до 1917 гг.	155
3.3. Распад коллективных поселений толстовцев и его причины	177

Глава 4. Индивидуальные колонии толстовцев и странничество в 1881—1917 гг.	194
4.1. Соседские поселения	194
4.2. Толстовские хутора или «культурные одиночки»	209
4.3. Толстовцы-странники	240
Глава 5. Движение толстовцев «на землю» в 1881—1917 гг.: общие замечания	258
5.1. Колонии неизвестные и несостоявшиеся	258
5.2. Социальный состав колоний и его трансформация	270
5.3. Тенденции развития движения толстовцев «на землю» в 1881—1917 гг.	279
Заключение	291
Приложения	310
Иллюстрации	368

Предисловие

Скажу несколько слов о себе и о толстовстве. Я начал изучать мировоззрение Л.Н. Толстого и деятельность его последователей довольно давно, еще будучи студентом младших курсов исторического факультета. У многих это вызывало недоумение, а иногда и ироническую улыбку. Видимо, поэтому мне часто задавали один и тот же вопрос — разделяю ли я сам взгляды Толстого? Я уверенно отвечал — нет, сам я не толстовец. Но сейчас мне кажется, что я всегда немного врал. Я бы согласился с толстовцами не в «букве», а в «духе». Ведь толстовство — это не просто вегетарианство или «опрощение», и даже не только пацифизм и земледельческие колонии. Толстовство — это вера в то, что благополучие человеческого общества начинается не столько с мудрой политики и справедливого социального устройства или религии, сколько с самого человека; это вера в то, что, начав с себя, каждый из нас может изменить мир к лучшему. А если так, то думаю и надеюсь, что эта незатейливая вера в человека не так уж скоро потеряет актуальность, и само толстовство останется «ломтиком июльского неба» даже тогда, когда «пласт-массовый мир победил».

Введение

Прежде всего, поговорим о самом очевидном — о терминах. Толстовство — это не только спонтанно и умозрительно сформулированные философские взгляды писателя Л.Н. Толстого. В исследовании понятие будет рассматриваться в широком смысле — как исторически сложившаяся система религиозных, этических, социальных и иных принципов, которые разделяли как Толстой, так и его последователи, т.е. толстовцы. Акцент на этике христианского учения, ненасилие и непротивление злу насилием, мечта о единении всех людей, принцип самосовершенствования, «опрощение» и идеал земледельческого труда — вот наиболее известные отличительные особенности толстовского мировоззрения.

Понятие «толстовская колония» отнюдь не тождественно выражениям «толстовская община» или «толстовская артель». Толстовские колонии — это коллективные или индивидуальные поселения «на земле», целенаправленно организованные толстовцами из этических, а не хозяйственно-экономических соображений. В свою очередь, формами или видами толстовских колоний являются община, артель, соседское поселение, индивидуальное хуторское хозяйство. Если же речь идет о явлении толстовских земледельческих колоний в целом, то уместно использовать словосочетание «движение "на землю"».

Любое историческое исследование начинается с обоснования его актуальности, и эта работа не будет исключением. Нет, толстовство не стало тем общественным движением, которое кардинально изменило жизнь человеческой цивилизации или сыграло решающую роль в развитии нашей страны. Оно, говоря терминами диалектической логики, так и затерялось где-то между «особенным» и «единичным», заняв скромное место на периферии общественной жизни. И если вы убеждены, что историк должен изучать только «магистральные» сюжеты прошлого, отбрасывая все кажущееся второстепенным, то едва ли имеет смысл знакомиться с этим исследованием, потому как сенсационных открытий о роли толстовцев в мировой истории оно не содержит. Если же, напротив, вы согласитесь, что наибольший интерес в прошлом представляет сам человек и то, как в его сознании преломлялись исторические процессы и реалии своего времени, тогда толстовство окажется явлением достаточно любопытным. Скажем даже более того — оно обладает актуальностью далеко не только в этом узкоспециальном смысле и вовсе не кануло в лету бесследно, как может казаться на первый взгляд. Наоборот, толстовство тесно сплетается сразу с несколькими современными и хорошо знакомыми каждому из нас сюжетами. На этот счет приведем некоторые соображения.

Толстовское мировоззрение является одним из проявлений утопического сознания, а толстовские колонии — его практическим воплощением. К утопиям можно относиться по-разному, но их исследования, пожалуй, способны претендовать на бессмертную актуальность. Утопии сопровождали и продолжают сопровождать развитие человеческой цивилизации. Можно долго спорить о причинах такого соседства: обвинять исключительно капитализм или говорить, что во все эпохи утопии рождались из-за некоего универсального «люккримакса», т.е. «неутолимой тяги человека элитарной культуры ко всему настоящему, подлинному и первоначальному»¹. В любом

---

¹ Эткинд А.М. Хлыст (секты, литература и революция). М., 1998. С. 156.

случае сложно не согласиться, что утопии нескоро отступят в прошлое, и это неспроста. Ведь утопия – это не только бегство от несправедливой социальной действительности, но одновременно и «надежда создать новый мир», как заметил Г. Флоровский². А опыт создания нового, невиданного прежде социального устройства не только завораживает любознательный ум, но и постепенно и незаметно проникает в нашу повседневность.

Как тут не вспомнить известную концепцию К. Мангейма³, согласно которой утопия и идеология – два полюса коллективных представлений, различающихся своим отношением к существующему социальному устройству. Они находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, и элементы утопии, еще вчера казавшиеся несбыточными, преобразуются и становятся частью обобщенной идеологии, а вместе с тем и реалиями социальной жизни. Конечно, слишком смелым и наивным было бы утверждение, что именно толстовские идеалы гуманизма, любви и единения, трудолюбия, антимилитаризма постепенно трансформировались и в иной форме стали неотъемлемыми компонентами сегодняшних идеологий. Однако не лишним было бы задуматься – так ли уж чужды нам эти, казалось бы, «толстовские» ценности, были ли они настолько малозначительными и нежизнеспособными, чтобы оказаться навсегда вычеркнутыми из истории.

По крайней мере, один из элементов толстовской утопии обладает сегодня особым статусом: речь идет о непротивлении и ненасилии. Кровавые войны и революции XX в., появление ядерного оружия и научно-техническое развитие в целом привели к постепенному пересмотру проблемы насилия. Оказалось, что его не только можно, но и необходимо избегать при разрешении внутри- и внешнеполитических конфликтов. Пассивное сопротивление властям, бойкоты и ненасильственные революции,

---

² Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 409.

³ Мангейм К. Идеология и утопия. Утопическое сознание // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 113-169.

мирное урегулирование международных споров и локальных конфликтов — все эти явления, хорошо известные нам сегодня, могли бы показаться толстовцу не чем иным, как осуществлением дорогих ему идей. Фактически толстовские пацифистские идеалы оказали непосредственное и прямое влияние на тех, кто стоит у самых истоков теории и практики ненасильственной борьбы — М. Ганди и М.Л. Кинга. Эффективность ненасильственных методов в политике и в международных отношениях можно оспаривать, но сложно не согласиться с тем, что они уже заняли в нашей жизни прочные позиции. Это значит, что и толстовские идеалы, изменившись, не просто живы, но и продолжают свое развитие.

На первый взгляд может казаться, что толстовский пацифизм как-то слабо связан с явлением земледельческих колоний. Это не так. Движение «на землю» — это один из способов победить несправедливую социальную действительность, не прибегая к традиционным методам, основанным на насилии в той или иной форме; изменить общественную жизнь постепенно, изнутри. Толстовская колония — это не революция и не реформа, а некий третий путь социального преобразования. И в этом толстовство, не побоимся этого слова, предвосхитило методы новых социальных движений, которые сегодня активно развиваются и борются за разрешение различных вопросов. Впрочем, к вопросу о близости толстовства и новых социальных движений еще вернемся позже.

Не лишено толстовство и национально-культурной актуальности. Другими исследователями уже было отмечено, что оно обладает ярким «национальным колоритом»⁴, и остается лишь указать в чем именно он состоит. Действительно, некоторые черты, отразившиеся в толстовском мировоззрении, по-прежнему можно обнаружить среди наших национальных особенностей. Таковы идеализация прошлого, вера в «особую миссию» народа и страны, непредсказуемое сочетание индивидуализма и традиционного коллективизма, политический индиффе-

---

⁴ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., 2006. С. 251.

рентизм и в некотором роде даже стремление сохранить связь с землей, существующее вопреки развитию рыночных отношений.

В этом смысле несчастливым представляется своеобразное возрождение толстовства в 1990-е гг., хотя оно и принимало странные и парадоксальные формы. Например, тогда возникла такая организация как «Церковь Льва Толстого»⁵. Сложно не отметить ощутимую распристранненность толстовских текстов и идей на просторах Рунета. Возможно, приведенное утверждение о сходстве толстовских идеалов и особенностей российского национального характера покажется надуманным и неприятным. Но может, не так уж неправ был Д. Дрейк, который сказал: «Внутри каждого русского живет маленький Толстой. Естественно, не в смысле литературного дара или силы личности, а в его отношении к жизни»⁶.

Забегая немного вперед, скажем и об узкоспециальной актуальности. Исследование толстовства обладает еще и научной новизной по, как минимум, двум следующим причинам. Во-первых, само толстовство как историческое явление изучалось прежде ситуативно и фрагментарно, а во-вторых, ни одного полноценного и систематического исследования земледельческих колоний толстовцев дореволюционного периода так и не появилось.

---

⁵ *Скиба С.А.* Современное толстовство (Церковь Льва Толстого) // Вестник МГУ: Философия. М., 1995. № 5. С. 65-73.

⁶ *Drake D.* Light from Tolstoy on Russia [Electronic source] // International journal of Ethics. 1920. Vol. 30. No. 2. P. 191. URL: <http://www.jstor.org/stable/2377262>

Толстовство: между критикой и забвением. Обзор литературы

Естественно, не все до единого исследования, касающиеся толстовства, можно расположить в круге критики и забвения, и о целом ряде работ стоит сказать немало теплых слов. Тем более, что сам обзор будет посвящен наиболее значимым и заслуживающим внимания исследованиям. Однако кажется, что общее впечатление от историографии толстовства такой заголовок передает достаточно верно.

Дореволюционные исследователи

Не вдаваясь в подробности, отметим, что на заре своего существования толстовство подвергалось особенно острой критике. Представители радикальных общественных течений критиковали толстовцев преимущественно за отказ от активной революционной борьбы, а более консервативные круги обвиняли толстовство в подрыве основ церковного православия и царской власти, контркультурности и призывам к уничтожению социального неравенства. Как «справа», так и «слева» сыпались насмешки над графом Толстым, пашущим землю, и его последователями, будто бы слепо подражающих ему. Более-менее терпимым отношением к толстовству отличались разве что интеллигенты либерального и либерально-народнического направле-

ния, которым идеалы Толстого были если не близки, то хотя бы не столь чужды. Немудрено, что в сложившейся ситуации практически не появилось исследований, претендующих на беспристрастное и достоверное освещение истории толстовства. Однако, по крайней мере три работы заслуживают отдельного внимания.

Хронологически первой из них была книга С.Н. Кривенко «На распутьи»⁷, посвященная земледельческим общинам русских интеллигентов, в том числе и поселениям толстовцев. Кривенко в 1870-х гг. сам организовал с друзьями земледельческую общину близ Туапсе, существовавшую почти 10 лет⁸, так что его сочувствие движению «на землю» едва ли может вызвать сомнения. Пожалуй, главная ценность его исследования состояла не только в продуктивном сборе сведений, но и в их интерпретации, в намерении объяснить общественности те мотивы, которыми руководствовались участники интеллигентских земледельческих колоний. Кривенко первым рассмотрел в движении «на землю» антикапиталистический протест, объединявший как часть народнической интеллигенции, так и толстовство.

Автор второго исследования о толстовцах достаточно широко известен — это народник, историк, исследователь сектантства и старообрядчества А.С. Пругавин. В 1911 г. он выпустил книгу «О Льве Толстом и о толстовцах», которая через сто один год была переиздана репринтом⁹. Фактически, она являлась сборником очерков, посвященных различным эпизодам жизни Толстого и его единомышленников. Пругавин, конечно, даже не стремился представить последовательной и полной картины толстовского движения. К слову, про земледельческие колонии толстовцев в его работе сведений не содержится. Однако некоторые части его книги любопытны. Например,

---

⁷ Кривенко С.Н. На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. 339 с.

⁸ Мокшин Г.Н. С.Н. Кривенко: очерк жизни и деятельности (1847-1906). Воронеж, 1998. С. 27-29.

⁹ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания. материалы. М., 2012. 323 с.

в очерке «Лев Толстой и "богочеловеки"» он указывает на близость идей писателя и А.К. Маликова, предпринимая попытку отыскать исторические корни толстовской концепции. В других очерках автор приводит официальные сведения о распространенности толстовства, рассказывает о взаимоотношениях толстовцев и духоборов, описывает судебный процесс над Н.Е. Фельтеном и другими последователями Толстого. Весьма подробны и красочны заметки Пругавина о «современных диогенах» — толстовцах-бродягах Л.В. Томилове и С.М. Попове.

Еще одну любопытную книгу под названием «Толстовцы»¹⁰ издал в 1912 г. журналист, исследователь фольклора Е.З. Баранов. Проживая в 1890-е и 1900-е гг. на Кавказе, Баранов был знаком с местными толстовцами и, по-видимому, достаточно близко. Его работа стала беспрецедентной на тот момент попыткой последовательно изложить судьбы некоторых толстовцев, которые были высланы из центральной России и организовали несколько поселений в Кавказско-Черноморском регионе. Впрочем, ряд недостатков ощутимо снижают ценность этой работы. Она касается лишь небольшого эпизода истории толстовства, и при этом содержит целый ряд ошибок, да и сам автор, в отличие от Кривенко, не стремится вникнуть в мировоззрение толстовцев и понять их, а полагается на простое изложение фактов.

Дореволюционная религиозно-философская литература и эмигрантская историография

Казалось бы, это соседство выглядит по меньшей мере странно, но в данном случае оно не лишено оснований. Еще до революции российские религиозные философы заложили определенную концептуальную традицию восприятия толстовства, которая воспроизводилась и его исследователями, проживавшими в российской эмиграции в XX в. Согласно этой традиции, толстовство рассматри-

---

¹⁰ Баранов Е. Толстовцы. М., 1912. 96 с.

ваюсь в качестве религии, или вернее сказать — недорелигии. Оно, будучи плодом интеллектуальной деятельности одного лишь Л.Н. Толстого, имело искусственное, а не социально-историческое происхождение. Следовательно, и социальные идеалы толстовства не имеют ничего общего с реальностью, а попытки толстовцев осуществить их на практике и вовсе не заслуживают серьезного внимания.

Стоит ли говорить, что отношения Толстого и его последователей с православной церковью не задались с самого начала? В 1890-е гг. органы церковной печати открыто называли толстовцев опасными и вредными сектантами, обвиняя их во всевозможных грехах. Усерднее всех работал в этом направлении журнал «Миссионерское обозрение». Несмотря на то, что в ходе этой травли было издано солидное количество статей, заметок, памфлетов и даже исследований, практически все они не представляют никакой ценности для изучения истории толстовства. Объясняется это не только отсутствием элементарной беспристрастности и абсолютным непониманием толстовского мировоззрения, но и низкой достоверностью приводимых сведений, которой авторы совершенно пренебрегали в угоду своим пропагандистским целям. Те же сведения, суждения и меткие афористичные выражения о толстовцах переносились из одной публикации в другую, пока к ним не добавлялись новые, более остроумные и еще менее правдоподобные. Интенсивность подобных публикаций возрастала в связи с определенными событиями: бунтом вчерашних толстовцев в с. Павловки Харьковской губ., смертью Толстого, протестом его последователей против Первой мировой войны и т.д. В целом же поток такой церковной литературы о толстовстве постепенно ослабевал, но в дореволюционный период окончательно так и не иссяк.

Показательно, что и современная нам церковная литература, касаясь толстовства, порой пожинает плоды этого дореволюционного круговорота абсурда. Например, в словаре «Христианские секты и ереси» 2003 г. любознательного читателя ждет настоящий сюрприз. Там сообщается,

что толстовство после своего основания разделилось на «темное» и «светлое». К первому относилась некая «Дружина церкви христовой», adeptам которой «при посвящении давалось языческое имя». А основателем второго стала собственной персоной графиня С.А. Толстая, эта секта занималась только религиозно-философскими беседами и «формально существовала до начала 20-х гг. XX в., после чего распалась»¹¹.

Возвращаясь к дореволюционной церковной литературе о толстовстве, обратим внимание на два исследования российского сектантства, изданных В.Н. Терлецким¹² в 1911 г. и Т.О. Буткевичем¹³ в 1915 г. Очевидно, их авторы стремились не только к тому, чтобы заклеить позором толстовство вместе с другими сектами. Им удалось представить ряд ценных сведений об особенностях вероучений духоборов, молокан, малеванцев и толстовцев, описать их взаимоотношения друг с другом, подробно осветить жизнь и толстовскую деятельность князя Д.А. Хилкова.

Естественно, что работы российских религиозных философов о толстовстве существенно отличались от церковной публицистики, однако кое в чем голоса и тех, и других звучали в унисон: толстовство — это, безусловно, вредная болезнь помраченного религиозного сознания современников. В таком духе высказывались авторы известного сборника «Вехи»¹⁴, появление которого в 1909 г. было весьма значимым событием для истории толстовства. Как известно, вопреки первоначальному замыслу М.О. Гершензона, авторы сборника обрушились на российскую интеллигенцию с яростной критикой, обвиняя ее в абсолютизации социальной справедливости,

---

¹¹ Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I-XXI веков. М., 2003. С. 73, 156, 170.

¹² Терлецкий В.Н. Очерки, исследования и статьи по сектантству. Вып. 1. Полтава, 1911. 255 с.

¹³ Буткевич Т.И. (прот., проф.) Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Издание второе, исправленное и значительно дополненное. Пг., 1915. 566 с.

¹⁴ Вехи. Из глубины. М., 1991. 609 с.

подчинении морали общественному благу, утилитарном отношении к культуре, отрицании духовности. Словом, призывали одуматься, но в данном случае важно другое. Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк впервые заметили и обосновали близость настроений интеллигенции и некоторых толстовских принципов, иными словами, увидели в толстовстве, как и в народничестве не болезнь узкого круга лиц, а симптом современной эпохи. К сожалению, «Вехи», как и его идейное продолжение «Из глубины» 1918 г. не сделал следующего шага и ограничился лишь описанием этого факта, хотя, безусловно, подробным и красочным. Сама методология авторов «Вех» позволила им лишь смутно изобразить те социальные процессы, которые привели к возникновению толстовства. Можно сказать, оно так и осталось для них явлением скорее интеллектуальным, чем историческим.

Наверное, чаще и дольше других «веховцев» задумывался о толстовстве Н.А. Бердяев¹⁵. Интересную статью о близости принципов Толстого к идеалам реформации опубликовал Н.М. Минский¹⁶. Будучи в эмиграции, И.А. Ильин страстно полемизировал с писателем о непротивлении злу¹⁷. Позднее мировоззрение Толстого подробно и беспристрастно, насколько это было возможным, анализировал философ и богослов В.В. Зеньковский¹⁸. Значимую для нашего исследования статью о религиозных корнях народничества опубликовал Г.П. Федотов¹⁹, где наперекор советским историкам писал, что народническое движение состояло не только из убежденных атеистов, а мотивы его участников имели религиозную почву.

---

¹⁵ Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России // Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 441-462.

¹⁶ Минский Н.М. Толстой и реформация // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 437-444.

¹⁷ Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. Берлин, 1925. 221 с.

¹⁸ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. 278 с.

¹⁹ Fedotov G.P. The Religious Sources of Russian Populism [Electronic source] // Russian Review. 1942. Vol. 1. No. 2. Pp. 27-39. URL: <http://www.jstor.org/stable/125199>

Однако подробнее хотелось бы остановиться на другом исследовании. Речь идет о достаточно известной книге Г.В. Флоровского «Пути русского богословия»²⁰, изданной впервые в Париже в 1937 г. Дело не только в оригинальности самого авторского подхода к отечественной интеллектуальной истории, захватывающем стиле самой книги или ее высокой информативности. Значимость работы Флоровского для данного исследования не ограничивается и тем, что она словно вобрала в себя тот опыт изучения толстовства, который был накоплен в рамках отечественной религиозной философии. Главное преимущество книги в том, что Флоровскому лучше других удалось не просто проанализировать мировоззрение Толстого, но и представить его развитие в динамике, указать на конкретно-исторические обстоятельства, которые обусловили рождение и развитие толстовства. Труд «Пути русского богословия» в целом сохранил основные черты религиозно-философского подхода к толстовской концепции. Автор практически проигнорировал толстовцев, его внимание поглотили религиозные искания, а не социальные принципы и общественная деятельность Толстого. Однако, можно сказать, что в этих тесных рамках Флоровский максимально реализовал заветный принцип историзма, вписав толстовство если не в общен исторический контекст, то по меньшей мере в общую картину развития отечественной философской мысли.

Марксистская и советская историография

Марксистский подход к толстовству в общих чертах оформился еще до Октябрьской революции и впоследствии стал методологической основой немногочисленных советских исследований этого явления. Несомненным преимуществом подхода было то, что толстовство признавалось закономерным результатом объективно-исторического развития, поэтому его генетическое происхождение

---

²⁰ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 618 с

и социальную природу необходимо изучать. Однако, по мнению марксистов, толстовское движение объединяло лишь отдельных представителей тех социальных групп, которые не могли найти себе места в системе капиталистических отношений, а уж в коммунистическом обществе и вовсе были бы вредны. Под такими деклассированными элементами подразумевались в основном «кающиеся дворяне» и выбитые из колен разночинцы, а также отсталое патриархальное крестьянство. Таким образом, толстовство представлялось неким нежизнеспособным гибридом, феодално-капиталистическим пережитком, бессмысленным и даже порой опасным рудиментом, подобным аппендиксу.

Однако сначала суждения марксистов о толстовстве не были столь категоричны. У истоков марксистской историографии толстовства было бы уместным расположить две фигуры — В.Д. Бонч-Бруевича и В.И. Ленина.

В.Д. Бонч-Бруевич — сложная и значимая для отечественной истории личность, достойная отдельного исследования. В 1890-х гг. он начал изучать российское сектантство и продолжал этим заниматься до самой своей смерти в 1955 г. Бонч-Бруевич не только обосновал и развил уже выдвинутый другими исследователями тезис о том, что секты — это способ социального протеста простого народа против государства, церкви, гнета помещиков и капитала. Он также скрупулезно рассматривал исторические закономерности этого протеста, классифицировал российские секты по социальному составу, анализировал особенности их вероучений, быт и поведение в конкретных ситуациях. Конечно, этим он решал и партийную задачу — поняв сектантство, привлечь его к борьбе с царской властью. И позднее в 1932 г. он признается М.С. Дудченко, что положению сектантов никогда не сочувствовал, а просто в той ситуации, «когда еще самодержавие не было низвергнуто, надо было "вместе бить и врозь идти"»²¹. Однако исследованиям Бонч-Бруевича сложно отказать в непредвзятости и до-

---

²¹ *Бонч-Бруевич В.Д.* Из письма М.В. Дудченко, 3 февраля 1932 г. // *Избранные атеистические произведения.* М., 1977. С. 313.

бросовестности. При их чтении невольно закрадывается мысль, что он как историк по-своему любил российское сектантство.

Среди изданных работ Бонч-Бруевича только некоторые затрагивают толстовство напрямую. Три из них наиболее любопытны — это доклад «Раскол и сектантство в России»²², статья «Кривое зеркало сектантства»²³ и предисловие к книге В.М. Величкиной «В голодный год с Львом Толстым»²⁴. Любопытно, что стиль этих работ составляет резкий контраст с обличительным тоном всех последующих марксистских исследований толстовства. Например, Бонч-Бруевич обращает внимание на положительную роль толстовских идей в общественной жизни 1880—1890-х гг., или же убеждает читателя, что среди толстовцев есть искренние, последовательные люди, которые заслуживают особого внимания, ведь они в реализации своих идеалов пошли дальше самого Толстого. Впрочем, еще больший интерес представляют упомянутые выше неопубликованные исследования, воспоминания и переписка В.Д. Бонч-Бруевича, которые хранятся в его личном фонде (НИОР РГБ. Ф. 369).

По-видимому, не будет грубой ошибкой утверждать, что именно Бонч-Бруевич первым познакомил В.И. Ленина со сведениями о российском сектантстве. Однако лидер большевиков внес вклад в историографию толстовства иначе. Конечно, он непосредственно не изучал толстовство, но наверняка каждому литературоведу известна классическая работа Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции»²⁵, опубликованная в 1908 г. Центральная мысль автора состоит в том, что творчество Толстого буквально соткано из «кричащих» противоречий.

---

²² *Бонч-Бруевич В.Д.* Раскол и сектантство в России // *Избранные сочинения*. Т. 1. М., 1959. С. 153-189.

²³ *Бонч-Бруевич В.Д.* Кривое зеркало сектантства // *Избранные атеистические произведения*. М., 1957. С. 281-300.

²⁴ *Бонч-Бруевич В.Д.* Вступительная статья // *Величкина В.М.* В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания. М.-Л., 1928. С. 5-11.

²⁵ *Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // *Полн. собр. соч.*, Т. 17. М., 1968. С. 202-210.

С одной стороны, Толстой страстно, беспощадно и искренне критикует царизм, капиталистическую цивилизацию, социальное неравенство, а с другой стороны, юродствует во Христе, проповедует непротивление, «уточенную и потому особенно омерзительную поповщину». Поэтому идеи Толстого, как в зеркале, отражают «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого», и в то же время «незрелость мечтательности, политическую невоспитанность, революционную мягкотелость».

Разумеется, подход Ленина стал шагом вперед в рамках историографии толстовства и, безусловно, отличался большим методологическим потенциалом. Но выдвинутая Лениным интерпретация, как и многие добрые начинания, обернулась для толстовства неприятностью, если не сказать — трагедией. Работа Ленина фактически положила начало фрагментации толстовского наследия, его расщепления надвое: на значимое и полезное художественное творчество и на вредную религиозно-этическую философию. И если в первой статье Ленина эта мысль еще проступает не столь явно, то в своих последующих работах «Л.Н. Толстой»²⁶, «Л.Н. Толстой и современное рабочее движение»²⁷ лидер большевиков все чаще подчеркивает, что многое из толстовского наследия отойдет в прошлое, а кое-что принадлежит будущему.

Сама по себе ленинская мысль о двойственности Толстого не была таким уж небывалым новшеством. Задолго до этого подобную идею высказывал Н.К. Михайловский²⁸, а одновременно с Лениным — Г.В. Плеханов²⁹. Пожалуй, усилил позиции этого тезиса еще один авторитет — А.М. Горький, многократно писавший о двух

---

²⁶ Ленин В.И. Л.Н. Толстой // Полн. собр. соч., Т. 20. М., 1973. С. 19-24.

²⁷ Ленин В.И. Л.Н. Толстой и современное рабочее движение // Полн. собр. соч., Т. 20. М., 1973. С. 38-41.

²⁸ Михайловский Н.К. Десница и шуйца Льва Толстого // Михайловский Н.К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С. 59-180.

²⁹ Плеханов Г.В. Симптоматическая ошибка // Л.Н. Толстой в русской критике: сборник статей. М., 1949. С. 294-300.

Толстых³⁰. Со временем расщепление толстовского наследия на два элемента стало хрестоматийным принципом советского литературоведения. В советской вселенной поселился блистательный Толстой-писатель со своими гениальными художественными произведениями, а где-то в параллельном мире в забвении влачили жалкое существование Толстой-философ и последователи его отжившей религиозно-этической системы. К слову, плоды этой методологии можно без труда заметить и сегодня. Про «Детство» или «Войну и мир» знает любой школьник, а про философские взгляды Толстого часто даже выпускник исторического или филологического факультета имеет самое смутное представление.

Вернемся к литературе советского периода. Едва ли сложившаяся ситуация могла позитивным образом сказаться на историографии толстовства и толстовского движения. После революции 1917 г. отечественные ученые начинают о них забывать, хотя и не сразу.

В 1920-е гг. толстовство вновь оказалось объектом травли в официальной периодической печати, как когда-то в 1890-е гг. Кульминация этой второй антитолстовской кампании пришлось на 1928 г. — столетие со дня рождения Л.Н. Толстого. Но на этот раз на движение обрушилась критика «слева», его последователей обвиняли в контрреволюционности, отрицании классовой борьбы и социальном примиренчестве, потворстве религиозности. Впрочем, некоторые критики выступали с исследованиями, развивая марксистский подход к явлению толстовства. В этом отношении стоит отметить антирелигиозников Ф. Путинцева³¹ и Е. Ярославского³². Однако на содержание таких работ оказала слишком сильное влияние текущая социально-политическая обстановка, поэтому они проигрывали исследованиям В.Д. Бонч-Бру-

---

³⁰ Горький М. Лев Толстой // Горький М. Литературные портреты. Собр. соч. в 18 т. М., 1963. Т. 18. С. 54-93; Горький М. О С.А. Толстой // Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 358-374.

³¹ Путинцев Ф. Политическая роль сектанства. М., 1928. 123 с.

³² Ярославский Е. О Л.Н. Толстом и о «толстовцах». М., 1928. 28 с.

евича как в плане информативности, так и достоверности. Примерно то же самое можно сказать и о монографии Б.В. Горева 1930 г. об анархизме в России, в ней автор посвятил несколько страниц толстовскому мировоззрению и деятельности толстовцев³³.

К этому моменту историография толстовства столкнулась как минимум с тремя проблемами. Во-первых, не была определена сущность явления — было ли толстовство религиозной сектой, социально-политическим движением или чем-то третьим. От этого зависел выбор соответствующего методологического инструментария, который позволил бы расположить толстовство в спектре тех или иных течений и последовательно изучить его в каком-либо контексте.

Во-вторых, невозможно было установить социальную природу явления — толстовцами становились представители самых различных общественных слоев. Считалось, что толстовство объединяет в основном интеллигентов и вчерашних дворян, которые отражали точку зрения патриархального крестьянства. Этот тезис не только внутренне противоречив, но вдобавок еще и не соответствовал действительности 1920–1930-х гг., когда крестьян среди толстовцев было беспрецедентное множество. Естественно, в сложившихся условиях исследователи признать этот факт не могли.

В-третьих, та же конъюнктура не позволяла согласиться со следующим простым, но довольно болезненным фактом. С наступлением прогрессивной коммунистической эры отсталое толстовское движение почему-то не просто не зачахло, а бурно развивалось, привлекая в свои ряды все новых сторонников. Оно так и не умерло своей смертью в процессе развития советского общества, а было насильственно остановлено в конце 1930-х гг.

Но исследование толстовства не являлось сколько-нибудь значимой задачей для молодой советской науки, поэтому от решения этих непростых проблем в любой момент можно было с легкостью отмахнуться. Это и прои-

---

³³ Горев Б.В. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930. 143 с.

зошло с началом 1930-х гг., в историографии толстовского движения наступило 40-летнее затишье. Конечно, оно не было абсолютным. Советские литературоведы и философы активно изучали художественные произведения писателя и нередко касались его социальных идей. Например, следует упомянуть статью В.Ф. Асмуса о мировоззрении Толстого³⁴. Однако можно сказать, что все смены историографических парадигм в 1930–1960-е гг. прошли незаметно для толстовства, целостно и последовательно оно не изучалось.

Только в 1970-х гг. некоторые исследователи вновь начинают проявлять интерес к явлению, предпринимая робкие попытки иначе взглянуть на него. Чуть ранее, в 1969 г. вышло исследование Н.И. Пруцкова «Идеи социализма в русской классической литературе»³⁵, которое включало анализ взглядов Толстого. Пожалуй, главным новшеством подхода Пруцкова стало предложение пересмотреть тезис об отсталости толстовских идей. Он доказывал, что утопический социализм писателя вовсе не феодальный, и напомнил, что толстовство играло положительную роль в развитии революционного движения, так как его просветительские идеи наполнились постепенно социалистическим содержанием и обернулись против современной буржуазной цивилизации. Пруцков отметил, что мировоззрение Толстого — это «самобытное национально-историческое явление», а положения его концепции «несводимы ни к одной из систем западного утопического социализма». Автор в своей работе отслеживает генетическое происхождение толстовских идей. Значимым было также то, что Пруцков сблизил толстовство с русским народничеством и отметил, что оба этих течения относятся к русскому крестьянскому социализму. Своё дальнейшее развитие эти идеи получили и в статье Пруцкова 1981 г. «В поисках путей в будущее»³⁶.

---

³⁴ Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого // Литературное наследство: Лев Толстой. Т. 69. Кн. 1 М., 1961. С. 35-103.

³⁵ Пруцков Н.И. Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969. 467 с.

³⁶ Пруцков Н.И. В поисках путей в будущее // Вопросы методологии историко-литературных исследований. — Л., 1981. С. 214-245.

Другую попытку объяснить суть феномена и органично вписать его в общую картину исторического развития нашей страны предпринял А.И. Клибанов. Следуя идеям Бонч-Бруевича, он относил толстовство к сектам, а само российское сектантство предложил рассматривать в качестве своеобразной реформации «снизу», которая прошла тремя волнами. На вторую половину XVIII в. — XIX в. пришлась третья волна, когда возникли секты духоборов, молокан, штундистов и др.³⁷ И хотя Клибанов в большей степени интересовал эти крестьянские секты и их социальные идеи, в своих исследованиях он все же неоднократно возвращался к толстовству. Например, историк глубоко и подробно проанализировал разницу мировоззрений Толстого и крестьян-сектантов Т.М. Болдарева и В.К. Сютасева³⁸, а также был одним из первых, кто вновь вспомнил о судьбе толстовцев в советской России³⁹. Разумеется, при этом Клибанов следовал «букве» и «духу» марксистского подхода. Он считал толстовство пережитком, называл пацифистскую деятельность его приверженцев в 1920-е гг. контрреволюционной, а их коммуны — несостоятельными.

В 1970-е гг. еще одним ученым, исследующим толстовство, стала З.В. Калиничева. Она опубликовала по крайней мере три статьи⁴⁰, в которых представила, по сути, хорошее и емкое изложение уже существовавших принципов марксистского подхода к проблеме, однако были в ее подходе и особенности. Например, Калиничева доказывала родство толстовства и «социального хри-

---

³⁷ *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 55.

³⁸ *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия, XIX в. М., 1978. 342 с.

³⁹ *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 114-133.

⁴⁰ *Калиничева З.В.* К анализу причин краха «земледельчески-трудовых» идеалов толстовства // XXIX Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1976. С. 18-23; *Калиничева З.В.* К вопросу о возникновении толстовства // XXVII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1974. С. 56-63; *Калиничева З.В.* К вопросу о социальной сущности идей толстовства // XXVIII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1975. С. 51-58.

стианства» — общественно-политического течения конца XIX в., которое возникло в Западной Европе. А в другой статье затрагивала достаточно важный для историографии толстовского движения вопрос — почему оно, объединяя дворян и интеллигентов, отражало интересы крестьянства. Она подробно объяснила этот парадокс тем, что дворяне и интеллигенты в незыблемости крестьянского уклада искали защиты от капиталистического развития, рушившего все привычные устои. Вслед за этим она признала и тот факт, что толстовство привлекало «определенную часть крестьянства», а именно «пользовалось успехом среди крестьян-штундистов». Впрочем, на этих ценных выводах ее исследования о толстовстве прервались. А лейтмотивом статей оставалась все та же «партийная» неприязнь к толстовцам, как к людям реакционным, слабым, лицемерным и ошибочная уверенность в том, что «первая русская революция... положила конец толстовству как религиозно-этическому течению»⁴¹.

Исследования 1980–1990-х гг.

Приближалась кардинальная смена методологии исторических исследований и вместе с ней назревала необходимость иных подходов к явлению толстовства. Сначала знаменательное событие произошло в российской эмиграции, в 1981 г. диссидент М.А. Поповский опубликовал в Нью-Йорке книгу «Русские мужики рассказывают... Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе»⁴². Он опирался на вывезенные из СССР архивные материалы послеоктябрьского периода, и содержание его книги соответствует названию. Однако автором был сделан и не-

---

⁴¹ *Калиничева Э.В.* К вопросу о возникновении толстовства // XXVII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1974. С. 60, 63.

⁴² *Поповский М.* Русские мужики рассказывают... Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918–1977 [Электронный ресурс]. Нью-Йорк, 1981. Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/op/ovsky_00.htm.

большой экскурс в дореволюционную историю толстовства, т.е. предпринята первая попытка показать явление в целостном историческом развитии. С одной стороны, автор стремился подвергнуть критике советскую действительность, представив толстовцев своего рода мучениками тоталитарного режима, что отрицательно сказывалось на объективности его работы. Но это не так сильно умаляло значимость книги. Ведь с другой стороны, в ней впервые и, главное, документально освещались забытые, почти запретные страницы истории толстовства в советские годы. Но, к сожалению, широкому читателю в нашей стране книга Поновского была недоступна, и историография толстовства еще некоторое время развивалась своим чередом.

После небольшого затишья, в 1987 г. вышла монография С.Н. Канева «Революция и анархизм»⁴³, оставляющая противоречивое впечатление. Казалось бы, ее автор сдким «партийным» тоном критиковал толстовство с марксистских позиций и повторял общепринятое заблуждение, что движение после 1905 г. умерло и о его дальнейшей судьбе незачем, да и нечего говорить. Но, рассматривая толстовство в качестве одной из форм анархизма, Канев представил достаточно полную и ценную картину его зарождения: охарактеризовал родство идей Толстого и Прудона, проанализировал народническое происхождение мировоззрения писателя и влияние, оказанное на него А.К. Маликовым и «богочеловеками». За привычными советскими штампами в этой работе проступало достаточно свежее и ценное для своего времени изложение толстовской истории.

Вслед за этим С.Г. Петров опубликовал две небольших, но чрезвычайно важных статьи⁴⁴. Название одной из них, «Толстовство и средние слои (к постановке вопроса)», говорит само за себя. Автор стремится разрешить все тот же сложный вопрос о социальном составе и сущности

---

⁴³ Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. 328 с.

⁴⁴ Петров С.Г. Толстовство в первые послеоктябрьские годы // Великий Октябрь и крах непролетарских партий России. Калинин, 1989. С. 145-150; Петров С.Г. Толстовство и средние слои (к постановке вопроса) // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 171-178.

толстовства. Петров расширил общепринятую марксистскую точку зрения и писал, что толстовство «привлекало к себе представителей дворянства, средних городских слоев и крестьянские патриархальные массы», причем «представители городских средних слоев представляли в основном самую активную и действенную часть толстовского движения». Автор также впервые заметил, что революция 1905–1907 гг. привела вовсе не к краху толстовского движения, а к ощутимой смене его социального состава, к постепенной демократизации толстовства.

Распад Советского Союза не привел к резкой смене методологического подхода к толстовству, это произошло чуть раньше. В 1989 г. издательством «Книга» были изданы «Воспоминания крестьян-толстовцев 1910–1930-е гг.»⁴⁵. Они содержали несколько очерков, написанных толстовцами о своей жизни в советской России, и поэтому не относятся к историографии. Однако эта книга дала мощный импульс для исследований, установив приблизительно на десятилетие их основное направление — судьба толстовских коммун послеоктябрьского периода. Количество работ на эту тему резко возросло и в течение 1990-х гг. продолжало увеличиваться как снежный ком. Затрагивались и другие аспекты толстовской истории. В 1990 г. В.Н. Щербаков представил новый взгляд на вопросы толстовской педагогики⁴⁶. Год спустя М. Александрова опубликовала статью о «воплощенной утопии»⁴⁷ толстовских коммун. В 1993 г. С. Савельев описал репрессии большевников в отношении последователей Толстого в 1920-е гг.⁴⁸ В том же году М.Л. Гомон издал книгу о толстовцах в Харьковской губ.⁴⁹

---

⁴⁵ Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы. М., 1989. С. 97.

⁴⁶ Щербаков В.Н. Толстовская идея революции сознания // Советская педагогика. М., 1990. № 11. С. 140-142.

⁴⁷ Александрова М. Крестный путь идеала // Свободная мысль. М., 1991. № 3. С. 75-86.

⁴⁸ Савельев С. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП (б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993. С. 164-216.

⁴⁹ Гомон М.Л. Л.Н. Толстой и харьковчане. Харьков, 1993. 185 с.

Появление литературы стимулировало публикацию новых источников по толстовской истории. М.Б. Рашковская и Е.Б. Рашковский опубликовали антимилитаристские воззвания толстовцев эпохи Первой мировой войны⁵⁰, журнал «Сибирские огни» – воспоминания Ю.М. Егудина⁵¹ о его жизни в толстовских коммунах. Большое количество источников по истории толстовского движения советского периода было опубликовано в трех выпусках альманаха «Возвращение памяти»⁵².

И все же, чаще всего объектом внимания становился советский этап толстовской истории, а в частности трагические судьбы земледельческих колоний. Во-первых, этому содействовали сохранность и разнообразность источников о толстовских коммунах в Советской России. Во-вторых, изучение толстовской истории в 1920–1930-е гг. хорошо вписывалось в общую тенденцию кардинального пересмотра советского прошлого. Да и порядком забытое 20-летнее сосуществование научного коммунизма с маленькими островками осуществленной утопии выглядело небольшой, но неожиданной сенсацией.

Пожалуй, на данном этапе наиболее значимой работой о толстовстве стало диссертационное исследование Т.В. Петуховой 1995 г. «Земледельческие объединения крестьян-толстовцев (1917–1929)», дополненное и изданное в 2008 г. в виде монографии⁵³. Петухова впервые задействовала обширный архивный материал, часть которого только в 1990-е гг. была открыта для доступа ученых. Ее исследование содержало массу новых и ценных сведений о мировоззрении толстовцев и их деятельности, о типах

---

⁵⁰ Рашковская М.А., Рашковский Е.Б. «Милые братья и сестры...» [Электронный ресурс] // Религии мира. История и современность. М., 1990. Режим доступа: http://www.nekij.info/Links/Library/Tolstovstvo/Books/Milye_bratija_i_sestry.html

⁵¹ Егудин Ю. Мои скитания и моя жизнь в толстовских коммунах // Сибирские огни. Новосибирск, 1991. С. 228-244.

⁵² Возвращение памяти. Вып. 1-3. Новосибирск, 1991, 1994, 1997. Режим доступа: http://www.azlib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0390.shtml

⁵³ Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.). Ульяновск, 2008. 124 с.

и особенностях толстовских коммун, о лидерах движения и, естественно, о непростой судьбе толстовства в советский период. Петухова впервые документально обосновала то, с чем никак не могла согласиться советская историография — толстовские коммуны сами по себе были вполне жизнеспособны и состояли преимущественно из крестьян.

Вместе с тем дореволюционный период толстовской истории в 1990-е гг. исследовался мало, непоследовательно и с низкой продуктивностью. В поле внимания ученых попадали в основном одни и те же частные сюжеты, неспособные дать даже подобия целостного представления о досоветском толстовстве. К примеру, исследователи часто обращались к теме взаимоотношений толстовцев и большевиков в эмиграции на рубеже XIX—XX вв., хотя этот эпизод уже освещался в советской историографии. Впрочем, ценную своим концептуальным накалом статью по этому поводу опубликовала А. Саломони⁵⁴.

К концу 1990-х гг. в историографии складывается своеобразный парадокс: толстовство советского периода исследовано достаточно подробно и многогранно, а о его дореволюционном прошлом имеется лишь общее, весьма смутное представление. Казалось бы, это противоречило элементарной логике исторических исследований. Но вместе с тем 1990-е гг. стали настоящей эпохой перемен для историографии нашей темы — порочный круг критики и забвения толстовства разомкнулся.

Историография 2000-х и 2010-х гг.

Разрешению указанного историографического парадокса отчасти посодействовало диссертационное исследование И.А. Гордеевой 2000 г. «Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.»⁵⁵. В 2003 г. автор

---

⁵⁴ Саломони А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 112–127.

⁵⁵ Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 472 с.

сократила его и опубликовала как монографию, которая в 2017 г. была издана повторно⁵⁶. Прежде всего исследование Гордеевой отличалось новым и достаточно своеобразным подходом. Отталкиваясь от концепции Ф. Тенниса об обществе и общности, она рассматривала понятие «община», или «коммуна» в широком смысле, как малую группу единомышленников. Поэтому коммунитарное движение, согласно методологии Гордеевой, объединяло представителей различных идеологических направлений на почве общего для них коммунитарного идеала. Точнее говоря, для ее исследования не существовало толстовцев как самостоятельного течения, а были лишь коммунитарины, однако понятно, что именно история толстовских колоний 1880–1890-х гг. стала существенной частью этой работы. С одной стороны, такой подход позволил продуктивнее изучить исторические корни толстовства, его близость с народничеством и другими идеологическими системами, да и вообще иначе взглянуть на суть этого феномена. Но сложно полностью согласиться с произвольным объединением в единое коммунитарное движение народников, единомышленников А.Н. Энгельгардта, членов православного трудового братства Н.Н. Неплюева и последователей Толстого, ведь все эти люди имели не только различные, но и порой противоположные мировоззренческие установки. Так или иначе, в своем исследовании Гордеева представила первый и более чем богатый материал по истории толстовских земледельческих колоний дореволюционного периода. И все же, ввиду специфики исследования вне поля внимания остались индивидуальные поселения толстовцев, а также колонии всех форм 1900–1917 гг.

Работа Гордеевой стала исключением, и историография толстовства продолжила развиваться в других направлениях, лишь изредка касаясь дореволюционных земледельческих колоний. Внимание исследователей по-прежнему привлекала судьба толстовских коммун в советский пери-

---

⁵⁶ Гордеева И.А. Забытые люди. История российского коммунитарного движения. М., 2017. 280 с.

од. В 2004 г. О.Ю. Редькина опубликовала статью «Толстовцы Нижней Волги в 1917–1930-х годах»⁵⁷ и в том же году защитила докторскую диссертацию⁵⁸, в которой было уделено внимание коммунам толстовцев в европейской части РСФСР. В 2009 г. судьбы толстовцев Нижневолжского региона в 1920–1930-е гг. вновь стали объектом исследования, на этот раз наряду с другими религиозными группами, о них рассказывалось в статье М.В. Пономарева⁵⁹. Так что, пожалуй, Нижняя Волга стала наиболее подробно исследованным регионом на карте толстовского движения в советский период его развития.

Новым направлением стало исследование мировоззрения самого Л.Н. Толстого с иных методологических позиций, подразумевающих на этот раз повышенное внимание к социальным идеалам писателя. Первой подобной работой стало диссертационное исследование А.Ю. Каширина «Этика толстовства» 2002 г.⁶⁰ Ее главное достоинство — стремление показать взаимосвязь метафизических положений толстовства с его социальными и хозяйственными принципами, подчеркивая особый статус идеала единения.

Еще более подробное и последовательное исследование толстовской философии представила Е.Д. Мелешко в своей книге «Христианская этика Л.Н. Толстого» 2006 г.⁶¹ В ней уделялось внимание не только социальным принципам толстовства, но и опыту их практической реализации. Мелешко предложила собственную периодизацию толстовского движения, выделив три этапа: 1. 1880-е —

---

⁵⁷ Редькина О.Ю. Толстовцы Нижней Волги в 1917–1930-х годах // Стержень: Научный ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2004. С. 315–325.

⁵⁸ Редькина О.Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР: Дис. ... докт. ист. наук. Волгоград, 2004. 509 с.

⁵⁹ Пономарев М.В. Христианский социализм в мировоззрении и практике религиозных групп Нижней Волги в 1920–1930-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2009. № 1 (9). С. 239–244.

⁶⁰ Каширин А.Ю. Этика толстовства: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 141 с.

⁶¹ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., 2006. 309 с.

1914 г., 2. 1914–1921 г., 3. 1921–1938 г. Конечно, правильность такой периодизации можно оспорить, но важно само ее появление. Мелешко, опираясь на предшествовавшие ее труду исторические исследования, в конце своей работы изложила и историю толстовских коммун. При этом все приводимые сведения относились только к советскому этапу истории толстовского движения, так как работы о дореволюционных земледельческих колониях толстовцев в 2006 г. по-прежнему не были опубликованы.

В 2000-е гг. толстовство начал изучать священник Г.Л. Ореханов, коснувшись некоторых аспектов темы: конфликт писателя с церковью⁶² и история взаимоотношений Толстого с одним из самых известных его последователей – В.Г. Чертковым⁶³. О сложной и противоречивой роли Черткова в жизни Толстого в 2010 г. Орехановым была опубликована полноценная монография⁶⁴. Хотя она затрагивала историю толстовского движения вскользь, тем не менее, он ввел в научный оборот целый ряд новых сведений о дореволюционном толстовстве.

Большинство исследователей действовали и продолжают действовать сегодня как бы «точечно», т.е. освещая частные сюжеты его истории в отдельных небольших работах. Ю.В. Варфоломеев опубликовал статью о толстовце В.А. Молочникове⁶⁵, И.А. Воробьев – о толстовских колониях в Англии⁶⁶, О. Матвиенко – о местной сочинской общине

---

⁶² Л.Н. Толстой и Русская Православная Церковь. К истории конфликта. Вторая половина XIX – начало XX в. (свящ. Г. Ореханов) // Исторический архив. М., 2009. № 6. С. 133-141.

⁶³ Ореханов Г.Л. В.Г. Чертков и Л.Н. Толстой // Российская история. М, 2010. № 2. С. 129-138.

⁶⁴ Ореханов Г., свящ. В.Г. Чертков в жизни Л.Н. Толстого. М., 2010. 192 с.

⁶⁵ Варфоломеев Ю.В. Дело «толстовца» В.А. Молочникова (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого) // Известия Саратовского университета. Т. 9. Серия: история, международные отношения. Саратов, 2009. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/Варфоломеев3.pdf>

⁶⁶ Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2011. № 6. С. 141-146.

толстовцев⁶⁷, О.Г. Панаэтов — о близкой к толстовцам общине Криница⁶⁸. При всей важности и уникальности этих публикаций, им не хватало систематичности. Но из этого правила есть по крайней мере два исключения.

В 2014 г. в издательстве Алтайского государственного университета вышло интересное учебное пособие «Традиционные отечественные идеологии»⁶⁹, которыми, по мысли авторов, были народничество, областничество и толстовство. Третья и заключительная глава, написанная одним из соавторов Д.С. Петровым, была полностью посвящена политическим взглядам Толстого, идеалам толстовского движения и их реализации. Здесь была показана и история производственных объединений толстовцев в Западной Сибири в 1920–1930-е гг., о чем годом ранее вышла более подробная статья Д.С. Петрова и В.А. Должикова⁷⁰. К числу достоинств этого пособия можно отнести не только сам концептуальный подход и попытку встроить толстовство в русло развития отечественной политической мысли, но и то, что Петров стремился максимально полно проследить исторические корни учения Толстого и показать специфику политических идеалов толстовства.

Наконец, в 2016 г. Е.А. Макарова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политическая деятельность толстовцев в конце XIX — начале XX вв.»⁷¹.

---

⁶⁷ Матвиенко О. К истории толстовской коммуны в Сочи (по материалам архива А. В. Лычагова) [Электронный ресурс] // Вестник сочинского отделения РОИА «Время и документы». Вып. 1. Режим доступа: <http://edemkavkaza.ru/historycat/472-tolststory.html>

⁶⁸ Панаэтов О.Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Вып. 1. С. 46-52.

⁶⁹ Головинов А.В., Должиков В.А., Петров Д.С. Традиционные отечественные идеологии: народничество, областничество, толстовство: учебное пособие. Барнаул, 2014. 228 с.

⁷⁰ Петров Д.С., Должиков В.А. Коммуны толстовцев Западной Сибири: социальный состав и хозяйственно-экономическая деятельность // Известия Алтайского государственного университета. История. 2013. С. 193-197.

⁷¹ Макарова Е.А. Общественно-политическая деятельность толстовцев в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 26 с.

Конечно, можно упрекнуть автора в том, что сравнительно мало внимания уделено толстовскому мировоззрению или земледельческим колониям толстовцев. Однако это не отменяет того, что исследование Макаровой стало первой работой, в которой были систематически представлены сведения об активной и многогранной общественной деятельности толстовцев до 1917 г., в результате чего можно, наконец, охватить одним взглядом целостную картину толстовского движения. Кроме того, изучение толстовских обществ, периодической печати толстовцев, их действий и др. привело Макарову к выводу, что общественно-политическая деятельность толстовцев, вопреки ряду проблем, была «результативной», да и само толстовство являлось «одним из важнейших явлений российской исторической действительности».

Зарубежная историография

Иностранная литература о толстовстве производит двоякое впечатление. С одной стороны, у нее есть по крайней мере одно важное преимущество — зарубежные исследователи не привыкли делить наследие Толстого на художественное творчество и религиозную философию. Толстой для них не столько писатель, сколько оригинальный мыслитель, пацифист и гражданин мира. От этого целостность образа толстовства в зарубежной историографии, бесспорно, выигрывает. И поэтому, казалось бы, стоит рассчитывать на ее существенный потенциал. С другой же стороны, множество произведений иностранной литературы о толстовстве страдают все той же, если не большей узостью, губительной концентрацией внимания вокруг частных и малозначительных сюжетов. Собственно, последним обстоятельством объясняется ситуативное привлечение иностранной литературы в ходе нашего исследования.

Существуют по крайней мере четыре иностранные монографии, достойные особого упоминания. Хронологиче-

ски первой из них стала книга А. Фодора⁷², посвященная сотрудничеству и взаимоотношениям В.Г. Черткова и Л.Н. Толстого. В отличие от Г. Ореханова, который спустя почти 20 лет опубликовал работу на аналогичную тему, автор не спешит представить Черткова «злым гением» писателя, в личных целях искажавшим и политизировавшим толстовские идеи. Напротив, Фодор повышенное внимание уделяет той значимой и консолидирующей роли, которую сыграл Чертков в толстовском движении как до, так и после Октябрьской революции. Более того, автор не замыкается в узких рамках темы, в сфере его внимания оказываются судьбы других толстовцев и, в частности, история некоторых земледельческих колоний.

Вслед за этим в 1992 г. появилось еще одно любопытное исследование, Д. Рэдферн посвятил свою книгу анализу социальных принципов философии Толстого⁷³. Возможно, в ней он и не представил кардинально нового подхода к явлению, его исследование превзойдут поздние работы российских ученых о мировоззрении Толстого. Однако книга Рэдферна на фоне советской историографии отличалась целостностью. Ее автор рассматривал не только сами социальные идеалы толстовства, но и их реализацию на практике, указывая на проблемы, с которыми сталкивались толстовцы.

Настоящим прорывом стала книга Ш. Эльстон⁷⁴, вышедшая в 2013 г., заголовок которой можно перевести как «Толстой и его последователи: история радикального международного движения». Ее исследование стало ярким исключением из правила. В отличие от большинства зарубежных ученых, Эльстон представила полноценную и логически связную историю толстовского движения, в соответствии с названием освещая не столько русское толстовство, сколько деятельность толстовцев-иностранцев в Северной Америке, Западной Европе, особенно

---

⁷² Fodor A. A Quest for a Non-violent Russia. The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham — N.Y. — L., 1989. 217 pp.

⁷³ Redfeam D. Tolstoy: Principles for a New World Order. L., 1992. 196 p.

⁷⁴ Alston Ch. Tolstoy And His Disciples: The History of a Radical International movement. L. — N.Y., 2014. 309 pp.

в Англии. Разумеется, книга Эльстон содержит множество уникальных сведений из британских и американских архивов, доступ к которым для российских исследователей невозможен или затруднен. Остается лишь пожалеть, что она концентрировалась преимущественно на изложении этих сведений и лишь бегло коснулась особенностей толстовского мировоззрения, его генетического происхождения и внутренней эволюции толстовского движения.

Другую интересную монографию издала в 2003 г. профессор Бургасского университета М. Терзиева в соавторстве с Н. Ивановой и Т. Ивановой⁷⁵. В переводе с болгарского заголовок книги означает «Обзор толстовства в Болгарии». Эта, в общем-то небольшая работа способна вызывать зависть у российских исследователей толстовства. Книга посвящена всем значимым аспектам истории движения в Болгарии: издательствам, обществам, земельным колониям толстовцев, распространению литературы и влиянию толстовских идей на педагогику и общественную жизнь страны. В приложениях представлены фотографии, тексты писем, фрагменты работ, стихотворения и другие тексты, касающиеся толстовского движения в Болгарии. Авторы книги не обошли вниманием и контакты болгарских толстовцев с русскими единомышленниками. Важно и то, что М. Терзиева до настоящего времени продолжает активно публиковать работы о толстовском движении разнообразного объема и тематики.

Можно отметить несколько статей о толстовстве, опубликованных иностранными учеными. Известный сегодня исследователь Дж. Шарп еще в 1959 г. опубликовал любопытную типологию идеологий ненасильственного сопротивления⁷⁶, расположив их по возрастанию радикальности. В этом спектре толстовству нашлось место между представителями религиозных сект и последователями Э. Баллу и У. Гаррисона.

---

⁷⁵ Терзиева М. Поглед върху толстоизма в България. Бургас, 2003. 196 с.

⁷⁶ Sharp G. The meanings of Non-Violence: A Typology [Electronic resource] // The Journal of Conflict resolution. Vol. 3. No. 1. Oslo, 1959. Pp. 41-66. URL: <http://www.jstor.org/stable/172867>

А.Э. Сени представил биографическую статью о толстовце П.И. Бирюкове⁷⁷. В ней автор описал довольно стереотипную для многих последователей Толстого судьбу: от блестящей и благополучной жизни представителя привилегированного слоя общества к сомнениям и «духовному кризису», а затем и к активной общественной деятельности в соответствии с толстовскими идеалами. Впрочем, биография Бирюкова в изложении Сени содержит несколько ошибок и неточностей.

Личность Д.А. Хилкова и известное «Павловское дело» стали центральными темами статьи, написанной Д. Кэмфилдом в 1990 г.⁷⁸ На первый взгляд, эти вопросы достаточно хорошо исследованы и в отечественной историографии, однако Кэмфилд привлекает некоторые неизвестные источники, в частности, он публикует фрагменты толстовского кредо Д.А. Хилкова.

К. Уэнзер издал весьма скрупулезное исследование, посвященное увлечению Л.Н. Толстого идеями Г. Джорджа⁷⁹. Несомненным достоинством работы стало стремление автора объяснить это увлечение, построить концепцию Джорджа в мировоззрение Толстого и показать, что система «единого налога» в определенном смысле органично сочеталась с толстовством и не во всем противоречила ему.

Заключение обзора и задачи исследования

Подводя итог, можно сказать, что явление толстовства в постсоветские годы изучалось достаточно продуктив-

---

⁷⁷ Senn A.E. P.I. Biriukov: a Tolstoyan in War, Revolution and Peace [Electronic resource] // Russian review. 1973. Vol. 32. No 3. Pp. 278-285. URL: <http://www.jstor.org/stable/126249>.

⁷⁸ Camfield G.P. The Pavlovtsy of Khar'kov Province, 1886-1905: Harmless Sectarians or Dangerous Rebels? [Electronic source] // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. No. 4. Pp. 692-717. URL: <http://www.jstor.org/stable/4210447>

⁷⁹ Wenzel K.C. The Influence of Henry George's Philosophy on Lev Nikolaevich Tolstoy: The period of Developing Economic Thought (1881-1897) [Electronic source] // Pennsylvania History. 1996. Vol. 63. No. 2. Pp. 232-252. URL: <http://www.jstor.org/stable/27773884>

но, и именно в последнее время появились и появляются ценные исследования, освещающие разнообразные аспекты толстовской истории. Вместе с тем в ней по-прежнему осталось множество белых пятен, многие не разрешенные прежде вопросы так и продолжают оставаться без ответа. Напоследок остановим на них свое внимание:

Во-первых, что такое толстовство с исторической, а не религиозно-философской, политической или иной точки зрения? Какие социальные явления оказали непосредственное влияние на возникновение толстовства, иными словами — каковы его истоки?

Во-вторых, как идеологически связано толстовство с явлением земледельческих колоний, с которыми оно чаще всего ассоциируется? Как соотносятся земледельческие колонии и толстовское движение?

В-третьих, при каких обстоятельствах началось толстовское движение «на землю»? Какова судьба первых коллективных поселений толстовцев? Если идеалы их участников были искусственны и нежизнеспособны, как это принято утверждать, то почему толстовские коммуны советского периода внезапно смогли добиться немалых успехов?

В-четвертых, неужели в дореволюционной России существовали только крупные колонии толстовцев, организованные по принципу коллективного хозяйства? Как сложились судьбы тех толстовцев, которые единолично или малыми группами стремились воплотить толстовский идеал жизни трудами рук своих?

В-пятых, каковы численность, социальный состав и динамика движения толстовцев «на землю» в дореволюционный период? Иными словами, что предшествовало уже достаточно хорошо изученной истории толстовских поселений послеоктябрьского периода? Какой опыт и задел получили участники толстовских коммун советского времени от своих предшественников?

Наше исследование — это, прежде всего, попытка последовательно ответить на эти вопросы и представить целостную картину истории толстовства и толстовских земледельческих колоний в дореволюционный период.

Глава 1.
Сущность
и истоки
толстовства

«Толстовство в широком, не доктринальном смысле слова очень характерно для русского человека, оно определяет русские моральные оценки. <...> Толстой уловил и выразил особенности морального склада большей части русской интеллигенции, быть может, даже русского человека вообще»¹, — писал Н.А. Бердяев в работе «Духи русской революции». Это суждение достаточно широко известно, и, казалось бы, что исторические корни и содержание толстовства очевидны отнюдь не только провинциальному русскому философу. Однако сложно не заметить, что существующие точки зрения на сущность толстовства достаточно противоречивы, неоднозначны и нередко произвольны.

То же можно сказать и об истоках. Социальные явления, оказавшие непосредственное влияние на толстовство и предвосхитившие его, оказывались в поле внимания исследователей редко, а если и анализировались, то, как правило, бессистемно и декларативно. Пожалуй, это стало результатом возобладавшей вопреки Н.А. Бердяеву поверхностной точки зрения, согласно которой «"толстовство" прошло без влияния на строй русского общества»².

Так что отсутствие систематического анализа процесса возникновения толстовства является на данный момент своего рода вызовом для любого исследователя этого феномена. С ответа на этот вызов и следует начать.

---

¹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 277

² Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 79.

1.1. Толстовство как форма народничества

Прежде всего, задумаемся над простым, на первый взгляд, вопросом — что такое толстовство? Несложно заметить, что ответы на него могут ощутимо варьироваться. Для одних исследователей толстовство — религия или синтез религии с этикой, для других — сектантское вероучение, для третьих — одна из форм анархизма. Кроме того, понятие «толстовство» можно сузить и отождествить с мировоззрением одного лишь Л.Н. Толстого, и тогда вопрос о сущности и происхождении этого явления отпадет сам собой. Этот путь за счет своей простоты обладает преимуществом, но, следуя по нему, невозможно найти ответы на многие вопросы, среди которых наиболее важный — почему толстовство вообще появилось?

Эти подходы к сущности толстовства можно назвать устоявшимися. Но есть и иная точка зрения, которая проходит сквозь тексты о толстовской истории, можно сказать, пунктирно. Между тем именно она представляется наиболее продуктивной и исторически верной.

Итак, толстовство является не чем иным, как историко-генетической формой народничества.

В первую очередь сделаем небольшой экскурс и скажем о термине «народничество». В работе подразумевается не народничество в узком смысле слова, т.е. не русское народничество эпохи реформ. Речь идет о народничестве как социальном явлении, которое «обнимает различные политические идеологии и движения, которым в той или иной мере свойственна апелляция к "народу"»³. В этом значении некоторыми исследователями оно называется и другим термином — «популизм»⁴. Но использование термина «популизм» в этом контексте кажется неудачным и двусмысленным.

Справедливое замечание сделал Г.П. Федотов еще в 1942 г.: «"Populism" — это этимологически точный, ан-

---

³ *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 77

⁴ *Хорос В.* Народничество вчера и сегодня // Вопросы Философии. 1971. № 10. С. 173-179.

глийский перевод термина "народничество", но полное, оригинальное значение слова непереводимо»⁵. Более того, если в западной исторической науке термин «populism» приобрел весьма определенное значение, то в России он получил ряд других смысловых оттенков, среди которых есть и всем известные негативные. В таком духе о «популизме» пишет, например, А.В. Гайда⁶.

Так что применение термина «народничество» продиктовано не только русскоязычностью исследования, но и стремлением передать изначальную смысловую нагрузку, избежав путаницы значений. Кстати любопытно, что западный русист К. Уэнзер в отличие от некоторых российских исследователей не стремился втиснуть суть народничества в прокрустово ложе термина «populism», а сохранил за его представителями русское обозначение «narodniki»⁷.

Возможно, использование термина «народничество» в предложенном смысле несколько непривычно, ведь чаще под народничеством подразумевается конкретно-историческое явление, которое известно нам еще со школы своими «хождениями в народ», террором «Народной воли», «теорией малых дел» и т.д. Однако при внимательном взгляде рассмотрение народничества в качестве универсального, достаточно широко распространенного исторического явления вовсе не является произвольным новшеством.

По-видимому первым, кто увидел в народничестве движение, характерное не только для России, стал не кто иной, как В.И. Ленин. Это проявилось в его статье «Демократия и народничество в Китае»⁸, посвященной предложенной Сунь Ятсеном программе «трех народных принципов».

---

⁵ Fedotov G.P. The Religious Sources of Russian Populism [Electronic source] // Russian Review. 1942. Vol. 1. No. 2. P. 27. URL: <http://www.jstor.org/stable/125199>

⁶ Актуальные проблемы современной политической теории и права. Екатеринбург, 2003. С. 105.

⁷ Wenzer K.C. The Influence of Henry George's Philosophy on Lev Nikolaevich Tolstoy: The period of Developing Economic Thought (1881-1897) [Electronic source] // Pennsylvania History. 1996. Vol. 63. No. 2. P. 236. URL: <http://www.jstor.org/stable/27773884>

⁸ Ленин В.И. Демократия и народничество в Китае // Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1968. С. 400-406.

Недолгое возвращение к такой интерпретации произошло после пересмотра «сталинской» концепции народничества, зафиксированной в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Итоги этого пересмотра отразились в дискуссии 1966 г.⁹ о периодизации русского революционного движения, которая запустила процесс изучения народничества как международного явления¹⁰. Параллельно ряд западных исследователей обратились к этой проблематике, и в 1971 г. Лондонская школа экономики и политической науки провела конференцию, посвященную проблеме «популизма»¹¹.

Но в России объективно-исторический аспект народничества попал в поле внимания историков намного позднее, это произошло в период перестройки и распада СССР. В этом смысле значимой стала статья В.Ф. Антонова «Народничество в России», опубликованная в 1991 г.¹²

Совершенно независимо от марксистской историографии, народничество в широком значении рассматривал философ-эмигрант Г.П. Федотов¹³, изучая в процитированной выше статье истоки этого явления в недрах русской религиозности.

Большой вклад в разработку этого вопроса в 1990-е гг. внес историк В.Г. Хорос. К сожалению, в последующие за этим 2000-е и 2010-е гг. исследование народничества в этом ключе несколько «забуксовало».

Тем не менее, В.Г. Хорос точно описал механизм возникновения народнических течений. Их формирование является откликом на развитие капиталистических отношений

---

⁹ *Вандаловская М.Г., Колесниченко Д.А.* Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. М., 1966 № 4. С. 107-134.

¹⁰ *Симония Н.А.* О роли «национальных социализмов» в революциях стран Востока // Вопросы истории. — М., 1967. № 4. С. 47-58.

¹¹ *Хорос В.* Народничество вчера и сегодня // Вопросы Философии. 1971. № 10. С. 173.

¹² *Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5-19.

¹³ *Fedotov G.P.* The Religious Sources of Russian Populism [Electronic source] // Russian Review. 1942. Vol. 1. No. 2. Pp. 27-39. URL: <http://www.jstor.org/stable/125199>

и происходит «в обществах запоздалого <...> капитализма в колониальных <...> либо просто отставших в своем развитии странах»¹⁴. Происходит это потому, что становление капитализма идет благодаря импульсу извне, а не в ходе естественного развития общества. В итоге внешний «чужой» капитализм не вписывается в привычный уклад и воспринимается как нечто деструктивное, вызывающее ломку социальных и психологических представлений¹⁵. Как следствие, растет потребность в тех идеях, которые опираются на национальные особенности общества и стремятся противопоставить себя капиталистической угрозе.

Эти идеи как раз и переплелись в толстовстве, представляющем своим последователям народническую надежду на будущее без капитализма или вне его.

Полезно проследить о каких именно идеях в данном случае идет речь. В.Г. Хорос выделил четыре основных признака народничества, которые можно сопоставить не только с мировоззрением самого Л.Н. Толстого, но и с кредо его последователей.

1. *«Концепция "народа" (прежде всего крестьянства) как социально-культурного слоя, который распадается под натиском буржуазных отношений, но должен быть сохранен и укреплен для национальных целей всестороннего развития»*¹⁶.

Искренняя любовь самого Толстого к народу, выражавшего интересы «миллионов крестьянства»¹⁷, хорошо известна хотя бы благодаря его художественным произведениям. Так что, пожалуй, не требует дополнительных текстуальных подтверждений.

То же чувство вдохновляло и многих из его последователей. Вот фрагмент текста, написанный В.В. Рахмановым о другом толстовце, князе Г.А. Даднани: «Ни поло-

---

¹⁴ Хорос В.Г. Популизм и проблемы культуры // Вестник РАН. М., 1984. № 12. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 34-35.

¹⁶ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 78.

¹⁷ Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 210.

жительная наука, ни метафизика, не могли удовлетворить его [Г.А. Дадзиани], и потому он обратился к тем, кто никогда не знал никакой науки — к народу. "Надо понять душу народа, надо суметь переселиться в эту душу, чтобы понять, во имя чего этот народ живет и страдает", — так писал Толстой, — а чтобы понять народ, надо отказаться от своей барской жизни, <...> и, самое главное, надо жить жизнью народа и вместе с ним нести его тяготы. Это был тяжелый, тернистый путь; но на этом пути мы надеялись найти истину и веру, во имя которых стоило бы и хотелось бы жить. И мы вступили на этот путь»¹⁸.

Еще один толстовец, писатель И.Ф. Наживин в середине 1900-х гг. говорил о народной жизни следующее: «Не старик я, а не нравится мне та новая жизнь, которая сменяет в России старую. <...> Или, может быть, все это только временное, и найдя новые формы своей жизни, народ опять успокоится и станет тем милым, старым народом, который делал из страны святую Русь?»¹⁹

В той же тональности толстовцами написаны как многие публицистические, так и эпистолярные тексты. Этот своеобразный «комплекс по отношению к народу»²⁰ характерен не только русским народникам, но и толстовцам в полной мере.

Е.Б. Рашковский так описывает эту универсальную черту всех народников, «от Мицкевича до Фенона»: «Само отпадение европеизированного интеллигента (или полунинтеллигента) от автохтонной "почвы" переживается им как драма отпадения от основных начал родовой жизни, — чуть ли не как отпадение от всего космического миропорядка»²¹.

---

¹⁸ Рахманов В.В. Князь Георгий Александрович Дадзиани. По личным воспоминаниям. М., 1905. С. 6.

¹⁹ Наживин И.Ф. Красные макит: мой дневник // Собр. соч. Т. 6. М., 1912. С. 365.

²⁰ Пантин И.К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973. С. 145.

²¹ Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе (еще раз о проблеме «популизма» в странах третьего мира) // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн. 1. М., 1974. С. 66.

В толстовстве «разрыв с народом» как раз и получал зачастую этот нафос отпадения от космического порядка. Вспомним, что хронологически первое «толстовское» произведение самого Л.Н. Толстого — «Исповедь» — целиком посвящено не столько социальной несправедливости, сколько греховности богатства и оторванности от «почвы», в результате которых страдает, прежде всего, человеческая душа²².

«Мифологема отпадения влечет за собой мифологему спасения, — так пишет далее Е.Б. Рашковский, — смысл ее — в слиянии интеллигента с "почвой" в ходе его национально-революционной практики»²³. Казалось бы, у толстовцев эта практика утрачивает привычную революционность и приобретает характер простого устранения от участия в социальных несправедливостях. «Так не лучше ли оставить народу те бесконечные миллионы, которые отбираются у него. <...> Остановить эту огромную комедию мы были не в силах, но и участвовать в ней тоже не могли»²⁴, — писал И.Ф. Наживин.

Однако в толстовстве практика слияния с «почвой» оборачивается другой стороной — стремлением толстовца перейти к трудовой земледельческой жизни, т.е. *самому стать народом*. Толстовские колонии имеют особое значение именно потому, что для их участников они — главный способ преодолеть отпадение от «почвы», уничтожив противоречия и установив социальную справедливость. Проще говоря, мотивы участников толстовских колоний можно уподобить задачам «хождений в народ» 1870-х гг.

2. *«Идея некапиталистического пути через удержание, развитие и усовершенствование традиционного коллективизма»*²⁵.

---

²² Толстой Л.Н. Исповедь // Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1992. С. 1-273.

²³ Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе (еще раз о проблеме «популизма» в странах третьего мира) // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн. 1. М., 1974. С. 67.

²⁴ Наживин И.Ф. Моя исповедь // Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 121.

²⁵ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 78.

В дневнике 1895 г. Л.Н. Толстой записал следующее: «Надо чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а капитализм не научает этому. Напротив, научает их зависти, жадности — эгоизму»²⁶. В целом эта черта толстовства довольно часто отмечалась марксистскими исследователями, развивавшими концепцию В.И. Ленина о мировоззрении Толстого. Вот что пишет З.В. Калининцева: «Появившись в России в период капиталистической ломки страны, оно [толстовство] воплотило стремления и чаяния патриархального крестьянства. <...> Это сказалось в неприятии капиталистической цивилизации и характерной для нее дегуманизации человека»²⁷. В другой работе она обозначает толстовские идеалы как «некапиталистические»²⁸ наряду с народническими.

В качестве иллюстрации родства толстовства и народничества интересным является следующее замечание Н.И. Пруцкова: «Мысль о возможности иного, некапиталистического пути развития России родилась у Толстого еще до окончательного оформления народнического движения и почти тогда же, когда она была декларирована основоположником народничества — Герценом»²⁹. Н.И. Пруцков подразумевает педагогическую статью Толстого «Прогресс и определения образования», написанную в 1862 г., задолго до «Исповеди»³⁰.

Что же касается толстовцев, то идея особого пути социально-экономического развития регулярно воспроизводилась в текстах, сопутствующих движению «на землю». Например, автор неопубликованной статьи «Новое хозяйство» призывает не к «капитализации» хозяйства, а к его

---

²⁶ Толстой Л.Н. Дневник 1895 г. // Полн. собр. соч. Т. 53. М., 1992. С. 85.

²⁷ Калининцева З.В. К вопросу о социальной сущности идей толстовства // XXVIII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1975. С. 56-57.

²⁸ Калининцева З.В. К анализу причин краха «земледельческо-трудовых» идеалов толстовства // XXIX Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1976. С. 22.

²⁹ Пруцков Н.И. Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969. С. 323

³⁰ Там же. С. 323-324.

«натурализации». Толстовец пишет: «Такое хозяйство постепенно уменьшит внутри себя надобность в деньгах, куле и продаже, устранил необеспеченность существования, роскошь и богатство и многое другое, открыв простор для совершенно новой деятельности». И далее: «Капиталистическое хозяйство не может победить натуральное, потому что натуральное не нуждается в деньгах и опасно для капиталистического, как особый вид непрерывной и непримиримой религиозной забастовки. Новое хозяйство может быть для многих ковчегом от грядущего потопа экономического хаоса»³¹.

Другим ярким примером является брошюра И.А. Беневского, видевшего будущую организацию общества в добровольном союзе земледельческих артелей, ее созданию должна была служить запланированная им организация «Божья Нива»³².

3. *«Тенденция к отставанию неклассового пути социальной эволюции; отрицание как классовых различий в "народе", так и классовых функций его лидеров, социально-критической интеллигенции»*³³.

Эта особенность мировоззрения Л.Н. Толстого также хорошо известна благодаря вниманию к ней марксистских исследователей. Например, антирелигиозник Е. Ярославский писал: «Толстой замазывает борьбу классов вопросом о личном самоусовершенствовании. <...> Нет классов, а есть люди, индивиды, личности, из которых одни доросли до нравственного сознания, а другие нет — независимо от классов»³⁴.

Приблизительно в том же духе мыслили и его последователи. Пересказывая взгляды толстовца С. Яремича, его друг К.П. Злинченко отмечал: «По его мнению, нужно было воспитывать человека, как нечто *внеклассовое*, неза-

---

³¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 22. Л. 5, 7.

³² Беневский И. Христианская община и земледелие. С приложением устава общества земледельцев «Божья Нива». М., 1907. С. 15-23.

³³ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 78.

³⁴ Ярославский Е. О Л.Н. Толстом и «толстовцах» // Антирелигиозник. М., 1928. № 7. С. 12-13.

висимо от среды, в которой он живет [курсив здесь и далее мой — Е.А.]»³⁵. Анатолий Буткевич осуждающе писал о своем друге-толстовце И.Б. Файнермане: «Отношение к людям высших классов у него оставалось все-таки революционное. Раз мы проходили мимо барской усадьбы. Он показал на нее и сказал: Вот разбойничье "гнездо". Я тогда же отметил это. *Так христианин не должен относиться*»³⁶.

По мнению толстовцев, само существование сословий и классов абсолютно не обосновано и искусственно: «Справедливость требует, чтобы каждый посвящал свои силы на добывание того, что ему нужно. Если он не делает этого сам, то за него работают другие. Из-за нарушения этой естественной справедливости, очевидной каждому, происходят нарушения в нашем обществе нравственного закона равенства и любви к людям, а это приводит к образованию классов трудящихся и дармоедов»³⁷.

4. *«Акцент на аграрные преобразования, которые призваны не только заложить основу индустриализации, но и обеспечить необходимое социальное равновесие в процессе модернизации»*³⁸.

На первый взгляд может показаться, что Толстой и толстовцы, отрицая государство, не могли и не должны были отстаивать какие-либо проекты аграрных преобразований. Но это представляется верным лишь при самом поверхностном знакомстве с толстовством. Во-первых, толстовский анархизм, или вернее либертаризм, никоим образом не мешал участникам колоний предлагать проекты земледельческого переустройства, которые уже приведены выше. А во-вторых, имеет смысл обратить внимание на следующий значимый и яркий эпизод.

Речь идет об известном увлечении Л.Н. Толстого и его последователей концепцией «единого налога» Генри Джорджа. Напомним, что ее автор был далек от анархизма и предлагал национализацию земли, за пользование кото-

³⁵ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 57.

³⁶ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 164.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 5. Ед. хр. 3. Л. 13.

³⁸ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 78-79.

рой земледельцы должны платить государству единый налог³⁹. Пожалуй, можно смело утверждать, что Толстой не просто поддерживал американского экономиста, но и в течение более чем 20 лет оставался одним из самых его горячих и известных пропагандистов в России. Идея Джорджа встречается не только, например, в романе Толстого «Воскресенье»⁴⁰, но и в целом ряде его поздних статей. Самой известной из них является «Единственное возможное решение земельного вопроса»⁴¹. Систему «единого налога» пыталась реализовать дочь писателя Т.Л. Сухотина-Толстая в своем имении⁴². Но примечателен здесь другой известный факт. Считая государство безусловным злом, Л.Н. Толстой, тем не менее, письменно обращался к царю Николаю II⁴³ и министру П.А. Столыпину⁴⁴, пытаясь убедить их провести аграрную реформу в соответствии с системой Г. Джорджа. В данном случае важно не само противоречие в идеалах писателя, которое и так хорошо известно, а то, почему оно было им допущено. Получается, что Толстой неоднократно поступился своим «христианским анархизмом» ради разрешения земельного вопроса, более того, только ради попытки такого разрешения. Очевидно, он все же признавал колоссальное значение аграрных преобразований. Кстати говоря, любопытно и показательно, что именно программу Г. Джорджа, иронично названного В.И. Лениным «социалистом-реакционером»⁴⁵, стремился провести и «китайский народник» Сунь Ятсен.

---

³⁹ Джордж Г. Земельный вопрос: его сущность и его единственное решение. М., 1907. 112 с.; Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. СПб. 1906. 395 с.

⁴⁰ Толстой Л.Н. Воскресение // Полн. собр. соч. Т. 32. М., 1992. С. 199.

⁴¹ Толстой Л.Н. Единственное возможное решение земельного вопроса // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1992. С. 283-289.

⁴² Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1976. С. 346-352.

⁴³ Толстой Л.Н. Письмо к Николаю II // Полн. собр. соч. Т. 73. М., 1992. С. 184-197.

⁴⁴ Толстой Л.Н. Письмо к П.А. Столыпину // Полн. собр. соч. Т. 77. М., 1992. С. 168.

⁴⁵ Ленин В.И. Демократия и народничество... С. 404.

Поддержка Г. Джорджа не стала сугубо личной инициативой Толстого, и среди толстовцев было немало поклонников американского экономиста. Самый известный из них — знаток и переводчик Джорджа С.Д. Николаев, сам живший «на земле»⁴⁶. Участники колонии на хуторе Высоком Екатеринославской губ.⁴⁷, а затем близ станции Люботин Харьковской губ.⁴⁸ говорили о своих поселениях, как о практических воплощениях системы «единого налога». После революции 1917 г., как справедливо отмечает Т.В. Петухова, толстовцы были убеждены, что решение аграрного вопроса «должно пройти мирным путем по системе американского политэконома Генри Джорджа»⁴⁹. В подтверждение этого достаточно упомянуть открытие толстовцами московского отделения Лиги единого налога в 1917 г.⁵⁰

В заключение отметим еще одно обстоятельство, но не последнее по своему значению. Некоторые толстовцы и сами считали свое мировоззрение народническим. Например, В.В. Рахманов писал: «В Толстом совмещается вместе, с одной стороны, народник и политический мыслитель с оттенком анархизма, и, с другой стороны, философ-моралист, отыскивающий пути для новой, очищенной от всех суеверий религии. <...> Для нас же [толстовцев-общинников] в то время важнее всего были именно эти народнические и анархические идеи»⁵¹. М.В. Алехин, говоря о первых толстовцах-общинниках, называет их «активистами, народниками 80-х гг.»⁵²

Кроме того, восприятие толстовства как формы народничества уже проявлялось и в литературе, хотя и не устоялось в историографии. Современник и исследова-

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 389-396.

⁴⁷ Календарь для каждого на 1910 год. М., 1909. Стб. 153-154.

⁴⁸ Календарь для каждого на 1912 год. М., 1911. Стб. 89.

⁴⁹ *Петухова Т.В.* Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.) Ульяновск, 2008. С. 77.

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 63. Ед. хр. 6. 10 л.

⁵¹ *Рахманов В.В.* Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // *Минувшие годы.* СПб., 1908. № 9, С. 11.

⁵² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 232. Ед. хр. 1. Л. 11.

тель толстовцев А.С. Пругавин в своей работе упоминал близость толстовства и народничества⁵³. Так же поступал и историк анархизма С.Н. Капев⁵⁴. Е.Б. Ранковский назвал толстовство «реформационно-нацифистским конкурентом»⁵⁵ народничества. В предисловии к публикации писем М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому Е.С. Полищук обозначил толстовство как «народничество нового типа»⁵⁶.

Итак, толстовство будет рассматриваться далее как историко-генетическая форма народничества в широком смысле этого слова. Это значит, что наибольшее внимание будет уделено не религиозно-этическим аспектам толстовства, а скорее его социальным принципам и проявлениям. В этом отношении толстовское движение «на землю» предстает продолжением народнического императива преодолеть разрыв между народом и образованными слоями общества. Земледельческая колония — это, прежде всего, попытка толстовца самому стать народом, личным примером уничтожив социальный антагонизм.

1.2. Истоки толстовства: российское народничество, рационалистическое сектантство, альтернативные движения

Теперь обратим внимание на социальные явления, которые приняли непосредственное участие в складывании толстовства таким, каким мы его знаем, проанализируем меру и особенности их влияния, оказанного на мировоззрение Толстого и его последователей.

---

⁵³ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 161-178.

⁵⁴ Капев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 175-191.

⁵⁵ Ранковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе (еще раз о проблеме «популизма» в странах третьего мира) // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн. 1. М., 1974. С. 70.

⁵⁶ Письма М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому // Минувшее: исторический альманах. М.-СПб., 1994. Вып. 15. С. 377.

Российское народничество

Пожалуй, важнейшим, если не главным, фактором эволюции российского народничества была текущая социально-политическая ситуация: деятелям народничества «противостоял громадный репрессивный аппарат самодержавия. Вместе с тем, ища поддержки снизу, они наталкивались на пассивность и непонимание со стороны того "народа", которому они так желали служить»⁵⁷. Следствием этих обстоятельств было провозглашение народниками «личности (а не группы или класса) основной "единицей" исторического действия», а также иной взгляд на суть прогресса: «Прогрессом же в их глазах было превращение каждого человека в автономную и всесторонне развитую личность»⁵⁸.

Толстовство в полной мере унаследовало этот «субъективный метод» и добавило к нему кое-что свое. Известно, что Толстой также «исходил из примата личного начала над общественным»⁵⁹. То же можно сказать и о его последователях. Общинник В.И. Скороходов пишет: «До тех пор, пока члены общества, личности сами каждый в себе самом не переродятся, до тех пор и возможны насилия и всякие безобразия»⁶⁰. Другой яркий пример — выдержка из устава анархического общества имени Толстого «Любимый труд»: «Общество не только силой, но морально (предрассудки, недовольство) не должно давить на личность. <...> Нет предела величию человека! Нужно все силы употреблять на развитие способностей, таланта, гениальности, которыми каждый одарен от природы»⁶¹.

Однако акцент на роли индивида у толстовцев существеннее, чем у народников. Согласно толстовству, «не только один человек не имеет права распорядиться многими, но

---

⁵⁷ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 81.

⁵⁹ Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 183.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2551. Л. 3об.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4210. Л. 3об., 4.

и многие не имеют права распоряжаться одним»⁶². Крайний толстовский индивидуализм — это результат эволюции народнического «субъективного метода» в исторической обстановке, при которой реализация любой общественно-политической деятельности была невозможна. Напомним, что время появления толстовства — 1880-е гг. — было отмечено не только наступившей эпохой политической реакции, но и разочарованием интеллигентов в «хождениях в народ» и в результатах террористических покушений. Как следствие, «в кружках 1880-х гг. уже не обсуждались средства изменения социального строя»⁶³, а растет убежденность в том, что «единственный источник всех улучшений — духовное самосовершенствование каждого человека самостоятельно» и «нужно развивать свою личность всегда, беспрерывно, и главным образом во всем надеяться на себя»⁶⁴.

Интересно, что В.Д. Бонч-Бруевич, несмотря на свое отрицательное отношение к толстовцам, высоко оценивал их роль в 1880-е гг., в то «крайне тяжкое реакционное время»⁶⁵. Другой большевик и бывший толстовец К.П. Злинченко после участия в народовольческой организации выражал сходную мысль: «"Толстовское движение" казалось мне более связанным с массами, чем тот заговорщический кружок, в котором, как в казенном мешке, промучились мы с И.З. Бычковым целых три года»⁶⁶.

Можно сказать, что в эпоху реакции 1880 — начала 1890-х гг. толстовство выступило в качестве одной из альтернатив народничеству, а в последующие годы увлекало тех лиц, кто по тем или иным причинам разочаровывался в революционном пути.

Сходную эволюцию в толстовстве претерпевал и анархистский идеал. Если первых народников можно считать

---

⁶² Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 272.

⁶³ Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's [Electronic source] // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. No. 2. P. 158. URL: <http://www.jstor.org/stable/3004189>

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4210. Л. 4об.

⁶⁵ Бонч-Бруевич В.Д. Вступительная статья // Величкина В.М. В голодный год с Толстым. М.-Л., 1928. С. 7-8.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 81.

анархистами, то толстовское отношение к государству следует охарактеризовать скорее как негативное безразличие. В ситуации подавления и разочарования анархизм народников трансформировался в толстовское стремление строить свою жизнь вне любых политических форм, земледельческие колонии и есть наиболее яркий тому пример. Эту мысль прекрасно выразил толстолец-общинник Сержанов: «Мы, собственно говоря, не анархисты, а экстрархисты — т.е. внегосударственники»⁶⁷.

Подробнее остановимся на отношении толстовцев и народников к религии. На первый взгляд, здесь будто бы есть ощутимое противоречие, ведь тезис об атеизме народников достаточно прочно укоренился в отечественной историографии, особенно советской эпохи⁶⁸. Однако едва ли его можно считать столь уж однозначным.

Известный участник «хождений в народ» С.М. Степняк-Кравчинский вспоминал: «Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером *религиозных движений*. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного *нравственного очищения*»⁶⁹. Или же так характеризовал тип современного ему народника-пропагандиста В. Богучарский: «То был, при всей его безрелигиозности в обычном смысле слова, *тип глубочайшим образом религиозный*, только перенесший все свои чувства с небес на землю»⁷⁰.

Вклад в развитие подобной точки зрения внес Г.П. Федотов в статье «Религиозные истоки русского народниче-

---

⁶⁷ Мазурин Б.В. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. М., 1989. С. 97.

⁶⁸ Итенберг Б.С. Революционные народники и вопросы религии (из истории «хождения в народ») // Вопросы истории религии и атеизма: сборник статей. Вып. 11. М., 1963. С. 297, 300, 302.

⁶⁹ Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия // Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 31.

⁷⁰ Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 179-180.

ства», название которой говорит само за себя. Основной ее тезис: «Вопреки сознательному атеизму, их [народников] общая жизненная позиция (включавшая и жажду мученичества) была религиозной»⁷¹. Характерно, что Толстого и толстовцев Федотов рассматривает в качестве второй народнической волны: «Сотни народников, отвечая на призыв Толстого, организовывали земледельческие коммуну или селились среди крестьян, на этот раз не с целью политической пропаганды, а для религиозной жизни, состоявшей в отрочении и труде»⁷².

Идею об «особом религиозном настрое» народников, который просматривается за сильной «заостренностью секуляризма»⁷³, выдвигал Е.Б. Рашковский вслед за Ф. Вентури. Позднее в этом вопросе его поддерживал и историк В.Ф. Антонов⁷⁴. О неоднозначности религиозных представлений народников некоторые сведения дает А.М. Эткинд в монографии «Хлыст». Например, народник В.А. Данилов жил среди сектантов, называя себя «обитателем земного шара», выдвигал проекты реформации церкви по сектантскому образцу и т.д.⁷⁵

Возможно, другое обстоятельство намного важнее историографических дискуссий о народниках. Толстовство лишено мистической, обрядовой стороны и, строго говоря, не является религией в полном смысле слова. В самом деле, достаточно сложно сопоставить его с православным христианством или, скажем, с исламом. Ведь в толстовстве мы не найдем ничего подобного вере

---

⁷¹ Fedotov G.P. The Religious Sources of Russian Populism [Electronic source] // Russian Review. 1942. Vol. 1. No. 2. P. 30. URL: <http://www.jstor.org/stable/125199>

⁷² Ibid. P. 32. URL: <http://www.jstor.org/stable/125199>

⁷³ Рашковский Е.Б. Об одной из социально-психологических предпосылок политической институционализации в развивающемся обществе (еще раз о проблеме «популизма» в странах третьего мира) // Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. Кн. 1. М., 1974. С. 69.

⁷⁴ Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 15.

⁷⁵ Эткинд А.М. Хлыст (секты, литература и революция). М., 1998. С. 642-643.

в сверхъестественные силы, посмертное воздаяние, чудеса и таинства, посредничество между богом и людьми и т.д.

На эту особенность любили обращать внимание религиозные критики толстовства⁷⁶. Многие последователи Толстого (М.В. Булыгин⁷⁷, И.Ф. Наживин⁷⁸, Н.Г. Суцковой и П.П. Картушин⁷⁹) испытывали что-то вроде религиозной неудовлетворенности своей верой. Да и сам Л.Н. Толстой формулирует определение религии, вынося за скобки любой мистицизм: «Религия дает разумному человеку руководство о том, что ему надо делать и что надо делать прежде и что после»⁸⁰. Так что сложно не согласиться с П.А. Кропоткиным в том, что избавленное от мистики, христианское учение обернулось в толстовстве чистой этикой, представлявшей собой преимущественно правила практического поведения⁸¹.

Получается, что даже в религиозном вопросе у толстовства и народничества не обошлось без точек пересечения, располагающихся в поле этики.

Но все же это сопоставление служит цели показать преемственность взглядов толстовцев и народников, а не их тождество. Последнее было бы весьма неленым. Как отмечали М. Штейнберг⁸² и А. Уилдман⁸³, революционные идеалы и религиозные ценности в российской общественно-политической мысли сменяют друг друга подобно волнам. И, пожалуй, именно сильный религиозно-этический

---

⁷⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 404.

⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 4об.-5.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 11. Л. 19.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 306.

⁸⁰ Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее // Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1992. С. 159.

⁸¹ Кропоткин П.А. Моральный выбор Л.Н. Толстого // Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 322-330.

⁸² Steinberg M. Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910-1924. [Electronic resource] // Russian review. Vol. 53. No 2. 1994. Pp. 213-239. URL: <http://www.jstor.org/stable/130824>.

⁸³ Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's [Electronic source] // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. No. 2. P. 166. URL: <http://www.jstor.org/stable/3004189>

акцент мировоззрения является отличительной чертой толстовства. Так что именно в этой точке более всего отражается дух эпохи 1880-х гг., времени рождения толстовства, периода реакции и разочарования народников в политической деятельности.

Преемственность толстовства и народничества проявилась не только в сходных идеях, но и в общих представителях. Многие толстовцы имели народническое прошлое, назовем только самых известных из них: А.В. Алексин⁸⁴, Л.П. Никифоров⁸⁵ и его друг В.Ф. Орлов⁸⁶, К.П. Злигченко⁸⁷, И.М. Клонский⁸⁸, Анатолий Буткевич⁸⁹, С.Ф. Попов⁹⁰.

Говоря о близости толстовства и народничества, невозможно не упомянуть еще один довольно любопытный сюжет. В 1874 г. один из народников А.К. Маликов внезапно выступил со своим учением о «богочеловечестве». Страстная проповедь религиозно-нравственных идей привлекла к нему последователей из народнической среды, сформировавших нечто вроде небольшой секты «богочеловесков». Сравнительно недавно появилось полноценное и высококачественное исследование К.А. Соловьева, посвященное концепции и судьбе А.К. Маликова и его последователей⁹¹. Здесь остановимся лишь на связи концепции Маликова с учением Толстого.

В первую очередь, сходство «богочеловечества» и толстовства порой кажется удивительным, так что, пожалуй, все исследователи теории А.К. Маликова единодушно признавали в нем предшественника Л.Н. Толстого. Это сходство состоит как минимум из четырех составляющих.

Во-первых, Маликов и последователи отвергали атеизм народников и признавали «колоссальные заслуги

---

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 81 (1885 г.). Д. 1121. Л. 1.

⁸⁵ Памяти Л.П. Никифорова. Материалы для биографии. М., 1917.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 77 (1881 г.). Д. 1356. Л. 9-11.

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 305. Л. 12-13.

⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 22-119.

⁹⁰ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 7. Л. 14.

⁹¹ Соловьев К.А. Я сказал: вы — боги... М., 2013. 95 с.

христианства в прошлом»⁹². Но христианство, хотя и было долгое время двигателем культурного прогресса, должно быть заменено новой религией — «богочеловеческой».

Во-вторых, «богочеловеки» считали личное совершенствование каждого человека его долгом, и даже более того, «мир, гармония, справедливость должны быть не только в душе каждого человека, но должны проникать во все общественные, социальные, международные отношения людей. Тогда сами собою прекратятся и исчезнут войны, и классовый антагонизм и все пороки»⁹³.

В-третьих, Маликов отрицал насилие, в том числе революционное: «Эта борьба должна идти исключительно на *правственных* и *умственных* началах. Против насилия пойдемте с *любовью*»⁹⁴. Средством перерождения должно стать простое «самоуважение человека, переходящее в прямое его обоготворение»⁹⁵.

В-четвертых, «богочеловеки» избрали специфический на тот момент путь осуществления своих идей — «земледельческую общину, в которой, свободно, не отнимая ни у кого куска хлеба и, не завися от "эксплуататоров народа", они могли бы кормиться трудами рук своих и общими усилиями очищать свои души, культивируя в них богочеловечество»⁹⁶.

Существовало и явное различие, учение А.К. Маликова в отличие от толстовского имело сильный мистический оттенок. Большое значение отводилось религиозному экстазу, чувству того, что человек — бог⁹⁷. Впрочем, в этой разнице отражались скорее особенности личностей Маликова и Толстого.

---

⁹² Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 167.

⁹³ Там же. С. 167-168.

⁹⁴ Фаресов А.И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. СПб., 1905. С. 297.

⁹⁵ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 168.

⁹⁶ Полнер Т.И. Н.В. Чайковский и богочеловечество // Николай Васильевич Чайковский: религиозные и общественные искания. Париж, 1929. С. 118.

⁹⁷ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 168.

Знаменательны также факты личного общения Толстого с тремя представителями «богочеловечества». Их знакомство состоялось в 1877 г.⁹⁸ Сам А.К. Малников произвел на писателя чрезвычайно приятное впечатление, и Толстой впоследствии неоднократно помогал ему в поисках работы⁹⁹. Второй, А.А. Бибиков, стал управляющим самарским имением Толстого, где впоследствии преследовался полицией за толстовство¹⁰⁰.

Третий же, В.И. Алексеев, сыграл в жизни писателя более заметную роль. Алексеев стал сначала близким другом Толстого и домашним учителем его детей, после конфликта с С.А. Толстой заменил Бибикова в качестве управляющего самарским имением, еще позднее по той же причине покинул и эту должность, а к концу 1880-х гг. прекратил переписку с Толстым.

Едва ли общение «богочеловека» Алексеева и Толстого было бесследным. Оно происходило в период «духовного кризиса» Толстого, как раз в то время, когда толстовские идеи только начинали обретать свою определенность. Эту роль Алексеева метко обозначил С.Л. Толстой: «Вначале Василий Иванович, несомненно, имел некоторое влияние на мировоззрение отца, в то время, еще только вырабатывающееся, но затем, наоборот, В.И. подпал под влияние моего отца, так что его можно назвать первым толстовцем»¹⁰¹. Той же мысли придерживался и В.Ф. Булгаков: Алексеев оказал влияние на «складывающееся вновь и, можно сказать, созревающее на его глазах мировоззрение Л.Н. Толстого»¹⁰².

«Богочеловечество» стало историческим прецедентом формирования в народнической среде религиозно-нравственной концепции, сходной с толстовской. Но не толь-

---

⁹⁸ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 175.

⁹⁹ Толстой Л.Н. Письмо В.В. Стасову // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 66; Толстой Л.Н. Письмо М.П. Щепкину // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 197.

¹⁰⁰ Душин А.А. Граф Л.Н. Толстой и толстовцы в Самарской губернии // Русская мысль. М., 1912. № 3. С. 156-166.

¹⁰¹ Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 58.

¹⁰² Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы. Тула, 1970. С. 180.

ко в этом его значение. «Богочеловечество» является еще и связующим звеном народничества и толстовства, своего рода мостиком между ними, с которого просматриваются оба берега. А общение Л.Н. Толстого и В.И. Алексеева стало одной из тех дорог, по которой идеалы российского народничества попадут в толстовское учение.

Рационалистическое сектантство

Но толстовство унаследовало далеко не только народнические принципы. Напомним, что оно отличается ярко выраженным религиозно-этическим характером. Кроме народничества, толстовство восходит к другому истоку — религиозному неконформизму своей эпохи, а конкретнее, к русским сектам рационалистического типа: духоборы (духоборцы), молокане, штундисты различных толков, сятевцы. С дореволюционного времени рационалистическими, в противовес мистическим, называют те секты, представители которых при толковании Писания «руководствуют личным пониманием, разумением (ratio)»¹⁰³. Иногда эти же секты объединяются в группу «духовные христиане»¹⁰⁴, при этом подразумевается их «духовное» восприятие религиозных идей — «сущность не в букве, а в смысле»¹⁰⁵.

Принято считать, что за пестрыми учениями сект скрывается социально-политический протест, это давно отметили А.П. Щапов, А.С. Пругавин¹⁰⁶, В.Д. Бонч-Бруевич¹⁰⁷. Постепенное обострение социально-экономических противоречий вызывало усиление антифеодальных и антикапиталистических настроений среди крестьянства. Эти

---

¹⁰³ Терлецкий В.Н. Очерки, исследования и статьи по сектантству. Полтава, 1911. Вып. 1. С. 27.

¹⁰⁴ Малахова И. Духовные христиане. М., 1970. 127 с.

¹⁰⁵ Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. СПб., 1869. № 3. С. 71.

¹⁰⁶ Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 42.

¹⁰⁷ Бонч-Бруевич В.Д. Раскол и сектантство в России (доклад В.Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду РСДРП) // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1959. С. 153-189.

настроения часто не приобретали характер прямой борьбы, а находили свое отражение в единственной доступной широким массам идеологической форме — в религии.

В пореформенную эпоху масла в огонь подливали обострившиеся отношения крестьянина с духовенством. В это время «на крестьянина тяжелым бременем легло не только содержание духовенства и церкви, но и налоги на церковь, расходы на консисторию и на содержание духовных училищ»¹⁰⁸, происходило подорожание церковных обрядов: крещения, отпевания, венчания и т.д. Н.М. Никольский с характерной советскому исследователю бескомпромиссностью писал: «Церковь жила высасыванием соков из народного организма, не давая ему в обмен никакого эквивалента в форме реальных хозяйственных благ»¹⁰⁹. Церковные реформы 1867 и 1869 гг. не решили проблемы. Напротив, они фактически уничтожили сословие духовенства и положили начало болезненной его трансформации¹¹⁰.

В целом кризис института церкви сопровождался и кризисом идеологии православия. Происходило, по меткому замечанию Г.В. Флоровского, «опрошение самого православия», теперь «вера сдвигалась <...> и снижалась до уровня безотчетных чувств и благочестивых настроений»¹¹¹. Более того, постепенно росла пропасть между православной идеологией и уровнем развития научных знаний и философии. Православие в силу своей идеологической замкнутости просто не успевало перестроиться и, следовательно, все менее и менее удовлетворяло «потребности просыпающейся мысли»¹¹² народа.

Эти процессы находили отклик в верованиях сектантов. Мишенями их критики становились чаще всего феодальные пережитки, складывающиеся капиталистические отношения и особенно институты государства и православ-

¹⁰⁸ Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.-Л., 1965. С. 93.

¹⁰⁹ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 404-405.

¹¹⁰ Там же. С. 410.

¹¹¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 422.

¹¹² Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 6.

ной церкви. В результате интерес общества и народных масс к альтернативным религиозным системам в течение XIX в. неуклонно возрастал. Отмечая это обстоятельство, А.С. Пругавин формулировал такой злободневный вопрос: возникнет ли «на почве подобного рода исканий серьезное общественное движение реформационного характера, которое внесло бы обновление в духовную жизнь народа, которое освежило бы ту затхлую, удушливую атмосферу, что веками скапливалась у нас в области религии?»¹¹³. Таким движением стремилось стать и толстовство.

Тезис о близости толстовства и религиозного сектантства достаточно прочно укоренен в литературе и вряд ли требует доказательств. Весьма точное наблюдение сделал А.М. Эткинд: «Историческое толстовство, массовое религиозно-политическое движение интеллигенции, активно взаимодействовало с народными сектами, претендуя на роль интеллектуального лидерства. Религиозное учение Толстого представлялось его последователями в качестве литературной переработки тех самых идей, что были выношены сектантами как лучшими представителями русского народа; враги же рассматривали толстовство как новую секту, одну из множества других»¹¹⁴.

Многие принципы сектантских вероучений были действительно воспроизведены в толстовском мировоззрении. Но важно и то, что они претерпели при этом ощутимые метаморфозы.

1. Равенство и совесть

Советский исследователь И. Малахова писала: «Ссылаясь на учение Христа, духоборцы говорят, что все люди — дети одного отца-бога и посему братья между собой. Поэтому они считают всех людей, независимо от расы, национальности или вероисповедания, равными,

¹¹³ Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 50.

¹¹⁴ Эткинд А.М. Хлыст (секты, литература и революция). М., 1998. С. 125.

имеющими равное право на жизнь и земные блага»¹¹⁵. Сходная мысль является лейтмотивом многих толстовских текстов. Например, толстовец-странник С.М. Попов текстуально говорит то же самое: «Во всех нас живет единый Дух Божий и потому мы равные, родные братья»¹¹⁶.

Но в толстовстве акцент демократического гуманизма был перенесен на личность, дух индивидуализма возрос. Толстой и толстовцы недаром любили повторять за В.К. Сютаяевым: «Все в тебе»¹¹⁷. Можно сказать даже так: «Все в тебе и *только* в тебе». На первый план выступает совесть человека, именно ее требованиям он должен следовать в первую очередь. «Пусть совесть твоя будет твоим единственным руководителем в жизни, прислушайся к ее голосу во всех делах»¹¹⁸, — говорится в «Заповедях совести» Е.И. Попова. Согласно толстовству, личная совесть имеет преимущество перед общественным мнением, и ни в коем случае нельзя «требовать жертвы индивидуальной совести во имя законов, установленных коллективом»¹¹⁹.

Следование своей совести не отменяло принципа равенства, по крайней мере, номинально. В памфлете «Наше непонимание» толстовцы писали: «Любовь к ближнему, как к самому себе, и вытекающее из этого правило — поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, мы признаем духовным законом нашей жизни»¹²⁰.

2. Реформационные идеи

Согласно концепции А.И. Клибанова, явление реформации включает в себя не только протестантизм, но и об-

---

¹¹⁵ Малахова И. Духовные христиане. М., 1970. С. 54, 60.

¹¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 5. Л. 18.

¹¹⁷ Шохор-Троцкий К.С. Сютаяев и Бондарев // Толстовский ежегодник. М., 1913. С. 5.

¹¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 75.

¹¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 411. Ед. хр. 16. Л. 9.

¹²⁰ Наше непонимание. Воронеж, 1917. С. 5.

нимает демократические религиозные течения России, направленные против церковного православия. Духоборы и молокане не признавали священной иерархии, таинств и обрядов, божественность Христа и др.¹²¹ В.К. Сютяев был убежден, что «все внешние предметы и способы выражения религиозного чувства, вроде таинств, икон, постов, мощей — пустые обряды; ими питается людская греховность»¹²².

Так что, многие реформационные идеи Толстого, названного «русским Лютером»¹²³, были сформулированы сектантами прежде него. Вместе с тем у сектантов сохранялись некоторые элементы религиозного культа: символические молитвы, чтения текстов, пение псалмов. Толстовцы же стремились полностью отказаться от любых обрядов. Миссионер Т.С. Буткевич отмечал: «У толстовских сектантов никогда не было никакого религиозного культа: не было у них ни религиозных собраний, ни религиозных песнопений, ни каких-либо богослужебных действий»¹²⁴.

3. Пассивное сопротивление и непротивление злу насиллием

По сравнению с сектантскими вероучениями, в толстовстве произошла осязаемая радикализация идеи борьбы с властью. Хотя, конечно, у сектантов методы этой борьбы также могли варьироваться. Молокане, руководствуясь «смыслом», а не «буквой» закона, считали подчинение любой власти необходимым, а восстание — делом «неправедным». Но при этом «не должно исполнять повелеваемое властью, если то, чего власть требует, про-

¹²¹ Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. СПб., 1869. № 3. С. 61, 66, 67; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 307-309.

¹²² Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 388.

¹²³ Минский Н.М. Толстой и реформация // Л.Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 442.

¹²⁴ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915. С. 551.

тивно нравственным требованиям совести и правды». Таким образом, они проповедовали «глухое терпение и упорство»¹²⁵. Секты, хронологически примыкающие к толстовству — штундисты, сютаевцы — формулировали этот принцип более категоричным образом¹²⁶. В целом же метод борьбы сектантов с властью чаще всего можно обозначить как пассивное сопротивление.

Тот же императив воспроизводился в толстовстве. С.М. Попов отвечал полицейскому: «Я признаю собирать подати делом нехорошим», — но тут же добавил: «Я плачу [их] только потому, что, как сказал Христос, не надо противиться злему»¹²⁷.

Идея пассивного сопротивления в толстовстве выливается в известный принцип непротivления злу насилieм. Оно подразумевало воздействие на окружающих людей посредством убеждения и личного примера. Естественно, толстовское непротivление несравнимо с революционным методом борьбы, но в русле сектантства оно стало шагом вперед. На этом основании Дж. Шарп отнес Толстого и толстовцев в категорию *active reconciliation* (активное примирение), отделив их от представителей религиозного сектантства. По Шарпу, к следующей по активности группе *moral resistance* (нравственное сопротивление) относятся такие мыслители как Э. Баллу и У. Гаррисон¹²⁸.

4. Антимилитаризм и пацифизм

Сходную картину можно наблюдать и здесь. П. Веригин в своей программе сформулировал тезис о несоответствии армейской службы христианству¹²⁹, молокане

---

¹²⁵ Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. СПб., 1869. № 3. С. 75, 77.

¹²⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 386, 388.

¹²⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 7. Л. 33.

¹²⁸ Sharp G. The Meanings of Non-Violence: A Typology (Revised) [Electronic source] // The Journal of Conflict Resolution. Oslo, 1959. Vol. 3. No. 1. Pp. 47, 49. URL: <http://www.jstor.org/stable/172867>

¹²⁹ Малахова И. Духовные христиане. М., 1970. С. 56.

считали войну самым «богопротивным» делом¹³⁰, сын В.К. Сютасва Иван под влиянием отца отказался от военной службы¹³¹.

Однако, согласно Бонч-Бруевичу, особняком в антимилитаристской практике стоят как раз толстовцы: «Глубоко религиозные, искренние, крайне правдивые они не считают себя вправе вводить в заблуждение в вопросе воинской повинности ни властей, ни других людей, с которыми они соприкасаются, вот почему среди них столь нередки прямые, по совести отказы от военной службы»¹³².

В толстовстве религиозный пацифизм получил статус, так сказать, системного принципа — ненасильственные идеи толстовцев шли значительно дальше военной службы. Если антимилитаризм у сектантов проходит сквозь их мировоззрение скорее пунктиром, то в толстовстве пацифизм можно уподобить стержню, вокруг которого вращались все социальные вопросы, включая и повседневные.

5. Трудовой идеал

Трепетное отношение к труду сектантов и толстовцев достаточно хорошо известно. Молокане с Богородское Нижегородской губ. славились своим трудолюбием среди местного населения¹³³. У духоборов «трудолюбие возводилось в равное достоинство с братолюбием»¹³⁴. В.К. Сютасва считал земледельческий труд единственным безгрешным трудом¹³⁵.

---

¹³⁰ Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. СПб., 1869. № 3. С. 77.

¹³¹ Толстой Л.Н. Письмо П.И. Бирюкову // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 365-366.

¹³² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 35. Ед. хр. 26. Л. 18, 35.

¹³³ Желтов Ф. А. Перед людьми: избранное. Богородск, 2014. С. 164-171.

¹³⁴ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 592.

¹³⁵ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 389.

В толстовстве этот принцип стал скорее «долгом трудолюбия»¹³⁶. И.А. Беневский писал: «Физический труд, связанный с земледелием и всеми его отраслями, представляет не только одно из необходимых условий здоровой для души и тела жизни, но и *правственную обязанность* каждого»¹³⁷.

Однако при всем сходстве трудовой идеал толстовцев и сектантов различается. Это хорошо отразилось в следующем эпизоде. Хорошо известно теплое отношение Толстого к сектанту-субботнику Т.М. Бондареву, автору книги «Трудолюбие и тунеядство»¹³⁸. Книга Бондарева посвящена апологии земледельческого труда, критике социального неравенства, «дармоедства» привилегированных слоев и т.д. В ходе переписки у Толстого с Бондаревым произошел спор. Толстой был убежден, что любовь обладает первостепенной значимостью, из-за нес человек должен обратиться к труду. Мысль же Бондарева была иной — чувство любви к окружающим не может возникнуть у человека, ведущего нетрудовой образ жизни¹³⁹.

Иными словами, для сектантов труд — неотъемлемая и естественная часть жизни, ее основа. В толстовстве же труд — это логически необходимый *элемент* теоретической концепции. Несложно представить, что такое отношение уже в зародыше содержало те проблемы, которые приведут к краху не один земледельческий проект толстовцев.

Аналогичную эволюцию в толстовстве претерпела и близкая сектантам идея аскетизма. Знаменитое толстовское «опрошение» принималось умозрительно, нередко в отрыве от повседневности. Поэтому практика «опрошения» так часто оборачивалась для них тяжелым разочаро-

---

¹³⁶ Капинос Р. Экономические идеи Л.Н. Толстого (к 180-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] // Мировая экономика и международные отношения. М., 2008. № 12. С. 84. Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19439616>

¹³⁷ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 55. Ед. хр. 12. Л. 1.

¹³⁸ Бондарев Т. Трудолюбие и тунеядство или Торжество земледельца. СПб., 1906. 64 с.

¹³⁹ Клибанов А.И. Народная социальная утопия, XIX в. М., 1978. С. 308-309.

ванием. Д.А. Хилков в конце жизни писал, что толстовство — это «ярмо, сшитое не по людям, таким людям, каких мы все знаем»¹⁴⁰.

Ограничимся этими пяти точками преемственности толстовцев и сектантов, хотя это и неполный список. В условиях обострения кризиса русской церкви во второй половине XIX в. толстовцы яснее выразили многие сектантские принципы и придали им более радикальный смысл. При этом идеи рационалистического сектантства переплетались у толстовцев с народническими установками. Индивидуализм, ненасилие, анархизм, труд, аскетизм — все эти принципы имели в толстовстве не только социальный, но и религиозно-этический пафос.

Можно сказать, что толстовство стало исторически закономерным результатом встречи народнического и сектантского мировоззрений. Та болезненная ломка, которая происходила в пореформенную эпоху XIX в. из-за становления капиталистических отношений — не единственное условие такой встречи. Она могла произойти лишь в ситуации одновременного кризиса нескольких институтов: государственной власти, официальной церкви с ее идеологией и общественно-политических движений.

Альтернативные (новые социальные) движения

Как видно, связь толстовства с народничеством и рационалистическим сектантством относится к идейной сфере. Влияние же альтернативных, или новых социальных, движений отразилось более всего в общей логике толстовского мировоззрения, в специфике самоорганизации и деятельности толстовцев. Львиная доля тех трудностей, с которыми сталкивается любой исследователь толстовства, может быть отнесена именно к этим особенностям, делающим его нестандартным для своего времени общественным движением, выбивающимся из общей картины.

---

¹⁴⁰ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. Сергнев Посад, 1915. Вып. 1. С. 15.

Альтернативными движениями исследователи называют условно смоделированное единство таких движений Нового времени как «пацифизм, феминизм, защита окружающей среды, контркультурные стили жизни, альтернативные системы образования, новые религии»¹⁴¹. Эти движения отражают попытку части общества «выйти за рамки традиционных идеологических систем и осознать новые проблемы и конфликты через системы категорий и ценностей, где ведущим понятием выступает "человек"»¹⁴².

Альтернативизм может быть рассмотрен шире, в историческом контексте. И.М. Савельева писала: «Альтернативизм как антикапитализм, как способ жизни, основанный на антибуржуазных ценностях, возникает в ответ на промышленную революцию в Англии, Западной Европе, Северной Америке в XVIII-XIX вв.». Поэтому можно говорить о существовании «устойчивой, антикапиталистической непролетарской традиции, включающей в себя популистские, инвайронменталистские, феминистские и другие, более мелкие движения, сутью которых является выдвижение разнообразных альтернатив существующему порядку»¹⁴³.

Не будем останавливаться на похожей исторической ситуации возникновения толстовства и альтернативных движений. Естественно также, что давление капитализма рождает и общую антикапиталистическую тональность толстовских и альтернативных идей. Поговорим о более конкретных сходствах, в которых влияние альтернативных движений на толстовство проявилось более явно.

1. Неоднородный социальный состав

Исследователи альтернативных движений отмечали, что «носителями тех или иных ценностных представле-

---

¹⁴¹ Савельева И. В поисках новой гармонии: социальные идеи альтернативных движений // Свободная мысль. М., 1991. № 17. С. 108.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Савельева И.М. Альтернативный мир: модели и идеалы. М., 1990. С. 50, 69.

ний и комплексов идей выступают не классы или партии и даже не социальные группы, а субкультуры, то есть объединения единомышленников, образующиеся по принципу свободно избранного стиля жизни»¹⁴⁴.

Проблема социальной базы толстовства хорошо знакома любому его исследователю. В ее качестве принято обозначать дворянство и различную интеллигенцию¹⁴⁵, но этими категориями социальный состав толстовцев полностью не исчерпывается. Напротив, Т.В. Петухова показывала, что в общинах сходились представители самых различных социальных групп, среди них многочисленны были крестьяне и сельская интеллигенция¹⁴⁶.

С.Г. Петров высказывал третью точку зрения: толстовство «привлекало к себе представителей дворянства, средних городских слоев и крестьянские патриархальные массы»; в свою очередь «к представителям средних слоев в толстовстве относились интеллигенция, мелкие чиновники, студенты — выходцы из семей мелкой буржуазии, ремесленники и кустари»¹⁴⁷. К слову, Л.Н. Вдовиченко отметила ту же пестроту социального состава альтернативных движений и пришла к выводу, что они отражают «интересы, прежде всего, средних слоев буржуазного общества»¹⁴⁸.

Неоднородность состава толстовства показывает, что его сторонников объединяли не общие социальные запросы, а нечто другое. К тому же любые организации единомышленников Толстой и последователи счита-

---

¹⁴⁴ Савельева И. В поисках новой гармонии: социальные идеи альтернативных движений // Свободная мысль. М., 1991. № 17. С. 108.

¹⁴⁵ Калининцева Э.В. К вопросу о возникновении толстовства // XXVII Герценовские чтения. Научный аттензм, этика, эстетика. Л., 1974. С. 59-60; Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 183.

¹⁴⁶ Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917-1929 гг.) Ульяновск, 2008.

¹⁴⁷ Петров С.Г. Толстовство и средние слои (к постановке вопроса) // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 171

¹⁴⁸ Вдовиченко Л.Н. Альтернативное движение в поисках альтернатив. М., 1988. С. 21.

ли вредными. Единичные попытки М.В. Алехина¹⁴⁹ или И.Б. Файнгермана¹⁵⁰ создать хоть какое-то подобие таковых вызвали в толстовских кругах жесткий отпор. По-настоящему толстовских организаций не было фактически до 1917 г., когда возникли «Общества нетипичной свободы в память Л.Н. Толстого»¹⁵¹.

Так что более тридцати лет толстовское движение существовало лишь благодаря личным контактам людей, группировавшихся вокруг Л.Н. Толстого и его активных последователей. Практически все толстовцы были знакомы друг с другом лично или, по крайней мере, по переписке. Можно сказать, что толстовство, особенно на начальном этапе — явление субкультурное, а вопрос о его социальном составе не должен и не может иметь однозначного решения.

2. *Общественная деятельность вне политической сферы*

«Способом достижения выработанного альтернативными движениями социального идеала оказывается не только и не столько политическая борьба, сколько практика "конкретной утопии", или технология "малых дел"»¹⁵².

Об аполитичности толстовцев и их отношении к государству говорилось выше, что же касается практики «конкретной утопии», то трудно представить более подходящий пример, чем собственно толстовские земледельческие колонии. Они не только предполагали личное устранение от окружающего зла, но и имели по-своему сформулированные социальные задачи. М.В. Алехин, например, писал, что толстовцы должны «онроститься и вести жизнь крестьянина, таким образом обияясь с соседними кре-

---

¹⁴⁹ Письма М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому // *Минувшее: исторический альманах*. М.-СПб., 1994. Вып. 15. С. 413.

¹⁵⁰ *Толстой Л.Н.* Письмо И.Б. Файнгерману // *Полн. собр. соч.* Т. 66. М., 1992. С. 239-141.

¹⁵¹ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2042. Л. 1-3об.

¹⁵² *Савельева И.* В поисках новой гармонии: социальные идеи альтернативных движений // *Свободная мысль*. М., 1991. № 17. С. 108.

ствиями, внося в их среду те знания, которые облегчали бы тяжелое их положение, научая их грамоте и указывая на вредное суеверие церковного учения и беспощадный грабеж и гнет правительства»¹⁵³.

«Малые дела» также стали неотъемлемой частью деятельности последователей Толстого. Можно вспомнить хотя бы помощь голодающим крестьянам в 1891—1892 гг.¹⁵⁴ или протест против Первой мировой войны¹⁵⁵, окончившийся известным «процессом 28-ми». Характерно, что в отличие от земледельческих колоний, часто приписывших разочарование, «малые дела» давали толстовцам ощущение пользы и чувство единства. После помощи голодающим В.И. Скороходов писал: «Казалось, было что-то ненормальное в том, что после такой близкой жизни на общем деле, люди расходятся, а не сливаются в одну общую братскую семью. Все-таки у нас осталось навсегда глубокое чувство любви друг к другу, что и составляет в сущности, главное в жизни»¹⁵⁶.

3. Эkleктизм и ценностный характер мировоззрения

«В основе альтернативных установок лежат не идеологии, а ценности, что предполагает "не-классический" тип политического сознания движений и общностей, складывающихся "по ту сторону идеологии"»¹⁵⁷.

Концепция Л.Н. Толстого, безусловно, не представляла собой стройной логической системы, нередко толстовские

---

¹⁵³ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 30.

¹⁵⁴ *Величкина В.М.* В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания. М.-Л., 1928. 145 с.

¹⁵⁵ *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* «Милые братья и сестры...» [Электронный ресурс] // Религии мира. История и современность. М., 1990. Режим доступа: http://www.nekij.info/Links/Library/Tolstovstvo/Books/Milye_bratija_i_sestry.html

¹⁵⁶ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 83

¹⁵⁷ *Савельева И.* В поисках новой гармонии: социальные идеи альтернативных движений // Свободная мысль. М., 1991. № 17. С. 108.

идеалы и руководство по их достижению противоречили друг другу. Этот своеобразный эклектизм теории Толстого бросался в глаза многим исследователям, например, А.С. Панкратову¹⁵⁸ или В.Д. Бонч-Бруевичу¹⁵⁹.

А. Саломони на этот счет высказала совершенно верное и прощительное суждение: «План религиозной системы, представленный писателем из Ясной Поляны, напомнил логически построенный комедиум, содержащий комплекс идей, нечетких и противоречивых... Однако при этом нельзя говорить и об эклектизме, поскольку Толстой не систематизирует и не ставит в один ряд отдельные положения из различных религиозных систем. <...> Это означает, что в учении Толстого совершенно отсутствует догма как структура»¹⁶⁰.

Можно сказать даже более того: толстовская концепция — не что иное, как сумма конкретных ценностных установок: антимилитаризм, пацифизм, вегетарианство, опрощение, трудовой идеал. Это довольно условное единство идей, которые действительно имеют общую философскую основу в виде толстовских религиозно-этических представлений. Но при применении толстовства к конкретным явлениям повседневной жизни эти ценности ведут, так сказать, самостоятельную игру в соответствии с собственной логикой, и, как следствие, в некоторых случаях вступают друг с другом в противоречие.

Отметим еще одно обстоятельство. Если контакты Толстого и его последователей с пародниками и сектантами достаточно хорошо известны историографии, то взаимоотношения с представителями альтернативных движений не столь освещены. В этом отношении ценной является монография Ш. Эльстон, предоставляющая богатый материал о многообразии и продуктивности связей самого писателя и толстовцев с антимилитаристами, антививи-

---

¹⁵⁸ Панкратов А.С. Ищущие Бога: очерк современных религиозных исканий и настроений. Т. 1. М., 1911. С. 92.

¹⁵⁹ Бонч-Бруевич В.Д. Вступительная статья // Величина В.М. В голодный год с Толстым. М.-Л., 1928. С. 10.

¹⁶⁰ Саломони А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898-1905 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 113.

секционистами, вегетарианцами, коммунитариями и многими другими, получившими прощное название «anti-everythingarianism». Характерно и то, что Эльстон отмечает ту мировоззренческую легкость, с которой сходились толстовцы и представители этих альтернативных движений¹⁶¹.

Конечно, контакты с представителями западных альтернативных движений оставались по большей части инициативой наиболее активных последователей Толстого. Хотя одно из движений современности было близко и хорошо знакомо, наверное, каждому толстовцу. Речь идет о так называемом «*коммунитарном движении*». Российский коммунитаризм не только попадал в поле внимания исследователей альтернативных движений И.М. Савельевой¹⁶² и Л.Н. Вдовиченко¹⁶³, но и удостоился специального диссертационного исследования И.А. Гордеевой¹⁶⁴.

Согласно ее определению, коммунитарное движение — «это общественное движение, участников которого объединяет цель изменения общества путем внутреннего духовного перерождения каждого отдельного участника в условиях небольшой общины, осуществление которой они готовы начать с себя и немедленно»¹⁶⁵. Из-за ожидания ломки устоявшегося уклада и установления капиталистических отношений коммунитарные настроения в российском обществе с середины XIX в. становятся ощутимыми. В 1870-е гг. начинается спонтанный и не опосредованный политическими идеологиями процесс появления общин. Говоря терминами Ф. Тенниса, участники общин стремились преодолеть отчужденность и давление нарождающегося *Gesellschaft* (общества) при помощи создания маленькой *Gemeinschaft* (общности)¹⁶⁶.

---

¹⁶¹ *Alston Ch.* Tolstoy And His Disciples: The History of a Radical International movement. L. - N.Y., 2014. P. 155.

¹⁶² *Савельева И.М.* Альтернативный мир: модели и идеалы. М., 1990. С. 50.

¹⁶³ *Вдовиченко Л.Н.* Альтернативное движение в поисках альтернатив. М., 1988. С. 86-89.

¹⁶⁴ *Гордеева И.А.* Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 472 с.

¹⁶⁵ Там же. С. 4.

¹⁶⁶ Там же. С. 206-317.

Еще до появления толстовства появляются коммуна «богочеловеков» В. Фрся в Америке, своеобразная колония-школа А.Н. Энгельгардта в Батищеве Смоленской губ.¹⁶⁷, община его учеников по соседству в Буково¹⁶⁸. Другие коммунитарные проекты были синхронны с толстовскими колониями — широко известная в свое время община Криница в Черноморской губ.¹⁶⁹ и трудовое братство Н.Н. Неплюева в Черниговской губ.¹⁷⁰

Коммунитарное движение не просто предшествовало толстовству, но и сосуществовало с ним. Два этих явления действовали в одном поле, взаимонепроникали друг в друга, пересекаясь в судьбах и мировоззрении общих представителей.

Основным вкладом коммунитарного движения стало привнесение идеала общины-коммуны-братства в толстовское мировоззрение. Однако, как и с народническими и сектантскими идеями, общинный идеал в толстовстве изменился. Можно сказать, что он стал частью толстовской программы, но не приобрел роли доминирующего принципа, каковым он был в мировоззрении коммунитариев. В толстовстве земледельческий трудовой идеал вообрал в себя идеал общины, а не наоборот.

В.Г. Чертков в 1913 г. в статье «Отношение Л.Н. Толстого к земледельческим колониям» стремился доказать сочувствие мыслителя общинному земледелию¹⁷¹, но это было значительным упрощением, популяризацией толстовского учения. Точнее было бы сказать, что сам Толстой относился к общинному идеалу неоднозначно

---

¹⁶⁷ Энгельгардт Н.А. Батищевское дело // Книжки Недели. СПб., 1895. № 3, 5.

¹⁶⁸ Энгельгардт Н.А. Буковский интеллигентный поселок: (очерк из истории культурных колоний) // Новое слово. СПб., 1895. № 3, 4.

¹⁶⁹ Василевский Г. Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб., 1908. 131 с.

¹⁷⁰ Авдасев В.Н. Трудовое братство Н.Н. Неплюева. Его история и наследие. Сумы, 2003. 63 с.

¹⁷¹ Чертков В. Отношение Л.Н. Толстого к земледельческим колониям (по неизданным письмам) // Голос мипувшего. СПб., 1913. № 10. С. 46-64.

и скорее с осторожностью. Например, Д.А. Хилкову он говорил: «Всякая форма отдаляет от людей, следовательно, и от возможности добрых дел и вызывания в них любви. Таковы и общины, и это их недостаток, если признать их постоянной формой»¹⁷². Даже в 1880-е гг., еще до краха первых толстовских общин писатель стремился отрезвить последователей, охваченных коммунитарным энтузиазмом. Он писал Н.Л. Озмизову: «Вы избрали себе форму, например, по-моему, наилучшую; но всякая форма жизни, от лорда английского до вашей, сама по себе есть не только мертвечина, но помеха истинной жизни»¹⁷³.

Но красноречивее этого о приоритете трудового идеала, а не общинного, свидетельствует сама практика толстовского движения. Забежим немного вперед.

Во-первых, в 1880-е гг. толстовцы под влиянием коммунитарных настроений действительно организовали сразу несколько общин, но до 1917 г. этот процесс имел вяло текущий характер. Вместо этого они «садились на землю» другими способами — артелями, соседскими поселениями единомышленников, одиночками, и каждая из этих форм движения «на землю» составляла общинам конкуренцию.

Во-вторых, спецификой толстовства стали толстовцы-странники, или бродяги, предпочитавшие свободный труд и постоянно менявшие место проживания. Этот феномен можно объяснить только тем же приоритетом земледельческого труда над общинным идеалом. К слову, именно странникам Толстой, согласно М.В. Алехину¹⁷⁴ и А.С. Буткевичу¹⁷⁵, сочувствовал более чем участникам общин.

В-третьих, если среди толстовцев земледельческая жизнь без общины встречалась часто, то общинная жизнь без земледелия — ничтожно редко. Действительно, коммун-общин толстовцев, участники которых не занимались бы земледелием, известно только две. При этом обе они

---

¹⁷² Толстой Л.Н. Письмо Д.А. Хилкову // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 223.

¹⁷³ Толстой Л.Н. Письмо Н.Л. Озмизову // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 411.

¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240 л. 33.

¹⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 37-38.

сопутствовали земледельческим общинам и носили вынужденный характер — это столярные мастерские толстовцев в Полтаве¹⁷⁶ и в Елизаветграде¹⁷⁷.

Избыточное внимание к толстовским общинам привело к тому, что другие земледельческие колонии остались в тени, а роль общинного идеала в толстовском мировоззрении была преувеличена.

Разница акцентов в идеалах труда и общины отражалась и в ряде более конкретных различий толстовских и не-толстовских общин. К этим различиям мы вернемся в следующей главе, а здесь лишь отметим, что даже толстовцы-общинники не ощущали единства с другими коммуштариями. В.И. Скороходов, ученик А.Н. Энгельгардта, рассказывал о путешествиях А.В. Алехина, побывавшего в, казалось бы, близкой к толстовцам Кринице. Но ни слова о мировоззренческом родстве он не говорит, а отмечает лишь: «выяснилось, что у нас с ней мало общего»¹⁷⁸.

Вернемся к альтернативным движениям в целом. Сходства их и толстовства не ограничиваются неоднородностью социального состава, формами общественной деятельности и ценностной логикой мировоззрения. При детальном рассмотрении эти сходства как бы разветвляются, рождая еще больше точек соприкосновения двух явлений. Более того, толстовство подобно не только альтернативизму *своего* времени, но и, как следствие, новым социальным движениям *нашего*. Это обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на актуальность толстовского феномена. Его изучение возможно не только в русле народничества, но и в качестве явления, стоящего у истоков новых социальных движений нашей современности.

Таким образом, толстовство является историко-генетической формой народничества, но не российского конкретно-исторического общественного движения второй

---

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 89 (1891 г.). Д. 323. Л. 14-16об.

¹⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 253об.-294об

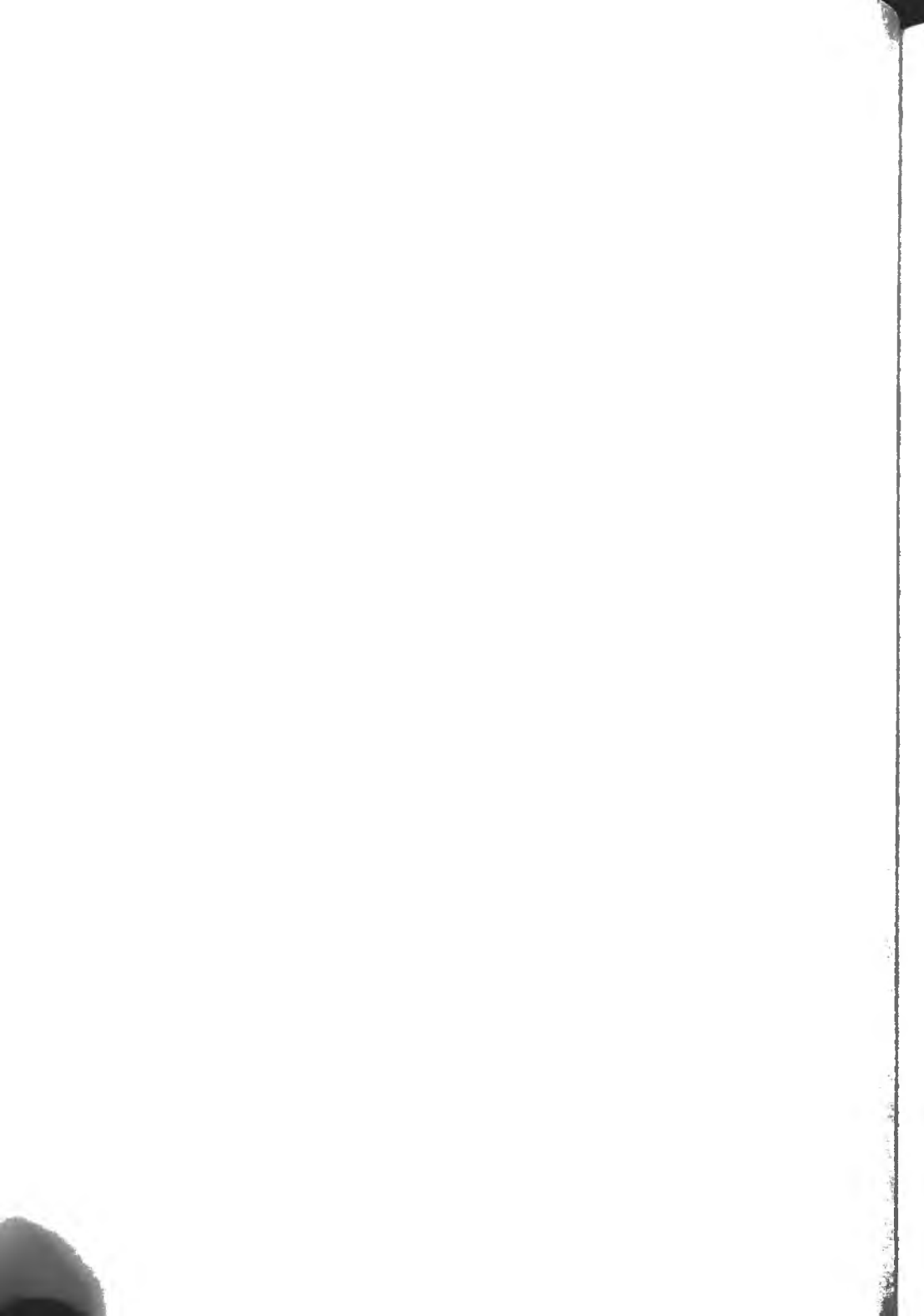
¹⁷⁸ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 126.

половины XIX в., а народничества в широком смысле, которое объединяет все социальные течения и идеологии, опирающиеся на народ и апеллирующие к нему.

Существует по крайней мере три социальных течения, которые оказали на толстовство непосредственное и наибольшее влияние, в своей совокупности сформировав его специфику. Идеи русского народничества и рационалистического сектантства слились в толстовстве причудливым образом. Можно сказать, народнический импульс обрел в толстовстве религиозно-этическое обоснование, а туманные сектантские идеалы — радикальность и социально-политический пафос. Альтернативные движения XIX в. предоставили толстовству субкультурный способ организации и нестандартную для своего времени логику мировоззрения. Одно из них, коммунитарное движение, привнесло в теорию и практику толстовства общинный идеал.

Движение «на землю» — это поле пересечения в толстовстве всех трех его социальных истоков, а земледельческая колония соответственно включает в себя три императива. Она — это и попытка толстовца стать народом, и религиозно-нравственная жизнь трудами рук своих, и практика «конкретной утопии», альтернативной злу капиталистического устройства.

Глава 2.
Толстовство
и движение
«на землю»

У современников Л.Н. Толстой снискал славу «родоначальника культурных поселений последней формации»¹. Действительно, антикапиталистические настроения, разрозненные и порой неосознанные, получили в толстовстве идеологическое обличье и обернулись призывом к жизни земледельца, единственному выходу из порочного круга.

Два социальных явления, толстовство и движение «на землю», тесно соприкасались друг с другом. Тем не менее, они не совпадали полностью и не могли совпасть. Не все толстовцы переходили к земледельческой жизни, и не все участники движения «на землю» были последователями Л.Н. Толстого. Следовательно, для того чтобы определить, где толстовские идеалы совпадали с принципами других участников движения «на землю», а где расходились с ними, необходим анализ толстовской концепции во всей ее полноте. Этой задаче и посвящена данная глава.

Вместе с тем такой анализ связан с определенной трудностью, речь вновь идет о противоречивости толстовских принципов, их «эклетицизме». Однако избежать смыслового хаоса вполне возможно, если учитывать следующее обстоятельство. Толстовство — это идеалы не одного лишь Л.Н. Толстого, но и его последователей. И в данном случае восприятие толстовцами концепции

---

¹ Кривенко С.Н. На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 4.

мыслителя чрезвычайно важно. Как увидим далее, оно позволяет расставить акценты и четче воспроизвести логические связи, иными словами, представить толстовство не как совокупность разрозненных принципов, а как мировоззренческую систему.

2.1. Мировоззрение Л.Н. Толстого: религиозно-философское и социальное

Сама концепция Л.Н. Толстого является фундаментом толстовства как мировоззрения и станет отправной точкой этой главы. Чаще всего его учение рассматривается в качестве сложившейся единой системы, как конечный результат долгой, почти 30-летней работы. При этом легко проследить логические взаимосвязи между принципами мировоззрения Л.Н. Толстого, но историческим контекстом их возникновения приходится пренебрегать.

Краеугольным камнем мировоззрения Толстого, как отметил В.Ф. Булгаков, являются его религиозные взгляды². По Толстому, каждый человек наделен душой, единой для всех живых существ и являющейся частицей бога. Душа — это «нечто бестелесное, связанное с нашим телом», а бог — «это же бестелесное, ни с чем не связанное и дающее жизнь всему»³.

Природа человека духовна, поэтому он не может существовать без веры. Вера для Толстого рационалистична: «Это знание того, что такое человек и для чего он живет на свете»⁴. При этом истинная вера означает любовь к богу и ближним: «Любовь даст людям благо, потому что соединяет человека с Богом»⁵.

Истинная вера очень проста и едина для всего человечества. Но ее затемняют и искажают многочисленные

---

² Булгаков В.Ф. Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. М., 1917. С. 3.

³ Толстой Л.Н. Путь жизни // Поля. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 32.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 21.

ложные веры, «которые люди принимают не потому, что они пужны им для души, а только потому, что верят тем, кто их проповедует»⁶. Истинная вера непременно носит внутренний характер, тогда как вредны и искусственны все ее внешние проявления: институт посредничества между богом и человеком, обряды, таинства, культ, даже молитва. «Вот в чем истинная вера: не в обряде, не в жертве, а в единении с людьми»⁷, — говорит Толстой. Главный вред церкви состоит в том, что она разъединяет людей и препятствует установлению единой для всех истинной веры или религии.

Но разум, который дан человеку богом, способен очистить ложные веры от шелухи суеверий и найти их истинное зерно. «Мы не разумом доходим до веры. Но разум нужен для того, чтобы проверять ту веру, которой учат нас»⁸. Согласно Толстому, разум отвергает мистику во всех ее проявлениях. Его вера не признает персонифицированной загробной жизни, чудес, церковных таинств, даже единение с богом и людьми носит рациональный, а не мистический характер. Единственное, что выдерживает проверку разумом — это этика как христианской, так и любой другой религии. Как заметила Е.Д. Мелешко, парадокс и специфика учения Толстого состоит в том, что это «рациональный иррационализм» или «разумная вера»⁹.

Следуя христианской этике, Толстой провозглашает известный принцип непротivления злу насилием. Само зло эфемерно, как такового его нет, «зло только внутри нас, то есть там, откуда его можно вынуть»¹⁰. Если добро и зло не одинаковы для всех людей, то «че-

---

⁶ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 277.

⁷ Там же. С. 291.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Мелешко Е.Д. Учение Л.Н. Толстого и современные дискуссии о соотношении религии и нравственности в российском обществе // Л.Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. Ч. 1. Тула-М., 2011. С. 48.

¹⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 440.

ловек никогда не может и не должен делать насилия ради того, что он считает добром»¹¹. Да и невозможно силой добиться желаемых перемен к лучшему, потому что они должны носить внутренний, а не внешний характер: «Заставить людей силой делать то, что мне кажется хорошим, это самое лучшее средство внушить им отвращение к тому, что мне кажется хорошим»¹². Так что непотворение злу насилием, по Толстому — это единственный способ выйти из порочного круга насилия и привести человечество «к замене закона насилия — законом любви»¹³.

Восприятие Толстым насилия как широко распространенного явления приводило к тому, что концепция непотворения касалась практически всех вопросов повседневной жизни. В этой точке учение Толстого приобретало уже не столько философскую, сколько социальную направленность.

Все явления, приводящие к отчуждению людей друг от друга, признавались вредными и опасными, таковы — социальное неравенство и разделение труда. Для Толстого все люди, обладая единой душой, равны. «Равенство — это признание за всеми людьми мира одинаковых прав на блага, происходящие от общей жизни, и одинаковых прав на уважение личности человека»¹⁴. Поэтому «то, что называется разделением труда — есть только оправдание тупеядства»; труд — «закон телесной жизни», а земледелие — самый лучший из видов труда, так как оно «есть занятие, свойственное всем людям, труд этот дает больше всего свободы и больше всего блага людям»¹⁵. Следовательно, и собственность на землю как таковая несправедлива. Воспроизводя взгляды крестьян, Толстой писал: «Тот, кто владеет земельной собственностью в большем размере того, что нужно ему для пропитания своего и сво-

---

¹¹ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 206.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Там же. С. 195.

¹⁵ Там же. С. 138, 136, 137.

ей семьи, не только участник, но и виновник той пужды, тех бедствий и того развращения, от которых страдают рабочие люди»¹⁶.

Из идеалов равенства и земледельческого труда следует и аскетизм, т.е. известное «опрощение». Простая одежда и умеренное вегетарианство, бывшее еще и следствием принципа ненасилия, вызывали улыбку и недоумение многих современников Толстого. Однако его «опрощение» шло значительно дальше внешних проявлений. Толстой отстаивал идеал целомудрия, считая половые отношения безнравственными. Вопреки критике, это убеждение писателя не было фанатично односторонним — он признавал и честный брак по любви, хотя и рассматривал подобный поступок нравственно ниже, чем сам идеал целомудрия¹⁷.

Многие философы-современники не могли простить Толстому того, что «опрощение» распространялось им и на культуру. С.Л. Франк в «Вехах» писал, что для Толстого, как и для всей русской интеллигенции, культура есть «ненужное и нравственно непозволительное барство»¹⁸. Хотя тут стоит подчеркнуть, что Толстой выступал не за уничтожение культуры, а за ее демократизацию, что лишь для привилегированных слоев казалось тождественным. Для Толстого существует не только ложная наука, которая «служит оправданием устройства общественной жизни»¹⁹, но и истинная. «Есть два несомненных признака истинной науки, — пишет Толстой, — первый, внутренний — тот, что служитель науки не для выгоды, а с самоотвержением исполняет свое призвание, и второй, внешний — тот, что произведение его понятно всем людям»²⁰. В том же духе он высказывался и об искусстве.

---

¹⁶ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 150.

¹⁷ Толстой Л.Н. Письмо Е.И. Попову // Полн. собр. соч., Т. 65. М., 1992. С. 161-164.

¹⁸ Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 178.

¹⁹ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 298.

²⁰ Там же. С. 309.

Наконец, одним из самых опасных и вредных явлений Толстой считал институт государства. Глава «Суеверие государства» трактата «Путь жизни» — возможно, один из самых ярких и сильных толстовских текстов. «Главное зло государственного устройства не в уничтожении жизни, а в уничтожении любви и возбуждении разъединения между людьми»²¹, — так пишет мыслитель. Патриотизм, или «народная гордость» — суеверие, ведь «человек, понимающий смысл и назначение жизни, не может не чувствовать свое равенство и братство с людьми не одного своего, но и всех народов»²².

Толстой верил, что человек из-за своей божественной природы добр, поэтому основанное на насилии государство должно скоро исчезнуть благодаря неуклонно идущему вперед духовному развитию людей: «В наше время люди уже начинают понимать, что время государства прошло и что оно держится только утвердившимся лжеучением»²³. В то же время образ будущего социального устройства Толстой рисовал туманно, обозначая его анархическим: «Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым заставляют людей подчиняться насильно»²⁴.

Если говорить о пути общественного преобразования, который предлагает Толстой, то необходимо отметить следующую особенность. Его концепция оперирует не социальными структурами, не общинами единомышленников и не семьями. В центре внимания всегда находится отдельный человек. «Человеку дана власть только над самим собою. Только свою жизнь может устраивать человек так, как он считает для себя хорошим и нужным»²⁵, поэтому и «для улучшения жизни общественной есть только одно средство — усилия отдельных людей к достижению доброй, нравственной жизни»²⁶.

---

²¹ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 264.

²² Там же. С. 193.

²³ Там же. С. 267.

²⁴ Там же. С. 276.

²⁵ Там же. С. 218.

²⁶ Там же. С. 326.

Такие усилия в совокупности, взятые как процесс, по Толстому, являются самосовершенствованием. В социальном плане оно подразумевает отказ от участия в несправедливостях жизни — это так называемое «неделание»: «Главное усилие, которое должен делать над собой человек для доброй жизни, — это то, чтобы не делать того, чего не должно»²⁷. Неделание предполагает еще и личное, нравственное поведение — руководствуясь чувством любви, избегать гнева и споров, быть воздержанным в слове и в делах, бороться с тщеславием, не страдать пороками вроде пьянства, курения, разврата и т.д.

По Толстому, кроме неделания и личного примера, оздоровлению общественной жизни можно содействовать убеждением других людей. Это главный и единственный нравственно оправданный способ. «Как мало нужно для уничтожения государственного насилия изнутри посредством разума; нужно только одно — признание суеверия суеверием»; или — «во всех случаях, где употребляется насилие, прилагай разумное убеждение, и ты редко потеряешь в мирском смысле и всегда будешь в большом выигрыше в духовном»²⁸. Такой взгляд — следствие не наивности или пассивности Толстого, а скорее его искренней веры в то, что основу человеческой природы, так или иначе, составляет добро.

Завершая обзор учения Л.Н. Толстого, обратим внимание на один важный момент. Этот экскурс не может быть исчерпывающим для исторического исследования, равно как и многочисленные работы философов, изучающих мировоззрение Л.Н. Толстого. И дело тут не в краткости. Иллюстративное описание толстовских идей не дает практически никакого представления об эволюции, которую претерпевала концепция Л.Н. Толстого в конкретно-исторических условиях. Более того, ее рассмотрение как законченной системы приводит к достаточно распространенному заблуждению, согласно которому социальные идеи Толстого вторичны и не столь важны, а логиче-

---

²⁷ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. С. 344.

²⁸ Там же. С. 218, 221.

ски подчинены религиозно-философским принципам. Это в корне неверно. Скорее можно говорить о существовании в мировоззрении Толстого двух полюсов: религиозно-философского и социального. При этом далеко не всегда религиозные принципы предшествовали и определяли толстовские общественные идеалы, напротив, зачастую именно обстоятельства социальной ситуации приводили Толстого к, казалось бы, отвлеченному философскому убеждению. Постараемся взглянуть на толстовское учение несколько иначе — в динамике его становления.

Мечта о создании новой религии появляется у Толстого очень рано. Речь идет об известной дневниковой записи 4 марта 1855 г.: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую и громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле»²⁹. Это настроение молодого Толстого может быть связано с набравшим обороты, но еще не обострившимся кризисом православной идеологии. Любопытно, что она озвучена в 1855 г. и является плодом раздумий Толстого, пришедшихся на последнее, «мрачное семилетие» правления Николая I, когда религиозные искания в обществе имели повышенный спрос.

За этим последовал личный писательский успех Толстого. Но не только он позволил ему более чем на 20 лет забыть о создании новой религии, но и эпоха реформ Александра II, когда поле деятельности для представителей дворянства было сравнительно широким. Сам Толстой является в этом отношении показательной фигурой: он работает мировым посредником, а затем организует свою знаменитую школу для крестьянских детей и выдвигает педагогические идеи. Уже в годы отмены кре-

---

²⁹ Толстой Л.Н. Дневники 1855 г. // Полн. собр. соч., Т. 47. М., 1992. С. 37.

постного права ему было присуще стремление вставать на сторону крестьян в конфликтах с помещиками³⁰. О народническом элементе в педагогической деятельности Толстого уже упоминалось выше. Достаточно очевидна и связь педагогической системы Толстого, не признававшей никакого насилия над учениками, с его будущей философской концепцией. Например, задолго до 1881 г. он формулирует принцип невмешательства учителя в процесс образования. В данном случае подразумевалось «предоставление образовывающемуся полной свободы воспринимать то учение, которое согласно с его требованием, которое он хочет»³¹.

Но мировое посредничество Толстого не приносит всеобщего блага, а его педагогическая деятельность оканчивается конфликтом с тульским губернатором и жандармами³². В то же время реформы Александра II сменяются постепенным усилением охранительной политики, не примирением, а борьбой с народничеством и позднее с пародовольцами. Попытки разночинцев обрести единство с народом обернулись болезненным провалом, надежды интеллигенции на масштабные социальные и политические преобразования не оправдались, а перед дворянством встал выбор: «существование эксплуататора или разрыв со своим классом»³³.

В характерной для дворянства и интеллигенции ситуации неудовлетворенности и невозможности реализации своих социальных идеалов Л.Н. Толстой вступает в середине 1870-х гг. в фазу так называемого «духовного кризиса». Сомнения и поиск новых идеалов хорошо прослеживаются уже в судьбе Левина в романе «Анна Каренина», оконченном к 1876 г.

---

³⁰ Fodor A. A Quest for a Non-violent Russia. The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham - N.Y. - L., 1989. P. 13.

³¹ Толстой Л.Н. Воспитание и образование // Полн. собр. соч., Т. 8. М., 1992. С. 241.

³² Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого [Электронный ресурс]. Т. 2. Ч. 1. М., 2000. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/birjukow_p_i/text_1905_tolstoy03.shtml

³³ Калиничева З.В. К вопросу о возникновении толстовства // XXVII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1974. С. 59.

Теперь, как и в 1855 г., писатель вновь обращается к религиозно-философским размышлениям, но обострение социальной и социально-политической обстановки, помноженное на возросший личный опыт и широкий круг знакомств, выводит искания Толстого на совершенно новый уровень. Характерно, что «кризис» Толстого пришелся на кульминацию периода борьбы революционеров и правительства в 1880–1881 гг., периода так называемой «диктатуры сердца». Более того, само рождение толстовства как мировоззрения относится к столь символичному для истории России 1881 г., т.е. как раз к началу периода политической реакции, последовавшей за убийством Александра II.

Новые толстовско-христианские мотивы проявились в известном письме Толстого к Александру III с просьбой помиловать убийц его отца³⁴. Новый царь, конечно, не прислушался к Толстому, но в 1881 г. появляются люди, которым толстовство давало веру и вдохновение к деятельности — первые толстовцы.

Публицистика Толстого открывается именно социальным, а не религиозно-философским произведением — «Исповедью», полностью оконченной к 1882 г.³⁵ Оно задумывалось как предисловие к религиозному трактату «Исследование догматического богословия», но социальные идеи, отразившиеся в нем, сделали его самостоятельным сочинением. «Исповедь» показывает, что вовсе не абстрактные философские принципы служат источником религиозного мировоззрения Толстого. Напротив, оно выстрадано болью и муками совести, которые испытывает писатель от участия в социальной несправедливости. Он пишет: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас.

---

³⁴ Толстой Л.Н. Письмо Александру III // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 44-56.

³⁵ Толстой Л.Н. Исповедь (вступление к ненапечатанному изданию) // Полн. собр. соч., Т. 23. М., 1992. С. 1-59.

паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей»³⁶.

Помимо «Исследования догматического богословия» и «Соединения и перевода четырех Евангелий», за этим следовало, пожалуй, самое важное для 1880-х гг. толстовское сочинение «В чем моя вера?»³⁷ 1880-х гг., посвященное новому этическому пониманию христианства. Несмотря на заглавие и содержание, существенное место в нем вновь занимает тема несправедливого социального устройства, которое автор критикует с позиции христианской заповеди о непротivлении злу насилием. За счет этого религиозное по сути произведение «В чем моя вера?» имело лафос социально-политического протеста. Как и в «Исповеди», здесь присутствует тот же лейтмотив: теперь «все, что прежде казалось мне хорошим и высоким — почести, слава, образование, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, внешних приемов, — все это стало для меня дурным и низким. Все же, что казалось дурным и низким — мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, приемов — все это стало для меня хорошим и высоким»³⁸.

Сочинение «В чем моя вера?» было окончено в 1884 г., и соответствовало усилению религиозных исканий образованной части российского общества. Это произведение обладало преимуществом — оно маскировало в религиозную оболочку те социальные идеи, которые вытеснялись и подавлялись в годы режима усиленной охраны, не признававшей фактически никаких форм общественной деятельности.

О значении этой работы говорят и фактические данные. Совсем не с «Исследования догматического богословия», а с «В чем моя вера?» и с «Исповеди» начиналось увлечение толстовством большинства лиц, об этом рас-

---

³⁶ Толстой Л.Н. Исповедь (вступление к ненапечатанному изданию) // Полн. собр. соч., Т. 23. М., 1992. С. 47.

³⁷ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полн. собр. соч., Т. 23. М., 1992. С. 304-468.

³⁸ Там же. С. 455.

сказывавших. Сочинение «В чем моя вера?» произвело переворот, например, в Андрее и Анатолии Буткевичах³⁹, Д.А. Хилкове⁴⁰, С.М. Попове⁴¹.

Социальным проблемам Толстой полностью посвятил другое свое раннее произведение «Так что же нам делать?», оконченное к 1886 г., рассказывающее о его работе на переписи населения в Москве, в 1881—1882 гг.⁴² Под впечатлением от городской бедности и ее контраста с богатством представителей «света» Толстой вновь критикует паразитизм привилегированных слоев общества. Эта работа имела решающее значение, например, для М.В. Булыгина⁴³. М.В. Алехин же обобщенно писал, что сочинения «Исповедь», «В чем моя вера», «Так что же нам делать» были восприняты рядом сочувствовавших толстовским идеям лиц в качестве руководства к действию — организации земледельческих колоний⁴⁴.

Позднее Н.Н. Гусев писал Толстому, что эти ранние произведения «особенно ценны тем, что в них отразилось переходное настроение Ваше, то состояние восторга, в котором Вы находились, познав истину»⁴⁵. Однако этот первоначальный восторг со временем проходит, что связано и с обстоятельствами личной жизни писателя. Стремясь изменить жизнь российского общества, он не мог изменить свою собственную. Мечта об отречении от тяготившей «барской» обстановки оказывается неосуществимой и с этим поневоле приходится мириться. Выходит, сам Толстой не может реализовать свои социальные идеалы, и сама жизнь сужает его самосовершенствование до абстрактно-философских умонастроений. В публицистике Толстого возникает новый мотив: внутренняя нравственность намного важнее ее внешних проявлений. Этот ре-

---

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 2.

⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 358. Ед. хр. 55. Л. 17.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 67.

⁴² Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Полн. собр. соч., Т. 25. М., 1992. С. 182-411.

⁴³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 3об.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 30.

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 45. Ед. хр. 53. Л. 5об.-6.

лигиозно-философский мотив будет усиливаться и к концу жизни писателя приобретет характер доминанты.

Эта тенденция с конца 1880-х гг. просматривается в его объемном произведении «О жизни», посвященном более детальному обоснованию религиозных взглядов. В нем логика подчинения социальных идеалов философским принципам становится более ощутимой⁴⁶. В письме, написанном в июне 1890 г., его единомышленник А.Н. Дунаев скажет: «Как удивительно бывает слышать [от толстовцев], что Л.Н. не удовлетворяет больше, что он не тот Толстой, который писал "Так что же нам делать", "В чем моя вера?", что он удалился сам от того, что говорил»⁴⁷.

Конечно, Толстой еще неоднократно вернется к социальным идеям. В частности этому способствовала начатая им и толстовцами кампания помощи голодающему населению, пострадавшему от неурожая 1891 г. В статье «О голоде», вызвавшей общественный резонанс, он вновь пишет: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты», нужно «слезть» с его шеи⁴⁸.

Кормление голодающих 1891–1892 гг. не только явилось напоминанием Толстому о социальной несправедливости, но и ознаменовалось чередой столкновений с полицией и правительством⁴⁹. Внимание мыслителя вновь вернулось к теме государства как источника бедствий народной жизни. Это настроение отчасти было зафиксировано в трактате «Царство божие внутри вас», который изначально имел название «О непротвении» и создавался в 1891–1893 гг.⁵⁰

Значение «Царства божие внутри вас», как и его особенности, сходны с сочинением «В чем моя вера?». Философское обоснование довольно абстрактного непротвения

⁴⁶ Толстой Л.Н. О жизни // Полн. собр. соч., Т. 26. М., 1992. С. 313–442.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 72. Ед. хр. 50, Л. 4.

⁴⁸ Толстой Л.Н. О голоде // Полн. собр. соч., Т. 29. М., 1992. С. 106.

⁴⁹ Бирюков П.И. Биография Л.Н. Толстого [Электронный ресурс]. Т. 3. М., 2000. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/birjukow_p_1/text_1905_tolstoy05.shtml

⁵⁰ Толстой Л.Н. Царство божие внутри вас // Полн. собр. соч., Т. 28. М., 1992. С. 1–293.

внезапно оборачивается упорной и страстной критикой института государства, которая занимает не менее чем треть всей работы. «Человечество выросло из своего общественного, государственного возраста и вступило в новый. Оно знает то учение, которое должно быть положено в основу жизни этого нового возраста, но по инерции продолжает держаться прежних форм жизни»⁵¹, — делает вывод Толстой.

Однако нельзя не заметить, что религиозно-философский дух в сочинении «Царство Божие внутри вас» выражен более явно, чем в работе «В чем моя вера?». Дело тут даже не в риторике, а скорее в характере заключения трактата. После долгой критики социальной несправедливости Толстой вдруг возвращается к абстрактным суждениям о категориях истины и свободы человека⁵². Эта работа сыграла важную роль в судьбе Л.А. Сулержицкого⁵³, И.М. Баландина⁵⁴ и активно распространялась толстовцами. Однако, в отличие от «В чем моя вера?», «Царство Божие внутри вас» было окончено под занавес эпохи реакции и уже в меньшей степени отвечало потребностям интеллигенции. Приближался революционный подъем, и его тень уже легла на идеи Толстого и последователей. К тому же в первой половине 1890-х гг. все ранние земледельческие общины толстовцев потерпели крах. Хотя Толстой не всегда сочувствовал коммунитарным проектам единомышленников, это обстоятельство негативно сказалось на его вере в осуществимость собственных социальных идеалов.

Вслед за этим, в 1895 г. Толстой завершает другой трактат «Христианское учение»⁵⁵, который своей религиозно-философской направленностью подобен работе «О жизни».

---

⁵¹ Толстой Л.Н. Царство божие внутри вас // Полн. собр. соч., Т. 28. М., 1992. С. 132.

⁵² Там же. С. 220-293.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 339. Ед. хр. 44. Л. 9.

⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 43. Ед. хр. 52. Л. 24.

⁵⁵ Толстой Л.Н. Христианское учение // Полн. собр. соч., Т. 39. М., 1992. С. 117-191.

Однако постепенное ухудшение положения крестьян не могло не получить отклик в душе Толстого и вылилось с середины 1890-х гг. в его увлечение системой единого налога Генри Джорджа. Как уже упоминалось, ради этого рецепта социальной справедливости Толстой закрывал глаза на собственное неприятие государства и чиновников, вновь показывая, что земное благо простых людей для него дороже догматических религиозно-философских истин. Система единого налога противоречила частным принципам, но не духу концепции Толстого. Ведь как пронизательно заметил К. Уэнзер, Толстому «система Джорджа подходила, так как она обеспечивала баланс между человеком и обществом, с одной стороны, и между Богом и человеком, с другой»⁵⁶.

Обращенность Толстого к социальным вопросам несколько усилилась на волне общественного подъема, разрешившегося позднее революцией 1905–1907 гг. Толстой пытался противопоставить революционным настроениям свои идеалы непротивления и ненасилия, стремясь решить социальные проблемы без кровопролития. В 1900 г. выходит его известный трактат «Рабство нашего времени»⁵⁷, описывающий ужасающее положение рабочих. Эта работа была далека от религиозно-философской проблематики и сходна с «Так что же нам делать?».

Но толстовские идеи накануне первой революции в России уже не соответствуют потребностям активной социально-политической борьбы. Крестьянское движение, русская «жакерия»⁵⁸, нуждалась отнюдь не в идеологии непротивления. С другой стороны, все же оши-

---

⁵⁶ *Wenzer K.C. Tolstoy's Spiritual Political Economy (1897-1910): Anarchism and Land Reform [Electronic source] // American Journal of Economics and Sociology, Inc. 1997. Vol. 56. No. 4. P. 642. URL: <http://www.jstor.org/stable/3487337>*

⁵⁷ *Толстой Л.Н. Рабство нашего времени // Полн. собр. соч., Т. 34. М., 1992. С. 144-200.*

⁵⁸ *Шанин Т. Революция как момент истины 1905-1907 — 1917-1922. М., 1997. С. 140.*

бочно обвинять Толстого в том, что в 1905–1907 гг. его проповедь «заострилась целиком против революционного движения»⁵⁹. Его сочувствие революционерам можно найти, например, в известной работе «Не могу молчать». Конечно, здесь Толстой в своем духе осуждает насилие как правительства, так и революционеров; но именно последним он отдает свои симпатии. В первой редакции памфлета, обращаясь к правительственным людям, он пишет: «Как ни ужасны дела революционеров <...> дела их и по количеству убийств и по мотивам их едва ли не в сотни раз меньше и числом и, главное, менее нравственно дурны, чем ваши злодеяния. В большинстве случаев в делах революционеров есть, хоть и часто ребяческое, необдуманное, желание служения народу и самопожертвования, главное же, есть риск, опасность»⁶⁰.

С другой стороны, в последнее десятилетие жизни все менее Толстого занимают социальные идеалы, тогда как религиозно-философские принципы окончательно выступают в его творчестве на первый план. Помимо преклонного возраста самого писателя, этому содействовала и очевидная неудача толстовства на социально-политической арене, его неспособность в данных исторических условиях конкурировать с революционными идеологиями. Так что внимание Толстого поневоле обращалось из поля повседневности в область отвлеченной философии.

За революцией 1905 г. последовала новая эпоха акции. В эти годы деятельность толстовцев оказалась беспрецедентно плодотворной, но нового возвращения Толстого к социальным вопросам не произошло, если не считать упомянутого памфлета «Не могу молчать», яркого, но не по-толстовски краткого. Сам писатель погружается в изучение религиозно-философского наследия других эпох и народов. В нем он ищет и нахо-

---

⁵⁹ Горев Б.В. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930. С. 48.

⁶⁰ Толстой Л.Н. Не могу молчать (планы и варианты) // Полн. собр. соч., Т. 37. М., 1992. С. 395.

лит подтверждения принципов своей единой истинной религии. Результатами этих поисков стали сборники «Круг чтения»⁶¹ и «На каждый день»⁶².

В декабре 1909 г. к Толстому обратился молодой студент историко-филологического факультета московского университета. Он представил систематическое изложение толстовского учения, поставив в нем на первый план религиозно-философские, а не социальные принципы. Толстой ознакомился с этой работой и одобрил ее, а автор, В.Ф. Булгаков, стал его последним секретарем.

К 1910 г. относится создание наиболее фундаментального и последовательного толстовского трактата «Путь жизни», над которым Толстой работал при деятельной помощи В.Ф. Булгакова⁶³. «Путь жизни» — не только хронологический, но и логический итог долгих и мучительных исканий писателя. Именно в этом произведении религиозно-философские принципы Толстого, наконец, окончательно подчинили себе его социальные идеалы.

Можно сказать, эволюция толстовского мировоззрения происходила благодаря взаимодействию двух его полюсов: философского и социального. Путь этой эволюции был подобен спирали. Отталкиваясь от социальных вопросов и периодически возвращаясь к ним, концепция Толстого постепенно, но неумолимо двигалась в сторону более абстрактных идей. Эта биполярность не столь очевидна сейчас, когда религиозно-философские принципы в учении Толстого кажутся нам краеугольными и самодовлеющими. Но она была лучше заметна современникам писателя, видевшим становление его концепции и ярче ощущавшим социальный контекст даже ее отвлеченных принципов.

---

⁶¹ Толстой Л.Н. Круг чтения // Полн. собр. соч., Т. 41-42. М., 1992.

⁶² Толстой Л.Н. На каждый день // Полн. собр. соч., Т. 43-44. М., 1992.

⁶³ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 149-150.

2.2. Учение Л.Н. Толстого в восприятии последователей

Отметим, что высказанный тезис о двойственности концепции Л.Н. Толстого не является безусловным новшеством. Подобную мысль высказывал, например, А.Ю. Каширин, рассматривавший толстовство как единство даже не двух, а трех мировоззрений: «метафизического или религиозного», «народнического» и «традиционно-общинного»⁶⁴.

Гораздо важнее то, что это замечали и сами толстовцы. Мысль о двойственности мировоззрения Л.Н. Толстого прекрасно сформулировал И.Ф. Наживин: «В Толстом есть два Толстых: один — Мария, избравшая "единое на потребу", — давший необыкновенный синтез всей гигантской религиозной работы человечества, другой — Марфа, пекущаяся о многом, Толстой-борец, Толстой-джорджист, Толстой-анархист»⁶⁵. В сходном ключе высказывался и В.В. Рахманов: «В Толстом совмещаются вместе, с одной стороны, народник и политический мыслитель с оттенком анархизма, и, с другой стороны, философ-моралист, отыскивающий пути для новой, очищенной от всех суеверий религии»⁶⁶.

Это наблюдение толстовцев связано с тем, что сами они воспринимали толстовство либо как философское, либо как социальное учение, выбирая в Толстом, говоря словами Наживина, или Марию, или Марфу. Этот взгляд скрытно присутствует во многих толстовских текстах, а иногда проступает и явно.

М.В. Алехин в своих недописанных воспоминаниях об истории толстовского движения неоднократно обращал внимание на различия среди толстовцев. «Были толстовцы и толстовцы. По-видимому, если были последователи

---

⁶⁴ Каширин А.Ю. Этика толстовства ... дисс. канд. филос. наук. М., 2002. С. 13.

⁶⁵ Наживин И.Ф. Моя исповедь // Собр. соч., Т. 5. М., 1912. С. 17-18.

⁶⁶ Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшие годы. СПб., 1908. № 9. С. 11.

Толстого, то разделения между ними не должно было бы быть, однако деление было и довольно очевидное», — писал он.

Первая группа — «теоретики», или «светлые»: «Более приближенная к Л.Н. и его дому и материально обеспеченная, вела жизнь замкнутую, дух народничества не коснулся ее. Она была хранительницей и собирательницей писаний Толстого и находилась в постоянной переписке и общении с Л.Н. Во главе этой группы были Горбунов-Посадов, Чертков, Бирюков, Буланже, Трегубов, Попов».

Вторая же группа — «активисты», или «темные»: «Революционная, державшаяся народничества, приняв основу учения Толстого против церкви, правительства, разоблачающая современное буржуазное общество и работодателей народа, переменив образ жизни интеллигента на жизнь простого рабочего крестьянина, двинулась из города в деревню к обездоленному, неграмотному народу, работать с ним одну работу, помогая ему приобретенными знаниями, перестраивая самые основы жизни»⁶⁷.

Характерным представителем толстовцев-«активистов» является сам автор воспоминаний. Позднее В.Д. Бонч-Бруевич писал о нем: «Художник-пейзажист, копчивший Академию Художеств с отличием. В высшей степени последовательный человек. Присоединившись к толстовству, действительно перешел от слов к делу. Простым с.х. рабочим вместе с крестьянами, двигавшимися на отхожие промыслы, исходил он юг России, везде и всюду открыто пропагандируя толстовские идеи»⁶⁸.

Ту же мысль о разделении толстовцев М.В. Алехин отстаивает и позднее. В письме В.Д. Бонч-Бруевичу он говорит о воспоминаниях В.М. Величкиной: «Характеры, как называет В.М., учеников обрисованы неясно. Определение — ученики не вполне подходящее, скор[ее] подходит кличка — Толстовцы, которые в своей деятельности <...> разделялись на активистов (темных) и теоретиков»⁶⁹.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 31-32.

⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 231. Ед. хр. 50. Л. 15.

⁶⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 232. Ед. хр. 1. Л. 11.

О различном проведении в жизнь толстовских принципов сожалел и другой их последователь В.Ф. Булгаков, которого, напротив, можно отнести скорее к «теоретикам». Булгаков осуждал явление «чертковщины», т.е. внешнего принятия толстовского учения и отказа следовать ему на практике. Он писал, что причиной этого является провозглашенная Толстым «теория "недостижимого" идеала», которую многие толстовцы воспринимали как «идеалы — одно, а жизнь — другое»⁷⁰.

Если уж эта разница между толстовцами существовала, то полезно найти и момент ее возникновения. События первых лет советской власти очевидным образом высветили границу между «активистами» и «теоретиками». С одной стороны, известный толстовец И.М. Трегубов выступает на Всероссийском съезде Советов 9 декабря 1919 г. и предлагает от имени сектантов-коммунистов сотрудничество в коммунистическом строительстве⁷¹. Позднее те же идеи он упорно отстаивает в печати⁷². С другой же стороны, по инициативе В.Г. Чертова и его коллег по Объединенному Совету религиозных общин и групп в марте 1921 г. происходит съезд сельскохозяйственных объединений сектантов. На этом съезде аграрная политика Советов критикуется, а участие в ней сектантам не рекомендуется⁷³. Это разделение толстовцев любили подчеркнуть исследователи сектантства Ф.М. Путинцев⁷⁴ и А.И. Клибанов⁷⁵. А в 1989 г. исследователь С.Г. Петров сделал его темой своей статьи о толстовстве⁷⁶.

---

⁷⁰ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 308-309.

⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 352. Ед. хр. 23. Л. 16-17об.

⁷² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 409. Ед. хр. 6. 10 л.

⁷³ Бонч-Бруевич В.Д. Кривое зеркало сектантства (По поводу 1-го Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производственных объединений) // Избранные атеистические произведения. М., 1957. С. 281-300.

⁷⁴ Путинцев Ф. Политическая роль сектантства. М., 1928. С. 52.

⁷⁵ Клибанов А.И. Из мира религиозного сектантства. М., 1974. С. 114-133.

⁷⁶ Петров С.Г. Толстовство в первые послеоктябрьские годы // Великий Октябрь и крах непролетарских партий России. Калинин, 1989. С. 145-150.

Но разделение толстовцев возникло задолго до первых послеоктябрьских лет. В.Д. Бонч-Бруевич пишет в работе «Кривое зеркало сектантства» о том, что деление толстовцев «ведет свое начало еще с 90-х голодных годов прошлого столетия, когда толстовцы впервые значительно выступили активно на общественную арену, проявив себя в деле помощи голодающим. И именно эта работа разделила толстовцев. Одни в благотворительности нашли утеху, другие, именно благодаря этой деятельности подойдя близко к крестьянским обездоленным массам, ясно поняли, что вся эта полублаготворительная работа на почве помощи голодающим крестьянам не может удовлетворить пытливого человека, что надо идти другой дорогой, надо работать непосредственно в массах и с массами, перестраивая самые основы жизни»⁷⁷.

Это суждение Бонч-Бруевича кажется в целом справедливым, но сам момент разделения толстовцев относится не к началу 1890-х гг. Это произошло еще ранее. Об этом говорит и тот список «темных» толстовцев, который приводит Бонч-Бруевич: «Три брата Алехиных; к ним примыкали Новоселов, Гастев, братья Дудченко, Хилков, Дадьяни [sic], Сухачев, Скороходов, Леонтьев и многие другие»⁷⁸, — эти толстовцы, за исключением Г.А. Дадьяни, уже до помощи голодающему населению перестроили основы своей жизни и являлись участниками земледельческих колоний.

Следовательно, толстовцы разделились на «теоретиков» и «активистов» практически сразу — с момента возникновения первых земледельческих колоний. Первые видели в концепции Толстого преимущественно религиозно-философское учение и меньше внимания уделяли ее социальным идеалам, поэтому своей повседневной жизни кардинально не изменяли. Согласно

---

⁷⁷ Бонч-Бруевич В.Д. Кривое зеркало сектантства (По поводу 1-го Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производственных объединений) // Избранные атеистические произведения. М., 1957. С. 285-286.

⁷⁸ Там же. С. 286.

В.В. Рахманову⁷⁹ и М.В. Алехину⁸⁰, к ним стоял ближе и сам Толстой. «Активисты», или «народники», напротив, ярче воспринимали социальную направленность учения Толстого и стремились вести трудовой земледельческий образ жизни.

Разница между толстовцами хорошо просматривается, если сравнить их взаимоотношения с революционерами. «Теоретики» более известны своей общественной деятельностью, чем «активисты»: издательство «Посредник», защита духоборов и других сектантов от гонений правительства, заграничные издания запрещенных в России сочинений, распространение вегетарианских идей. Но в контексте современной общественно-политической ситуации их деятельность приближалась к либеральному направлению и более ощутимо, чем у «активистов» вступала в противоречие с революционными идеалами. Остановимся на нескольких характерных эпизодах.

В конце XIX в. среди русской эмиграции складывается контрреволюционная репутация толстовцев-«теоретиков». В.М. Величкина говорит в письме: «и тут же иронические замечания о толстовцах <...> о том, что правительство должно бы стараться о распространении этого безвредного учения, не мешающего ему совершать насилия»⁸¹. Показательным в этом отношении является и следующий сюжет. Некоторое время В.Г. и А.К. Чертковы сотрудничали с социал-демократом В.Д. Бонч-Бруевичем, и, казалось бы, существование общего врага в лице царского правительства давало для этого временную, но прочную почву. Тем не менее, это сотрудничество закончилось скоростигийным и острым конфликтом⁸². Бонч-Бруевич выступил в печати с обви-

---

⁷⁹ Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшее. СПб., 1908. № 9. С. 11.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 31.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 92 (1894 г.). Д. 281. Л. 28об.

⁸² Фоломеев С.Н. Неравноправное партнерство: сектантство и российская социал-демократия в начале XX в. / Актуальная история: новые проблемы и подходы. Самара, 1999. С. 38-47.

нением заграничных толстовцев в контрреволюционной агитации⁸³. А В.Г. Чертков назвал «христианское освобождение»⁸⁴ в духе непротивления злу насилеием «нашей революцией»⁸⁵ и заключил уже задолго до событий 1917 г., что «вступать в союз с революционерами нам, по убеждениям нашим, нет возможности»⁸⁶.

Позицию «теоретиков» высказывал в письме К.П. Пободоносцеву тот же И.М. Трегубов в марте 1897 г. В то время он был скорее солидарен с Чертковым, но потом в течение предоктябрьского десятилетия, согласно собственному признанию⁸⁷, он изменит свое отношение к революционерам в лучшую сторону. Тогда в письме 1897 г. обер-прокурору Святейшего Синода он скажет: «"Толстовство" парализовало революционное брожение в России и может быть благодаря именно ему, а не Вашей жалкой церковно-полицейской системе преследования возможность повторения у нас 1 марта становится все меньше и меньше <...> Если кто спас и спасает Россию от анархии революции разложения, то не гнилое и полное разрушительных начал православие, а именно толстовство, полное животворных и приводящих все к гармонии начал мира и благоволения ко всем людям»⁸⁸.

Можно сказать, «теоретикам» революционные настроения не просто были чужды, но и вступали в противоречие с их убеждениями и образом жизни. В то время как социальный идеал «активистов» располагался как бы в другой плоскости и был равноудаленным и от революционаризма, и от либерального народничества «теоретиков». Ядром этого идеала был простой принцип «жить трудами рук своих», так что он ориентировался скорее на индивидуальное воплощение, чем на проповедь.

---

⁸³ Бонч-Бруевич В.Д. По поводу письма нижепубликуемого // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1959. С. 308-314.

⁸⁴ Чертков В.Г. Наша революция: насильственное восстание или христианское освобождение. М., 1907. С. 69.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 352. Ед. хр. 23. Л. 25об.

⁸⁸ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 352. Ед. хр. 32. Л. 1.

Ввиду этого и деятельность «активистов» в целом была лишена политического подтекста. Ведь речь шла лишь о простом императиве, сформулированном Л.А. Сулержицким: «Мне жаль народа, трудов его на нас, и я всеми силами должен стараться, не дожидаясь других, взять свой труд на себя, своими руками на земле»⁸⁹. Ту же мысль иначе выразил неизвестный толстовец, бывший прежде революционером: «Теперь я борюсь не с государством и собственностью, а с тем злом, которое родит все бедствия людские: с личным эгоизмом тела. В этом случае начинать приходится с себя»⁹⁰.

Разделение толстовцев на два крыла можно проиллюстрировать еще одним любопытным способом. Оно оцутимо проявлялось в критике толстовства со стороны тех его последователей, которые в нем разочаровывались. Эта критика имела два четко выраженных направления, концентрируясь либо на религиозно-философской специфике толстовства, либо на его социальной несостоятельности.

Если говорить о философском направлении критики, то, как правило, мишенью становился рационализм религиозных воззрений. Скупость толстовской веры, туманность и схематичность ее представлений о божестве, воздаянии и загробной жизни не могли удовлетворить тех толстовцев, которым довелось пережить тяжелые личные потрясения. М.В. Булыгин после смерти в 1909 г. своей жены А.М. Славновской (Ипатьевой) вернулся к православию. «Не найдя утешения в понимании христианского учения Л.Н. и обратно найдя его в молитве Церкви Православной и в учении об общении душ живых и умерших, так же как и в учении Церкви о загробном бытии, определяемом прегрешениями на земле жизнью <...> Не умом, а сердцем я нашел отраду и утешение, даваемое людям учением Церкви»⁹¹, — так характеризует он свой отход от толстовства.

Схожий кризис пережил И.Ф. Наживин, усомнившись в толстовских идеалах после смерти своей маленькой дочери Марии. Он пишет: «Удар был настолько сокрушите-

⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 339. Ед. хр. 44. Л. 8.

⁹⁰ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 11. Л. 15.

⁹¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 4. 4об.

лен, что свалил все мои верования. Беседы с Львом Николаевичем на эти невыносимые темы не разъясняли ничего и не успокаивали боли. Огромная храмина теархии — т.е. религиозного анархизма, в которой я мечтал объединить все человечество в одну братскую семью, вся покрылась зловещими трещинами»⁹². Еще конкретнее эту неудовлетворенность толстовством он отметит в своем дневнике: «Моя новая религия не удовлетворяла меня. Я начал искать более тесного общения с Богом и не находил его; Бог оставался для меня какой-то прекрасной, но туманной абстракцией <...> этого тепла, этой проникающей всю жизнь ясности, вызываемой чувством близости Бога, и не было ни у меня, ни у моих "единомышленников". Все мы были люди надорванные, мученики неосуществимых, для нас неосуществимых, религиозных идей»⁹³.

Социальная критика толстовства касалась совершенно иных вопросов. Чаще всего речь шла о неполноценности толстовского метода борьбы за социальное переустройство. «Как единичные отказы от военной повинности бессильны уничтожить войну, так появление единичных подвижников и святых, вроде Франциска Ассизского или Тихона Задонского, бессильно переродить нравственно человечество»⁹⁴, — пишет в своих воспоминаниях Андрей Буткевич, ставший потом революционером.

К.П. Злинченко, который несколько лет оставался толстовцем, а затем вступил в социал-демократическую партию, в своих воспоминаниях говорил: «Толстовское учение со всеми его непротивленскими средствами борьбы, показалось мне бледным, безжизненным, неревольюционншым»⁹⁵.

Сходное суждение в письме Толстому высказывал и П.Ф. Безверхий: «Откровенно скажу Вам, что я иногда завидую активным борцам против зла: в сравнении с нами, кровь их живее течет в жилах и как будто бед-

⁹² РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 11. Л. 19.

⁹³ *Наживин И.Ф.* Красные маки: мой дневник // Собр. соч., Т. 6. М., 1912. С. 197.

⁹⁴ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 66.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 76.

ствия людей на них действуют больней, чем на нас, "толстовцев". Не надо забывать, что с нашей тактикой "непротгивления" без поддержки окружающих часто будешь попадать в отчаянное, невыносимое положение»⁹⁶.

В данном случае любопытна не сама критика, а то, что за ней скрывается различное восприятие толстовства. Некоторые толстовцы искали и до определенного момента находили в нем религию, другие — путь к справедливому социальному устройству.

Конечно, разницу между «теоретиками» и «активистами» не стоит преувеличивать. И те, и другие оставались, прежде всего, толстовцами. М.В. Алехин, сделавший это разграничение, также отмечал, что одна группа с другой «всегда поддерживала деятельное сношение»⁹⁷. А еще раньше в 1895 г. писал В.Г. Черткову о единстве «городских» и «деревенских» толстовцев: «Стремления, как у тех, так и у этих одни: христианство; у первых — пропаганда его, а у вторых применение к жизни своей»⁹⁸. Действительно, фундаментом мировоззрений обеих групп оставались одни и те же принципы учения Толстого. Безусловно, ими разделялось центральное положение его программы: изменить окружающую действительность можно лишь путем личного самосовершенствования, а не посредством реформ или революций.

Но двойственность концепции Толстого оборачивалась двусмысленностью, и даже столь близкое каждому толстовцу понятие «самосовершенствование» воспринималось «теоретиками» и «активистами» по-разному. Ф.А. Страхов, скорее «теоретик», чем «активист», пишет: «Мы должны все силы нашего разумения направить не на придумывание и построение общественных форм <...> а на наше религиозно-нравственное совершенствование»⁹⁹.

Толстовец-«активист», автор статьи «Новое хозяйство», мыслит иначе. Критикуя суждение, что внешнее

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 4-4об.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 32.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 9об.

⁹⁹ *Страхов Ф.* По ту сторону политических интересов М., 1907.

не имеет значения, что важно только внутреннее, он доказывает необходимость организации артелей следующим образом: «Так как внешнее есть проявление внутреннего, то оно должно изменяться вместе с изменением внутреннего, как тень следует за человеком. Поэтому вместе с изменением сознания должны изменяться и формы н[ашей] жизни»¹⁰⁰. И далее — «насколько дух проявляется во плоти, так и свобода нуждается в новой плоти для своего проявления»¹⁰¹.

Так что самосовершенствование толстовца-«теоретика» — это не более чем повседневная практика личного нравственного поведения, некое подобие благочестивого умонастроения. Тогда как толстовец-«активист» стремится к большему. Его самосовершенствование — это еще и попытка перешагнуть через социальный антагонизм единственно возможным для толстовца способом: перестать участвовать в этом зле, «сесть на землю». С точки зрения «активиста» именно земледельческая колония, а не вегетарианство, пацифизм или непротivление, является обязательным элементом самосовершенствования христианина.

Само толстовское движение «на землю» — это деятельность не «теоретиков», а почти исключительно «активистов». Действительно, в их земледельческом трудовом идеале, в их «опрощении» и образе мыслей ошутимо проявилось народничество. Поэтому, если толстовство является исторической формой народничества, можно сказать, что мировоззрение «активиста» целостнее и последовательнее. Грубо говоря, он — больше толстовец, чем «теоретик».

Вернемся и к другому обстоятельству. Первые земледельческие колонии появились еще до возникновения толстовства и связаны с деятельностью народников. Логично предположить, что толстовские колонии обладали рядом отличительных черт. Для их определения сопоставим далее трудовые идеалы народничества и толстовства.

---

¹⁰⁰ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 22. Л. 4.

¹⁰¹ Там же. Л. 9.

2.3. Самосовершенствование по-толстовски и особенности земледельческих колоний толстовцев

Для толстовца самосовершенствование, или просто совершенствование — краеугольный принцип, согласно которому социальное развитие происходит только за счет повышения нравственного уровня каждого отдельно взятого человека, а не в результате политических реформ или революций. Самосовершенствование подразумевает следование целому ряду принципов. Само по себе оно является скорее общей формой, отправной точкой более конкретных установок и поэтому весьма расплывчато.

Существительному «самосовершенствование» в толстовских текстах часто сопутствуют прилагательные: «духовное», «нравственное», «религиозное». Кроме того, для обозначения того же принципа толстовцы употребляли словосочетания «нравственное развитие» или «революция духа». Но слово «самосовершенствование» использовалось толстовцами чаще всего и восходит непосредственно к концепции Л.Н. Толстого, поэтому является наиболее подходящим.

Самосовершенствование и индивидуализм толстовцев

Принцип самосовершенствования был важным элементом мировоззрения не только у толстовцев, но и у тех представителей народнической интеллигенции, которые создали первые земледельческие общины. Напомним, что о необходимости нравственного, религиозно-морального обновления и возрождения говорили уже А.К. Маликов и «богочеловеки». Они утверждали, что не стоит уподобляться христианам — «на одном личном совершенствовании остановиться невозможно», что оно должно проникнуть затем во «все общественные, социальные, международные отношения людей»¹⁰².

---

¹⁰² Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 168.

О нравственном совершенствовании много говорилось в документах общины Криница: «Цель наша — осуществить такую общину, в которой человек при помощи своих товарищей единомышленников, мог бы идти к нравственному совершенствованию. Каждый человек в отдельности и вся община вместе». Далее они уточняют: «Мы <...> считаем необходимым нравственное совершенствование человека для других людей, для того, чтобы примером своим влиять на всех, с нами сталкивающихся»¹⁰³.

В первой главе уже отмечалось, что дух индивидуализма в толстовстве стал ощутимее, чем в народничестве. Перемены, произошедшие с принципом самосовершенствования в толстовском мировоззрении — яркий пример той же тенденции. Этот отпечаток индивидуализма определил сразу несколько существенных особенностей земледельческих колоний толстовцев.

Эскапизм

Из приведенных цитат «богочеловеков» и криничан можно заметить, что идеал самосовершенствования в их представлении выходит за пределы личности и предполагает влияние на окружающих хотя бы посредством примера нравственной жизни. Нельзя категорично утверждать, что толстовцы не рассматривали вовсе такую возможность своеобразной агитации самосовершенствованием, но акцент в этом вопросе они делали иначе, чем первые коммунитарии. Самосовершенствование для толстовцев, в первую очередь, личная, а не социальная задача — «чтобы быть примером людям надо быть совершенным»¹⁰⁴.

Перемещение акцента самосовершенствования на личность может быть проиллюстрировано многообразно. Выходец из крестьян и участник Ржевской артели толстовцев В. Корнилов отправил объемное письмо В.Г. Черткову, в котором рассуждал о причинах неудач земледельческих

¹⁰³ *Криничане*. Четверть века «Криницы». Киев, 1913. С. 41-42.

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3851. Л. 10об.

коммун интеллигентов. Он приходит к следующему выводу: «Люди, сходящиеся в такие общины, обыкновенно бывают одержимы самым дьявольским самоощущением показать миру пример той жизни и на эту "иную" жизнь, как это и не может быть иначе, у них устремляется все внимание <...> все душевные и духовные потребности, которые таились еще где-нибудь в глубине души, при этом окончательно утрачиваются и вместо идеалиста-христианина мы видим человека, погибающего в самом грубейшем материализме»¹⁰⁵. В том же духе выдержано письмо Корнилова и к И.А. Беневскому¹⁰⁶. Через оба письма красной нитью проходит характерный толстовский лейтмотив: «Прежде, чем спасать других, надо спасти душу свою, то есть, говоря на простом нашем житейском наречии, прежде чем делать добро другим, надо уметь не делать зла»¹⁰⁷.

Сознание противоречия между реалиями своей жизни и ее привлекательного образа терзало В.И. Скороходова на закате его участия в движении «на землю». В письме Толстому он признается: «Мы ей [А.К. Чертковой] кажемся издали милыми, хорошими людьми, жизнь которых достойна того, чтобы ее поставить в пример другим, а у нас черт знает что идет в продолжении всех пяти лет, что живем здесь. Мне до того совестно, что люди так обманываются нами, что так бы и закричал: отвернитесь от нас, здесь прокаженные какие-то»¹⁰⁸. Много позже Скороходов сетовал в своих воспоминаниях: «Все хотелось, по привычке к учительству, показаться другим, как надо жить»¹⁰⁹.

В своих воспоминаниях толстовец Е.И. Попов описывает другой любопытный эпизод — свою встречу с крестьянином В.К. Сютяевым, сектантом, близким по религиозным убеждениям к толстовству. Однако мотивы трудовой жизни толстовцев-общинников вызывали у Сютяева недоуме-

---

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1621. Л. 2.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4727. Л. 5-9.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1621. Л. 2-2об.

¹⁰⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 33. Ед. хр. 12. Л. 3.

¹⁰⁹ *Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 122.*

ине. Попов, проделавший длинный путь пешком, пожаловался крестьянину на усталость. В ответ Сютяев упрекнул Попова: «А зачем ты так мучаешь себя, зачем страдаешь? Разве нам от тебя это нужно? <...> Ты покажи пример общей жизни, чтобы люди увидали, как надо жить»¹¹⁰.

Индивидуализация принципа самосовершенствования отмечалась и современником земледельческих колоний С.Н. Кривенко, который писал: «В колониях же последних лет, которые по преимуществу основывались "толстовцами", экономические и социальные задачи отодвигаются на второй план, а на первое место выступают личная этика и задачи собственного внутреннего совершенствования. <...> У некоторых из них мирозерцание приобретает слишком метафизическую и порою даже мистическую окраску, а затем жизнь в некоторых поселениях принимает совсем сектантский характер»¹¹¹.

Безусловно, толстовское учение своим появлением не изжило в последователях этой привычки «к учительству» мгновенно и окончательно. Этот процесс шел постепенно. М.А. Новоселов в письме Толстому 1887 г. подробно излагает свои планы о будущей деятельности его общины в Дугино¹¹². Можно заметить, что Новоселов мечтает установить как можно более близкие отношения с местным крестьянским населением. Любопытно и внимание общественности, которое стремился привлечь к своей общине в Шевелево ее основатель А.В. Алексин¹¹³. Но общины в Дугино и в Шевелево, распавшиеся к 1891 г., относились к самым первым толстовским коммунитарным экспериментам. Так что, помимо толстовских принципов, они воспроизводили еще и мотивы пропагандистского народнического характера.

При этом любопытно, что пропагандистские амбиции Новоселова начинали вызывать недовольство. Толстовец

---

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 65-65об.

¹¹¹ *Кривенко С.Н.* На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 3.

¹¹² Письма М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому // *Минувшее: исторический альманах.* М.-СПб., 1994. Вып. 15. С. 401-405.

¹¹³ *Селезнев Н.М.* Шавеевская колония // *Смоленский вестник.* Смоленск, 1891. № 81. С. 3.

Анатолий Буткевич, описывая отказ Новоселова принять в общину М.И. Темерина, находившегося в трудной ситуации, говорил: «Община их дороже живого человека. Приютить человека — дело христианское, кажется. Нет, им нужно показывать миру пример общины, они уж не люди, а представители направления, общественные деятели, и любовь к живому человеку глохнет под этим мундиром»¹¹⁴.

Труд без общины

Усиление индивидуализма имело еще одно существенное следствие — община как форма земледельческой колонии теряет для толстовцев свою значимость.

Для криничан, «одиночная борьба с этим злом [современного общественного устройства] бесплодна, *только община* носит в себе элементы нравственного роста как личности, так и общества»¹¹⁵, поэтому трудовую жизнь необходимо осуществить непременно в общинной форме. Толстовцы хотя и не отрицали общинный идеал, но в практике движения «на землю» чаще отклонялись от него, отодвигая его осуществление на неопределенный срок.

Приведем небольшую выдержку из статьи «Земля и труд»: «Настоящая община ведь — это общество людей, живущих мирно и любовно, и сообща ведущих хозяйство, в котором никто ничего не признает своим собственным. В такой общине воплощаются высшие христианские идеалы, которыми большинство из нас руководятся. Это ведь идеалы братства, любви, равенства, труда и отсутствия собственности, к которым мы стремимся, поэтому мы и стремимся приблизиться к общине. Но из этого вовсе не следует, что нам надо сейчас же устроить форму такой идеальной жизни. Форма то будет такая, а содержание будет совсем противное. Надо прежде всего подготовить себя к такой форме жизни, а для этого надо много люб-

¹¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 233.

¹¹⁵ *Василевский Г.* Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб., 1908. С. 54.

ви, терпимости, терпения и способности часто, в мелочах больше, жертвовать собою, свои удобствами, трудом»¹¹⁶.

Такая точка зрения — результат осмысления многолетнего опыта толстовских земледельческих колоний. Эта статья была написана в 1913 г., к тому моменту артели, соседские поселения и хутора толстовцев значительно превосходили своим числом общины. Действительно, как писал А.А. Медведев в том же году: «Я видел много людей, устраивавшихся "на земле", и большинство из них после некоторого опыта приходило к мысли, что лучше всего устраиваться своим хозяйством, согласно своим убеждениям и вкусам»¹¹⁷.

Катализатором постепенного отказа от общинного идеала стал полный провал первых земледельческих общин толстовцев. Несложно заметить, что их распад происходил по той же причине — из-за индивидуализма, неуживчивости толстовцев. На это обращали внимание и они сами: «Причины неудач трудовой и в частности общинной жизни, говоря вообще, лежат в эгоизме в широком смысле участников ее»¹¹⁸.

Таким образом, индивидуализм и общинность образовывали порочный круг, и выйти из него можно было только одним способом — отказаться от общинного идеала. Так что, в отличие от народников, уже не коммунитарный мотив влечет толстовцев «на землю», «в народ», а скорее стремление «жить с ним одною трудовой жизнью»¹¹⁹.

Религиозный неконформизм

Безусловно, первые коммунитарии относились к религии и церкви неоднозначно. Но, во всяком случае, их отношение было более сдержанным, чем толстовское. А.Н. Энгельгард, его ученики и крильчане внешним образом поддерживали православие, надеясь быть ближе

¹¹⁶ ИИОР РГБ. Ф. 345. К. 5. Ед. хр. 3. Л. 30.

¹¹⁷ ИИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 29об.

¹¹⁸ ИИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 24. Л. 4.

¹¹⁹ ИИОР РГБ. Ф. 369. К. 231. Ед. хр. 47. Л. 11.

к крестьянам¹²⁰. «Богочеловеки» пытались создать новую религию, но и официальное христианство «ставили очень высоко <...>, вполне признавая колоссальные заслуги христианства в прошлом»¹²¹.

То, что участники толстовских колоний, напротив, демонстрировали резкое неприятие православия, достаточно хорошо известно. Подавляющее большинство толстовцев не посещали православных церквей и не признавали культа. Миссионер Т.В. Буткевич писал: «Икон толстовцы не почитали: вынесли их из домов и большею частью демонстративно пожгли. На их место они повесили портреты Толстого или даже — конскую сбрую... Крест они называли виселицей; мощи — набальзамированными телами ханжей и архиереев, чучелами, набитыми соломой и т.д.»¹²²

Более того, толстовцы часто не скрывали своих взглядов, которые помимо их воли принимали форму антицерковной деятельности. Миссионеры в ходе своеобразной «антитолстовской кампании»¹²³ и полицейские наблюдатели¹²⁴ любили указывать на деятельность Д.А. Хилкова в с. Павловки Сумского уезда Харьковской губ. или на взаимоотношения толстовцев и кавказских духоборов. В известном отчете К.П. Победоносцева в 1900 г. говорилось: «Толстовство, как секта, наблюдается в Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Киевской, Екатеринославской губерниях и на Кавказе»¹²⁵. Харак-

---

¹²⁰ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914, № 8-9. С. 125.

¹²¹ *Пругавин А.С.* О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 167.

¹²² *Буткевич Г.И.* Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915. С. 531.

¹²³ *Макаревский М.И., Добромыслов П.П.* 3-й всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в городе Казани, 22 июля — 6 августа 1897 года. — Рязань, 1898. С. 93-94.

¹²⁴ ГАРФ. Ф.102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 222. Л. 1-36.

¹²⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 год // Цит. по *Пругавин А.С.* О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 192.

терно, что во всех перечисленных Победоносцевым местностях существовали толстовские колонии.

Едва ли можно считать пропаганду толстовцев целенаправленной. Чаще всего бывало так, как описывает автор небольшой газетной заметки о толстовцах в Нальчике: «Пропагандой своей веры среди слобожан "толстовцы" специально не занимались, но относительно ее охотно вступали с ними в споры, собеседования»¹²⁶.

Указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. отчасти смягчил напряженность отношений между толстовцами и церковью. Но «перемены в вероисповедной политике носили фрагментарный характер и не предлагали системного подхода к решению проблем свободы совести в России»¹²⁷, а жизнь толстовских колоний и далее сопровождалась допосами о неисполнении христианских обрядов¹²⁸.

Стоит отдать толстовцам должное. Вопреки стараниям миссионерской прессы¹²⁹, они не были религиозными фанатиками и проявляли терпимость к представителям других вероисповеданий. При создании толстовцами Трудового земельного общества в 1906 г. было решено, что «совершение религиозных обрядов не должно быть стесняемо и основным правилом общества должны быть принятые слова Евангелия: «И так во всем, как хотите чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»¹³⁰. А в проекте устава Ржевской артели говорилось: «Мы ставим для себя святой и ненарушимой обязанностью полную религиозную свободу и терпимость, признавая священными всякие религиозные убеждения»¹³¹.

Естественно, веротерпимость толстовцев проявлялась не только на бумаге. Они воспринимали сектантов

¹²⁶ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 102. Ед. хр. 5. Л. 10.

¹²⁷ Бендик А.Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // Исторические записки. № 9 (127). М., 2006. С. 132.

¹²⁸ ГАРФ. Ф.102. о.о. Оп. 241 (1911 г.). Д. 95ч83. Л. 3-5; ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 242 (1912 г.). Д. 9ч83. Л. 7-13; ГАРФ Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. 161 л.

¹²⁹ Мечта о золотом веке. Исповедь Апушкина. // Миссионерское обозрение. Киев, 1898. № 2. С. 260-277.

¹³⁰ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2об.

¹³¹ Там же. Л. 10об.

приблизительно так же, как близкий к толстовцам исследователь М.В. Муратов: «Если под интеллигенцией понимать слой людей, которые действительно живут духовными ценностями, то сектантство можно назвать народной интеллигенцией»¹³². Представители рационалистических сект принимали участие практически во всех крупных толстовских колониях, а некоторые поселения основывались толстовцами совместно с ними, например, Тершение и Водопад.

При этом православные лица среди самих участников колоний встречались редко. Об одном из таких случаев в общине на р. Мацесте рассказывал В.Ф. Булгаков: «В кругу отпавших от церкви людей присутствие такого человека было необычно. Вместе с тем М. признавал необходимым вести трудовую жизнь и был трудолюбивым, хорошим товарищем и братом в общине»¹³³.

Сам религиозный нонконформизм толстовцев коренился не только в антицерковном духе самого толстовского мировоззрения. Индивидуализм толстовцев и здесь вносил свой вклад. С одной стороны, он оборачивался стремлением пересмотреть официальные религиозные нормы, которые толстовцы уже не могли допустить в своей картине мира. Они, следуя индивидуализму до конца, не могли принять православие искусственно, «внешнее», как это делали крипичане или «богочеловеки». С другой стороны, неприятие официальной веры сближало толстовцев с другими представителями религиозного инакомыслия, которые участвовали в толстовских колониях активнее, чем в народнических общинах.

Анархизм

Можно сказать, что анархизм толстовцев был острее, чем у первых коммуитариев, а их отношения с местными властями — конфликтнее. Как и церковь, государство

---

¹³² Муратов М.В. Русское сектантство. М, 1919. С. 30.

¹³³ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 341.

в представлении толстовцев являлось злом, в котором настоящий христианин не должен участвовать. Эта позиция выходила далеко за пределы абстрактного умозаключения и придавала толстовскому «бегству из грешного мира»¹³⁴ оттенок социально-политического протеста.

В брошюре Н.Г. Сутковского «Наше жизнепонимание» от имени последователей Толстого говорится, что они не признают подати — «права насиловать или под угрозой насилия, отбирать имущества одних людей и передавать его другим»; судебной власти — «права насильно привлечь к суду других людей и лишать их имущества, ссылать, заточать в тюрьмы, казнить»; военной повинности — «права собирать, вооружать и приучать людей к убийству, нападать на других людей и, объявив людям другой народности войну, разорять и убивать их»; власти вне зависимости от ее формы — «права управлять другими людьми»¹³⁵.

Столкновения участников толстовских колоний с местными властями достаточно многочисленны. Многие толстовцы отказались принять присягу на верность Николаю II в 1894 г., среди них практически все колонисты в Нальчике¹³⁶: А.В. Алехин¹³⁷, А.В. Юшко¹³⁸, П.В. Великанов¹³⁹, Л.П. Никифоров¹⁴⁰ и др. Отказы от военной службы постоянно сопровождали толстовское движение на «землю» — Я.Т. Чага¹⁴¹, П.Ф. Безверхий¹⁴², Н.П. Подоснов¹⁴³ и др. Реже среди толстовцев встречался отказ от уплаты податей. С.И. Роцин в письме пишет: «Формы нашей общинной жизни дают мне возможность развиваться, крепнуть, совершенствоваться и снимать с себя постепенно об-

¹³⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 409.

¹³⁵ Наше жизнепонимание. Воронеж, 1917. С. 6-7.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 129об.-130.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 81 (1885 г.). Д. 1121. Л. 2.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 95 (1897 г.). Д. 765. Л. 2-2об.

¹³⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 249. Ед. хр. 52. Л. 14об.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 93 (1895 г.). Д. 1184. Л. 5об.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12. ч. 1. Лит. В. Л. 132об.

¹⁴² РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 2. Ед. хр. 58. 16 л.

¹⁴³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 82. Ед. хр. 28. 10 л.

латки, которые приклеены к совести. Последние облатки для меня будут подати и паспорт», и далее — «Аркадий Васильевич [Алехин] дорос до того, что платить подати для него равносильно, как и убить человека — не может совсем»¹⁴⁴.

Вместе с тем анархизм толстовцев на практике не был столь же категоричен, как в теории. Отношения с государством оставались скорее личным делом каждого человека, а борьба с властями никогда не воспринималась в качестве общей задачи. Как писали сами толстовцы, «совесть каждого из членов группы должна определить ту степень своего участия, которое он может допустить в делах государственных»¹⁴⁵.

Толстовский анархизм имел и другую сторону — отрицание какого-либо самоуправления внутри общины, а следовательно, правил и требований по отношению к участникам.

Любопытно, что криничане, как и толстовцы, упрекали общество в создании «культы формы» и мечтали с помощью общины преодолеть отчуждение людей. Однако организация вовсе не была им чужда — следовало лишь «в деле организации <...> постоянно считаться с теми нравственными началами, которые мы положили в основание нашей жизни»¹⁴⁶. При этом криничане признавали, что толстовцы противоположны им как раз потому, что «главной основой сотрудничества у них [толстовцев] было — отсутствие какой-либо формы договора»¹⁴⁷.

Это различие действительно было существенным. В.И. Скороходов так характеризовал толстовскую общину в Шевелево: «Наша община будет с открытыми дверями, <...> каждый из членов ее отказывается от личной собственности, признавая <...> руководителем в своих

---

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. Оп. 188 (1891 г.). Д. 190. Л. 64.

¹⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 377. Ед. хр. 16. Л. 16.

¹⁴⁶ *Василевский Г.* Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб., 1908. С. 52, 54.

¹⁴⁷ *Криничане. Четверть века «Криницы».* Киев, 1913. С. 110.

делах и поступках только веления голоса своей совести. Работать каждый должен столько, сколько может, и все должны верить в добросовестность и искренность друг друга, не прибегая ни к какому принуждению. <...> Любовь и доверие друг к другу служили основой и залогом будущей жизни общины»¹⁴⁸.

Спустя почти 20 лет на подобных принципах основал свою общину Н.А. Шейерман: «Устав оказался ненужным, так как учение Христа было, как устав. Придуманный устав для отношений между собой, противоречащий доверию друг к другу, утвержденный властями государства, кроме того, казался основанным на насилии. Кто бы ни пожелал быть членом общины, тем самым уже вступал в общину. <...> Всякий мог брать и делать, что хотел»¹⁴⁹. Позднее Шейерман в том же духе писал о поселении близ Люботина, которое «категорически отказывается от каких-либо регламентаций как духовного, так и внешнего характера, предоставляя полную свободу действия каждому»¹⁵⁰.

Тем не менее, эволюция движения «на землю» постепенно приводит толстовцев к мысли, что самоуправление внутри коллектива единомышленников является желательным. Как отмечал И.А. Беневский: «Вера в возможность достижения лучших форм общественной жизни и взаимных отношений заставляет снова и снова делать попытки устройства артелей и общин с разнообразным укладом жизни, договорами и взаимными соглашениями»¹⁵¹. Но самоорганизацию имели только некоторые из поздних толстовских колоний. Например, Ржевская и Хмелевская артели обладали юридической документацией и уставами, которые приведены в приложении.

---

¹⁴⁸ *Скорыходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 126.

¹⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 8. Л. 60б.

¹⁵⁰ *Шейерман Н.А.* Земледельческое поселение в Люботине Харьковской губ. // Вегетарианское обозрение. Киев, 1913. № 2. С. 57.

¹⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 55. Ед. хр. 12. Л. 3.

В вопросе о земельной собственности толстовцы были солидарны с криничанами — и те, и другие отрицали ее. Но в практической жизни Криницы этот вопрос разрешался довольно просто: «Ввиду того, что государство не признает коллективной собственности членов нашей общины, из среды общинников выбирается лицо, как представитель и совместитель всех наших прав и обязательств. Лицо это действует с ведома и согласия всех членов»¹⁵².

Толстовцы шли на аналогичный шаг. Но рождавшееся противоречие между жизнью и идеалом становилось намного более болезненным, чем у криничан. М.В. Алехин рассматривал это обстоятельство в качестве одной из причин распада общины: «Причиной распада этих коммун было, во-первых, то, что, отрицая личную собственность, они устраивались на земле одного из участников коммуны, который фактически и юридически считался собственником этой земли и был ответственен за все перед администрацией. Такой член коммуны тяготился своим положением, передать же землю коллективу на законном основании нельзя было»¹⁵³.

Это обстоятельство стало причиной ухода А.В. Алехина из общины в Шевелево, где он являлся номинальным собственником земли. Согласно воспоминаниям В.И. Скороходова, «однажды вечером Аркадий категорически заявил, что больше собственником он не может быть и предложил всем обдумать и решить, кто возьмет на себя быть официальным владельцем»¹⁵⁴. Но и остальные члены общины не спешили принять это бремя собственности: «Все по очереди отказались, каждый по-своему мотивируя свой отказ, но в общем все сводилось к тому, что

---

¹⁵² *Василевский Г.* Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб., 1908. С. 107.

¹⁵³ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 21.

¹⁵⁴ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 126.

положение собственника противоречит христианскому учению, так как собственник, уплачивая подати, поддерживает государственное насилие и чистым христианином быть не может»¹⁵⁵.

Естественно, вопрос о земельной собственности не имел той же остроты среди участников движения «на землю», организовывавших индивидуальные хозяйства. Хотя и в этом случае некоторые толстовцы говорили о своей неудовлетворенности. Например, П.П. Салиенко писал: «Приобретение земли не есть цель моей жизни, не в приобретении собственности счастье, но в избавлении от этой собственности. И мне кажется, что если б я не завелся семьей, то сразу освободился бы от всякой собственности»¹⁵⁶.

«Опущение» и культ физического труда

Вновь вернемся к знаменитому толстовскому «опущению», на этот раз в ином ракурсе. Многие толстовцы, в том числе и участники земледельческих колоний, подражали внешнему виду и быту крестьян, и их жизнь часто сопровождалась ироническими комментариями. Бывший толстовец М.А. Сопощко саркастично писал: «Мое увлечение толстовством тогда выразилось в том, что я стал спать на голых досках, с горячностью рубить на дворе дрова и изрекать толстовские сентенции», и далее — «я стал порабатывать крестьянскую работу, щеголяя босоногостью и взопреlostью по образцу крыловской мухи, говорившей о себе и мужике — "мы пахали"»¹⁵⁷.

Но это подражание крестьянству не было только лишь модой, оно показывало важную мировоззренческую особенность толстовцев. Публицист А. Исаев отметил отли-

---

¹⁵⁵ *Скорородов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 126.

¹⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 60. Л. 2.

¹⁵⁷ *Сопощко М.А.* Меморалия. Записки раскаявшегося толстовца // Миссионерское обозрение. СПб., 1904. № 20. С. 1562.

чие радикального «опрошения» Л.Н. Толстого от позиции А.Н. Энгельгардта, считавшего лишь, «что члены образованных классов должны многому учиться у крестьянина»¹⁵⁸.

Эта разница хорошо бросается в глаза и при сравнении толстовцев с криничанами. Криничане тоже были противниками разделения труда, но, как пронизательно заметил полицейский наблюдатель, в отличие от толстовцев Криница «старается уравновесить значение для человека» и физического, и умственного труда¹⁵⁹. Криница старалась поддерживать культурный уровень своих членов. Криничане собрали обширную библиотеку, уделяли внимание искусству, стремились дать полноценное воспитание подрастающему поколению¹⁶⁰.

Толстовцы хотели несколько иного — изменить «в корне свою жизнь привилегированного класса на жизнь труженика-земледельца»¹⁶¹. Это оборачивалось тем, что важнее был земледельческий, а не умственный труд. Как следствие, толстовцы в своих колониях пренебрегали интеллектуальной стороной жизни.

В подобном ключе охарактеризовал быт колонии Лескен один из толстовцев, решивший уехать оттуда навсегда: «Когда я был убежден, что картошкой единой жив будет человек, я сидел здесь и всю мощь своей души клал на культуру сего полезного "злака". Но теперь я думаю, что человеку одной картошки мало, и я бегу»¹⁶². О быте этого поселения сам автор очерка рассказывал: «Любовь к труду у нас возводилась в главную добродетель. Мы работали даже больше, чем крестьяне: они отдыхали в праздники и устраивали именины и проч., мы же каждый день работали почти буквально от зари до зари,

---

¹⁵⁸ *Исаев А.* Земледельцы из образованного класса // Русская мысль. М., 1892. Кн. 10. С. 9, 10.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 6 (1897 г.). Д. 259. Л. 506.

¹⁶⁰ *Сычугова Н.З.* Что я помню о Кринице: записки-воспоминания. Новороссийск, 2005. 32 с.

¹⁶¹ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 20.

¹⁶² *Михайлов А.* В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 9. С. 113.

работали и в праздники. <...> Расходы на пищу и одежду были сведены до минимума. На книги и газеты не тратились совсем»¹⁶³.

Е.И. Попов вспоминал о характерном впечатлении, которое произвела жизнь общины Шевелево на сына А.Н. Энгельгардта Александра: он, «поэт и литератор, восхитился нашей жизнью, сказал, что ему больше искать нечего и принялся с нами за щи и за работу»¹⁶⁴. Но уже через две недели Александр «разразился обличением нашей жизни, говорил, что за свинство: работать и есть, работать и есть»¹⁶⁵.

Вегетарианство

Еще одной чертой большинства толстовских колоний являлось вегетарианство. Напомним, что благодаря принципу ненасилия вопрос о питании для толстовцев имел принципиальный характер. «Учение религии как учение о единстве жизни, и вегетарианство, как вытекающее из этого единства учение о сострадании и любви к животным и обязательность нравственного закона "не убий" по отношению ко всем существам, — оба эти учения неразрывно связаны между собой»¹⁶⁶, — писал Х. Досев.

Такую точку зрения разделяли все толстовцы, в том числе и те, кто стремился устроиться «на земле». Нередко вегетарианство шло вразрез с практическими соображениями. В поселении Лескен существовала возможность добывать себе пропитание еще и рыбной ловлей, но на вопрос А. Михайлова, почему они этим не займутся, один из поселенцев отвечал: «Не позволяет вера... мы ведь вегетарианцы»¹⁶⁷.

---

¹⁶³ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 10. С. 467.

¹⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 77.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Досев Х. Религия и вегетарианство // Единение. М., 1917. № 1 (4). С. 49

¹⁶⁷ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 9. С. 113.

Вместе с тем стоит отметить, что первые толстовские колонии не были вегетарианскими, а принцип беззубойного питания занимал место в толстовском мировоззрении постепенно. В этом отношении показателен эпизод из жизни общины в Шевелево. Ее участники стали вегетарианцами после того, как были вынуждены собственноручно убить выращенного ими борава. Участники общины и ранее следовали пацифистским идеалам, но их жалость и шок содействовали тому, что толстовцы признали невозможным насилие и над животными тоже. «Так сам собой разрешился вопрос о мясной пище, и все стали вегетарианцами, некоторые на всю жизнь»¹⁶⁸, — заключал Скороходов.

К вегетарианству логически примыкают и такие отличительные черты жизни толстовцев «на земле», как отказ от спиртных напитков, курения, карточной игры и проч. Например, в устав Ржевской артели был включен специальный пункт, который, по характеристике журналиста «имеет некоторый специфический толстовский привкус»¹⁶⁹. Этот пункт гласил: «Нарушение нравственного поведения, употребление спиртных напитков, курение табаку, картежная игра, ругательства и грубые обращения ни в коем случае не допускаются»¹⁷⁰.

Существуют и другие частные особенности толстовских колоний, более опосредованно связанные со спецификой мировоззрения их участников. Необычным было отношение некоторых толстовцев к половому вопросу. Под влиянием идей «Крейцеровой сонаты» Толстого они стремились следовать идеалу безбрачия, т.е. абсолютного воздержания. В особенности это касалось участников ранних толстовских общин, но позднее идеал целомудрия потерял принципиальный статус. Напротив, семейная жизнь часто соседствовала с земледельческим трудом. Да и сами толстовцы в этом вопросе отнюдь не всегда были

---

¹⁶⁸ Скороходов В. Страничка из моей общинной жизни // Вегетарианское обозрение. Киев, 1910. № 2. С. 24.

¹⁶⁹ Ветров И. Толстовство в жизни // Вегетарианское обозрение. Киев, 1912. № 6. С. 226.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 242 (1912 г.). Д. 360. Л. 226.

единодушны со своим «учителем». В.Ф. Булгаков писал: половые отношения «не выдуманы человеком, а даны самой Природой. Отвратительным, нечистым может быть только неестественное. Все естественное и закономерное в жизни природы, в том числе и в области половых отношений, не может быть само по себе ни омерзительным, ни нечистым»¹⁷¹.

Принцип непротivления лежал в основе отношений толстовцев не только с властями, но и с местным населением. Участники колоний старались избежать конфликтов с крестьянами, жить с ними в мире и согласии. Не считая землю своей собственностью, толстовцы, как правило, не отстаивали право на нее силой, полагаясь только на убеждение и обращаясь к совести местных жителей. Реакция крестьян на непротivление всегда зависела от ряда частных обстоятельств и могла колебаться от интереса и уважения к толстовской вере до агрессии и насмешек над ней. Позднее мы еще вернемся к этим сюжетам.

2.4. Идеал единения и виды земледельческих колоний толстовцев

Мировоззрение толстовцев имело по крайней мере один заметный парадокс. Стремясь слиться с народом, толстовцы не только оставались индивидуалистами, но и более того, в некоторых вопросах земледельческой жизни их индивидуализм проявился сильнее, чем у народников и первых коммунитариев. Пропасть между интеллигенцией и народом, которую мечтал перешагнуть еще народник, для толстовца не уменьшилась, а увеличилась. В результате толстовец переживал свое отчуждение от народа болезненнее, чем народник, а его стремление преодолеть эту пропасть приобрело более радикальные черты и отразилось в идеале так называемого «единения».

---

¹⁷¹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 180.

Толстовское единение – это основанное на идее общности всех живых существ стремление преодолеть духовно-нравственное, культурное и общественное отчуждение людей друг от друга путем отказа от всего, что это отчуждение порождает: религий и церквей, государства и всех социальных организаций, неравенства и собственности. В зависимости от контекста существительное «единение» дополнялось различными прилагательными – «христианское», «духовное», «братское», «всемирное».

Идеал единения занимал прочное место в мировоззрении как «теоретиков», так и «активистов», что отражалось в риторике. Характерно, что толстовцы любили использовать слово «единение», например, в названиях своих первых периодических изданий. Еще в 1910-е гг. Н.А. и В.А. Шейерманы издавали журнал «Всемирное единение». Он имел подзаголовок «орган человеческого единения во всех формах мысли и действия»¹⁷² и был посвящен движению «на землю». Позднее, с 1916 г. начал выходить известный толстовский журнал «Единение», с 1917 г. изменивший название на «Голос Толстого и Единение».

Однако идеал единения воспринимался «теоретиками» и «активистами» по-разному, как и принцип самосовершенствования. «Теоретики» говорили о единении отвлеченно, в религиозно-этическом контексте. В.Г. Чертков, критикуя революционный идеал, противопоставлял ему «единение, в котором одном, по христианскому учению, заключается смысл жизни»¹⁷³. П.И. Бирюков определял основную задачу толстовцев так: «Надо прежде всего стремиться к единению душ, а это возможно только приближаясь к Богу, к идеалу, к вечной правде, вечному добру»¹⁷⁴.

Толстовцы-«активисты» также признавали необходимость единения всех людей. Однако в их представлении осуществлению этой мечты препятствуют не столько заблуждения и суеверия, сколько конкретное явление – социальное неравенство. Поэтому в мировоззрении «активистов» идеал единения имел социальный пафос

¹⁷² РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2090. Л. 55.

¹⁷³ Чертков В.Г. Что такое анархизм? Крайстчерч. 1905. С. 70.

¹⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 377 Ед. хр. 16. Л. 13.

и обращивался критикой разделения труда. Подобную логику воспроизводит в своей статье Х. Досев: «Истинное процветание народов начнется только тогда, когда люди, все люди без исключения, вернуться к производительному, полезному труду. <...> Только тогда, когда окончательно иссякнет в сознании людей всякое оправдание физической бездеятельности, когда люди, стыдясь бессилия, как они теперь стыдятся труда, отойдут от своего привилегированного положения и примутся за труд, как за радость и благословление человека, как за необходимое условие его жизни, — только тогда начнется истинное возрождение человечества»¹⁷⁵.

Отрицая разделение труда, толстовцы-«активисты» идеализировали труд земледельца и в отличие от «теоретиков» считали его главным, если не единственным средством, способным привести человечество к единению. Для них земледелие — это панацея, способная излечить человечество от болезни социального отчуждения. В.И. Скороходов пишет: «За уклонение от разумного земледельческого труда и замену его неразумным человек несет на себе наказание, проклятие: он лишается способности выносить этот дар Божий, данный человеку — радостный земледельческий труд. Для меня совершенно непонятно, как могут люди жить иначе. <...> Да слезьте вы все с шеи народной, замените свои глупые гимнастическое кривляния по научным методам разумным, радостным, благостным земледельческим трудом для добывания только хотя бы себе самим лично, хлеба насущного, и тогда все вопросы жизни сами собой разрешатся»¹⁷⁶.

Несложно заметить, что мотив единения толстовцев-«активистов» является преемником того идеала братства-общины-коммуны, который сформировался прежде в мировоззрении первых коммунитариев. Но общинный идеал и толстовское единение имеют и ощутимое различие. Криничане были убеждены, что община развивает те качества личности, которые «могли бы лечь в осно-

¹⁷⁵ Досев Х. Религия, воспитание и образование (окончание) // Единение. М., 1916. № 2. Стб. 37.

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 71.

ванне иной более гармоничной, братской жизни между людьми»¹⁷⁷. Сам по себе человек слаб, но община единомышленников может сделать его лучше. По этой причине необходима «взаимная братская помощь всех участников общины в деле искреннего, любовного и правдивого указания на недостатки другого, буде кто захочет воспользоваться этой помощью»¹⁷⁸. Ядро самой Криницы некоторое время составлял «Братский кружок», занимавшийся «выяснением разных религиозных вопросов»¹⁷⁹.

В то же время толстовский идеал единения шел дальше общины. «Активист» стремился разрушить границы всех без исключения социальных форм. Он мечтал, как будто в страстном порыве, охватить сразу все человечество: «Надо жить с душой раскрытой ко всему миру со всеми его заблуждениями и тьмой, а не замыкаться в кружок друзей»¹⁸⁰.

Отметим, что и сам Толстой часто высказывался о единении в духе «активистов». В отличие от своих последователей-«теоретиков» он отнюдь не стремился превратить этот принцип в отвлеченную философскую абстракцию. А.А. Медведев справедливо писал: «Л.Н. Толстой довольно отрицательно относился к таким обособлениям единомышленников в особые группы, находя, что это противоречит *истинному братству людей*»¹⁸¹. Общинник В. Корнилов, критикуя образ жизни Ржевской артели, ссылаясь на Толстого и проницательно заметил границу между толстовским и общинным идеалом: «Посмотрите, говорят нам, и Толстой указывал на духоборческие общины, как на примерную жизнь, но ведь Толстой указывал не на внешнее устройство духоборцев, а на их братство, согласие и солидарность, выражавшиеся отчасти и во внешнем их общинном устройстве»¹⁸².

---

¹⁷⁷ Криничане. Четверть века «Криницы». Киев, 1913. С. 42.

¹⁷⁸ Василевский Г. Интеллигентная земледельческая община Криница. К истории исканий общественных форм идеальной жизни. СПб., 1908. С. 51.

¹⁷⁹ Там же. С. 68.

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 3.

¹⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 24. Л. 1.

¹⁸² РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4727. Л. 7.

Если криничане считали общину-коммуну лучшей формой организации, то толстовское единение предлагало иную наивысшую ступень своего идеала. В качестве нее толстовцы рассматривали жизнь странника, бродяги, своего рода индивидуалиста, окончательно покинувшего порочный круг несправедливой социальной действительности. Этот особенный статус странничества имело в мировоззрении как самого Толстого, так и его последователей. По замечанию М.В. Алехина, «Л.Н. с большой любовью относился к коммунам, но больше сочувствовал бродячим, не раз высказывая желание бросить семью и уйти бродить среди народа»¹⁸³. Также и В.И. Алексеев отмечал, что Толстой ценил более бродягу, чем общинника¹⁸⁴.

О бродяжничестве нередко мечтали и организаторы толстовских колоний. В.И. Скороходов писал: «В Шевелеве настроение становилось все напряженнее, и все реже выдвигалась требовательность к себе в деле достижения христианского идеала. Таким идеалом, очевидно, был вполне отрешившийся от себя бездомный бродяга-проповедник»¹⁸⁵. Несмотря на то, что практика странничества из-за своей радикальности реализовывалась толстовцами редко, она стала существенным отличием толстовского движения «на землю» от народнического.

Принцип единения лежал в основе внутренней жизни земледельческих колоний. Коллективные поселения «на земле» не только были попыткой толстовца «самому стать народом», но и давали ему возможность почувствовать единение со своими единомышленниками. И.А. Бенеvский ответил журналисту, что главное положение его земледельческих общин состоит «в стремлении к единению членов на основе сознания братства людей и в отсутствии в общине власти и подчинения, основанных на насилии»¹⁸⁶. Сходным образом говорили о своей цели

---

¹⁸³ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 33.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 160.

¹⁸⁵ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 125.

¹⁸⁶ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 15. Л. 1.

участники колонии на р. Мацеста: «В труде, тишине, молчании и внутреннем единении с братьями укрепить свои силы и тогда отдать их на служение Богу и людям»¹⁸⁷.

При этом принцип единения в практике движения толстовцев «на землю» реализовывался по-разному, иными словами, толстовское единение имело как бы различную степень. Многие толстовские общины сравнительно легко принимали новых участников, а толстовцы-странники, тем более, никогда не замыкались от своих единомышленников и от внешнего мира в целом. Однако жизнь тех последователей Л.Н. Толстого, которые предпочли сесть на землю индивидуальными хозяйствами, часто отличалась замкнутостью. Корреспондент журнала «Жизнь для всех» писал о С.М. Соломахине, одном из таких одишечек: «У С.М. никакой связи с деревней, никаких сполщений. Он как бы замкнулся в себя, решил жить только для себя, оставляя каждому заботиться и думать самому о себе самом. <...> Соломахин ищет только спокойствия, личного счастья. Все то, что вне этого, Соломахина не интересует, не тревожит»¹⁸⁸.

Этот контраст между открытостью миру одних толстовцев и замкнутостью других объясняется особенностями толстовского мировоззрения. Напомним, что среди толстовцев преобладало мнение, согласно которому «на разных степенях приближения [к истине] есть разные формы, разным людям кажущиеся наиболее совершенными,сообразно с их характерами, с их душевными и физическими свойствами»¹⁸⁹.

В представлении толстовцев различные свои формы приобретал и идеал единения. Ф.А. Страхов, проанализировав причины распада общин, советовал единомышленникам селиться в качестве соседей, а уже затем, сблизившись, сливаться в артель, как бы поднимаясь по лестнице единения¹⁹⁰. Сходную мысль высказывал участник тол-

---

¹⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 343.

¹⁸⁸ Лебедев Г. Яснополяские крестьяне и телятинские толстовцы // Жизнь для всех. СПб., 1913. № 7. Стб. 990.

¹⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 377 Ед. хр. 16. Л. 14.

¹⁹⁰ Страхов Ф. К вопросу о занятии ручным трудом // Календарь для каждого на 1909 г. М., 1908. Стб. 54-58.

стовских колоний К.Г. Рейнбах, который рассматривал соседские поселения и артели в качестве двух «форм единения»¹⁹¹.

Таким образом, само толстовское движение «на землю» является практической реализацией идеала единения, а его формы, отмеченные самими толстовцами — не что иное, как постепенно сложившиеся виды земледельческих колоний. Теперь приведем достаточно простую классификацию этих видов. Можно сказать, что в качестве ее логического принципа выступает степень единения участников колоний как друг с другом, так и с окружающей социальной действительностью.

1. *Общины*. Если вывести за скобки бродяжничество, община является той формой, в которой идеал единения выразился ярче всего. Отметим, что в нашем исследовании понятие «община» рассматривается в узком смысле, это — не просто любая группа людей, воспринимающих себя в качестве единого целого. Община отличается тем, что ее практическая жизнь следует принципам общности имущества и равного участия в распределении результатов труда. Б. Заблоцкий давал следующее определение общины — это «группа, состоящая из пяти и более взрослых людей (возможно, помимо них включающую и детей), большинство пар которой не связано между собой кровным родством или брачными узами, члены которой добровольно договорились жить вместе неопределенное время преимущественно ради какой-либо идеологической цели, направленной на достижение общности с единым коллективным хозяйством»¹⁹².

2. *Артели*. Единение в артелях ограничивалось ведением общего хозяйства, тогда как получение прибыли каждым членом коллектива было пропорционально его личному участию в общем деле: вкладу и/или труду. Если

---

¹⁹¹ Рейнбах К. Искание новых форм жизни // Жизнь для всех. 1916. № 3. Стб. 419-425.

¹⁹² Zablocki B.D. Alienation and Charisma: A Study of Contemporary American Communes // Цит. по: Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 6.

лозунгом общины было «каждому по потребностям», то артелей — «каждому по труду»; если община — коммунистическая форма, то артель — социалистическая.

Сделаем два необходимых пояснения. Во-первых, юридически толстовские общины позднего периода также являлись артелями, так как коммунистической собственности для закона Российской империи не существовало. Подтвердить общинный характер некоторых толстовских артелей можно лишь после знакомства изнутри с их бытом и организацией. Если эта организация являлась коммунистической, то такие колонии логично отнести к общинам, так как идеал единения носит практический, а не формально-юридический характер.

Во-вторых, главным отличием толстовских артелей от каких-либо иных кооперативов остаются нравственные, а не хозяйственные мотивы их участников. В этом смысле к участникам толстовских артелей применимо замечание, сказанное М.И. Туган-Барановским по поводу Криницы: «Организации, подобные "Кринице", могут существовать только при наличии у членов нравственных интересов. Они отнюдь не могут считаться хозяйственными предприятиями»¹⁹³. С другой стороны, именно практичность артели являлась ее самым существенным преимуществом перед общиной.

3. *Соседские поселения единомышленников.* Такие колонии представляли собой несколько индивидуальных хозяйств, расположенных в непосредственной близости друг от друга. В них имущество и трудовая деятельность не были коллективными, а единение проявлялось скорее во взаимопомощи толстовцев и в их общении друг с другом. Если судить по текстам, то такое устройство благотворно влияло на внутренний климат поселений. Сами колонии отличались прочностью, а сведения о внутренних конфликтных столкновениях, которыми так полны воспоминания об общинах или артелях, немногочисленны. Впрочем, на недостаток единения участников таких поселений

---

¹⁹³ Туган-Барановский М.И. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. СПб., 1913. С. 97.

иногда все же обращалось внимание. А. Михайлов писал, что в колонии Лескен, которая задумывалась как община, но стала соседским поселением, разговоры об общине были «самым больным местом»¹⁹⁴, и далее — «за немногими исключениями, приходилось констатировать отсутствие между нами этой тесноты отношений <...> Как ни странно, но каждый дом жил почему-то отдельной жизнью и отношение с другими домами носило какой-то случайный характер. Нередко казалось это отношение даже вынужденным»¹⁹⁵.

4. *Хутора или «культурные одиночки»*. Многие толстовцы, подобно С.М. Соломахину, селились индивидуальными хозяйствами. Чаще всего они устраивались «на земле» со своими семьями, иногда с несколькими единомышленниками. Толстовцев-одиночек нередко посещали родственники и друзья, но их отношения с внешним миром носили нерегулярный характер, а контакты с местными жителями, как правило, не отличались активностью. Тем не менее, стоит сказать, что идеал единения и таким толстовцам не был чужд. Вопреки замкнутости, они следовали общему для всех толстовцев императиву — с помощью земледельческого труда обрести единение с народом, преодолев пропасть между производителем и потребителем в своей собственной жизни.

Итак, толстовские земледельческие колонии могли иметь коллективный способ ведения хозяйства (общины и артели) и индивидуальный (соседские поселения и хутора). Особняком стоит феномен странничества. Жизнь толстовцев-странников была неразрывно связана с движением «на землю», но каждый из них оставался индивидуалистом, идущим своим собственным путем. Так что странничество можно рассматривать как одну из форм индивидуальной практики движения «на землю», близкую скорее к соседским поселениям и одиночкам.

Своеобразный парадокс индивидуализма и единения получил заметное продолжение в практической жизни

---

¹⁹⁴ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 9. С. 129.

¹⁹⁵ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 10. С. 466.

толстовских колоний. Казалось бы, что логика идеала единения прямолинейна и проста. Однако толстовцы, вопреки их мечте о единении всего человечества, замыкались в своих земледельческих колониях от окружающего мира и концентрировались на вопросах своего личного самосовершенствования. В практической жизни индивидуализм толстовцев побеждал их единение, и именно толстовские, а не народнические общины стали «эскапистскими» «утопиями бегства»¹⁹⁶. Можно предположить, что этот парадокс собственной жизни нередко оборачивался мучением для самих толстовцев. Любопытное в этом отношении признание сделала Т.В. Пытковская в ответ на критику быта толстовской общины в Шевелево, в которой она жила: «Не материальные лишения, связанные с жизнью "трудами рук своих" (рук неумелых), гнетут "толстовца", а именно та двойственность, которая существует между высотой его чувств и низостью его поступков»¹⁹⁷.

Таким образом, философские принципы Л.Н. Толстого не являлись самодовлеющими и не подчиняли себе его социальные идеалы, а сами были обусловлены особенностями конкретно-исторической ситуации. Так в его мировоззрении давление православной церкви обернулось пантеизмом и морализмом, кризис самодержавия и политическая реакция — либертаризмом и непротивлением злу насилею, становление капитализма — народничеством и «опрощением». Сама концепция Л.Н. Толстого двойственна, ее становление и развитие — это процесс постоянного взаимодействия двух полюсов — социального и религиозно-философского.

Эта двойственность определила восприятие учения Л.Н. Толстого его последователями, среди которых можно условно выделить две группы. Толстовцы-«теоретики» обращали большее внимание на религиозную философию Толстого, а толстовцы-«активисты» отдавали предпочтение его социальным идеалам. «Теоретики» занимались

---

¹⁹⁶ Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 20.

¹⁹⁷ Пытковская Т.В. По поводу статей о «толстовцах» // Неделя. СПб., 1891. № 47. Стб. 1505.

просветительской и общественной деятельностью, тогда как «активисты» были ближе к народничеству и стремились немедленно последовать принципу «жить трудами рук своих». Так что в основном «активисты», а не «теоретики» создавали толстовские земледельческие колонии.

В основе мировоззрения толстовцев-«активистов» лежало по крайней мере два важных элемента — принцип самосовершенствования и идеал единения. Толстовское самосовершенствование предполагало повышение нравственного уровня каждым отдельным человеком, в результате чего будет происходить постепенное перерождение человечества. Реформы или революции, как считали толстовцы, в этом отношении бесполезны. Самосовершенствование было как бы формой, вобравшей в себя конкретные поведенческие установки толстовского мировоззрения. Эти установки определили особенности толстовских колоний: индивидуализм, эскапизм, приоритет трудового идеала над общинным, религиозный нонконформизм, анархизм, «опрощение» и культ физического труда, вегетарианство.

Идеал единения апеллировал к толстовской идее общности всех живых существ и являлся своеобразным императивом — стремлением отказаться от всего, что порождает отчуждение людей друг от друга: религий и церквей, государства и других организаций, социального неравенства и собственности. Для толстовцев высшей ступенью единения являлся образ жизни бродяги или странника, который не принадлежит ни к какой социальной группе. Другим путем к единению была земледельческая колония. Она подразумевала единение, во-первых, с народом за счет ведения образа жизни земледельца, а во-вторых, со своими единомышленниками. Толстовские колонии были различны по степени выраженности в их быте идеала единения и обрзовывали в зависимости от этого четыре группы: общины, артели, соседские поселения, хутора. Однако жизнь толстовцев «на земле» оборачивалась парадоксом — они были большими индивидуалистами, чем народники, и замыкались в своих колониях. Это приводило к тому, что единение со всеми людьми еще более отдалялось от толстовца и становилось для него несбыточной мечтой.

Глава 3.
КОЛЛЕКТИВНЫЕ
КОЛОНИИ ТОЛСТОВЦЕВ
в 1881—1917 гг.

Теперь обратимся от общего к частному и рассмотрим событийную канву истории толстовских земледельческих колоний. Толстовские коллективные поселения «на земле» часто становились объектом повышенного внимания общественности, и во многом благодаря им толстовство как социальное явление получило известность. По этой причине логичнее начать историю движения толстовцев «на землю» именно с общин и артелей.

В течение своего существования некоторые общины и артели изменяли свою первоначальную организацию и становились индивидуальными или соседскими поселениями. Такие колонии отнесены к тому виду, к которому принадлежали в момент своего основания, а их история воспроизведена целостно и неразрывно, вплоть до окончательного распада.

3.1. Общины в 1880-х и в первой половине 1890-х гг.

Сведения о толстовских общинах раннего периода весьма многочисленны. На первых порах новизна коммунитарных экспериментов помноженная на эксцентричность образа жизни толстовцев стимулировала интерес к ним. М.И. Туган-Барановский писал: «Странное дело, человечество относится к этим ничтожным по своему

экономическому значению попыткам с совершенно особым интересом. Каждая из таких попыток остается в памяти людей»¹.

Первую из таких общин в августе 1886 г. основал Н.Л. Озмизов в местечке Уч-Дере близ Сочи на 50 десятинах земли, которые были арендованы им у К.Я. Старка², управляющего имения по соседству. Количество постоянных участников первой толстовской общины не превышало 10 человек. Кроме четы Озмиздовых и их дочери Ольги, написавшей впоследствии небольшую биографию отца, здесь жили также М.А. Шмидт, В.Ф. Орлов, А.П. Озерецкая³, которые продолжили участвовать в движении «на землю» и после распада общины. По воспоминаниям Е.И. Попова, общину Озмиздова посещал будущий поэт И.А. Бунин, увлекшийся сперва А.П. Озерецкой, а уже затем — толстовскими идеями⁴.

В первоначальном общинном виде колония не продержалась и года. Дочь Озмиздова рассказывала: «С нами поехали люди все совершенно безденежные, а на жизнь нужны были деньги. Отец, чтобы заработать деньги, и на Кавказе занимался перепиской сочинений Льва Николаевича, даже навлек на себя нарекания некоторых членов нашей колонии за то, что он вот пишет, а они работают»⁵. Е.Е. Горбунова-Посадова, напротив, говорила, что «деспотичность и чрезвычайная нервность Озмиздова делали жизнь в общине очень тяжелой». Недостаток средств усугубился тем, что Шмидт и Баршева были в ноябре 1886 г. ограблены. Как утверждала Шмидт: «Бог на нас оглянулся <...> Сразу мы встали в нормальные отношения с людьми: отпал соблазн нанимать себе помощников, отпала причина нам завидовать»⁶.

¹ Туган-Барановский М.И. Предисловие // *Криничане*. Четверть века «Криницы». Киев, 1913. С. II.

² НИОР РГБ. Ф. 345. К. 40. Ед. хр. 18. Л. 3об.

³ *Горбунова-Посадова Е.Е.* Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 18.

⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 105об.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 40. Ед. хр. 18. Л. 3об.-4.

⁶ *Горбунова-Посадова Е.Е.* Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 18, 19.

Но не прошло и трех месяцев как стали уезжать участники общины, а затем и семья Озмиздова вернулась в центральную Россию. Через некоторое время, в 1888 г. М.А. Шмидт и О.А. Баршева вернулись в Сочи и поселились в том же местечке Уч-Дере, на даче родственницы Баршевой, и занялись садоводством⁷. Совместно с ними проживали и работали в разное время по крайней мере шесть человек. Неизвестно, приобрела ли колония вновь форму общины. Ее участник А.В. Дольнер писал: «Я теперь поселился на Кавказе недалеко от местечка Сочи, где живет знакомая Вам вероятно г-жа Шмидт. Живем мы пока втроем общиной и сами обрабатываем арендуемую землю»⁸. Но три человека общиной не являются, а М.А. Шмидт и О.А. Баршева после распада колонии Озмиздова относились к общине более чем критически. В письме Толстому Баршева пишет: «Видела их общинников и их общину. <...> Не нравится мне этот народ по своему низкому духовному и умственному уровню. Они выработали себе в общинах диалектику (как они это называют), от которой уши вянут». В таком виде колония продолжала свое существование до смерти Баршевой, которая произошла в ноябре 1893 г.⁹

Следующую общину организовал известный богатый промышленник К.М. Сибиряков, который до этого был участником «Сибирского кружка» историка Н. Ядринцева¹⁰. Сибиряков еще в 1885 г. вдохновился примером Н.Н. Неплюева и организовал в своем имении на Кавказе сельскохозяйственную школу. Но, по сведениям полиции, он и его помощники «не создали даже пародии на школу Неплюева»¹¹. В течение 1886 г. подобные школы Сибиряков создает в своем Самарском имении Сколково, около 40 верст от Самары; а также в с. Елизаветино Саратовской губ.¹²

⁷ Толстой Л.Н. Письмо М.А. Шмидт // Полн. собр. соч. Т. 64. М., 1992. С. 280.

⁸ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1090. Л. 32.

⁹ Горбунова-Посадова Е.Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 40, 49.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 90 (1892 г.). Д. 920. Л. 9.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 194. Л. 6.

¹² Там же. Л. 18-18об.

Приблизительно к началу 1885 г. относится знакомство Сибирякова с Л.Н. Толстым и его учением. Тогда писатель посоветовал взять учителем в его кавказскую школу В.Ф. Орлова¹³, а в самарскую – В.И. Алексеева¹⁴. Затем «увлекаясь учением графа Льва Толстого, Сибиряков задался мыслью организовать в своих имениях интеллигентные общины»¹⁵. По предположению полиции, он организовал две таких общины в Самарской губ. Но, вероятно, существовала лишь одна. Так считал и С.Н. Кривенко, описавший ее в своей работе «На распутьи» и скрывший за инициалами С. и О. ее организаторов К.М. Сибирякова и В.Ф. Орлова соответственно¹⁶.

Эта община была организована Сибиряковым при его школе в Сколково, однако сложно установить точную дату преобразования школы в общину. В декабре 1886 г. Толстой пишет В.И. Алексееву, что у Сибирякова «есть имение в Самаре и там он предлагает людям, желающим работать, жить у него на земле. Кроме того, он устраивает там ремесленно-хозяйственную школу»¹⁷. С уверенностью можно утверждать, что к сентябрю 1887 г. община здесь существовала уже какое-то время. Тогда Толстой в другом письме писал: «На днях был Сибиряков. У него в Самаре живут 5 человек, а на Кавказе все не устроились»¹⁸. В то же время С.Н. Кривенко утверждал, что община здесь существовала лишь год и в 1889 г. распалась. Соотнося эти сведения, можно предположить, что община Сибирякова существовала с конца 1886 до конца 1889 гг.

Согласно С.Н. Кривенко, число участников, не считая Сибирякова и Орлова, составляло 5 человек. Все они были юношами из интеллигентных семей, и их неумение

---

¹³ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 194. Л. 5об.

¹⁴ Толстой Л.Н. Письмо В.И. Алексееву // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 438.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 194. Л. 19об.

¹⁶ Кривенко С.Н. На распутьи: культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 78-82.

¹⁷ Толстой Л.Н. Письмо В.И. Алексееву // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 438.

¹⁸ Толстой Л.Н. Письмо И.Б. Файнерману // Полн. собр. соч. Т. 64. М., 1992. С. 81.

вести хозяйство привело к тому, что пришлось нанять местного крестьянина для помощи. Это вызвало множество споров о недопустимости наемного труда и привело к уходу некоторых участников, которых заменили пять новых человек. В конце концов одна из общинниц отравила себя из-за «скуки и тяжести», произошел переполох, колония распалась, а участники разъехались¹⁹.

В конце 1880-х гг. было образовано сразу несколько толстовских общин. Этому предшествовало тесное общение в Москве их будущих участников. Как рассказывал В.В. Рахманов, московские толстовцы регулярно собирались на квартире М.А. Новоселова²⁰. Этот кружок толстовцев подвергался полицейским преследованиям за распространение сочинений Толстого. А.С. Буткевич связывал эти преследования со вхождением в их кружок провокатора, которым был ставший впоследствии знаменитым С.В. Зубатов²¹. Итогом общения толстовцев в Москве стала встреча будущих организаторов общин, на которой присутствовали А.В. Алехин, М.А. Новоселов, В.И. Скороходов, И.Б. Файнерман, И.Д. Ругин. По словам Скороходова, она состоялась в конце 1887 г.²² М.В. Алехин окрестил ее «съездом сочувствующих писаниям Толстого» и утверждал, что это событие произошло чуть позже, в 1888 г. На этой встрече толстовцы решили «покончить с жизнью в городе и привилегиями интеллигента и поселиться общинами в деревне, ведя жизнь крестьянина»²³.

На момент «съезда» одна из толстовских общин уже была в процессе организации, ее инициаторами стали Аркадий, Алексей, Митрофан Алехины и В.И. Скороходов. Она располагалась в купленном с этой целью Аркадием Алехи-

¹⁹ *Кривецко С.Н.* На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 81-82.

²⁰ *Рахманов В.В.* Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // *Минувшие годы*. СПб., 1908. № 9. С. 9.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 11. Л. 14-15.

²² *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // *Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни*. Пг., 1914. № 6. С. 102.

²³ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 30.

ным имени при сельце Успенское, близ деревни Шевелево Дорогобужского уезда Смоленской губ. Эта колония в толстовских кругах называлась Шевелево или Шевелевской общиной. Весной 1888 г. сюда начали прибывать люди²⁴. Департамент полиции, еще с 1885 г. интересовавшийся Аркадием Алехиным, установил наблюдение за этой общиной со значительной задержкой, с июня 1889 г.²⁵

По воспоминаниям Скороходова, уже к лету 1888 г. в Шевелево собралось около 20 работников²⁶. Согласно же нашим подсчетам за весь период существования число посетителей и работников общины составило как минимум 55 человек. Однако неумение, а часто и нежелание интеллигентов вести крестьянское хозяйство довольно быстро сказалось на судьбе общины. Сначала убыток Шевелевской общины покрывался из средств ее основателя, но «когда вздумали жить "взаправду" по крестьянскому положению и высылкой деньжонок от родственников стали тяготиться, хозяйство не замедлило объяснить им, что они не в состоянии прокормить людей, плохо, да и с неособенной охотой возделывающих землю»²⁷. Так писал местный помещик Н.М. Селезнев, опубликовавший в газете «Смоленский вестник» несколько своеобразных репортажей об этой колонии.

Участник общины В.И. Скороходов высказывался в унисон с саркастичным репортером: «У большинства, повторяю, необходимость трудовой жизни являлась результатом рассудочных выводов из христианских истин, принятых за основу жизни, а потому они не жили интересами простой жизни, а искусственно прилаживались к ним». Незавидное хозяйственное положение осложнялось постоянными ссорами на принципиальной почве. Конфликты происходили по самым разнообразным по-

---

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 81 (1885 г.). Д. 1121. Л. 1об.

²⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 1. Л. 1.

²⁶ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9, С. 119.

²⁷ Селезнев Н.М. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 81. С. 3

водам, от вопросов ведения хозяйства до проблемы взаимоотношений с местным населением. «На наши посевы из соседней деревни зашел скот, — рассказывал далее В.И. Скороходов, — казалось бы, что нужно просто отогнать скотину к хозяевам и попросить впредь по-соседски этого не дать. Так нет. Долго обсуждался вопрос, не будет ли это противно заповеди о непротивлении злу насильем»²⁸.

Положение Шевелевской общины осложнялось еще и другим обстоятельством. Ее участники, особенно Аркадий Алехин, вели активную переписку со знакомыми, в результате чего в общину постоянно прибывали посетители, желающие познакомиться с интеллигентными земледельцами. «Очевидно, тут много было людей праздных, которым не к чему рук приложить, если б хозяйство ведено было толково; выходило же на деле так, что и в этом маленьком хозяйстве "не справлялись с делами". <...> Интеллигентная толпа буквально съедала маленькое хозяйство»²⁹.

Но все же, благодаря денежной помощи Алехина и других участников, хорошему урожаю и зимним заработкам, Шевелевской общине удавалось сводить концы с концами до определенного момента. Он произошел приблизительно в марте 1890 г. Недовольство Аркадием Алехиным, который «подавлял общинников массой знания, логикой изложения, убедительностью слова»³⁰, привело к тому, что он сам покинул Шевелево, сделав дарственную земли на имя других общинников. Но этот документ не вступил в силу, так как в течение осени 1890 г. местные крестьяне буквально «растаскили» имущество Шевелевской общины, в то время как ее участники, следуя принципу непротивления, не стали им препятствовать. В марте 1891 г. Аркадий Алехин был вынужден вернуться

---

²⁸ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 119.

²⁹ Селезнев Н.М. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 81. С. 3.

³⁰ Селезнев Н.М. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 86. С. 2.

в Шевелево только для того, чтобы отдать бывшую землю общины в бесплатное пользование местным крестьянам³¹.

В начале 1888 г., сразу после московского «съезда», один из его участников М.А. Новоселов организовал общину, получившую название Дугино. Она располагалась в усадьбе Новоселова Дугино (Братское) Вышневолоцкого уезда Тверской губ. За ней было установлено полицейское наблюдение также с ощутимым опозданием, с начала 1890 г.³² По собранным сведениям, одновременно в общине проживало не более 15 лиц обоего пола, но общее число посетителей и работников Дугино составляло по меньшей мере 40 человек. В Дугино работал В.А. Маклаков³³, впоследствии ставший известным адвокатом и политическим деятелем. Посещал общину крестьянин-сектант В.К. Сютаев и его дочь, которые проживали неподалеку в деревне Шевелино Тверской губ. В Дугино перебрались некоторые участники общины Алехина, например, В.И. Скороходов.

Жизнь общины Дугино складывалась более благополучно, чем в Шевелево. Во многом этому содействовала и личность ее основателя. «Очень живой, энергичный, мягкий, ласковый, нежный, он являлся прямой противоположностью Аркадия [Алехина], но общей чертой у них была любовь к проповедничеству и к разговорам»³⁴, — писал о нем Скороходов. Намного лучше складывались и отношения общинников Дугино с местным населением: «С соседними крестьянами у нас установились довольно хорошие отношения, хотя они не могли определить, что мы такое»³⁵. Поначалу единственным недостатком жизни в Дугино являлась земля, «песчаная с очень большим количеством камней, разброшенных по всей поверхности;

---

³¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 1. Л. 86.

³² Там же. Л. 1.

³³ *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 72-79.

³⁴ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 125.

³⁵ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 12. С. 65-83.

некоторые камни достигали внушительных размеров без малого почти целой кубической сажени»³⁶.

Но в январе 1892 г. Новоселов по неясной причине передал землю в собственность А.А. Черняевой, которая приходилась матерью одной из участниц общины, а большая часть толстовцев разъехалась³⁷. Возможно, что Дугино, как и Шевелево, было разграблено местными крестьянами. Об этом писал В.А. Маклаков³⁸, но его рассказ детально совпадает с аналогичными событиями из судьбы Шевелево, поэтому представляется, что он просто спутал эти общины друг с другом.

Более вероятной причиной могла быть начатая Толстым кампания по помощи голодающему населению, в которой общинники очень хотели принять участие. В.И. Скороходов вспоминал: «Михаил Н-в тоже ушел к голодающим и там заболел тифом. <...> Общинная жизнь никого <...> уже не интересовала; все волновались письмами и вестями о голодающих и рвались идти помогать им»³⁹.

После ухода Новоселова толстовцы проживали в Дугино еще некоторое время. Не считая новых хозяев, дольше всех здесь пробыл брат Аркадия Алехина Алексей, окончательно выбывший из Дугино в июне 1894 г.⁴⁰ Однако о жизни редких поселенцев в Дугино в 1892–1894 гг. практически ничего неизвестно.

В сентябре 1890 г. В.И. Скороходов со своей женой приобрел в 12 верстах от Дугино имение Мыза-Кубач⁴¹. Так была образована еще одна община, участниками которой становились преимущественно лица, покидавшие Дугино. «Предполагалось, что Мыза будет только естественным

---

³⁶ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 11. С. 77.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 2. Л. 34.

³⁸ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 78.

³⁹ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 12. С. 74.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 2. Л. 77.

⁴¹ Там же. Л. 8.

расширением Дугинской общины, а не нечто вполне от нее отдельное и обособленное»⁴², — говорил Скороходов. Однако общее число посетителей и работников этой общины оказалось весьма значительным — 26 человек.

Уже осенью 1891 г. эту общину покинул сам В.И. Скороходов из-за конфликта с женой и с другими участниками общины. Некоторое время он страствовал пешком, а затем работал у Толстого «на голоде». Но община после его ухода продолжала существовать, хозяйство вели В.В. Рахманов, А.А. Герцог, П.Н. Гастев⁴³. После продажи земли и распада общины в Дугино многие ее участники перебрались на Мызу-Кубач, в том числе и прибывший позднее М.А. Новоселов.

Колония на Мызе окончила свое существование приблизительно в апреле 1893 г. Тогда В.И. Скороходов вернулся к жене и детям и, продав землю, вместе с ними отправился на Кавказ. Причиной ликвидации общины, по словам Скороходова, была тяжелая атмосфера: «Чувствовалось, что люди не живут настоящей жизнью, и как бы случайно выбитые из колеи, временно терпят создавшееся положение»⁴⁴.

Еще одна колония, располагавшаяся рядом с Дугино, всего в 13 верстах, была организована в имении Тобошево. Здесь приблизительно в начале 1891 г. поселился увлекшийся толстовством бывший народоволец Л.П. Никифоров со своей женой Екатериной Ивановной, родной сестрой В.И. Засулич. С Никифоровыми здесь в разное время жили и их девять детей, старшему Льву было 18 лет. К семье Никифоровых присоединились А.В. Ярцев, участник общины в Уч-Дере, его жена К.С. Ярцева и их дочь⁴⁵.

---

⁴² *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 12. С. 65

⁴³ Там же. С. 70-82.

⁴⁴ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 87.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1792. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4-8.

Окончательно не установлено, приобрела ли колония в Тобошево характер общины. Но косвенно на это указывает ряд фактов. Во-первых, очевидно, С.Н. Кривенко относил Тобошево к одной из пяти земледельческих общин, образованных в Тверской губ.⁴⁶ Во-вторых, поселенцы Тобошево поддерживали активные связи с толстовцами из общин в Дугино и на Мызе и обладали сходным с ними мировоззрением⁴⁷. В-третьих, количество лиц, посетивших имение Никифоровых и работавших с ними, достаточно велико — 11 человек. Так что колония в Тобошево не может быть отнесена к какому-либо иному типу, кроме общины.

Помимо хозяйства, источником дохода Никифорова и его жены были переводы, однако заработок не мог удовлетворить потребности их многодетной семьи. Новоселов просил Толстого помочь Л.П. Никифорову, отмечая, что их семья живет хуже, чем голодающие крестьяне: «Сердце разрывается, когда видишь эту семью дома. Нищета поразит всякого, кто побывает у них»⁴⁸. По информации дочери Никифорова, их семья прожила здесь 4 года⁴⁹, а затем он «должен был, по материальной несостоятельности, бросить Тобошево»⁵⁰. На некоторое время Никифоров с семейством переехал жить к знакомому молодости, земскому начальнику Краснослободского уезда Пензенской губ. В.В. Кабанову⁵¹.

В связи с семьей Никифоровых логично упомянуть и следующую колонию, организованную чуть позднее. Третий сын Никифоровых Павел обучался в сельскохозяйственной школе при с. Обуховка Лукояновского уезда Нижегородской губ. и стал участником возникшей здесь в ноябре 1894 г. толстовской общины. Никифоров-отец

---

⁴⁶ *Кривенко С.Н.* На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 4.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 2. Л. 20-79.

⁴⁸ Письма М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому // Минувшее: исторический альманах. М.-СПб., 1994. Вып. 15. С. 421.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1792. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 38.

⁵⁰ *Скорородов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 87.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 93 (1895 г.). Д. 1184. Л. 1.

также оказал посильную материальную помощь в организации этой колонии⁵². Колонисты получили землю в аренду на год от местной помещицы А.Н. Русиповой, которая приходилась либо женой, либо свояченицей упомянутого выше В.В. Кабанова, друга Никифоровых⁵³.

По своему типу эта колония была схожа с общиной при школе Сибирякова. В ее делах принимали непосредственное участие местные учителя, в особенности П.В. Великанов, а участниками стали несколько молодых юношей, но не из интеллигентов, как у Сибирякова, а из крестьян.

В самом начале 1895 г. на хутор переехала и семья Никифоровых, вошедших в тесное общение с учителями школы⁵⁴. Колония достаточно быстро оказалась под сильным административным и церковным давлением, которое еще усугубилось после отказа П.В. Великанова принять присягу на верность Николаю II⁵⁵.

Община прекратила свое существование приблизительно осенью 1895 г.⁵⁶ Позднее Толстой в письме 17 декабря 1896 г. писал: «На днях был у меня Никифоров и Кабанов и рассказывали, что ваши ученики, жившие общиною, хотят опять соединиться»⁵⁷. Но сведений о том, что это произошло, нет. Для Никифорова и его семьи пребывание в Нижегородской губ. окончилось в 1897—1898 гг.⁵⁸, а вместе с этим и увлечение толстовскими идеями.

В конце 1889 г. в местечке Глodosы Елизаветпольского уезда Херсонской губ. И.Б. Файнерман и Анатолий Буткевич организовали еще одну земледельческую общину⁵⁹. Созданию ее предшествовал приблизительно полугодовой период совместного проживания и труда будущих участников в столярной мастерской в Елизаветграде.

---

⁵² Центральный архив Нижегородской Области. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1932. Л. 4-6.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 93 (1895 г.). Д. 1184. Л. 19.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 1792. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 38-41.

⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 249. Ед. хр. 52. Л. 14об.

⁵⁶ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 36. Л. 1.

⁵⁷ Толстой Л.Н. Письмо П.В. Великанову // Полн. собр. соч. Т. 69. М., 1992. С. 223.

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 1792. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 52.

⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 294об.-333об.

Предварительно Файнерман от лица толстовцев предложил местным евреям, членам библейской секты, создать общую земледельческую колонию, и некоторые из них дали согласие.

Эта община не просуществовала и 10 месяцев. Денежная помощь Аркадия Алехина, казалось бы, позволила преодолеть первоначальные хозяйственные трудности. Но затем колония все же распалась из-за внутренних конфликтов внутри коллектива, которые после перехода к общинной жизни «на земле» резко обострились. Как рассказывал Анатолий Буткевич, жена Файнермана А.Л. Любарская предпочитала оказывать медицинскую помощь местному населению и не интересовалась хозяйственными вопросами. Это вызывало раздражение общинников, которое усугублялось еще и разочарованием в самом основателе И.Б. Файнермане⁶⁰. К концу лета 1890 г. колония распалась, а ее участники разъехались.

В марте 1890 г. Митрофан Алехин покинул общину своего брата в Шевелево и решил организовать собственную колонию. Он купил 60 десятин земли на хуторе Байрачном⁶¹, в 18 верстах от Харькова и поселился здесь вместе со своей гражданской женой, крестьянкой М.В. Коваленковой, двоюродным братом Аркадием Егоровичем Алехиным и его женой Д.Н. Алехиной. По словам М.В. Алехина, вслед за этим к ним присоединились еще 8 человек⁶². Большинство поселенцев в Байрачном были прежде участниками других общин, которые либо уже распались, либо находились на грани этого. Общее число посетителей и работников Байрачной общины составило не менее 19 человек. Одним из них был харьковский помещик А.М. Бодянский, впоследствии активнейший участник движения «на землю».

Отметим, что насчет времени существования Байрачной общины есть различные сведения. В газете «Волжский вестник» 26 ноября 1890 г. появилась заметка об этой общине, где говорилось, что «колонисты живут уже

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 317, 324.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 6. Л. 1.

⁶² НИОР РГБ. Ф. 345. К. 102. Ед. хр. 14. Л. 10-10об.

два года»⁶³. Но, очевидно, эта информация неверна, так как она противоречит сведениям из воспоминаний самого М.В. Алехина и материалам полицейского наблюдения. То же можно сказать и о заметке в газете «Гражданин», сообщавшей новость о распаде колонии в августе 1894 г.⁶⁴, к тому моменту Байрачной общины уже давно не существовало. Полиция прекратила наблюдение за колонией в марте 1891 г., утверждая, что «хутор Байрачный в настоящее время брошен на произвол судьбы и кроме сторожа никто там не живет»⁶⁵. Но ту же общину посещал в апреле 1892 г. В.И. Скороходов⁶⁶. Да и сам М.В. Алехин указывал, что колония прекратила свое существование в 1892 г., когда «летом они [общинники] не работали, и ничего не связывало их с хутором, пришли как бы мимоходом — поговорить о боге»⁶⁷. Суммируя сведения, можно предположить, что Байрачная община существовала с начала 1890 до лета 1892 гг.

По обстоятельствам распада Байрачная община сходна с Шевелево. Конфликт среди участников привел к уходу инициатора и собственника земли М.В. Алехина. Он, в свою очередь, отдал землю и инвентарь местным крестьянам за то, что те должны были выплатить 500 р. одному из колонистов, желавшему получить затраченные на неудавшееся предприятие деньги⁶⁸.

Некоторые из общинников Байрачной отправились в Полтаву, где встретились с другими толстовцами, принимавшими участие в помощи голодающему населению. Здесь в 1891 г. была образована столярная мастерская, которая действовала с длительными перерывами, но практически все 1890-е гг., последние сведения о ней относят-

---

⁶³ Колония последователей гр. Л.Н. Толстого // Волжский вестник. Казань, 1890. № 291. С. 2.

⁶⁴ Распадение общины «толстовцев» // Гражданин. СПб., 1894. С. 3.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 6. Л. 6об.

⁶⁶ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 83.

⁶⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 102. Ед. хр. 14. Л. 10об.

⁶⁸ Распадение общины «толстовцев» // Гражданин. СПб., 1894. С. 3.

ся к 1898 г.⁶⁹ Хотя эта община не была земледельческой, сложно обойти ее вниманием. В разные годы в ней работали по крайней мере 17 человек, среди которых были И.Б. Файнерман с А.Л. Любарской, Митрофан и Алексей Алексиньы, будущий поэт И.А. Бушин и др.⁷⁰

Безусловно, после всех неудач вера толстовцев в общинную жизнь сильно пошатнулась. Но некоторые из них предприняли еще одну попытку и встретились в августе-сентябре 1893 г. на Кавказе. Новая община была образована в селении Орпири, близ станции Самтреди Сенакского уезда Кутаисской губ.⁷¹ Здесь сошлись уже известные нам В.И. и О.Ф. Скороходовы, П.Н. Гастев, М.В. Алексин с женой и А.М. Болянский. К толстовцам присоединились и несколько новых лиц. В.И. Скороходов рассказывал, что сначала собралось всего 23 человека с детьми⁷², нам же известно по крайней мере 19 взрослых членов общины. Через некоторое время от общины отделились Болянский и его жена, но не в результате какого-либо конфликта.

К распаду колонии на этот раз привело другое обстоятельство. Неудачно была выбрана местность: «Детишек трясла лихорадка и многие часто болели»⁷³, а затем стали болеть и взрослые. По воспоминаниям Скороходова, был момент, когда из всей колонии не болел только он один⁷⁴. С весны 1894 г. начинаются поиски более подходящего места для поселения, и толстовцы постепенно перебираются в Нальчик⁷⁵. Это время можно условно считать временем распада общины, хотя некоторые из толстовцев продолжили жить и вести хозяйство в Орпири. А.М. Бо-

---

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 10.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 89 (1891 г.). Д. 323. Л. 14-16об.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 123.

⁷² *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 89.

⁷³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 102. Ед. хр. 14. Л. 11об.

⁷⁴ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 91.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 123.

дянский с женой пробыли здесь еще некоторое время, а С.М. Проконенко продолжил нести здесь хуторское хозяйство до января 1899 г. и привлекал внимание полиции тем, что поддерживал контакты с местными сектантами⁷⁶.

Поселение в Орпире является последним общинным экспериментом этой небольшой, но сплотившейся группы толстовцев. Постигшее их разочарование в коллективных хозяйствах привело к тому, что те же лица после переселения в Нальчик обратятся к организации соседских земледельческих поселений, а не общин. К судьбам этих толстовцев на Кавказе мы еще вернемся в следующей главе.

3.2. Артели и общины с середины 1890-х до 1917 гг.

С середины 1890-х гг. внимание полиции к земледельческим общинам постепенно угасает. Это объясняется, во-первых, активизацией других более опасных для существующего строя политических сил, во-вторых, еще и тем, что общины интеллигентов перестали казаться чем-то небывалым и не вызывали прежних подозрений. Один из полицейских наблюдателей писал: «Изучая за четыре года моей службы в Черноморской губернии быт толстовцев на хуторе "Криница" и в Геленджике, я убедился, что эти люди в политическом отношении не опасны»⁷⁷. Ослабление внимания полиции к толстовским общинам обернулось трудностью для воспроизведения судеб и состава многих из них. Эта трудность особенно ощутима при изучении толстовских общин, возникавших в Кавказско-Черноморском регионе.

В десятилетие с 1895 г. до 1905 г. толстовцы создали ряд соседских поселений и хуторов, но новых общин практически не появлялось. Постепенное возвращение толстовцев к практике создания коллективных поселений происходит после первой российской революции и достигает своего пика в 1911–1913 гг.

---

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 91 (1893 г.). Д. 93. Л. 19-24.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 95 (1897 г.). Д. 765. Л. 13об.

Единственной известной общиной, возникшей во второй половине 1890-х гг., является «Юшковка» в местечке Тх|у|аб (Лысая Гора) Новороссийского округа Черноморской губ. Ее основатель врач Авраам (Роман) Васильевич Юшко в 1896 г. (по одним сведениям, в начале года⁷⁸; по другим, в октябре⁷⁹) арендовал небольшой участок казенной земли. В разное время здесь работали не менее 18 человек. При этом только М.П. Кожушко прежде жил в колонии Орпири, для всех остальных эта община стала первой, впрочем, для многих и последней.

Сведения о времени распада общины Юшко неоднозначны. В полицейском донесении от 7 августа 1899 г. говорилось, что «Юшковская колония, ввиду прекращения аренды у казны занимаемого колонией участка земли, под названием "Лысая гора", по-видимому, прекратила свое существование»⁸⁰. Однако позднее в справке от 27 августа 1901 г. сообщалось, что она не только существует, но и построила дом на сумму около 2000 рублей⁸¹. Вероятно, это несоответствие объясняется тем, что в свои поздние годы община носила сезонный характер, зимой Юшко и другие участники покидали «Лысую гору». Существование общины прекратилось с окончанием летнего сезона 1901 г., когда Юшко с несколькими единомышленниками поселился в другой местности вблизи Тхаба — на Михайловском перевале⁸².

О причинах неудачи общины Юшко писал Толстому уже в октябре 1900 г.: «Нам ведь не удалось устроить жизнь так, как думалось. С одной стороны, мешали этому и, пожалуй, главным образом внешние причины — давление со стороны администрации, с другой — причины внутренние, так как много было людей, на которых

---

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 6 (1897 г.). Д. 259. Л. 6об.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 123об.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 6 (1897 г.). Д. 259. Л. 18.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 99 (1901 г.). Д. 1187. Л. 5об.

⁸² Толстой Л.Н. Письмо А.К. Раковичу // Полн. собр. соч. Т. 75.

М., 1992. С. 202.

приходилось затрачивать большое количество сил духовных и материальных, что, в конце концов, привело к усталости и надорванности»⁸³.

Новый виток развития движения толстовцев «на землю» начался в середине 1900-х гг. и связан с энергичной деятельностью дворянина И.А. Беневского, получившего образование на сельскохозяйственном факультете в Галльском университете в Германии⁸⁴. По замечанию Е.И. Попова, И.А. Беневский был «в общем толстовского направления, но в то же время не был чужд и сектантского, баптистского духа»⁸⁵. Стремление заниматься земледельческим трудом проявилось у него приблизительно в 1902 г. В это время Беневский с целью знакомства с основами ведения хозяйства посещает хутора своего дяди А.В. Иващенко в Макеевке Киевской губ., М.В. Булыгина в Хатунках Тульской губ., А.Н. Коншина⁸⁶, М.С. Дудченко у Полтавы⁸⁷.

В письме А.К. Чертковой от 22 сентября 1902 г. Беневский высказывает свое намерение создать артель в приобретенном его родителями имении при станции Дубровка Орловской губ. При этом он отмечал: «Найти достаточное число подходящих товарищей для артели будет трудно, но я пока не теряю надежды»⁸⁸. Т.М. Осипова писала, что здесь в 1904 г. Беневским при содействии его отца была организована артель из местных крестьян, о чем в личном архиве сохранился соответствующий договор⁸⁹. Но подробных сведений о времени существования, составе этой колонии и мировоззрении ее участников нет. Скорее всего, артель в Дубровке не была толстовской и существовала недолго. Кроме этого, И.А. Беневским были

---

⁸³ Толстой Л.Н. Письмо А.В. Юшко // Полн. собр. соч. Т. 72. М., 1992. С. 490.

⁸⁴ Толстой Л.Н. Письмо И.А. Беневскому // Полн. собр. соч. Т. 75. М., 1992. С. 258.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 13об.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3067. Л. 1-3.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 12.

⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3067. Л. 3об.

⁸⁹ Осипова Т.М. Семейная хроника Беневских // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы V международного семинара. Брянск, 2015. С. 102.

последовательно организованы по крайней мере три земледельческие колонии, судьбы которых логично описать отдельно от других поселений.

В 1905 г. И.А. Беневским была создана артель на арендованных 80 десятинах земли в имении Шиманском у ст. Тарановка Змиевского уезда Харьковской губ.⁹⁰ Это поселение упоминается в «Яснополянских записках» под именем Харьковской общины (колонии) Беневского⁹¹, и сам Толстой рекомендует обращаться туда лицам, желающих перейти к земледельческому труду⁹². Отметим, что, будучи проектом созданного Беневским «Трудового земельного общества», Тарановка была все же не общиной, а именно артелью. Основатель рассказывал в письме В.Г. Черткову, что поселение состоит из 5 семейств крестьян-сектантов⁹³. Отсутствие сведений полицейского наблюдения не позволяет досконально установить состав колонии, но другие источники содержат сведения по крайней мере о 9 взрослых участниках, из которых 6 действительно были крестьянами.

Внутренняя жизнь артели складывалась не гладко. Видимо, именно о колонии в Тарановке рассказывал Толстому ее участник И.А. Самсонов: «Члены недовольны, жалуются, что много затратили каждый», а сам он говорил, что «недоволен "сектантским" духом»⁹⁴. Однако все же не внутренний разлад привел к распаду поселения, а преследования полиции. У Беневского по крайней мере дважды производили обыски: в октябре 1906 г.⁹⁵ и в марте 1908 г.⁹⁶ Последний обыск окончился высылкой его из

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 1, 2.

⁹¹ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. II. С. 265, 325; Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. III. С. 77, 418.

⁹² Толстой Л.Н. Письмо А.Я. Колесниченко // Полн. собр. соч. Т. 77. М., 1992. С. 58.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 2.

⁹⁴ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. III. С. 77.

⁹⁵ Там же. Кн. II. С. 265.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 42об.

губернии за пропаганду среди крестьян⁹⁷, и Бенеvский направился в Томск. Тогда же окончила свое существование и артель в Тарановке.

В первой половине 1909 г. Бенеvский поселился в г. Верный (Алматы) Семиреченской обл., и по его приглашению сюда же перебрались некоторые толстовцы из Тарановки⁹⁸. В 1910 г. Бенеvский выхлопотал у Переселенческого бюро отвод небольшого участка земли в местечке Джита-Огуза близ Пржевальска (Каракол). Здесь, на периферии Российской империи, им была организована вторая небольшая колония⁹⁹. Известно всего 7 ее взрослых участников. Но, как говорилось в полицейском донесении, «ввиду принятых административных мер»¹⁰⁰ колония была вынуждена ликвидировать свои дела. Это произошло не позднее начала 1911 г. Так, колония не просуществовала и года, а ее участники перебрались в г. Пржевальск. Точно неизвестно, какую форму приобрело это поселение, однако вероятнее всего оно также была артелью. Сложно представить, что Бенеvский после организации двух артелей (Дубровка и Тарановка) и накануне создания еще одной (Ржевск) изменил своей традиции.

С начала 1911 г. под руководством И.А. Бенеvского и по инициативе В.Г. Черткова начинается создание Ржевской артели — наиболее масштабного коммунитарного эксперимента толстовцев в дореволюционный период. Т.М. Осипова указывала, что эта колония была организована ранее, еще в 1908 г., когда Бенеvский познакомился со своей будущей женой А.И. Федоровской¹⁰¹. Однако это противоречит материалам полицейского наблюдения как за самим Бенеvским, так и за Ржевской артелью.

---

⁹⁷ Толстой Л.Н. Письмо И.А. Бенеvскому // Полн. собр. соч. Т. 78. М., 1992. С. 195.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 37об.

⁹⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰⁰ Там же. Л. 38.

¹⁰¹ Осипова Т.М. Семейная хроника Бенеvских // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы V международного семинара. Брянск, 2015. С. 105.

Так или иначе, 22 февраля 1911 г. между группой толстовцев, большинство которых составляли рабочие и крестьяне, и матерью Черткова Елизаветой Ивановной был заключен артельный договор о сдаче помещицей в аренду своего имения Ржевское и 500 десятин земли, находившихся близ ст. Митрофановка Михайловской волости Богучарского уезда Воронежской губ. Сам документ не имеет примечательных особенностей, за исключением пункта 8, гласившего: «Нарушение нравственного поведения, употребление спиртных напитков, курение табаку, картежная игра, ругательства и грубое обращение ни в каком случае не допускается»¹⁰². Намного любопытнее был проект договора, предложенный М.А. Антоновым. Этот документ, воспроизведенный в приложении, ярче и полнее отражал мировоззрение и цели колонистов.

Подчеркнем, что Ржевская колония на деле являлась отнюдь не общиной, как часто ее называли, а производственной артелью. Распределение прибыли хозяйства фиксировалось не только в артельном договоре, но и имело место фактически, о чем свидетельствует внутренняя документация колонии¹⁰³.

По рассказу корреспондента газеты «Вегетарианское обозрение», посетившего в первой половине 1912 г. Ржевскую артель, там проживало около 100 человек с детьми¹⁰⁴. Согласно собранным сведениям, количество посетивших и работавших в Ржевске взрослых лиц составляет как минимум 140 человек. Если же еще брать в расчет и детей, то число участников артели было бы огромным — большинство поселенцев были людьми семейными.

Безусловно, не все эти лица являлись толстовцами — это бросалось в глаза и современникам. И. Ветров писал: «Есть там сектанты-баптисты; есть последователи Александра Добролюбова, мистика и подвижника, во многом несогласного с Толстым; есть разочаровавшиеся в культуре интеллигенты нашедшие душевный покой в новых

¹⁰² ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 242 (1912 г.). Д. 360. Л. 228.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2906. 7 л.

¹⁰⁴ Ветров И. Толстовство в жизни // Вегетарианское обозрение. Киев, 1912. № 6. С. 227.

для них условиях жизни; есть два-три последователя Вл. Соловьева, есть, наконец, обыкновенные православные люди». Но, как корреспондент тут же прибавляет: «дух общины все-таки толстовский»¹⁰⁵.

Несложно представить, что внутренние конфликты приобрели в этой колонии остроту, пропорциональную ее численности, то есть беспрецедентную. С первых же месяцев существования артели в адрес номинального ее руководителя В.Г. Черткова и фактического организатора И.А. Беневского начал сыпаться поток ругательных и жалобных писем по поводу несправедливого устройства колонии. В архиве Черткова сохранились такие письма от поселенцев П.Ф. Безверхого¹⁰⁶, В. Корнилова¹⁰⁷, его сына Ф.В. Корнилова¹⁰⁸, М.И. Плюхина¹⁰⁹, М.В. Миньшова¹¹⁰, братьев Ансонских¹¹¹. Среди толстовцев, видимо, циркулировал очень характерный анекдотический слух, который они пересказали Черткову в одном письме: «Слышали мы такую вещь, что будто Вы, Владимир Григорьевич, все письма, относящиеся к тому, что делается в Ржевской колонии, не находите нужным прочитывать и просто непрочитанными бросаете в печку или корзину, — так уж будто несимпатично Вам то, что есть в Ржевске»¹¹².

Вся критика Ржевского проекта вращалась вокруг того обстоятельства, что земля оставалась собственностью Чертковых. Это позволяло им оказывать на внутреннюю жизнь артели давление, хотя, справедливо будет сказать, что сведений о таком нами не обнаружено.

От критики участников колонии страдал и И.А. Беневский. В материалах А.С. Пругавина сохранилась небольшая заметка от апреля 1913 г., начинающаяся словами «растет сильное недовольство Беневским, который

---

¹⁰⁵ *Ветров И.* Толстовство в жизни // *Вегетарианское обозрение.* Киев, 1912. № 6. С. 227.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 13-14.

¹⁰⁷ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 41. Л. 1.

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1622. Л. 4-6.

¹⁰⁹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 70. Л. 13-15.

¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 19. Л. 3.

¹¹¹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 19. Л. 9-10.

¹¹² Там же. Л. 9.

очень многих вооружил против себя»¹¹³. Яблоком раздора стал вопрос о женском труде. При организации колонии в 1911 г. Беневский, будучи еще холостым, убедил остальных участников следовать принципу равенства полов и давать женщине такую же тяжелую работу, как и мужчинам. Но, женившись в сентябре 1912 г., стал утверждать, что его жена должна быть освобождена от тяжелых работ, а это вызывало у единомышленников недоумение и недовольство. Масла в огонь подливало и то, что жена Беневского Е.С. Федоровская была баптисткой. Как писал А.С. Пругавин, «это тоже многим не понравилось, так как баптисты считаются узкими, сухими сектантами, догматиками и буквоедами. Слухи пошли, что Беневский венчался в православной церкви. Это тоже возмутило всех толстовцев и свободомыслящих»¹¹⁴.

Тем не менее, внутренние конфликты не привели к распаду артели, и многие люди продолжали находить здесь приют. Представляется, что взвешенную оценку Ржевской атмосферы дал А.А. Медведев: «Христианского братства там во всяком случае нет, часто бывают ссоры. <...> Иногда такие отношения господствуют, и многие члены бывают страшно недовольны общинной жизнью, уходят оттуда в старые места. Вообще осуждающих и недовольных тамошней жизнью бывает очень много. Иногда между членами налаживаются <...> хорошие отношения и тогда всем легко и радостно жить. Некоторые надеются, что такие отношения скоро наладятся прочно. Так что, если сравнивать общинную жизнь с началом братской жизни, — то она покажется дурной, если же сравнить ее с господствующей в городах, в той среде, откуда вышло большинство колонистов, — то она покажется лучшей. Все-таки там нет такого разврата, пьянства, насилия, грубости, жестокости, которые царят в городе, а есть трудовая, иногда тяжелая, правда, жизнь земледельцев, в душах которых живет идеал христианской любви и мира, не позволяющий погрязать во зле и влекущий к себе»¹¹⁵.

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 26.

¹¹⁴ Там же. Л. 27.

¹¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 10.

Неумение толстовцев работать «на земле», на которое указывал, например, покинувший колонию Т.Н. Кошевой¹¹⁶, также не оборачивалось ликвидацией дела. Напротив, из отчетов секретаря артели П.Ф. Безверхого видно, что за неудачным 1912 г., окончившимся дефицитом в 3000 рублей, последовал благополучный 1913 г., когда каждый участник ее получил «блестящую прибыль» до 400 рублей¹¹⁷. Этот знаменательный факт подтверждал прежний тезис И.А. Беневского. Теперь коллективное земледелие представлялось участникам артели не только нравственнее, но и выгоднее, чем индивидуальное хозяйство¹¹⁸.

По-видимому, семейная жизнь Беневского, его сложные отношения с другими колонистами и смерть отца привели к тому, что в октябре 1913 г. он окончательно покинул Ржевск вместе с женой и тремя приемными детьми¹¹⁹. Беневские на несколько лет поселились в имении Дубровка Брянской губ. Ржевская артель продолжила существовать без своего организатора и идейного вдохновителя.

Колонию в значительной степени обескровила начавшаяся Первая мировая война, в списке поселенцев от марта 1915 г. значится уже только 15 человек¹²⁰. Но и тогда жизнь артели еще теплилась. Последний известный документ из истории Ржевской артели относится к 13 марта 1917 г. — это письмо колонистов к Черткову. Из него следует, что в колонии возобладали «индивидуалисты», т.е. сторонники переведения земли в частную собственность, и на собрании «большинством голосов решили во что бы то ни стало разделить для частного пользования всю землю, находящуюся в пользовании артели на общинных основаниях и оставить в пользовании артели только пастбище для скота»¹²¹. Таким образом, Ржевский хутор нахо-

---

¹¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 76. Ед. хр. 53. Л. 19-19об.

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4568. Л. 1-2.

¹¹⁸ *Беневский И.* Христианская община и земледелие. С приложением устава общества земледельцев «Божья Нива». М., 1907. С. 7.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 125-126.

¹²⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 19. Л. 1.

¹²¹ Там же. Л. 9-10об.

дился накануне своего превращения из артели в обычное поселение. Кроме того, в обширном списке толстовских колоний советского периода, составленном Т.В. Петуховой¹²², Ржевской артели не значится. Вероятно, именно перевод земли в частную собственность в марте 1917 г. и стал финалом самой крупной толстовской колонии дореволюционного периода.

Вернемся к хронологическому порядку изложения. Вслед за Тарановкой Беневского в 1906 г. «группой толстовцев-народников» была основана коммуна в глухой тайге, в Приамурье. Эта колония является, пожалуй, самой загадочной страницей толстовского движения «на землю». Сведения об этом поселении в Приамурье попали в печать значительно позднее, в декабре 1913 г. появилась заметка в газете «День», которая затем была перепечатана в журнале «Вегетарианское обозрение»¹²³. В ней утверждалось, что колония, обрабатывающая около 20 десятин земли и состоящая преимущественно из рабочих, держится до сих пор.

Более подробные сведения об этой Таежной артели дал в 1914 г. Н.А. Шейерман в своем сборнике «Всемирное единение»¹²⁴. Сама колония находилась в деревне Отрадное, в 6 верстах от Норского склада. Сейчас это местечко находится около 10 км от г. Норск вверх по р. Селемджа, приблизительно 350 км от Благовещенска. По сведениям Шейермана, эти годы община успешно развивалась, увеличивая хозяйство, и получила официальное признание в качестве сельскохозяйственного кооператива «Трудовая Нива». Судя по заметке, колония является не общинной-коммуной, а артелью: «За свой труд все члены получают от кассы "коммуны" определенное жалование, большая часть которого выдается натурой»¹²⁵. Типу колонии соответствует и организация: ее деятельностью руководит правление, избираемое на общем собрании. На

---

¹²² Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.) Ульяновск, 2008. С. 112–116.

¹²³ В мире печати // Вегетарианское обозрение. Киев, 1913. № 10. С. 404.

¹²⁴ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2090. Л. 75–75об.

¹²⁵ Там же. Л. 75об.

1913 г. численность кооператива составляла 20 постоянных членов, а вместе с гостями и детьми — 40 человек. Однако установить поименно состав участников колонии не удалось. Хотя и немало лиц из толстовских кругов было связано с Амурским краем, но доказательств их участия в Тасжнкой артели не найдено.

В целом, заметка из «Всемирного единения» создает идиллическое впечатление: успешное хозяйство, опрятный и добротный двухэтажный дом, 8-часовой рабочий день, регулярная смена занятий, хорошие отношения с местными жителями, которые называют колонистов «дружинниками»¹²⁶. Если учесть, что опыт большинства толстовских коллективных поселений был вовсе не утешителен, то эта идиллия вызывает подозрения в самом факте существования такой колонии. И все же Тасжная артель действительно существовала. Видимо, ее участником и, возможно, организатором был Г.И. Клитчоглу. В 1913 г. он прислал об этой колонии весьма отрывочные сведения В.Г. Черткову¹²⁷ и А.А. Медведеву¹²⁸. А Медведев, в свою очередь, рекомендовал Амурскую колонию лицам, желающим поселиться «на земле» из нравственных побуждений¹²⁹.

Сам Клитчоглу, по материалам полиции, был отставным чиновником (статским советником) и, проживая в Благовещенске, состоял прежде директором Амурского пароходного общества¹³⁰. Но в поле внимания полиции он впервые попал в 1904 г. и не из-за организованной им артели, а благодаря дочери Серафиме, бывшей членом боевой организации эсеров. В 1906 г. Клитчоглу привлёкся к суду за то, что поместил в своем журнале «Амурский край» ряд статей революционного содержания и был приговорен к тюремному заключению на год¹³¹. Однако Тасжная артель, в которой он участвовал позднее, осталась полиции неизвестной.

¹²⁶ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2090. Л. 75об.

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1506. Л. 1.

¹²⁸ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 18-21.

¹²⁹ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4610. Л. 1-2.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 232 (1904 г.). Д. 284. Л. 1, 47

¹³¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. Д. 3400. Л. 167.

Последнее упоминание об артели относится к 17 ноября 1914 г.¹³², сведений о существовании колонии в 1915–1917 гг. или же о ее распаде не было обнаружено. Вместе с тем в фонде Черткова сохранился любопытный документ – послереволюционный, лишенный даты устав общества Толстого «Любимый труд», организованного в г. Благовещенске. К уставу были приложены листы, принадлежащие руководителю общества, некому Космачу. В них упоминается о процветающей толстовской коммуне в г. Зезя-пристань (сейчас город Зезя на одноименной реке, около 150 км на северо-запад от Норска), организатором которой являлся лекто Изюмченко¹³³.

По всей видимости, это не кто иной, как толстовец Н.Т. Изюмченко, крестьянин Курской губ., который в 1894 г. отказался от военной службы и был сослан в Сибирь¹³⁴. Изюмченко несколько лет прожил в Барнауле. Он рассказывал, что в 1905 г. бежал после тюрьмы в Николаевск на Амуре¹³⁵, но, судя по его письмам Толстому, это произошло позже, в 1909 г.¹³⁶ Интересно, что Изюмченко до самой своей смерти в 1927 г. занимался кооперативной и общественной деятельностью¹³⁷. Вполне возможно, что Тасжияя колония толстовцев под его руководством продолжила свое существование и после 1917 г., но в другом месте.

В течение лета 1907 г. на арендованных 500 десятинах земли в «глуши туркестанских стеней» толстовская община была организована отставным офицером В.А. Репниным, который «вел раньше разгульную жизнь, но затем круто изменился и стал искать путей к новой, лучшей жизни»¹³⁸. Община находилась в 60 верстах от Ташкента

---

¹³² РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4610. Л. 2об.

¹³³ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4210. Л. 7об.-8.

¹³⁴ Толстой Л.Н. Письмо Н.Т. Изюмченко // Полн. собр. соч. Т. 68. М., 1992. С. 37-38.

¹³⁵ Изюмченко Н.Т. Из жизни // Немеркнувшее солнце: сборник в память десятилетия со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Хабаровск, 1920. С. 21-22.

¹³⁶ Толстой Л.Н. Письмо Н.Т. Изюмченко // Полн. собр. соч. Т. 80. М., 1992. С. 15.

¹³⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 25. л. 1.

¹³⁸ Календарь для каждого на 1909 г. М., 1908. Стб. 68.

но дороге в Чикмент, в местечке Ак-Джара, близ почтовой станции Джерри и речки Келес, сейчас это деревня Акжар Южно-Казахстанской обл., Казахстан.

Благодаря вниманию полиции¹³⁹ и публикации «Толстовцы в Туркестане» в журнале «Исторический архив»¹⁴⁰ состав этой колонии хорошо известен. Единновременно в общине Ренина проживало около 15 человек, общее число лиц, посетивших колонию — 34. Большинство колонистов были рабочими крестьянского происхождения, которые приехали сюда из центральных губерний России. Среди участников Ташкентской общины, как обычно ее называли, были будущие члены Ржевской артели — братья Александр, Георгий, Иван Ансонокис, П.Ф. Безверхий и его мать, бродяги Л.В. Томилов (Лев Рыжий) и С.М. Попов (Сереза). Большинство колонистов занимались земледелием, некоторые — садоводством.

О внутренней жизни колонии, однако, сведений не так много. И.Ф. Наживин рассказывал о ней со слов одного из участников, крестьянина Д. Зайцева¹⁴¹. Наживин утверждал, что общинная форма, которую придал колонии основатель, продержалась лишь полгода, толстовцы «через несколько месяцев перешли на артельное хозяйство, еще через несколько — на подворное, а потом разбежались»¹⁴². Но существование колонии не было таким уж мимолетным — она была окончательно ликвидирована только осенью 1910 г.¹⁴³ Основатель В.А. Ренин заболел психически и со своей женой отправился сначала к Л.Н. Толстому в Ясную Поляну, а затем — в психиатрическую больницу¹⁴⁴. Колонисты

---

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 244 (1914 г.). Д. 12ч84 лит. Б. Л. 27-28; 37об.-38.

¹⁴⁰ Народы и судьбы: Толстовцы в Туркестане. Документы ШГА Республики Узбекистан. 1908-1910 гг. // Исторический архив М., 2003. № 6. С. 187-200.

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3-4об.

¹⁴² Наживин И.Ф. Моя исповедь // Наживин И.Ф. Собр. соч. Т.5. М., 1912. С. 91.

¹⁴³ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 60. Л. 2об.

¹⁴⁴ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. 7/ Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. IV. С. 290.

же перебрались большей частью в Ташкент, где в доме М.М. Ренниной их постиг полицейский обыск¹⁴⁵.

Еще одной значимой страницей истории движения «на землю» является деятельность Владимира и Николая Шейерманов. В 1905 г. помещик В.А. Шейерман стал известен в толстовских кругах благодаря своему поступку — он раздал крестьянам землю и написал призыв к помещикам поступить аналогично. Это обращение Шейермана, несмотря на помощь Толстого, опубликовано не было¹⁴⁶. Сразу вслед за этим, в 1906 г. он был обвинен в подстрекательстве местных, харьковских крестьян к мятежу и выслан за пределы губернии¹⁴⁷.

Его брат Н.А. Шейерман, также продавший практически за бесценок свою землю¹⁴⁸, в начале 1908 г. создал общину на 250 десятинах на хуторе Высоком близ села Лисичанска Бахмутского уезда Екатеринославской губ. В.А. Шейерман поселился рядом и написал небольшую, неопубликованную историю этой колонии¹⁴⁹. В.А. Шейерман пишет, что в общине за все время побывало 70 лиц¹⁵⁰, но их не называет. Нам известны далеко не все ее участники, а только 26 человек.

Община в Высоком — это попытка воплотить идеал толстовских общин в полной мере. Ее двери были открыты любым участникам, отсутствовал устав и организация, никакого, даже условного разделения труда не было. Такое бескомпромиссное следование «учению Христа <...> во всех решениях своих по поводу возникавших вопросов практической жизни»¹⁵¹ можно было встретить лишь в ранних общинах.

Община Шейермана столкнулась с теми же проблемами: приток «случайных» и «несознательных» лиц, внутрен-

¹⁴⁵ Народы и судьбы: Толстовцы в Туркестане. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1908—1910 гг. // Исторический архив. М., 2003. № 6. С. 199-200.

¹⁴⁶ Бенецкий И. Христианская община и земледелие. С приложением устава общества земледельцев «Божья Нива». М., 1907. С. 11.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. о. о. Оп. 235 (1906 г.). Д. 1248. Л. 2-2об.

¹⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 92. Ед. хр. 38. Л. 61об.

¹⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 8. 9 л.

¹⁵⁰ Там же. Л. 3об

¹⁵¹ Там же. Л. 6об

ний конфликт между крестьянами-трудовиками, интеллигентами-баранами и туеядцами. Как следствие, «получалась угнетенность друг другом, многие тяготились, обвиняли один другого, чувствовали себя участниками дела других, несогласованных с их совестью, протестовали и получался какой-то сумбур, вроде вавилонского столпотворения»¹⁵².

Зимой 1908–1909 гг. оканчивается общинный этап истории колонии в Высоком. Николай Шейерман предложил отказаться от общинной формы, убедившись в ее нежизнеспособности, его предложение было поддержано теми шестью лицами, которые еще не покинули колонию. Этим сообщением заканчивается и рассказ В.А. Шейермана¹⁵³.

Вместо общины здесь формируется «колония на началах единого налога»¹⁵⁴, являющаяся, по сути, соседским поселением. Вся оставшаяся земля в 125 десятины была разделена на 25 частей. Хозяйство каждой из частей велось самостоятельно ее владельцем, который выплачивал в общую кассу земельный налог, шедший на уплату аренды за землю и на общие нужды колонии¹⁵⁵. В таком виде колония просуществовала до начала 1912 г., когда была ликвидирована из-за событий, подробно описанных Е.И. Поповым. В колонии с самого начала состоял некто Цыганков, человек, «озлобленный до последней степени», решивший «насолить» другому колонисту, которого невзлюбил – им был А.А. Медведев. Хотя тот ничего не делал недоброжелателю, Цыганков шантажировал Медведева тем, что доносит полиции про его революционное прошлое. Медведев покинул Высокий, а Цыганков продолжал некоторое время посещать поселение, и «всякий приход его сопровождался криком, шумом и перебранкой с А.И. Погорельским». А затем, в колонию явилась полиция и допрашивала поселенцев насчет Медведева. Само существование колонии стало затруднительным, и в марте 1912 г. хозяин земли Н.А. Шейерман ликвидировал поселение окончательно¹⁵⁶.

¹⁵² НИОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 8. Л. 4об-5.

¹⁵³ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 8. Л. 6об.

¹⁵⁴ Календарь для каждого на 1910 г. М., 1909. Стб. 153.

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1-1об.

¹⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 50об-53.

Еще одна колония, принявшая характер общины, была организована П.П. Картушиным и Н.Г. Сутковым в долине реки Мацесты близ Сочи Черноморской губ. В истории этого поселения осталось немало «белых пятен», в том числе и для исследователя-краеведа О. Матвиенко, автора статьи о толстовцах в Сочи по материалам местного архива¹⁵⁷.

Некоторую информацию об этом поселении можно извлечь из «Яснополянских записок» Д.П. Маковицкого. Сутковой уже с 1905 г. владел небольшим участком земли в этой местности. Но в 1905—1908 гг. он был занят сначала помощью голодающему крестьянству в Самаре, а затем организацией издательства «Обновление» совместно со своим другом П.П. Картушиным¹⁵⁸. В июне 1908 г. Картушин закрыл издательство и решил поселиться на земле по соседству с Н.Г. Сутковым¹⁵⁹. Сразу вслед за этим в «Яснополянских записках» есть запись от 7 августа 1908 г. В ней говорится, что 4 человека, объединившиеся на Кавказе и знакомые с В.А. Лебренем, прислали Толстому письмо о своей жизни¹⁶⁰. Если это не община Картушина и Суткового, то эта колония нам неизвестна.

Также 1 апреля 1910 г. В.И. Засосов, отказавшийся от военной службы по религиозным убеждениям и живший на Мацесте, рассказывал Толстому про «общину на Кавказе, которая расползается»¹⁶¹, вероятно, имея в виду ту же колонию. В октябре 1910 г. Засосов умер здесь¹⁶² и был похоронен колонистами П.П. Картушиным и А.М. Веселовым без обрядов, за что те были привлечены к суду весной 1912 г. и летом были оправданы. Свидетелем на

---

¹⁵⁷ Матвиенко О. К истории толстовской коммуны в Сочи (по материалам архива А. В. Лычагова) [Электронный ресурс] // Вестник сочинского отделения РОИА «Время и документы». Вып. 1. Режим доступа: <http://edemkavkaza.ru/historycat/472-tolststory.html>

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 232 (1904 г.). Д. 1099. 24 л.

¹⁵⁹ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. III. С. 108.

¹⁶⁰ Там же. Кн. III. С. 161-162.

¹⁶¹ Там же. Кн. IV. С. 216.

¹⁶² НИОР РГБ. Ф. 345. К. 61. Ед. хр. 5. Л. 86-95.

суде выступал В.Ф. Булгаков, нешиком путешествовавший в это время по Кавказу. Об общине на Мацесте он оставил небольшие заметки¹⁶³.

Булгаков рассказывал об увлечении колонистами учением А.М. Добролюбова и их уходе от толстовства. Там же он сообщал и о разочаровании Картушина в общинной жизни: «Люди, жившие на Мацесте, оказались не готовыми для той высокой формы жизни, которая была намечена. Он хотел устроить там, в горах, "монастырь", "мистическое братство", а вместо этого получилось сельскохозяйственное предприятие»¹⁶⁴. Еще 13 июня 1910 г. Картушин писал А.И. Иконникову о своей общине в том же духе: «Решение трудных, запутанных, житейских вопросов, как будто для них решено уже давным-давно, что корову надо летом три раза в день доить. Хозяйство так всосалось в общинников, как осьминог, что смерть ему общиннику, если он не будет думать о делах»¹⁶⁵.

Картушин решил продать землю, об этом он написал еще до посещения В.Ф. Булгакова своему знакомому и ожидал ответа¹⁶⁶. Вероятно, осенью 1912 г. эта община была ликвидирована, так как затем ее след теряется. Упоминаний о Сочинской общине на Мацесте нет и среди материалов А.А. Медведева, собранных в 1913 г.

Следующая колония возникает летом 1911 г. в имении Лесной хутор Хохловской волости Смоленского уезда и губ. Ее основательницей стала С.П. Турнаева, которую вдохновил пример Ржевской артели¹⁶⁷. Члены колонии в письме толстовцу И.П. Яркову утверждали, что более 100 человек откликнулось на предложение поселиться с ними¹⁶⁸. Однако это утверждение более чем сомнительно. Известно только 10 человек, фактически участвовавших в общине, что, учитывая ее кратковременность, неудивительно.

---

¹⁶³ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 299-383.

¹⁶⁴ Там же. Л. 334об.

¹⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 47. Ед. хр. 11. Л. 23-23об.

¹⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 334об.

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123. Л. 215-216

¹⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 56. Ед. хр. 39. Л. 3об.

Мать основательницы А.А. Турнаева предоставила общине 67 десятин земли¹⁶⁹ и финансовую помощь в 5 тыс. рублей¹⁷⁰. Но, несмотря на это, колонисты, собственно-ручно взявшись за хозяйство, получали от него лишь убыток. Сначала мать отказала в просьбе С.П. Турнаевой о повторной помощи, а затем, подозревая дочь в связи с другим колонистом П.Д. Белниковым, потребовала немедленной ликвидации общины.

Позднее в журнале «Жизнь для всех» в июне 1913 г.¹⁷¹ и апреле 1915 г.¹⁷² появились две заметки А.И. Головастикова из с. Богородского Нижегородской губ., где он рассказывал о своей жизни в некой толстовской колонии. Полицейскими был сделан верный вывод о том, что речь шла об общине С.П. Турнаевой¹⁷³. В июне 1913 г. Головастиков писал: «На расцвете начинания наша колония подверглась разрушению и в настоящее время от нее не осталось никакого следа»¹⁷⁴. А в 1915 г. указывал, что их поселение действовало лишь в 1912 г.¹⁷⁵ Следовательно, община С.П. Турнаевой распалась в течение временного промежутка с октября (письмо И.П. Яркому) до декабря 1912 г. и, соответственно, просуществовала не более чем полтора года.

В 1912 г., в № 3-4 «Вегетарианского обозрения» была опубликована небольшая заметка об организации колонии на арендованной земле в 8-9 верстах от села Архипо-Осиновка Черноморской губ. Поселилась здесь небольшая «группа молодых интеллигентов-тружеников», убежденных вегетарианцев, избегающих использовать даже кожаную обувь. Там же указывалось, что колония

---

¹⁶⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 56. Ед. хр. 39. Л. 106.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123. Л. 215об.

¹⁷¹ Головастиков А. Дорогие товарищи... // Жизнь для всех. СПб., 1913. № 6. Стб. 905.

¹⁷² Головастиков А. Кое-что о земледельческих колониях // Жизнь для всех. Пг., 1915. № 4. Стб. 635-639.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123. Л. 214.

¹⁷⁴ Головастиков А. Дорогие товарищи... // Жизнь для всех. СПб., 1913. № 6. Стб. 905.

¹⁷⁵ Головастиков А. Кое-что о земледельческих колониях // Жизнь для всех. Пг., 1915. № 4. Стб. 637.

будет устроена «на артельных началах»¹⁷⁶. Но колония так и не приобрела артельной организации из-за своей малочисленности, в ней проживали и вели общее хозяйство всего 5 человек, поэтому уместнее обозначить это поселение как маленькую общину.

Весной 1912 г. эту колонию, которая действительно располагалась вблизи Архипо-Осиповки в местечке Текос, посетил В.Ф. Булгаков. Он оставил о ней небольшой рассказ, в своей манере не назвав поименно ни одного из участников. По словам Булгакова, в момент посещения общину составляли только три человека, все они — лица, покинувшие Криницу ввиду своей неудовлетворенности жизнью там. Но «община в Текосе находится в периоде зарождения. Ее жизни только несколько месяцев»¹⁷⁷, и вскоре к ним должны были присоединиться еще несколько человек. Девиз общинников — «минимум потребностей» — отражался в бедной обстановке: жили в сарае, ни скота, ни денег на его покупку у них не было, и судьбу предприятия должен был решить урожай 1912 г. «Не знаю, долго ли просуществует в Текосе трудовая община, продержится ли она вообще, но теперь это — одно из самых чистых, бескорыстных и дружных начинаний подобного рода»¹⁷⁸, — так писал Булгаков.

Скорее всего, эта же община упоминается в 1913 г. в материалах А.А. Медведева. Он называет ее небольшой вегетарианской колонией-общиной Н.Е. Соловьева близ г. Геленджик на побережье Черного моря¹⁷⁹. Соловьев, вероятно, и является тем лицом, который у Булгакова обозначен как «некто С.»¹⁸⁰, намеревавшийся купить землю колонии в собственность. Единственным несопадением является местонахождение колонии, Текос располагался от Геленджика приблизительно в 40 км. Однако это обстоятельство достаточно просто объяснить, в источниках

---

¹⁷⁶ По миру // Вегетарианское обозрение. Киев, 1912. № 3-4. С. 151.

¹⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 167об.-180об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 180.

¹⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 42.

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 168об.

нередко в качестве Геленджикской колонии обозначалась и Криница, отдаленная от него на то же, что и Текос расстояние. Кроме этого, Медведев мог считать Текос Геленджикской колонией еще и потому, что ее создатель Соловьев работал в Геленджике в местной лавке потребителей. По этому адресу Медведев отправлял письма сам и рекомендовал писать лицам, желающим участвовать в общине¹⁸¹. Из переписки Медведева видно, что эта колония понравилась П. Пискареву, молодому студенту технического училища в Саратове, который с лета 1913 г. поселился у Соловьева¹⁸².

Последние сведения о колонии относятся к 6 октября 1914 г., Медведев упоминает ее в письме Л.А. Леткову¹⁸³. В аналогичном письме С.А. Валицкому спустя 11 дней она уже не упоминается¹⁸⁴. Поселенцы Текоса все были молодыми людьми, поэтому кажется наиболее вероятным, что окончательный распад общины произошел из-за сопутствовавшей Первой мировой войне мобилизации.

В конце октября — начале ноября 1913 г. была организована артель в имении Хмелево, находившемся в одноименной деревне Татьевской волости Тульского уезда и губ.¹⁸⁵ Земля была продана в рассрочку на 5-10 лет управляющим Чертковых П.С. Апуриным их сыну Владимиру, который поселился здесь вместе с несколькими своими друзьями. Условия продажи земли были довольно строго записаны сначала в протоколе обсуждения, а затем и в договоре. Можно сказать, что артель в Хмелево была существенно ограничена в своей деятельности: колонистам запрещалось без согласия Чертковых принимать новых лиц и переводить землю в частную собственность, исключать их сына Владимира и т.д.¹⁸⁶ Само предприятие не приобрело масштабного характера, в ней в разное время работали около 15 человек.

---

¹⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 42.

¹⁸² НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 70. Л. 5-6.

¹⁸³ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 48.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4610. Л. 206.

¹⁸⁵ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. 50 л.

¹⁸⁶ Там же. Л. 19-22.

Первоначально артели принадлежало в общей сложности 48 десятин, затем часть земли была приобретена у живущего по соседству С.М. Соломахина, а другая часть — продана¹⁸⁷. Существование артели сопровождалось регулярными отчетами. Их представляли Чертковым жившие в Хмелево А.А. Бируля, бывший участник Ташкентской колонии, и управляющий П.С. Апуриц¹⁸⁸. Участие В.В. Черткова в артели, судя по документам, носило нерегулярный характер.

Так или иначе, Хмелевская артель успешно перешагнула порог 1917 г. Сразу после Декрета о земле ее участникам В.Г. и А.К. Чертковы выдали удостоверение в том, что земля, постройки и инвентарь Хмелево еще до войны находились и по-прежнему находятся в собственности артели¹⁸⁹. Чуть позднее уже пожилой В.Г. Чертков подал в Комиссариат земледелия заявление о том, что хочет работать в Хмелевской артели и просит сохранить за ним его участок земли¹⁹⁰. Вероятно, это была лишь характерная для Черткова уловка, сведений о его личной работе в Хмелево не имеется.

Во время Первой мировой войны процесс появления новых общин практически замирает. Остается упомянуть еще только две колонии, которые возникли в последние предреволюционные годы и продолжили свое существование в советский период.

Первая из них — артель М.Н. Иванова на Михайловском перевале. По воспоминаниям Н.З. Сычуговой, она возникла в 1916 г., участники «называли себя "толстовцами", не курили, не пили, не ели мяса»¹⁹¹. В журнальной заметке от 1921 г. отмечалось, что численность этой артели составляла приблизительно 20 человек¹⁹².

¹⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 29.

¹⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2941. 22 л.

¹⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. 29-29об.

¹⁹⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 23.

¹⁹¹ Сычугова Н.З. Что я помню о Кринице: записки-воспоминания. Новороссийск, 2005. С. 28.

¹⁹² Вести пробуждения // «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода» (Соединенный выпуск). Посвящается 10-летию со дня смерти Л.Н. Толстого. 1921. С. 29.

Затем участники артели приняли решение о слиянии с Криницей, председателем которой тогда являлся бывший участник нескольких толстовских колоний М.П. Кожушко¹⁹³. По информации О.Г. Панаэтова, объединение произошло уже в 1918 г.¹⁹⁴ Но, судя по сведениям достаточно объемистой журнальной статьи и данным из воспоминаний Н.З. Сычуговой, объединение артелей произошло не ранее 1921 г.

Вторая колония была основана там же, на Михайловском перевале, семьей Шейерманов летом 1917 г. Ее участниками являлись почти все члены семьи Шейерманов: братья Николай и Владимир, их мать, жены и дети, из которых совершеннолетним был сын Владимира – Михаил. О судьбе этой общины подробно рассказывал ее участник Н.Д. Красинский в письме Н.Г. Рейнбаху. Красинский писал, что общину составляли 30 взрослых человек¹⁹⁵, однако нам известно лишь 14 из них.

Жизнь колонии в первые послереволюционные годы осложнялась неприязненным отношением со стороны белых. Большинство толстовцев изначально сочувствовали большевикам и открыто высказывались об этом. Подобно многим, эта община не избежала внутренней ссоры из-за земельной собственности, в результате чего В.А. Шейерман отделился от колонистов и поселился рядом обособленным хозяйством. Но хозяйство общины было вполне успешным, и, как писал Красинский, криничане и местные жители даже «нам стали завидовать»¹⁹⁶.

Видимо, эта община так и продолжила существовать, как минимум, до середины 1920-х гг. По крайней мере, в 1924 г. В.А. Шейерман продолжал жить там же, организовав со своим братом Николаем «Интернациональ-

---

¹⁹³ Сычугова Н.З. Что я помню о Кринице: записки-воспоминания. Новороссийск, 2005. С. 28.

¹⁹⁴ Панаэтов О.Г. Основатели и идеалы общины «Криница» // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2011. № 1. С. 51-52.

¹⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 63. Ед. хр. 8. Л. 3.

¹⁹⁶ Там же. Л. 1-5.

ное братство» на толстовских принципах¹⁹⁷. А Н.Д. Красинский в феврале 1928 г. окажется в организованной М.С. Дудченко толстовской коммуне под Полтавой, где встретится с толстовцем Ю. Егудиным и будет учить его эсперанто¹⁹⁸. Но все это относится уже к советскому этапу толстовской истории.

3.3. Распад коллективных поселений толстовцев и его причины

Почему почти все толстовские общины и даже артели распадаются — этот вопрос занимал многих современников, как участвовавших непосредственно в коммунистических экспериментах, так и наблюдавших за ними со стороны. Насчет причин краха колоний толстовцев сформировалось несколько точек зрения, которые приведем и проанализируем далее.

Часто внимание уделялось внешним причинам распада общин. М.В. Алехин на основании собственного опыта заключал: «Главная причина распада — это вмешательство администрации и поповщина. Одни занимались доносами, другие учетом и преследованием, многих арестовывали»¹⁹⁹. Это суждение небезосновательно. Например, Харьковская, Нижегородская общины, Юшковка, первые артели Беневского, колония Шейермана близ Лисичанска действительно распались в значительной мере из-за административного и клерикального давления.

Но умозаключение Алехина может быть расширено. Толстовцы страдали от негативного отношения к себе не только со стороны власти и церкви, но и общества в целом. В первую очередь с нескрываемым сарказмом относилась к попыткам толстовцев интеллигенция, придерживавшаяся иных социальных и философских убеждений.

¹⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1537. Л. 7-8.

¹⁹⁸ Егудин Ю. Мои скитания и моя жизнь в толстовских коммунах // Сибирские огни. 1991. № 10. С. 234.

¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 21

Насмешки и осуждение — лейтмотив практически всех журнальных статей об общинах толстовцев. С.Н. Кривенко констатировал: «Мы не понимаем, впрочем, высокомерного отношения к колонистам со стороны гг. газетных корреспондентов и большинства органов печати. Отношение это далеко не объективно и сплошь и рядом отличается нетерпимостью»²⁰⁰.

Толстовцы, как правило, не реагировали на эту травлю в печати, но участница общины Шевелево Т.В. Пытковская, решившись на ответ, отметила два пункта таких обвинений: «Во-первых, это ненаучность теорий толстовцев о жизни; во-вторых, несоответственность их практической жизни с их нравственным идеалом»²⁰¹.

Однако в течение рассматриваемого периода был общественно осужден по отношению к толстовцам постепенно ослабевал. Наконец, у них всегда находились и заступники. Кроме С.Н. Кривенко, к объективности призывал и другой публицист, А. Исаев. Он не симпатизировал «опрошению» толстовцев, но писал о необходимости «знакомить общество со всеми частностями вопроса и прививать русским людям уверенность, что это движение не придумано, не насильственно высижено, а необходимо вытекает из условий нашей общественной жизни, что оно заслуживает не издевательства, а нравственной и материальной поддержки»²⁰².

Перемена общественного мнения о толстовцах происходила постепенно. Но все же она хорошо заметна, если сравнить серию едких заметок-фельетонов Н.М. Селезнева об общине Шевелево²⁰³ с серьезным репортажем И. Ветрова о жизни толстовцев в Ржевске и у Шейерма-

---

²⁰⁰ Кривенко С.Н. На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 5.

²⁰¹ Пытковская Т.В. По поводу статей о «толстовцах» // Неделя. СПб., 1891. № 47. Стб. 1508.

²⁰² Исаев А. Земледельцы из образованного класса // Русская мысль. М., 1894. Кн. 4. С. 113.

²⁰³ Селезнев Н.М. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 81, 85, 86, 92, 101.

па. И, хотя Ветров не соглашался с толстовскими взглядами, он все же относился к ним не только с интересом, но и с определенным уважением²⁰⁴.

Если интеллигенция привыкала к толстовской эксцентричности и переставала удивляться ей, то отношение местных крестьян, соседствовавших и контактировавших с толстовцами, в течение дореволюционного периода изменилось слабо и оставалось недоуменно-отрицательным. Да, тот же Ветров, например, утверждал, что «окрестное крестьянское население относится к общинникам и к одиночкам толстовцам, севшим на землю, очень хорошо»²⁰⁵. Но такие заверения были редкими исключениями и, судя по всему, далеки от истины.

Финал колонии в Шевелево, конфликты крестьян с общинниками в Дугино и на Мызе-Кубач достаточно красноречиво свидетельствуют о непонимании толстовцев со стороны местного населения, о неприятии их, переходившем во враждебность. Даже о Ржевской артели, которая состояла преимущественно из еще вчерашних крестьян, в материалах полиции имеется следующая запись: «Население соседних с колонией слобод и деревень относится к колонистам не только пренебрежительно, но и с большой иронией. Крестьяне смеются над неумением колонистов лично пахать, сеять и убирать хлеба, над их теорией "непротивление злу" и запахивают арендуемую колонистами землю, производят потравы их посевов и трав и порубки их леса»²⁰⁶.

В целом справедливыми были выводы Г. Лебедева, который обозначил основные типы реакции крестьян на толстовцев, расположив их от более распространенных к менее. Он выделил: «1. совершенно безразличное [отношение], при котором крестьяне как бы ничего не замечают, 2. резко отрицательное, покоящееся на том, что толстовство, знакомство с которым создается на основании разного рода сплетен досужих людей, в представ-

---

²⁰⁴ Ветров И. Толстовство в жизни. Календарь для всех на 1912 г. М., 1911. Стб. 106-112.

²⁰⁵ Там же. Стб. 112.

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 242 (1912 г.). Д. 360. Л. 223об.-224.

ленин крестьян окружено чем-то противоправственным, даже противным самым элементарным правилам этики, 3. как к какому-то чудачеству скучающих господ, которым в сущности кроме чудачества и делать нечего; 4. отношение, полное уважения, но при том на вегетарианство, например, крестьяне смотрят как на нечто, совершенно им не подходящее»²⁰⁷.

Можно сказать, толстовцы оказывались между молотом и наковальней. С одной стороны — давление администрации и церкви, с другой — неприятие их деятельности общественностью и местным крестьянством. Так, тень всеобщего социального непонимания и осуждения неизбежно ложилась на жизнь земледельческих колоний, осложняя их и без того непростой внутренний климат.

Однако немало толстовских колоний распалось и без участия факторов внешнего давления. В этом отношении показательной является короткая история коммуны в Глodosax. Сами собой распались также общины в Орпире и близ Сочи. Следовательно, самую частую причину краха толстовских коллективных поселений стоит искать не вне их, а внутри.

Редкий очевидец не обращал внимания на неспособность к земледельческому труду интеллигентных лиц, к которым относилось большинство толстовцев. Да и сами участники колоний нередко соглашались с этим. Например, В.И. Скороходов писал: «Каковы бы ни были причины, побуждающие интеллигента взяться за простой труд, он, привыкший к городской жизни, трудно проникается настоящим отношением к земледельческому труду и всегда остается интеллигентом, не знающим цены времени и производительности труда»²⁰⁸. Значительно позднее ту же мысль высказывал П.Ф. Безверхий в открытом письме А.С. Зонову о причинах распада. Первую причину Безверхий обозначил так: «Очень много портит делу то,

---

²⁰⁷ Лебедев Г. Яснополяские крестьяне и телятинские толстовцы // Жизнь для всех. СПб., 1913. № 7. Стб. 977.

²⁰⁸ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 7 С. 102.

что собираются в общины люди большею частью, совсем незнакомые друг другу, так называемые интеллигенты и люди не физического труда, совсем не сведущие в сельском хозяйстве. А если и попадают земледельцы, то всегда в ничтожном меньшинстве»²⁰⁹.

Препятствием становилась не сама практическая неподготовленность толстовцев к земледельческой жизни, а их отношение к труду. Иными словами, скорее нежелание, чем неспособность вести хозяйство приводило к распаду колоний. Напомним, что труд являлся для большинства толстовцев умозрительным идеалом, а не отражением их практической жизни. Он считался этически неизбежной деятельностью, и не мог заинтересовать толстовцев своей хозяйственной продуктивностью.

К сходному умозаключению пришел Н.М. Селезнев. Об общинниках в Шевелево он сказал: «Хорошего нужно было приставить старосту-мужичка к этим интеллигентным работникам, чтобы научить их, как обращаться в хозяйстве с орудиями производства, лошадьми, скотиной, как нужно беречь сбрую и как важно вовремя напоить коня и досыта накормить его. Но *тут складывалась жизнь на других началах, не экономических*»²¹⁰.

Толстовский идеал «опрощения» был оправданием непрактичности и безразличия к хозяйственному благополучию, тогда как зажиточность могла рассматриваться в качестве отступления от этого идеала. Характерно, что странник С.М. Попов, после ухода с хутора другого толстовца Т.С. Дудченко, признавался Толстому, что «даже осуждал Дудченко, видя в нем недостаточно бедного человека, служения которому искал»²¹¹.

Разлагающе действовала на толстовцев и сама общинная форма организации. Если крестьянская община была необходима и нередко служила задачам выживания ее членов, то искусственная интеллигентная коммуна но-

---

²⁰⁹ Безверхий П.Ф. О причинах распада общин (из письма к А.С. Зонову). // Календарь для каждого на 1912 г. М., 1911 Ст. 105

²¹⁰ Селезнев Н.М. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 81. С. 3.

²¹¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 6. Л. 3.

творствовала коллективной безответственности. Говоря словами П.Ф. Безверхова, «не чувствуя принуждения и не привыкнув еще жить по велениям совести, малоправственные члены общины дурно хозяйствуют»²¹². В то же время «лучшие люди общины, увлекаясь религиозными и др. вопросами, также являются плохими хозяевами»²¹³. В этом смысле индивидуальное хозяйство не давало по-блажки и, значительно лучше, чем община содействовало развитию чувства ответственности за результат труда. Остается лишь присоединиться к единодушным призывам С.Н. Кривенко смотреть «на задачи жизни в деревне проше, а вместе с тем и жизненнее»²¹⁴ и А. Исаева — уделять повышенное внимание практическим вопросам²¹⁵.

Таким образом, в толстовских колониях складывалась весьма своеобразная, двусмысленная ситуация. Толстовцы, с одной стороны, считали земледелие единственным нравственным трудом, а с другой — не заботились о его продуктивности и даже отрицали ее важность из принципиальных соображений.

Но справедливости ради стоит сказать, что в течение дореволюционного периода отношение толстовцев к хозяйственным вопросам все же изменилось и стало более практичным. Эту тенденцию заметил А.Т. Михайлов, в 1907 г. он писал: «Теперь [в сравнении с 1880—1890-ми гг.] идут в колонию уже серьезные люди, с необходимым запасом жизненного опыта и умением работать»²¹⁶. К тому же негативный опыт первых общин подталкивал толстовцев к введению в колониях элементов самоуправления и уставов, что способствовало внутренней дисциплине и хозяйственному благополучию. Одновременно продолжали возникать и распадаться общины раннего типа, «с открытыми дверя-

---

²¹² *Безверхий П.Ф.* О причинах распада общин (из письма к А.С. Зонову) // Календарь для каждого на 1912 г. М., 1911. Стб. 105.

²¹³ Там же.

²¹⁴ *Кривенко С.Н.* На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901, С. 3.

²¹⁵ *Исаев А.* Земледельцы из образованного класса // Русская мысль М., 1892. Кн. 10. С. 11.

²¹⁶ *Михайлов А.* В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 10. С. 471.

ми», но, тем не менее, тенденция к заключению компромисса между идеалом и практической жизнью обозначилась в движении толстовцев «на землю» уже задолго до 1917 г.

Сложно сказать то же о другой трудности, которой не избежало, пожалуй, ни одно из толстовских коллективных поселений. Речь идет о внутренних конфликтах участников — не о мелких бытовых ссорах, а о крупных столкновениях, которые приводили либо к ликвидации колоний, либо к смене их состава. Пожалуй, все эти конфликты имели общую почву — несоответствие колонистов тем нравственным требованиям, которые выдвигало толстовское мировоззрение к своим последователям. Естественно, что в условиях замкнутого, нередко тесного и вынужденного общения толстовцев между собой это несоответствие становилось только более явным. В итоге попытка во всей полноте осуществить христианский идеал и начать новую, лучшую жизнь рождала непреодолимое чувство недовольства, как собой, так и своими единомышленниками.

Первыми под горячую руку попадали основатели общин, их духовные лидеры — А.В. Алехин, И.Б. Файнерман, В.И. Скороходов, И.А. Беневский. А.В. Алехиным были особенно недовольны за то, что он «подавлял общинников массой знания, логикой изложения, убедительностью слова»²¹⁷. А.С. Буткевич весьма жестко отзывался об И.Б. Файнермане, которым прежде был очарован: «Тех бесов, которые в нем теперь поднимаются по временам, тогда никто и подозревать не мог»²¹⁸.

Но было бы несправедливо не отметить, что не все колонисты обвиняли окружающих, многие из них старались быть честными и тяжело переживали драму собственного, а не чужого несоответствия христианскому идеалу. Свидетельств признаний подобного рода сохранилось достаточно большое количество. Так В.И. Скороходов говорил Толстому: «Должно быть я чем-нибудь, да тяжел людям и тяжело то, что именно те люди, которых любил

---

²¹⁷ Селезнев Н.С. Шавсевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 86. С. 2.

²¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 323об.

от всего сердца, отворачиваются от тебя»²¹⁹. Толстовец И.Е. Шашков признавался: «Я сварливый и песноособен жить в общине»²²⁰.

Так или иначе, благодаря критике или самокритике в толстовских общинах и артелях складывалась тяжелая внутренняя атмосфера. Она подталкивала поселения к распаду, который, в свою очередь, лишь обострял недовольство толстовцев собой, так как вера в справедливость христианско-толстовского идеала соседствовала теперь с ясным осознанием невозможности его осуществить. Замкнутый круг этого тяжелого психологического диссонанса приводил к тому, что некоторые из толстовцев оказывались в больницах для душевнобольных: П.Н. Гастев — на короткое время после жизни в Дугино²²¹, П.Г. Хохлов — в течение последних 10 лет своей жизни²²², В.А. Репин — после распада основанной им общины близ Ташкента²²³, С.Д. Кузнецов²²⁴. А другие заканчивали свои жизни самоубийством: неизвестная ученица в общине Сибирякова²²⁵, Е.А. Сукачев²²⁶, Д.В. Цибульский²²⁷.

Вот как описывал обстановку в Ржевской артели один из ее участников: «Теперь я вполне вижу, что наша община — дом умалишенных, некоторые женщины и мужчины сделались припадочные, например, с Лизой Е. [Е.М. Ефимовой] случился припадок и с Еленой К. [Е.Г. Клочко], с моей женой [Е.Н. Виноградовой] тоже бывало дурно, но спаслась тем, что поспешила уехать в деревню. Из мужчин

²¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 33. Ед. хр. 12. Л. 3.

²²⁰ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 183.

²²¹ *Скорородов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 87.

²²² *Евлахов А.* Конституциональные особенности психики Л.Н. Толстого. М., 1995. С. 92-93.

²²³ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. IV. С. 290.

²²⁴ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 33. Ед. хр. 12. Л. 9.

²²⁵ *Кривенко С.Н.* На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 82.

²²⁶ *Величкина В.М.* В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания. М.-Л., 1928. С. 84.

²²⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 89. Ед. хр. 45. Л. 5.

с Юрием [Г.Б. Жилинским] сделался припадок, стонал, волосы на себе рвал. Не сошли бы и все с ума. Также как три недели напала тоска, не знаю как посоветуешь, сходить с ума или уехать»²²⁸. Все это давало лишний повод полиции сказать, что «среди толстовцев обращают на себя внимание люди порочные и душевно больные»²²⁹.

Невозможно обойти вниманием еще одну часто упоминаемую причину распада общин — женщины. В этом духе неоднократно писал И.Ф. Наживин, например: «По почти единогласному мнению, разлагающим элементом в общинах являются всегда женщины»²³⁰. Может быть, за этим стремлением опорочить противоположный пол скрывается собственная борьба Наживина с его влечением к женщинам. Тем более, он и сам признавался, что половой вопрос всегда оставался для него болезненным²³¹. Но дело в том, что его резкое утверждение не лишено оснований, и подобрать сведения, доказывающие правоту Наживина, не составляет практически никакого труда.

О.Ф. Скороходова не разделяла увлечений мужа, но следовала за ним по всем общинам, своим несогласием она внесла раздор сначала в Шевелевскую общину²³², затем — в Дугино, убедив мужа организовать свою общину на Мызе-Кубач. Но и здесь, заручившись поддержкой других толстовцев, вынудила мужа покинуть поселение²³³. Стоит все же сказать, что после повторного соединения супругов и их переселения на Кавказ разногласия между Скороходовыми, судя по всему, прекратились.

Н.М. Селезнев делил участников общины Шевелево на «увлекающихся» и «убежденных», он писал: «Среди Андросвцев {общинников} были люди, которые проделывали

²²⁸ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4616. Л. 1.

²²⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 122.

²³⁰ *Наживин И.Ф.* Письма с Черноморского побережья // Вегетарианское обозрение. Киев, 1913. № 4-5. С. 176.

²³¹ *Наживин И.Ф.* Моя исповедь // Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 24.

²³² *Селезнев Н.С.* Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 92. С. 4.

²³³ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 12. С. 65, 72.

всю шавеевскую [шевелевскую] компанию по случайному увлечению новым складом жизни, а не потому, что серьезно задумались над вопросом "чем люди живы?". Чаще среди женщины такие встречались»²³⁴. Он же в довольно неблагоприятном свете описывал обстоятельства, предшествовавшие краху общины: «Женщины сначала ухаживали за Андреем, как сестры за любимым братом; но когда между сестрами этими установились натянутые отношения, когда среди женщины заговорила ревность, пошли капризы, маленькие перебранки, когда ясно стало, что бабы "вздурили", просто бегают за Андреем, то всем понятно стало, что эпизод этот не может быть отнесен к области духовной»²³⁵.

Распад общины в Глосах произошел ввиду разочарования не только ее основателем И.Б. Файнерманом, но и его гражданской женой А.Л. Любарской, не желавшей разделить с колонистами земледельческий труд и новый образ жизни²³⁶. Конфликтная атмосфера, изо дня в день воспроизводившаяся внутри коллектива, привела общину к быстрому распаду.

Показателен и уже упомянутый раздор вокруг вопроса о женском труде и равноправии в Ржевской артели, который способствовал уходу Беневоцкого с семьей из колонии. Складывается ощущение, что поздний этап движения «на землю» содержит все же меньше таких «женских» происшествий, хотя, возможно, это объясняется недостатком сведений.

Конечно, эти факты не стоит абсолютизировать, ведь все тексты, их содержащие, были написаны все-таки мужчинами. Но есть и один «женский» текст. Некая М.Е. Ермолина написала достаточно любопытный фельетон о своем посещении, правда, не толстовской общины, а Крилицы, и опубликовала его в журнале «Исторический вестник»²³⁷. Судя по очерку, молодая девушка не

---

²³⁴ Селезнев Н.С. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 85. С. 3.

²³⁵ Селезнев Н.С. Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. № 92. С. 3.

²³⁶ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 316-317.

²³⁷ Ермолина М.Е. В интеллигентной колонии // Исторический вестник. СПб., 1898. № 12. С. 909-937.

относится к числу убежденных интеллигентных земледельцев и осуждает их быт с позиции комфорта. Само посещение колонии она рассматривает как увеселительное приключение, работой тяготится, а пребывание там пытается скрасить интригой с одним из общинников. Было бы поспешно считать ее рассказ достоверным и делать обобщения, но легкомыслие корреспондентки по отношению к жизни «на земле» весьма характерно на фоне тех нравственных метаний, которые неотступно преследовали многих интеллигентов-мужчин в земледельческих колониях.

Несмотря на это, некоторые женщины становились для толстовцев своего рода вдохновением, примером трудовой жизни — М.А. Шмидт²³⁸, М.Ф. Симонсон²³⁹, А.М. Булыгина²⁴⁰. Такие «толстовки», оставаясь все же единичными исключениями, удивляли и запоминались единомышленникам даже более чем мужчины.

Многие конфликты имели подоплекой не женщины как таковых, а отношения между полами. Нередко толстовцы отмечали, что идеал целомудрия, который обвинники ставили перед собой, оказывал отрицательное влияние на внутреннюю атмосферу поселений. В.В. Рахманов писал: «Идеи, положенные в основу "Крейцеровой Сонаты", влияли разрушающе на общинную жизнь. Было много неестественного в этом стремлении к безбрачию там, где жили вместе молодые люди обоего пола, которым ничто не мешало вступить в брак»²⁴¹.

Но попытки воплотить идеал целомудрия делали участники только ранних, да и то не всех толстовских общин. О провале этих попыток свидетельствует целая серия свадеб между бывшими толстовцами-общинниками,

---

²³⁸ Горбунова-Посадова Е.Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. 112 с.

²³⁹ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни Пг., 1914. № 7. С. 104.

²⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 8-9об.

²⁴¹ Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшие годы. СПб., 1908. № 9. С. 18.

которая последовала после распада колоний: тогда появились М.С. Дудченко и М.Ф. Симонсон, В.В. Рахманов и О.А. Сытинская, М.И. Пытковский и Т.В. Теличенко, А.С. Буткевич и Е.Ф. Штыкина. Да и сам Толстой после «Крейцеровой сонаты» признавал правдивым и «честный брак» в случае, если человек чувствует невозможность полного воздержания²⁴², что фактически отменяло идеал целомудрия. Так стремление толстовцев к целомудрию стало лишь кратким эпизодом в истории движения «на землю», и толстовские колонии позднего этапа складывались из лиц семейных, а брак не рассматривался в качестве отступления от принципов.

Суммируя все описанные сложности, правомернее задаться не вопросом, почему распадались толстовские коллективные поселения, а за счет чего они вообще существовали хотя бы какое-то время. Ведь толстовцы «на земле» жили вопреки внутренним конфликтам, давлению государства, церкви, общественного мнения и т.д. Можно предположить, что колонии держались за счет материального благосостояния некоторых участников, но ведь оно не могло сгладить ничего, кроме хозяйственной несостоятельности. Выходит, что единственной непреходящей основой существования толстовских коллективных поселений был только энтузиазм участников, который являлся следствием искренней веры каждого из них в справедливость и в осуществимость толстовских принципов. К сожалению, сила этого энтузиазма практически всегда остается незамеченной современниками в тени тех многочисленных трудностей и проблем, которые сопровождали жизнь толстовских колоний.

При этом распад общин неуклонно воспринимался, как наблюдателями, так и исследователями в качестве неопровержимого доказательства нежизнеспособности толстовства. З.В. Калиничева писала: общинная, земледельческая жизнь толстовцев «закапчивалась крушением всех иллюзий и надежд и отказом от нее — либо вообще

---

²⁴² Толстой Л.Н. Письмо В.И. и О.Ф. Скороходовым // Полн. собр. соч. Т. 73. М., 1992. С. 140-142.

разочарованием в толстовских идеалах, либо уходом из коммуны»²⁴³. Сложно спорить с такой точкой зрения, ведь дальнейшее социальное развитие действительно показывало «обреченность всех народнических попыток "мирного", "некапиталистического" устройства жизни в условиях капиталистического развития»²⁴⁴.

Однако подчеркнем, что сами толстовцы зачастую смотрели на неудачи собственных коммунитарных экспериментов совершенно иначе. М.В. Алексин иллюстрирует свое отношение к этому следующим фрагментом из письма Толстого: «Что же за беда, что община распалась? Если бы мы считали, что общины эти образец того, как должно осуществиться в мире учение Христа и как установиться царство божие, тогда бы это было ужасно: тогда распадение общины показало бы несостоятельность учения Христа; но так ведь не смотрели на эти общины мы со стороны, и участвовавшие в них. (Если кто смотрел так, то распадение в этом смысле даже полезно). Общины эти были известной формой жизни, какую избрали люди в своем движении по пути, указанном Христом. Другие люди избрали другие формы (или другие люди были поставлены в другие условия), как вы, я, Ге и все люди, идущие по тому же пути»²⁴⁵.

Иными словами, распад общин еще не означал разочарования толстовцев в своих убеждениях и показывал лишь их неготовность осуществить христианский идеал, но не его ошибочность. Поэтому мечта о жизни трудами рук своих благополучно переживала неудачи коммунитарных экспериментов: общины распались, но колонии других форм возникали вновь. Поэтому после краха общин, как сказал В.И. Скороходов, некоторых толстовцев привлекло православие, но «другие пошли иным путем»²⁴⁶.

---

²⁴³ Калиничева Э.В. К анализу причин краха «земледельчески-трудовых» идеалов толстовства // XXIX Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1976. С. 19.

²⁴⁴ Там же. С. 22.

²⁴⁵ Толстой Л.Н. Письмо Д.А. Хилкову // Полн. собр. соч. Т. 65. М., 1992. С. 220-224.

²⁴⁶ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 12. С. 82

Таким образом, в 1880-е — начале 1890-х гг. толстовцы организовали, как минимум, 10 земледельческих общин. Самыми крупными из них являлись общины в Шевелево Смоленской губ. (55 человек) и в Дугино Тверской губ. (40 человек). Все 10 общин распались достаточно быстро, срок существования ни одной из них не превзошел трех лет. Многие толстовцы переходили из одной общины в другую и образовывали поселения на новом месте взамен прежних распадавшихся колоний. В конце концов те из участников движения «на землю», которые не оставили стремления жить трудами рук своих, переселились на Кавказ и обратились к практике организации соседских поселений.

Особняком стоит община на «Лысой горе», созданная А.В. Юшко в 1896 г. и просуществовавшая достаточно долго — до 1901 г. Все остальные коллективные колонии относятся ко второй волне движения «на землю» и были созданы в 1905—1917 гг. Тогда толстовцами были образованы по меньшей мере еще 6 общин и 6 артелей. Беспрецедентной по своей численности стала Ржевская артель в Воронежской губ. (как минимум, 140 человек). Некоторые из поселений второй волны также распались достаточно быстро, однако, в целом продолжительность жизни колоний ощути-мо возросла. Ржевская и Хмелевская артели существовали более 5 лет, а Таежная артель — по меньшей мере 8 лет.

Увеличение срока существования коллективных поселений можно объяснить тем, что толстовцы постепенно пересматривают свое отношение к бытовым и хозяйственным вопросам. Практика начинает брать верх над идеологией, и в колониях появляются элементы самоуправления, правила, уставы, толстовцы начинают строже относиться к отбору участников и больше внимания уделять продуктивности труда, а не его этической подоплеке. Кроме того, постепенно снижается давление на толстовцев со стороны полиции, церкви и общественного мнения.

Однако основная причина распада коллективных поселений по-прежнему сохраняется. Внутренние конфликты и, как следствие, тяжелая психологическая атмосфера внутри колоний продолжают содействовать их ликвидации. Коллективная жизнь лишь способствовала развитию

этих конфликтов, происходивших из-за диссонанса между реальной жизнью и повышенными толстовскими требованиями к себе и окружающим. Индивидуальная организация хозяйства не разрешала этого противоречия, но снимала его остроту, поэтому те толстовцы, которые не разочаровались в земледельческо-трудовом идеале, начинают рассматривать соседские поселения и хутора в качестве выхода из сложившегося порочного круга.

Глава 4.
Индивидуальные
КОЛОНИИ ТОЛСТОВЦЕВ
и странничество
в 1881—1917 гг.

Общины и артели стали наиболее заметным толстовским явлением своего времени, но коллективные поселения не являлись единственным способом воплотить мечту толстовцев о земледельческой жизни. Индивидуальные хутора и странничество были альтернативными путями практики трудового идеала, по которым пошло достаточно большое число толстовцев. Соседские поселения представляли собой нечто вроде промежуточной ступени между коллективными и индивидуальными колониями. Но толстовцы в них жили отдельными хозяйствами, так что уместнее рассматривать соседские поселения в качестве одной из форм индивидуальных, а не коллективных колоний.

4.1. Соседские поселения

Организация большинства соседских поселений толстовцев пришлась на период с середины 1890-х до середины 1900-х гг. — десятилетие между разочарованием участников первых общин в коммунитарном идеале и началом второй волны организации коллективных колоний. В отличие от участников общин и артелей толстовцы, создававшие соседские поселения, рассматривали единение не в смысле сближения со своими единомышленниками, а, прежде всего, как способ «уйти из рядов потребителей и перейти в ряды производителей»¹.

---

¹ Досев Х. Община «Возрожденцев» в Болгарии // Вегетарианское обозрение. Киев, 1914. № 2. С. 51.

Хронологически первое соседское поселение появилось на хуторе Гремячем Хотомлянской волости Волчанского уезда Харьковской губ.² Посетив Байрачную общину, харьковский помещик А.М. Бодянский был вдохновлен жизнью толстовцев и решил создать собственное земледельческое поселение в своем имении, но на несколько иных условиях. Возникновение этой колонии произошло во временном промежутке с октября 1890 г., когда Бодянский посетил Байрачную общину³, до февраля 1891 г., когда местный волостной священник донес об организованном толстовцем поселении⁴. Землю своего имения помещик разделил на небольшие участки, которые на легких условиях сдавал в аренду единомышленникам или продавал. Сам Бодянский занимал один из таких наделов. «Предполагалось, что жизнь сама выработает нужные формы взаимных отношений, и личность не будет насиловаться готовой формой и общиной коммуны»⁵, — вспоминал В.И. Скороходов.

В разное время на хуторе Гремячем проживали по меньшей мере 11 человек. Среди них были и бывшие общинники — В.И. Скороходов, покинувший Мызу-Кубач, и участники распавшейся Байрачной колонии — М.В. Алехин и его жена М.В. Коваленкова, А.Е. Алехин, Г.Р. Линденберг. С толстовцами поселились и трое местных сектантов-штундистов с семьями.

Существование этой колонии было недолгим — 8 июня 1892 г. особое совещание при Министре внутренних дел постановило выслать А.М. Бодянского из Харьковской губ.⁶ С осени того же года он был водворен сначала на Кавказе, в г. Кутаис, а затем — в местечке Орпире, где образовалась толстовская община, описанная выше.

---

² ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1 лит. Г. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 6. Л. 2.

⁴ Гомон М. Лев Толстой и харьковчане. Харьков, 2008. С. 100.

⁵ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 84.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 100 (1902 г.). Д. 1227. Л. 1об-2.

Аналогичному полицейскому преследованию подвергся и М.В. Алехин за пропаганду толстовских идей⁷.

В первой половине 1890-х гг. существовали две небольшие толстовских колонии на Кавказе в селениях Башкичет Борчалинского уезда Тифлисской губ. и Кекеты Тифлисского уезда и губ.⁸ Обе они были связаны с деятельностью толстовца, князя Д.А. Хилкова. Однозначно установить форму этих колоний невозможно, но отнесение их к соседским поселениям имеет свои основания. Во-первых, от общин их отличала сравнительно малая численность и группировка вокруг одного лица. Во-вторых, сам Д.А. Хилков никогда не принимал участие в организации общин. В-третьих, рядом с Хилковым устранились отдельными хозяйствами другие толстовцы и лица, сочувствующие толстовству. Следовательно, и индивидуальными хозяйствами колонии в Башкичете и Кекетах не являлись, а сам Хилков на Кавказе не был «культурным одиночкой».

Колония в Башкичете образовалась в феврале 1892 г., когда здесь поселились Д.А. Хилков и его гражданская жена Ц.В. Винер. В 1893 г. к ним присоединились Н.И. Дудченко и С.М. Прокопенко с женой, и колония приобрела характер соседского поселения. Кратковременно здесь проживали А.М. Бодянский, Б.Н. Леонтьев, С.Д. Романов и А. Сераж⁹. Всего число известных участников колонии составило 10 человек.

Колония в Башкичете окончила свое существование летом 1894 г. Непосредственно перед этим, в конце 1893 г., матерью Хилкова у ее сына и Винер были похищены маленькие дети¹⁰. Ю.П. Хилкова, желая воспитать их как детей знатного дворянского рода, заручилась поддержкой К.П. Победоносцева и просто забрала своих внуков в Петербург. Вероятно, это событие подтолкнуло Хилкова и Винер к перемене места жительства.

С лета 1894 г. Хилков поселился в селении Кекеты вблизи г. Тифлис, и часть колонистов Башкичета переехали на

⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 43. Ед. хр. 39. Л. 2-3.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 123.

⁹ Там же. Л. 120, 128, 134.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 411. Ед. хр. 11. Л. 106-2.

новое место вместе с ним. Здесь же к толстовцам присоединился другой известный «князь-толстовец» — Г.А. Дадияни вместе со своей женой¹¹. Скороходов рассказывал, что это произошло еще в Башкичете в 1895 г.¹², но материалы полицейского наблюдения показывают, что он ошибся и перепутал Кекеты и Башкичет. Здесь же проживало и третье княжеское семейство — Наканидзе. Их участие в движении «на землю» ограничилось только этим, но толстовцами некоторые из них, Илья¹³ и Елена¹⁴ Накашидзе, остались на более продолжительное время. Общее число толстовцев, проживавших в Кекетах, составило 11 человек.

Поселение в Кекетах закончило свое существование приблизительно в середине 1895 г., Хилков переселился на короткое время в селение Нуху¹⁵, а затем из-за своего «вредного» влияния на духоворов был отправлен полицией в г. Вейсенштейн¹⁶ (сейчас — Пайде в Эстонии). Дадияни и некоторые другие колонисты присоединились к группе толстовцев в Нальчике, поселившихся там после распада общины в Орпири.

Эта группа толстовцев, в которой находились и бывшие общинники В.И. Скороходов, П.Н. Гастев и др., организовала целый ряд соседских поселений, о которых последовательно расскажем далее.

В 1894—1895 гг. бывшие участники колоний Орпири, Башкичет и Кекеты проживали в слободе г. Нальчик Терской обл.¹⁷ Часть толстовцев поселилась на хуторе пригласившего их Е.Н. Воробьева. М.В. Алексин с М.В. Коваленковой и некоторые другие лица устроились отдельно¹⁸.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 120, 123, 134об.

¹² *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1916. № 7-8. С. 221-222

¹³ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 105. 29 л.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 227 (1899 г.). Д. 137. 3 л.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 120.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 222. Л. 84.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 124

¹⁸ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1916. № 7-8. С. 211-213.

Колония толстовцев в Нальчике была разрозненной, что не позволяет точно установить ее точный личный состав. По сведениям полиции, численность толстовцев в Нальчике достигла 45 лиц с детьми¹⁹, однако нам известны поименно только 17 взрослых человек.

Сначала толстовцы не обладали средствами, чтобы поселиться новой колонией «на земле». В Нальчике они занимались огородничеством, садоводством, пчеловодством, столярным ремеслом, устраивались на поденные работы²⁰. Позднее же большая часть этой группы покинула Нальчик, чтобы поселиться на найденном для образования земледельческой колонии участке. Но многие остались в Нальчике надолго, среди них был и М.В. Алексин. Он прожил здесь до самой своей смерти, почти 40 лет²¹.

Местом расположения нового соседского поселения стал хутор Кура-Гада, близ местечка Лескене, рядом с селением Кесмемскос, в 40 верстах от Нальчика²². Среди самих толстовцев эта колония получила имя «Лескене», так называлась протекавшая здесь горная речка. Число лиц, проживавших в Лескене, составило как минимум 21 человек. Но вполне возможно, что их количество существенно превосходило это число. Полиция не вела систематических наблюдений за колонией из-за ее замкнутого расположения, поэтому восстановить состав поселения в Лескене можно лишь по другим источникам.

Подробный очерк о жизни колонии был опубликован А.Т. Михайловым в журнале «Вестник Европы» от 1907 г.²³ Если верить Михайлову, то взаимоотношения в Лескене были, конечно, не безоблачными, но весьма спокойными и даже теплыми. Большим вопросом колонии оставался ее внутренний строй, некоторые мечтали

¹⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8 (1899 г.). Д. 405. Л. 2-2об.

²⁰ Там же. Л. 2об.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 231. Ед. хр. 50. Л. 2.

²² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8 (1899 г.). Д. 405. Л. 3-5.

²³ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 9, 10.

о создании общины по типу уже распавшихся в центральной России поселений. Сетовал и сам Михайлов — «за немногими исключениями, приходилось констатировать отсутствие между нами этой тесноты отношений»²⁴.

Но, вероятно, именно форма соседского поселения обеспечила Лескенеу сравнительно долгое существование. Содействовало этому и трудолюбие колонистов: «Труд заполнял все наше время, и даже праздники приходилось работать»²⁵. Но спустя несколько лет толстовцам становится ясно, «что хозяйство на Лескене не может прокормить нас, между тем денежные запасы постепенно приходили к концу»²⁶. Почва и климат здесь плохо подходили для земледелия, которым занимались толстовцы. Скотоводство или рыбная ловля могли быть более удачны, но противоречили их принципам.

Уже в самом конце 1890-х гг. некоторые мужчины колонии, среди которых были В.И. Скороходов и Г.А. Дадияни, ходили ради заработка на лесоповал, работу тяжелую не только для интеллигента, но и для крестьянина. Заработанные средства позволяли колонии существовать еще какое-то время. Ее распад начался после скоростижной смерти Г.А. Дадияни 20 октября 1900 г. на пути с Нальчикского базара в Лескен. Сопровождавший его Скороходов не мог оказать ему помощь, а врача на глухом постоялом дворе найти не удалось²⁷. Жена Дадияни, потрясенная его смертью, осталась без всякой помощи с маленькими детьми. Между ней и Скороходовым, а также другими участниками колонии резко обострились отношения²⁸. В итоге Н.Я. Дадияни, прежде поддерживавшая толстовство мужа, продала свой участок земли, уехала за границу²⁹ и прекратила всяческие взаимоотношения с толстовцами. Еще до этого покину-

---

²⁴ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 10. С. 466.

²⁵ Там же. С. 451.

²⁶ Там же. С. 453.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 33. Ед. хр. 12. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 1-9.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 229 (1901 г.). Д. 518. 6 л.

ли Лескен и В.В. Рахманов с женой³⁰. В течение 1901 г. уход толстовцев из Лескена продолжался. Так распалось это соседское поселение, просуществовавшее более 5 лет.

Но надежды совместно устроиться «на земле» еще не покинули толстовцев после Лескена. В августе 1902 г. те же лица по инициативе В.И. Скороходова образовали новую земледельческую колонию³¹. Она находилась на хуторе Терпение близ станции Маргаритовки Ростовского округа Донецкой обл. Здесь известный толстоовец Я.Т. Чага по очень низкой цене передал 400 десятины земли Скорохову. Тот, в свою очередь, за вексель передавал землю прибывавшим на хутор толстовцам³². Чага проживал здесь же, но в декабре 1902 г. он был призван к отбыванию военной службы. Опасаясь за судьбу семьи, Чага сначала согласился, но затем не вытерпел и отказался от службы, апеллируя к религиозным убеждениям. Через некоторое время он был сослан в Акмолинскую обл., а потом — в Иркутск³³.

Известны поименно 22 взрослых участника колонии. Кроме Скороходова и Чаги, здесь поселились толстовцы П.Н. Гастев, Е.Н. Воробьев, Трофим и его сын Александр Дзюба, и другие. По сведениям полиции, численность хутора Терпение достигла 24-х семейств, или 108 душ обоего пола³⁴. Но большинство колонистов составляли не толстовцы, а сектанты — молокане, итундисты и баптисты, как выразился Скороходов, «оставившие обманы своих сект»³⁵.

При этом далеко не все участники Терпения имели нравственное побуждение перейти к земледельческому труду — многие из сектантов решили использовать низкую цену на землю Чаги в целях собственной наживы. Получив от Скороходова вексель, некоторые из них продавали свою землю по рыночной стоимости, благодаря чему получали прибыль до 100 рублей за 1 десятину³⁶. Жизнь колонии ос-

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 91 (1893 г.). Д. 1061. Л. 14.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12. ч. 1. Лит. В. Л. 21.

³² Там же. Л. 131-132.

³³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 55. Ед. хр. 12. Л. 3-6.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12. ч. 1. Лит. В. Л. 132.

³⁵ Там же. Л. 119.

³⁶ Там же. Л. 132.

ложнялась еще и тем, что к толстовцам и сектантам враждебно отнеслось местное православное население³⁷.

Как писала дочь Е.Н. Воробьева, «цель колонии была – создание братской, по возможности, культурной жизни, основанной на христианских началах. Но прошел 1 – 1 1/2 года и колония распалась. Братского единения и равенства не было»³⁸. По материалам полиции, распад колонии произошел чуть позднее. В течение 1904 г. колония на хуторе Терпение еще существовала и была окончательно ликвидирована в феврале-марте 1905 г.³⁹

В.И. Скороходов понес существенный убыток в 2000 руб. и в отчаянии обратился позднее к Толстому за денежной помощью⁴⁰. По-видимому, после жизни в этой колонии Скороходов окончательно разочаровался в попытках устроиться «на земле» с другими толстовцами. Скороходов отправился в Майкоп, где со своим семейством продолжал заниматься земледелием, но уже как культурный одиночка. Большинство колонистов Терпения в 1904–1905 гг. переехали в Терскую обл., где они создали еще одно соседское поселение.

Теперь толстовцы поселились на хуторе Водопад под Пятигорском, сейчас это поселок Юца (Юцкие или Водопадские хутора), около 5 км от города⁴¹. Это поселение в виде группы хуторов, на которых проживали толстовцы, оказалось чрезвычайно продолжительным. Для многих Водопад стал наконец-то местом если не постоянного, то продолжительного проживания. П.Н. Гастев, Е.Н. Воробьев и его семья, А.Т. Дзюба и с июня 1910 г. Я.Т. Чага⁴² с семьей жили здесь до 1920-х гг., некоторые толстовцы встретили здесь свою старость и умерли. Общее количество проживавших здесь толстовцев колеблется около

---

³⁷ Толстой Л.Н. Письмо В.И. Скороходову // Полн. собр. соч. Т. 74. М., 1992. С. 237.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 93. Ед. хр. 22. Л. 5.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 232 (1904 г.). Д. 1850. Л. 24.

⁴⁰ Толстой Л.Н. Письмо В.И. Скороходову // Полн. собр. соч. Т. 77. М., 1992. С. 251.

⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 93. Ед. хр. 22. Л. 5.

⁴² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 362. Ед. хр. 1. Л. 3.

цифры в 20 человек. В примечаниях к письмам Толстого упоминается, что на хуторе Водопад была община⁴³, но это неточность — здесь более 20 лет существовало лишь соседское поселение единомышленников.

О быте толстовцев на хуторе Водопад подробно рассказывает в своих очерках Ф. Казманов⁴⁴. По его словам, судьба толстовцев здесь складывалась по-разному. Если жизнь Дунниа, Я.Т. Чаги и их окружения казалась комфортной и в целом благополучной, то быт семьи Е.Н. Воробьева производил «грустное, тяжелое впечатление». То же можно сказать и о небольшом жизнеописании этого одинокого «фанатика-энтузиаста» и его жены, этих «утомленных, издегавшихся»⁴⁵ людей. Разногласия с другими толстовцами содействовали постепенному прекращению контактов Воробьевых с остальными жителями колонии. В 1914 г. Воробьев, который «добровольно отрекся когда-то от значительных средств»⁴⁶, умер здесь в бедности от внезапного инфаркта, а его жена скончалась от голода в годы гражданской войны⁴⁷. А.Т. Дзюба женился на их дочери; «убоявшись» нового отказа от военной службы, пошел на фронт в 1914 г., а затем, уже после 1917 г. переехал в Пятигорск. П.Н. Гастев, женившийся прежде на дочери Скороходова Ольге, прожил здесь еще много лет. Точная дата его смерти, произошедшей в 1930-е гг., неизвестна⁴⁸.

Одним из поселенцев на хуторе Водопад был Т.С. Дудченко, крестьянин по происхождению. В какой-то момент он покинул хутор и жил «на земле» близ Кисловодска и Ессентуков⁴⁹, но затем вернулся. Дудченко в начале 1913 г. добился от государства выгодной

---

⁴³ Толстой Л.Н. Письмо Т.С. Дудченко // Полн. собр. соч. Т. 67. М., 1992. С. 100.

⁴⁴ Казманов Ф. Среди «толстовцев» // Баранов Е., Казманов Ф. Толстой жив. М., 1911. С. 15-37.

⁴⁵ Там же. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 37.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 93. Ед. хр. 22. Л. 6.

⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 69. Ед. хр. 44. Л. 1-5.

⁴⁹ Толстой Л.Н. Письмо Т.С. Дудченко // Полн. собр. соч. Т. 67. М., 1992. С. 100.

аренды на 24 года казенного участка земли в 50 десятин. Этот участок располагался в восточной части того же поселка, в 3 верстах от Пятигорска⁵⁰. На арендованной земле он планировал создать товарищество, для чего договорился с К.К. Молосаем и А.И. Иконниковыми⁵¹. Они были знакомы с Дудченко с тех пор, как отказались от военной службы. Однако артель не состоялась, эти планы, как и многие другие, перечеркнула мировая война.

Независимо от этой группы колонистов, организовавшей в общей сложности 4 соседских поселения (если считать Нальчик), несколько толстовцев в 1902 г. создали на Михайловском перевале другое соседское поселение. Выше это место уже упоминалось — рядом располагалась община А.В. Юшко в 1896—1901 гг., а в 1916—1917 гг. здесь возникли две толстовских артели. Соседское поселение на Михайловском перевале начала XX в. не только хронологически, но и в плане личного состава является как бы связующим звеном между Юшковкой и артелями Иванова и Шейрманов.

Известны в общей сложности только 11 взрослых участников колонии на Михайловском перевале. С 1902 г. здесь проживали бывшие общинники с «Лысой горы»: А.В. Юшко, А.К. Ракович, М.П. Кожушко⁵². К этому времени относится любопытный очерк С. Васюкова о типах и характерах кавказских причерноморских жителей. За одним из персонажей, доктором Рашко, который живет в горах с двумя товарищами, скрывается А.В. Юшко. Если верить Васюкову, Юшко был человеком трудолюбивым и отзывчивым и безвозмездно оказывал медицинскую помощь местным жителям⁵³.

С 1903 г. к Юшко, Раковичу и Кожушко присоединились два брата Николай и Степан Череватенко из Во-

---

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 40. Л. 10-13об.

⁵¹ Там же. Л. 1, 8.

⁵² Толстой Л.Н. Письмо А.К. Раковичу// Полн. собр. соч. Т. 75. М., 1992. С. 202.

⁵³ Васюков С. Типы и характеры: Кавказское черноморское побережье. СПб., 1908. С. 190-196.

роисежской губ.⁵⁴ Братья Череватенко стали толстовцами ранее под влиянием знакомых В.Г. Черткова⁵⁵. Николай Череватенко преследовался за отказ от военной службы⁵⁶. Хитроумные приемы ведения садоводческого хозяйства, предложенные Череватенко, стали предметом внимания еще одного наблюдателя, Л. Чермака, опубликовавшего заметку в журнале «Плодоводство»⁵⁷.

В 1906 г. Юшко был арестован за пропаганду революционных идей среди местных крестьян. Он говорил им, «что пользоваться тысячами десятин, когда рядом курицы некуда выгнать — преступление, что эксплуатировать человеческую нужду, человеческое невежество, человеческие слабости — преступление, что употреблять насилие или грозить им в лице казаков ограбленному и забитому населению — не только преступление, но и гнусность»⁵⁸. Юшко был выслан из Михайловского перевала и оказался в Саратовской губ., где принимал участие в деятельности эсеровского Крестьянского союза. За сочувствие той же организации были высланы с Михайловского перевала Ракович и Кожушко⁵⁹.

Т.С. Дудченко в недоумении по поводу вступления толстовцев на революционный путь писал: «Они протранно и ясно высказываются, что измениться к лучшему жизнь людей может только при условии религиозного их подъема, но Крестьянский Союз они считают желательным, несободным и облакают его в какую-то особую непонятную мне форму»⁶⁰. Ни один из этих трех колонистов более не вернулся на Михайловский перевал. Ракович умер в 1906 г.

---

⁵⁴ Чермак Л. Колония «Перевал» // Плодоводство: орган Императорского русского общества плодоводства. СПб., 1908. № 2. С. 130.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. Оп. 200 (1903 г.). Д. 580. Л. 28об.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 35об.

⁵⁷ Чермак Л. Колония «Перевал» // Плодоводство: орган Императорского русского общества плодоводства. СПб., 1908. № 2. С. 130-133

⁵⁸ Толстой Л.Н. Письмо Р.В. Юшко // Полн. собр. соч. Т. 76. М., 1992. С. 27.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 3.

⁶⁰ Там же. Л. 2об.-3.

в ссылке⁶¹. Кожушко устроился «на земле» отдельно близ Криницы, рядом с бывшим криинчанином С.Г. Калитаевым⁶². Юшко затем поселился в Геленджике⁶³.

Братья Череватенко с семьями остались единственными толстовцами в этой колонии, соседское поселение превратилось в хутор. В таком виде колония застал весной 1912 г. В.Ф. Булгаков, путешествовавший по Черноморскому побережью и проработавший несколько месяцев учителем детей Череватенко⁶⁴. В 1921 г. объединенный выпуск журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода» сообщал, что оба брата Череватенко с семьями продолжали жить здесь до этого времени. Но «неизвестно, смогут ли эти хуторяне, при изменившихся политических условиях, продолжать свое хозяйство на прежних условиях»⁶⁵. Судьба семей Череватенко в советские годы изложена в небольшой заметке на сайте историко-краеведческого музея г. Геленджик. Череватенко жили здесь до 1929 г., а затем переселились в Киргизию. Сын Степана Алексей Череватенко прославился своими агрономическими достижениями сначала на новом месте жительства, а затем и на родине, вернувшись в Геленджик⁶⁶.

Весной 1906 г. соседское поселение единомышленников организовал на своей земле бессарабский помещик Н.Н. Александри. Сведения о нем содержатся практически исключительно в «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого⁶⁷. Более-менее точное местонахождение колонии

⁶¹ Толстой Л.Н. Письмо А.К. Раковичу // Полн. собр. соч. Т. 75. М., 1992. С. 202.

⁶² РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 153-154.

⁶³ Б.О. Геленджик // Вегетарианское Обозрение. Киев, 1911. № 5. С. 35.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 25об.-29об.

⁶⁵ Вести пробуждения // «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода» (Соединенный выпуск). Посвящается 10-летию со дня смерти Л.Н. Толстого. 1921. С. 28.

⁶⁶ Яновская Л.А. Череватенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--c1aeahjhh0d.xn--p1ai/index.php/stati-publikatsii/80-cherevatenko>

⁶⁷ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. II. С. 69-71; Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. III. С. 109-110.

известно благодаря упоминанию ее в биографическом очерке С.А. Заболотнюка. Поселение находилось в имении Александри в 15 верстах от г. Каменец-Подольск⁶⁸. Предположительно об этом же поселении упоминал в апреле 1907 г. В.А. Лебрен в письме Толстому, сетуя на колонистов: «Жизнь в деревне представляется им столько же пикником, сколько и нравственным делом»⁶⁹. В ответном письме Толстого и в примечаниях говорится, что эта колония была образована близ Одессы. Безусловно, Одесса располагается достаточно далеко от Каменца-Подольска, но сведения совпадают хронологически и можно предположить, что речь идет о поселении Александри. Если это не так, то колония под Одессой осталась неизвестной.

То, что эта колония была соседским поселением, сразу же усматривается в его описании: «Александри хочет заняться земледелием и устраивает у себя в своем имении нечто вроде общества людей, желающих жить одинаково (не общины, так как каждый будет работать отдельно — для себя)»⁷⁰. В колонии Александри приняли участие по крайней мере 9 человек. Среди них были С.Д. Николаев, известный переводчик и пропагандист идей Г. Джорджа о «едином налоге», и его жена Л.Д. Николаева, будущий организатор Московского вегетарианского общества. Посещал колонию и толстовец-бродяга Л.В. Томилов.

Сведения о дальнейшем существовании колонии также скудны. Колонию Александри вскоре покинула семья Николаевых, но А.С. Панкратов в 1910 г. упоминает ее среди других действующих земледельческих поселений⁷¹. В электронной версии журнала «Независимая Молдова» о судьбе Н.Н. Александри была помещена биографическая заметка. Из нее следует, что к 1913 г. Александри отправился учиться в г. Яссы, и уже издавал в Молдавии

---

⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 39. Ед. хр. 22. Л. 7об.

⁶⁹ Толстой Л.Н. Письмо В.А. Лебрену // Полн. собр. соч. Т. 77. М., 1992. С. 85.

⁷⁰ Яснополяские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. II. С. 69.

⁷¹ Панкратов А.С. Ищущие Бога: очерк современных религиозных исканий и настроений. Т. 1. М., 1911. С. 36.

журнал и календари в «толстовском духе»⁷², то есть земледельческим трудом он тогда уже не занимался. Следовательно, поселение Александрии окончательно распалось во временной промежуток с 1910 до 1912 гг.

Последним известным соседским поселением дореволюционного периода является колония в Люботине, образованная В.А. и Н.А. Шейерманами накануне окончательной ликвидации их общины на хуторе Высоком. Колония располагалась на хуторе Альбовский Люботинской волости Валковского уезда Харьковской губ., в 3 верстах от станции Люботин⁷³, по которой она получила свое неофициальное название.

По воспоминаниям Е.И. Попова, Шейерманы приобрели здесь имение к началу 1910 г.⁷⁴, а с осени того же года туда стали перебираться некоторые общинники с хутора Высокий. Первыми вместе с Поповым здесь поселились А.И. и М.С. Погорельские с детьми⁷⁵. Судя по заметке в «Календаре для каждого на 1912 год», соседское поселение близ Люботина в течение 1911 г. окончательно сложилось⁷⁶. А в начале 1912 г., после полной ликвидации колонии в Высоком сюда перебрались братья Шейерманы с семьями⁷⁷.

Всего известны 25 участников поселения, временно или постоянно работавших здесь. Среди них преобладают бывшие участники колоний на хуторе Высоком и в Ржевске, но есть также и несколько новых лиц. К Шейерманам присоединился со своей женой С.Д. Романов, который почти 20 лет назад участвовал в земледельческих общинах Шевелево и Байрачной. При этом постоянная численность колонии не была столь высока, большинство из этих лиц проживали здесь временно. Например,

---

⁷² Устюгова Н. Александрии — род молдавских дворян. [Электронный ресурс] // Независимая Молдова. 26 декабря 2013 г. Режим доступа: <http://www.nm.md/article/etot-neskonchaemyy-gibu-3>

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123прод. Л. 44.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 47.

⁷⁵ Там же. Л. 49об.

⁷⁶ Календарь для каждого на 1912 г. М., 1911. Стб. 89.

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 57об.

П.П. Картушин, С.М. Булыгин, Ф.Х. Граубергер. Любопытнo, что в 1912–1913 гг. посетил Люботин и философ Н.А. Бердяев, о чем он оставил небольшую заметку⁷⁸.

В другой статье Н.А. Шейермана, опубликованной в журнале «Вегетарианское обозрение» за 1913 г., говорится о работающих в Люботине пяти семействах, каждое из которых занимает отдельный, небольшой участок земли и ведет на нем самостоятельное хозяйство; шестая семья соединилась с несколькими холостыми и проживает здесь на аналогичных условиях. Земля здесь сдавалась в аренду небольшими участками по 10 руб. за десятину или продавалась. В целом же «хозяйство устраивает каждый самостоятельно по своему усмотрению за свой счет и страх. Кроме формальных взаимных обязательств к владельцу земли, к поселенцу не предъявляется никаких требований и не дается никаких обязательств». Шейерман обращает внимание и на толстовскую специфику поселения: «Мотивы поселения данных лиц в условиях трудовой жизни на земле – исключительно духовно-нравственного характера», этой особенности необходимо соответствовать и лицам, желающим здесь жить и работать⁷⁹. А.А. Медведев рекомендовал колонию в Люботине тем лицам, которые хотели заняться земледельческим трудом из нравственных соображений⁸⁰.

Первоначальный состав колонии в Люботине изменился довольно скоро, в связи с началом войны некоторые участники покинули ее или были призваны в армию. В материалах полиции, которая обратила свое внимание на колонию, по воле случая, только в июне 1915 г.⁸¹, названы лишь несколько лиц, проживавших на хуторе Альбовском⁸². В 1914 г. выбыли с семьями Владимир и Николай Шейерманы. Они, скрывая себя и детей от призыва,

---

⁷⁸ Эткин А.М. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 2013. С. 213-214.

⁷⁹ Шейерман Н.А. Земледельческое поселение в Люботине Харьковской губ. // Вегетарианское обозрение. Киев, 1913. № 2. С. 56-57.

⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 5, 39, 42.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123прод. Л. 39.

⁸² Там же. Л. 48об.

отправились сначала в Финляндию, а затем в Среднюю Азию⁸³. Как уже было описано, в 1917 г. Шейерманы поселились на Кавказе общинной.

Однако часть толстовцев продолжила жить в Люботине и после отъезда основателей колонии. По воспоминаниям Е.И. Попова, после революции здесь оставалась семья Погорельских и Р.Е. Короп, студент Московского университета, отказавшийся от военной службы⁸⁴. Поселение в Люботине значится и в списке советских толстовских колоний, составленном Т.В. Петуховой⁸⁵. Дольше всех здесь прожил Е.И. Попов, который вел хозяйство по собственному методу «хлебного огорода»⁸⁶. Но в 1925 г. он оставил Люботин и переехал в Новоиерусалимскую общину, сказавшись преклонный возраст. Так завершилась история последнего соседского поселения в до-революционный период, которое стало еще и одной из самых продолжительных земледельческих колоний толстовцев.

4.2. Толстовские хутора или «культурные одиночки»

Толстовцы нередко селились «на земле» одиночками или семьями, но сведения о колониях такого типа отличаются фрагментарностью. Во-первых, единичные переходы к земледельческому труду часто оставались незаметными на фоне крупных колоний. Даже в поле внимания полноти толстовские хутора часто попадали из-за разного рода косвенных обстоятельств, не относящихся непосредственно к движению «на землю». Во-вторых, подавляющее большинство толстовцев-одиночек вели замкнутый образ жизни и не стремились оказать влияние на местное

---

⁸³ Petrus K. *Religious Communes in the USSR*. New York. 1953
Рр. 25-27.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 68-69об.

⁸⁵ Петухова Т.В. *Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917-1929 гг.)* Ульяновск, 2008. С. 114.

⁸⁶ Попов Е.И. *Ручное земледелие и хлебный огород*. М., 1911
136 с.

население посредством примера или агитации, их интересовала лишь сама жизнь земледельца. В-третьих, индивидуальное хозяйство требовало больше сил и времени, чем коллективное, что сказывалось на активности контактов толстовцев-одиночек с внешним миром. В результате о них часто забывали даже единомышленники.

Так что детальное воспроизведение истории толстовских хуторов является, пожалуй, неосуществимой задачей, и остается лишь предполагать, насколько полны представленные далее сведения. Но все же можно с уверенностью сказать, что толстовцы-одиночки занимали достаточно значимое место в общей картине движения «на землю».

Толстовцы селились обособленно по различным причинам. Хутора основывали те, кто не нашел единомышленников для создания поселений; иногда — участники движения, которые принципиально отрицали коллективные формы колоний, разочаровались в них или в собственной способности вести общее хозяйство; нередко — лица, осознававшие практическую целесообразность индивидуальных хозяйств.

Именно с толстовского хутора хронологически и началось движение «на землю». Его основал под Москвой в 1881 г. Н.Л. Озмизов⁸⁷ за пять лет до того, как им же была создана первая толстовская община. Лишь А. Фодор верно определил, что этот хутор является фактически первой толстовской колонией⁸⁸, тогда как остальные историки были поглощены поиском самой ранней общины.

Е.И. Попов так писал об Н.Л. Озмизове: «Это был первый человек, откликнувшийся на писания Л.Н., пришедший и заявивший ему об этом. Кажется, этим он был особенно дорог Л.Н. Понявши, он сейчас же стал осуществлять на деле, устроивши под Москвой молочную ферму, где работали с ним и жена, и дочь»⁸⁹. Озмизов

⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 40. Ед. хр. 18. Л. 2об.-3

⁸⁸ *Fodor A. A Quest for a Non-violent Russia. The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham - N.Y. - L., 1989. P. 79.*

⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 82. Ед. хр. 41. Л. 37-37об.

позднее описал свою фермерскую жизнь в небольшой статье под заглавием «Дневник деревенского жителя», опубликованной в журнале «Русская мысль»⁹⁰.

Однако начинанию Озмиздова не удалось развиваться. Его дочь О.Н. Спенглер вспоминала, что на ферме у них было около 100 коров, молоко которых успешно сбывалось в Москву. Но сначала Озмиздов был вынужден заложить имение за долги, а затем падеж 50 коров от чумы привел хозяйство в упадок. Озмиздов продал ферму и в течение нескольких лет работал управляющим в различных имениях⁹¹. В 1884 г. он вновь поселился в той же деревне и ближе сошелся с московскими толстовцами. Уже за этим последовало создание им общины близ Сочи, судьба которой описана выше.

Интересно, что Озмиздов еще до знакомства с учением Толстого проявлял интерес к деятельности А.Н. Энгельгардта. Следовательно, трудовой идеал был близок Озмиздову и ранее, а толстовство лишь подтолкнуло его к созданию хутора. Другие толстовцы стали селиться одиночками позднее, спустя несколько лет после Озмиздова.

Одним из самых известных толстовцев являлся художник Н.Н. Ге, впервые посетивший Толстого в 1882 г. после прочтения статьи «Так что же нам делать». Т.Л. Толстая вспоминала, что Ге «был на перепутье, и как только он увидел по статьям отца, что отец переживает ту же душевную работу, которая в нем происходила, он узнал себя и с радостью и восторгом бросился к отцу, в надежде, что он поможет ему выбраться из той темноты, в которой он пребывал в последнее время»⁹². Ге увлекся «опрошением», вегетарианством, он и Толстой «сошлись даже и в любви и признании необходимости физического труда»⁹³. Но, несмотря на это, «главным занятием Ге осталось искусство»⁹⁴.

---

⁹⁰ Озмиздов Н.Л. Из дневника деревенского жителя // Русская мысль. М., 1884. № 9. С. 227-269.

⁹¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 40. Ед. хр. 18. Л. 3-3об.

⁹² Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980. С. 251.

⁹³ Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1969. С. 146.

⁹⁴ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980. С. 253.

Однако старший сын художника, также Н.Н. Ге, пошел дальше своего отца и попытался осуществить идеал земледельческой жизни. В 1884 г. он покинул университет и поселился на хуторе своего отца — ст. Плиски Борзнянского уезда Черниговской губ. В 1887 г. Ге (сын) окончательно оставил издательское дело, которым занимался прежде⁹⁵, и посвятил все свое время ведению крестьянского хозяйства. Сойдясь гражданским браком с простой крестьянкой А.И. Слюсаревой, Ге (сын) прожил здесь до 1891 г.⁹⁶, затем помогал Толстому в кампании по кормлению голодающих.

Но, прожив около 10 лет на своем хуторе, Н.Н. Ге (сын) резко изменил взгляды, написал Толстому о своем разочаровании в толстовстве⁹⁷ и покинул имение. Спустя несколько лет он эмигрировал и стал французским гражданином⁹⁸. В то же десятилетие на хуторе проживал и занимался земледелием Г.С. Рубан-Щуровский, который женился на племяннице Ге (сына), осужденной по делу «воснно-политической организации». Судя по переписке с Л.Н. Толстым, Рубан-Щуровские также разделяли толстовские взгляды⁹⁹.

В 1883 г. Толстого посетил молодой И.Б. Файнерман, который уже упоминался выше¹⁰⁰. По окончании киевской гимназии в середине 1885 г. Файнерман поселился в Ясной Поляне и прожил здесь некоторое время в качестве рабочего у одного из крестьян. В это время он был вынужден формально принять православное крещение, Файнерман хотел поступить сельским учителем, которым не мог стать человек иудейской веры. Он оставался учителем недолго, но с крестьянами в Ясной Поляне прожил до 1887 г.

Из-за этих резких перемен Файнермана покинула первая жена Э. Варшавская, и в 1888 г. он вступил в граж-

⁹⁵ Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 351.

⁹⁶ Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Ге (сыну) // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 208.

⁹⁷ Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Ге (сыну) // Полн. собр. соч. Т. 67. М., 1992. С. 138.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 238 (1908 г.). Д. 389. 19 л.

⁹⁹ Толстой Л.Н. Письмо Э.Г. Рубан-Щуровской // Полн. собр. соч. Т. 72. М., 1992. С. 74-75.

¹⁰⁰ Толстой Л.Н. Письмо И.Б. Файнерману // Полн. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 412-413.

данский брак с А.Л. Любарской, первоначально разделявшей взгляды мужа¹⁰¹. В период 1887—1889 гг. Файнерман временно проживал в нескольких толстовских общинах. Для многих толстовцев во второй половине 1880-х гг. он представлялся не только личностью «крайне оригинальной и интересною»¹⁰², но и примером жизни в соответствии с идеалами. Но неудача его общины в Глудосах содействовала постепенному отходу Файнермана и его жены от толстовства. Файнерман писал в анкете, что жил в Ясной Поляне повторно во второй половине 1890-х гг. и на этот раз «учительствовал»¹⁰³, однако другими сведениями это не подтверждается. Некоторое время (как минимум три месяца) в 1886 г. с Файнерманом в Ясной Поляне проживал студент Ф.П. Симон и работал у местных крестьян¹⁰⁴. Если верить И.Л. Толстому¹⁰⁵, Симон являлся полицейским агентом и следил за Л.Н. Толстым, но затем сообразился в этом и увлекся на какое-то время толстовством.

Т.Л. Толстая в своем дневнике от 14 октября 1886 г. писала: «Двое петербургских гусар, один — князь Хилков, другой — забыла как, прочли "В чем моя вера" и так полюбили учение папа, что отдали всю землю мужикам, вышли в отставку и будут жить своим трудом на трех десятинах, которые они себе оставили»¹⁰⁶. Так началось «хождение по мукам князя Д.А. Хилкова»¹⁰⁷.

М.А. Новоселов отметил следующие этапы жизни Хилкова, оборвавшейся на фронте в октябре 1914 г.: «1. Блестящий паж и лейб-гусар, очень набожный православный христианин. 2. Начальник казачьей охотничьей сотни и видный участник русско-турецкой войны. 3. "Ярый

---

¹⁰¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 44. Л. 1.

¹⁰² НИОР РГБ. Ф. 599. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 3.

¹⁰³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 44. Л. 1.

¹⁰⁴ Толстой Л.Н. Письмо Ф.П. Симону // Полн. собр. соч. Т. 65. М., 1992. С. 33-34.

¹⁰⁵ Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1969. С. 165.

¹⁰⁶ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984. С. 133

¹⁰⁷ Мазур В.А. Хождение по мукам князя Дмитрия Александровича // Известия Уральского государственного университета. 2000. № 15. С. 75-95.

толстолец". Отрицает православие, государство, войну, раздаст свою собственность, сам найдет землю. 4. Революционер. 5. Враг церковности, крайний индивидуалист, покровитель религиозных сект. 6. Апологет церковности, верный сын Православия и почти затворник в глуши и тиши своего хутора. 7. Вновь казак и герой нынешней войны»¹⁰⁸. Современники Хилкова неизменно пересказывали историю блестящего молодого офицера, который оставил воинскую карьеру под впечатлением от совершенного им на войне убийства и поселился в деревне¹⁰⁹.

Сам Хилков неоднократно отстаивал самостоятельность собственного мировоззрения и оспаривал мнение о том, что он толстолец. Но толстовство Хилкова не исчерпывалось тесным общением с толстовцами и внешним соответствием его трудовой жизни толстовским идеалам. Историк Д. Кэмфельд приводит интересные строки из кредо Хилкова от 1886 г., которые звучат более чем по-толстовски: «Стремиться к самосовершенствованию для лучшего служения Богу и человеку, следуя не внешним обрядам, а своей совести. Не осуждать, а отвечать добром на зло. <...> Не иметь обязательств перед правительством, но относиться к представителям власти как к братьям по воле Божьей»¹¹⁰.

Да и сам Хилков не всегда отрицал свое увлечение идеями Толстого. В письме 1901 г. Бонч-Бруевичу он пишет: «Когда я в 1886 <...> впервые прочел "Моя вера" Толстого — то эта книга произвела на меня потрясающее впечатление. Нервы у меня тогда были расстроены вдребезги и невозможность бороться с болезнью моего деда (я читал книгу, присутствуя при его смерти) — заставили меня чувством перенести это дело на все остальное». И далее: «Потом мне хотелось "возвеличить" нашего крестьянина.

---

¹⁰⁸ Новоселов М. Несколько слов об авторе писем // Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. Вып. 1. Сергиев Посад, 1915. С. 1-2.

¹⁰⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 100. Ед. хр. 4. 16 л.

¹¹⁰ Camfield G.P. The Pavlovtsy of Khar'kov Province, 1886—1905: Harmless Sectarians or Dangerous Rebels? [Electronic source] // The Slavonic and East European Review. Vol. 68. No. 4. P. 697. URL: <http://www.jstor.org/stable/4210447>

Я чувствовал, что он силен, что он на своих плечах выносит — а красоты активного (?) героизма в нем нет. И вот все это — личное и частное, заставило меня теоретически сделать ошибку в отношении к "принципу" непротивления и принять его»¹¹¹. Так или иначе, толстовцем Хилков оставался до конца 1890-х гг., когда в эмиграции увлекся революционными идеалами и стал активно выступать против своих бывших единомышленников¹¹².

По информации полиции, Д.А. Хилков в 1883 г. поселился в с. Павловки Сумского уезда Харьковской губ. В течение 1886 г. свою землю, перешедшую к нему по наследству, он продал крестьянам по крайне дешевой цене, в 4–5 раз ниже ее фактической стоимости, т.е. почти отдал даром. Себе Хилков оставил лишь несколько десятин, на которых собственноручно занялся сельским хозяйством¹¹³. «По наружному виду и по своей жизни Хилков обратился в простого пахаря, в этом отношении, как и во многих других, он старается подражать графу Л. Толстому»¹¹⁴, — говорилось в полицейском отчете. «Павловский» период земледельческой жизни Хилкова будет прерван в конце 1891 — начале 1892 г. ссылкой на Кавказ.

Главной причиной этого решения администрации стала его пропаганда среди крестьян, жалобы о которой в изобилии поступали в Департамент полиции. Например, священник с. Павловки З. Добрецкий писал: «Молодые парни в праздничное время постоянно ходят к князю; он их принимает, угощает и толкует о вере, учит не креститься, не молиться, не ходить в церковь»¹¹⁵. Действительно, стремление бороться «словом» с социальной несправедливостью являлось знаменательным отличием Хилкова от других толстовцев-одиночек. Харьковский губернатор о нем писал: «На мои возражения, что, имея право по своему рождению на выдающееся положение в обществе, он мог бы принести гораздо большую пользу крестьянам,

¹¹¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 358. Ед. хр. 55. Л. 17, 17об.

¹¹² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 47. Ед. хр. 13. Л. 138-142.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 222. Л. 13. 23об.

¹¹⁴ Там же. Л. 13об.

¹¹⁵ Там же. Л. 3об.

если бы, не возбуждая их умы, обращал внимание на их нужды подлежащих властей, князь Хилков заявил, что он признает более соответственным, наталкиваясь на окружающие крестьян несправедливости, открывать на них их собственные глаза»¹¹⁶. Сведения об успехах агитации Хилкова разнились и, скорее всего, были преувеличены. Миссионер В.Н. Терлецкий называл 327 человек его последователей (165 мужчин и 162 женщины)¹¹⁷, полиция — около 200 лиц¹¹⁸. Намного более взвешенное суждение высказал Д. Кэмфельд: «Безусловно, среди них [жителей Павловок] были толстовцы, но рассматривать их всех в таком качестве ошибочно»¹¹⁹.

Вопреки здравому смыслу, В.Н. Терлецкий даже утверждал, что Хилков создал здесь толстовскую колонию: «Так возникла, в версте от с. Павловки, колония толстовцев-крестьян, устроенная Хилковым и официально называемая в честь его "Князевкою" или "Дмитровкою". Колония будто бы состояла из 50 или 60-ти крестьянских изб, с чистыми обширными дворами, амбарами, сараями; напротив дворов были огороды с образцовым искусственным орошением; в конце колонии находилась изба князя»¹²⁰. Но эти сведения миссионера противоречат всем известным источникам. Сам Хилков говорил, что автор «не может не знать, что никакой колонии толстовцев около Павловки нет и что "Князевкой" называется поселок, образованный теми Павловскими крестьянами, которые, вследствие тесноты, выселились из села Павловки на купленную ими у меня землю»¹²¹. Здесь же Хилков писал, что число его последователей составляло «человек

---

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 222. Л. 28.

¹¹⁷ *Терлецкий В.Н.* Очерки, исследования и статьи по сектанству. Вып. 1. Полтава, 1911. С. 152.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 14 ч. 16. Л. 71.

¹¹⁹ *Camfield G.P.* The Pavlovtsy of Khar'kov Province, 1886–1905: Harmless Sectarians or Dangerous Rebels? [Electronic source] // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. No. 4. P. 698. URL: <http://www.jstor.org/stable/4210447>

¹²⁰ *Терлецкий В.Н.* Очерки, исследования и статьи по сектанству. Вып. 1. Полтава, 1911. С. 146.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 14 ч. 16. Л. 71.

10-15 — не больше», а их сочувствия он добился вовсе не продажей земли или обещанием благ. На этот счет Хилков саркастично отвечал: «Вашему пресвященству, имеющему, по преимуществу, дело с людьми, вечно жалующимся на то, что их служение вере плохо оплачивается, вероятно будет трудно поверить, что успех проповеди Толстого объясняется не тем, что учение Льва Николаевича сулит своим последователям земные блага, а зависит от того, что оно "Слово о Кресте", сказанное Спасителем, не только не сочло за "юрродство", но поставило в главу угла, смело провозгласив, что тот, кто ради истины не готов всем жертвовать, никогда ее не приобретет»¹²².

Приблизительно в начале 1888 г.¹²³ вместе с Хилковым поселилась его гражданская жена Ц.В. Винер; 9 февраля 1889 г. у них появился сын Борис, который Хилковым крещен не был. По воспоминаниям Бориса Хилкова, два этих события существенно обострили конфликт между его отцом и бабушкой¹²⁴, а полиция расценила их в качестве элементов толстовской пропаганды¹²⁵. Хилков поддерживал общение не только с Толстым, но и с его последователями, которые были частыми гостями в Павловках. Сын Хилкова иронично вспоминал о возникавших «диспутах»: «Припомните "проклятые вопросы" и постарайтесь себе представить опростившегося барина, одного-двух интеллигентов, десяток мужиков да еще иногда священника за разрешением этих "вопросов", плюс Евангелие, Библия, Толстой и <...> "ты, заря, заря!"»¹²⁶.

После ссылки в 1892 г. на Кавказ в биографии Хилкова начался недолгий период жизни в Башкичете и Кекетах, описанный выше. Любопытно, что с Павловки Харьковской губ. позднее вновь стало объектом внимания общественности в связи с другой сектантской историей. 16 сентября 1901 г. ичкерские толстовцы продемонстри-

¹²² ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 14 ч. 16. Л. 71.

¹²³ Толстой Л.Н. Письмо И.Л. и С.Н. Толстым // Полн. собр. соч. Т. 64. М., 1992. С. 160.

¹²⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 411. Ед. хр. 11. Л. 1.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 222. Л. 5об.

¹²⁶ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 411. Ед. хр. 11. Л. 1об.

ровали совершенно не-толстовский способ социальной активности. Под впечатлением от проповеди малеванца Тодосненко они разгромили местную церковь, что вылилось в массовое избиение сектантов со стороны православных и полицейских¹²⁷.

Одним из последователей Хилкова стал М.С. Дудченко, но, в отличие от князя, он увлекся толстовством на всю жизнь. Полицейская характеристика Дудченко говорила сама за себя: «Еще очень молодой человек, лет 20-22 [1890 г.], учившийся в Петербургской гимназии, но вышедший из 7 класса, не окончив полного гимназического курса, который, будучи фанатиком, убежден в правоте учения князя Хилкова, употребляет по собственному почину все меры к распространению такового, а потому представляется опаснее самого князя Хилкова»¹²⁸.

Дудченко с начала 1888 г. жил недалеко от Хилкова в с. Виры Сумского уезда. В мае этого же года к нему присоединился и занялся земледелием бывший студент Киевского университета Е.Н. Любич со своей женой, позднее переселившийся к Хилкову¹²⁹. Любич в октябре 1888 г. был призван в армию и отказался от исполнения воинской повинности¹³⁰.

С середины 1889 г. у Дудченко периодически проживала и его гражданская жена, домашняя учительница, М.Ф. Симонсон, оставившая обучение на Высших женских курсах в Петербурге¹³¹. «М.Ф. стойко все выносила и с каждым днем все глубже и глубже проникалась идеей трудовой жизни и становилась дельной работницей»¹³², — вспоминал о ней Скороходов. В 1891 г. Симонсон была выслана из Харьковской губ. за «вредное влияние на на-

¹²⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 47. Ед. хр. 8. 103 л.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 222. Л. 29об.

¹²⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 40. Ед. хр. 3. Л. 19.

¹³⁰ Там же. Л. 20-31.

¹³¹ Толстой Л.Н. Письмо И.И. Горбунову-Посадову // Полн. собр. соч. Т. 66. М., 1992. С. 19.

¹³² Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 7. С. 103.

род и ее сожителство с Дудченко»¹³³, некоторое время она жила в общинах Дугино, Мыза-Кубач и Байрачной. В том же году и сам М.С. Дудченко покинул Виры. После участия в кампаниях по оказанию помощи голодающему населению 1891—1892 гг., Дудченко и Симонсон работали в Полтавской столярной мастерской¹³⁴.

Но со второй половины 1890-х гг. они вновь вернулись к земледельческой жизни и поселились на хуторе в двух верстах от Полтавы. Здесь М.С. Дудченко остался надолго, видимо, до самой своей смерти в 1946 г. Дудченко и Симонсон вели здесь полевое хозяйство и воспитывали четверых детей. Однако их быт был далек от идиллии, Е.И. Попов писал: «Жизнь их была очень тяжелая и скудная. М.С. мужественно переносил все трудности и настойчиво осуществлял свое решение, но М.Ф. такая жизнь была тягостна. Когда я был один раз у них проездом, М.Ф. жаловалась мне, что их жизнь ее не удовлетворяет. Действительно у них в хате было очень скудно; дети (их было 3) имели вид заморашек и детей беспокойных; сама М.Ф. тоже имела вид неряшливый, замученный. От ее роскошной косы осталась половина. С течением времени жизнь их стала несколько более зажиточной, но все-таки труд поглощал все их силы и внимание»¹³⁵. В мае 1902 г. М.Ф. Симонсон скоропостижно скончалась¹³⁶. Скороходов говорил, что «даже большая чахоткой и умирающая, она ни за что на свете не соглашалась нанять работницу; так и отошла от нас эта честная труженица, мало кому известная, свято до конца жизни неся взятое на себя бремя трудовой жизни»¹³⁷.

Дудченко продолжил жить на хуторе и позднее женился во второй раз¹³⁸. В разное время у него бывали и рабо-

¹³³ Толстой Л.Н. Письмо И.И. Горбунову-Посадову // Полн. собр. соч. Т. 66. М., 1992. С. 19.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 89 (1891 г.). Д. 323. Л. 14.

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 71.

¹³⁶ Толстой Л.Н. Письмо М.С. Дудченко // Полн. собр. соч. Т. 74. М., 1992. С. 254.

¹³⁷ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 7. С. 104.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123прод. Л. 46об.

тали другие толстовцы, среди них можно отметить лиц, известных по участию в общинах и артелях: Е.И. Попов, Б.Н. Леонтьев, И.А. Беневский. В годы Первой мировой войны Дудченко занимался антимилитаристской пропагандой. Он составил текст протеста против войны «Наше открытое слово» и собрал около 100 подписей прежде, чем был арестован. Таюке Дудченко и несколько его полтавских друзей распространяли при помощи гектографа другие варианты толстовских антивоенных воззваний. За свою деятельность он был выслан в г. Павлоград Екатеринославской губ.¹³⁹ и был привлечен в качестве подсудимого на процессе «28-ми толстовцев»¹⁴⁰.

Дудченко продолжал активную общественную деятельность и после 1917 г., по его инициативе в Полтаве издавался журнал и было образовано толстовское «Общество друзей всеобщего мира»¹⁴¹. По информации Т.В. Петуховой, Дудченко помог в организации толстовской коммуны «Братская жизнь». По его ходатайству перед В.Д. Бонч-Бруевичем этой коммуне была предоставлена земля, тогда как сам Дудченко остался работать на своем хуторе до конца жизни¹⁴².

Вернемся в 1880-е гг. Сходную с Хилковым судьбу имел еще один толстовец-одиночка М.В. Булыгин. Будучи выпускником пажеского корпуса и офицером, он познакомился с произведением Толстого «Так что же нам делать» и оставил воинскую службу. Булыгин предпринял неудачную попытку получить образование в Петровской Академии, а затем в октябре 1888 г. приехал в свое село Хатунки Крапивненского уезда Тульской губ. По собственному выражению Булыгина, он прибыл «на голую кочку», ни построек, ни хозяйства на хуторе не было¹⁴³.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123прод. Л. 43об.

¹⁴⁰ Булгаков В. Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг. М., 1922. С. 26–28.

¹⁴¹ Хропика // Голос Толстого и Единение. М., 1918. №3 (9). С. 15.

¹⁴² Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.) Ульяновск, 2008. С. 118.

¹⁴³ ПИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 6, 7, 11.

Толстовец жил здесь чрезвычайно долго и покинул хутор после 1917 г., когда произошел пожар.

Согласно первым полицейским донесениям, он передал часть своей земли местным крестьянам, не исполнял церковных обрядов, и в целом «значительно "упростился", повел крестьянскую жизнь, стал пахать, исполнять все черные работы»¹⁴⁴. С ним проживала его гражданская жена А.М. Славновская, носившая фамилию своего первого мужа. Вместе они воспитывали совместных детей и сына Славновской от первого брака¹⁴⁵.

Семья Булыгиных находилась в постоянном общении со многими толстовцами, часто посещавшими Хатунку. На начальном этапе устраивать хозяйство Булыгину помогал А.М. Бибиков с женой, крестьянкой Степанидой¹⁴⁶. Тесное общение Булыгин и Славновская имели и с Л.Н. Толстым, Ясная Поляна располагалась приблизительно в 15 км от их хутора. Кроме хозяйства, жители хутора занимались переписыванием и распространением сочинений Толстого¹⁴⁷. В 1892 г. Булыгин, игнорируя законодательство, открыл в своем имении детскую школу и пригласил в качестве учителя толстовца П.К. Раева. Но школа была почти сразу же закрыта¹⁴⁸, по крайней мере, официально.

Булыгин, как и Хилков, старался последовательно проводить в жизнь толстовские взгляды. Он отказывался предоставлять о себе сведения в Воинское присутствие, поставлять лошадей по требованию местного начальства, убеждал крестьян, что повинности есть несправедливый «грабеж», не соблюдал церковных обрядов. Все это сопровождалось смелыми и по-толстовски искренними обращениями к местным чиновникам. Например, в архиве полиции сохранилось письмо Булыгина к Воинскому начальнику, в котором он утверждает: «Обязательны для меня, повторяю, законы челове-

---

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 8.

¹⁴⁵ Там же. Л. 8-8об.

¹⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 11об., 12об.-13.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 9об.-10.

¹⁴⁸ Там же. Л. 42-42об.

ские лишь в том, в чем они согласны заповедям Христа, и необязательны в том, в чем не согласны с Ним»¹⁴⁹.

Отход Булыгина от толстовства, по его собственным словам, начался в 1909 г. после смерти его жены. Подобно Хилкову, пережившему подобное разочарование в толстовстве после самоубийства дочерей, Булыгин вернулся к православной вере¹⁵⁰. В 1917 г. имение Хатунки было разгромлено местными крестьянами, и дальнейшая судьба его владельца неизвестна.

В.Ф. Булгаков рассказывал, что Булыгин «старших сыновей своих Сережу и Ваню <...> воспитал, как настоящих людей труда. Хозяйские сыновья участвовали во всех работах по имению и, в сущности, по своему положению почти во всем равнялись обыкновенным рабочим»¹⁵¹. Иван умер в молодом возрасте¹⁵². А старший сын Сергей, родившийся в 1889 г., стал довольно известной фигурой в толстовских кругах. О нем Булгаков писал: «Сережу Булыгина я в молодости считал гениальным человеком. Меня поражали его глубокий ум, знание жизни и людей, тонкое понимание искусства и особенно способность к отвлеченному мышлению»¹⁵³.

С самого своего рождения и до начала мировой войны С.М. Булыгин жил в Хатунках и занимался земледельческим трудом. Он был искренне убежден: «Если действительно хочешь радости всем людям, то должен оставить всякое привилегированное положение, и все занятия, опирающиеся на эти привилегии, и перейти в положение бесправных. Только тогда сердце твое будет открыто ко всем душам»¹⁵⁴. В 1914 г. С.М. Булыгин отказался от воинской службы, а затем выступил со смелым обращением к полиции. Он просил поставить его подпись под антиво-

---

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 25-26.

¹⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. Л. 4.

¹⁵¹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 219.

¹⁵² НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 420об.

¹⁵³ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 219.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 11.

енным воззванием толстовцев и привлечь к суду наравне с единомышленниками, что и произошло¹⁵⁵. После 1917 г. С.М. Булыгин стал склоняться к евангелистам, но все же являлся активным участником московских толстовских обществ, разрабатывал проект аграрной реформы, выступал в печати¹⁵⁶.

Некоторое время неподалеку от Хатунок проживал другой толстовец-одиночка Андрей Буткевич. Он увлекался толстовским учением во время своего обучения на медицинском факультете Московского университета, но в отличие от многих других толстовцев окончил курс и стал врачом. С лета 1889 г. Буткевич поселился на хуторе с 15 десятинами земли, отделенными от имения его отца. Хутор Буткевичей находился в сельце Русаново Крапивенского уезда, близ самой Крапивны. Вместе с Буткевичем поселилась и его жена Е.В. Рахманова, сестра В.В. Рахманова. А с ними еще один толстовец С.И. Рошин, крестьянин Ардатовского уезда Нижегородской губ.

А.С. Буткевич достаточно подробно описал этот период своей биографии в воспоминаниях о толстовстве¹⁵⁷, истории одного издательства¹⁵⁸, начале революционной деятельности¹⁵⁹. Изолированность хутора и нежизнеспособность толстовских идеалов, по словам Буткевича, приносили неудовлетворенность в их жизнь. «Единственной работой, придававшей смысл нашему существованию, немного его скрашивавшей, была переписка и издание на гектографе сочинений Толстого»¹⁶⁰. Полиция быстро узнала о печатании запрещенных цензурой сочинений¹⁶¹, но обыск на хуторе Русаново не дал результатов, Буткевичу удалось вовремя спрятать гектограф и листы.

---

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 1379. Л. 5-6.

¹⁵⁶ Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917-1929 гг.) Ульяновск, 2008. С. 117.

¹⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 10. 74 л.

¹⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 9. 30 л.

¹⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 11. 28 л.

¹⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 9.

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 15. 16.

Однако сама замкнутая жизнь толстовцев вызывала подозрения. В Департамент полиции периодически сообщалось что-то вроде: «Буткевич с Роциным ругают священников, называя их дьяволами, а всех христиан "идолопоклонниками", за поклонение изображениям, написанным на досках», или «Буткевич с Роциным не оставляли пахать свое поле даже в первый день пасхи и только вследствие укора проходившего мимо их крестьянина оставили работу»¹⁶². Подозрительными были и постоянные контакты обитателей Русаново с самим Толстым, М.В. Булыгиным и другими местными толстовцами.

Несмотря на это, А.С. Буткевич оставил жизнь «на земле» не под давлением полиции, а добровольно. «Быстро рассеялись иллюзии освобождения человечества от рабства и эксплуатации путем единоличного или группового нравственного перерождения, — писал он, — одна за другой, как мыльные пузыри, полопались толстовские колонии. В 95 году я уже отошел от толстовства и погрузился в земскую врачебную работу»¹⁶³. К жизни на земле Буткевич больше не вернулся, вслед за земской практикой его поглотила революционная деятельность. В советские годы он жил и работал в Москве, издавал научные и публицистические работы.

Вместо Андрея Буткевича в Русаново на всю свою жизнь поселился его старший брат Анатолий¹⁶⁴. Бывший народоволец, сосланный в 1881 г. за распространение революционной литературы, который увлекся толстовством в конце 1880-х гг. За этим последовало участие Анатолия Буткевича в Глодосской общине. После ее ликвидации он работал столяром и вел «цыганскую» жизнь, а затем поселился в Русаново вместе со своей гражданской женой Е.Ф. Штыкиной¹⁶⁵.

Их жизнь на хуторе не изобиловала событиями и производила удмиротворяющее впечатление тихой семейной жизни. Первое время Буткевичи, согласно сведениям не-

¹⁶² ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 29, 30.

¹⁶³ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 11. Л. 15.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 16.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 95 (1897 г.). Д. 1157. Л. 2-2об.

гласного наблюдения¹⁶⁶, продолжали жить толстовскими идеалами: не венчались, не крестили детей, не признавали церковных обрядов. Много внимания они уделяли воспитанию своих четырех детей: Вениамина, Рафаила, Серафимы и Льва.

В отличие от своего брата Анатолий Буткевич не жаждал общественной деятельности и более всего увлекался сельским хозяйством, посвятив всю свою жизнь пчеловодству. Буткевич добился на этом поприще заметных успехов: регулярно писал статьи для сельскохозяйственных журналов, издавал брошюры, занимал должность инструктора и обучал пчеловодству желающих лиц. В своем прошении, сохранившемся в архиве полиции, он писал: «Я живу на хуторе своего отца, всецело отдавшись практическим занятиям и литературной обработке материала по хозяйству на большой пасеке, доходы с которой служат почти единственным источником средств для меня и моей семьи»¹⁶⁷.

Со временем по инициативе Е.Ф. Штыкиной была взята прислуга, «легализован» брак и дети, т.е. проведены обряды венчания и крещения. На этот счет в своих воспоминаниях А.С. Буткевич писал: «Спросят, как я относился к этим шагам, не входившим в нашу первоначальную жизненную программу. Конечно, мне было тяжело их делать. <...> Но лучше ли было бы, если бы в этом вопросе я проявил фанатическое упорство и заставил бы Лизу страдать не столько, конечно, за себя, сколько за детей?»¹⁶⁸ Несмотря на эти компромиссы, Буткевич оставался близок толстовству всю свою жизнь, это видно и из круга знакомств, и из тональности его обширных воспоминаний.

С 1907 г. в Русаново поселился и несколько лет работал в качестве «интеллигентного работника» К.Ф. Конашевич, сосланный в Тульскую губ. Буткевич отмечал, что «в нем почувствовали хорошего человека. <...> Все отзывались о нем очень хорошо»¹⁶⁹. В совет-

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 95 (1897 г.). Д. 1157. Л. 52, 56.

¹⁶⁷ Там же. Л. 34об.

¹⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 405об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 469об.

ский период Конашевич будет писать статьи для толстовских журналов и станет участником общин.

В течение 1910-х гг. в жизни Буткевичей произошли перемены. Их старший сын Вениамин поступил на военную службу и ушел на фронт, позднее принял революцию и стал красным офицером. Но второй сын Рафаил был последовательным толстовцем. Отец вспоминал, что Рафа стал вегетарианцем еще с детства, несмотря на протесты матери¹⁷⁰. Затем он работал в детских трудовых колониях, в частности в известном приюте Снегири. Рафаил подписал толстовское воззвание против мировой войны и был арестован. Вскоре его выпустили под залог, но тюрьма надорвала и без того слабое здоровье молодого человека. При работе в детском госпитале он заразился корью, перешедшей в чахотку¹⁷¹. В 1916 г. этот 23-летний толстовец, успевший «снискать всеобщую любовь»¹⁷², скончался.

Возникновение толстовских общин в конце 1880-х гг. сопровождалось появлением в тех же регионах нескольких индивидуальных поселений. Их участники, по-видимому, были близки к толстовству какое-то время, но сведения об этом отрывочны.

Летом 1888 г. по инициативе студента Петровской академии С.А. Бабанина в его обширном имении вблизи ст. Искровка Полтавской губ. поселились на лето несколько его друзей, В. Пилипенко, В.Х. Яблонский, некто Смаковский, и занялись сельским хозяйством. По окончании летних работ все эти лица разъехались¹⁷³. Дело Департамента полиции, содержащее переписку об этой колонии, получило громкое название «Об общине Полтавщина». Позднее Бабанин и Яблонский в 1890 г. участвовали в студенческих беспорядках, за что и были исключены из Петровской Академии¹⁷⁴. Тем не менее, помимо зем-

---

¹⁷⁰ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 501.

¹⁷¹ Там же. Л. 545.

¹⁷² *Булгаков В. Р.А.* Буткевич (1893-1916) // Единение. М., 1916. № 2. Стб. 91.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 102 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 305. 43 л.

¹⁷⁴ Там же. Л. 24об.

ледельческого труда, явных толстовских особенностей в жизни участников поселения замечено не было.

То же можно сказать о другом «культурном одиночке», одном из посетителей общины в Дугино, А.А. Таирове. Он не стал жить с толстовцами и в 1888 г. поселился самостоятельно в сельце Горки Весьегонского уезда Тверской губ.¹⁷⁵ Кроме хозяйства, Таиров занимался медицинской практикой, а потом был земским врачом.

С тверскими общинами толстовцев связан и А.В. Сабанеев, который вел самостоятельное хозяйство неподалеку от них. О нем упоминал В.И. Скороходов: «Бывший народник и известный земский деятель, жил в своем небольшом имении в 18 верстах от Твери. Стариком уже он проникся проповедью Л.Н. и стал вести простой образ жизни вместе со своей довольно молодой женой. Хозяйство вел он образцово, так что за 15 лет достиг небывалых для Тверской губернии урожаев. <...> Нужно было видеть, с каким благодушием и благодарностью по отношению к Толстому он рассказывал как хорошо он теперь себя чувствует, избавившись от барской жизни и найдя душевный покой. Особенно ценили его, как образцового хозяина небольшого клочка земли. Остальную землю он сдавал крестьянам на льготных условиях. Он умер 83-х лет, до конца жизни не изменив своих убеждений и по своим старческим силам всегда посильно участвуя в работах»¹⁷⁶. У Сабанеева проживал П.Н. Гастев¹⁷⁷ после лечения в психиатрической больнице, а прежде этого — будущий основатель колонии в Тобошево Л.П. Никифоров¹⁷⁸.

Одним из участников смоленской общины Шевелево был сын черниговского купца-старообрядца В.П. Золотарев. Его родной брат Максим также принял участие в движении «на землю». М.П. Золотарев в юности ушел от родителей и поступил на мануфактуру в Москве. Еще

---

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 579. Л. 1а-1г.

¹⁷⁶ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1915. № 5. С. 87-88.

¹⁷⁷ Там же. С. 88.

¹⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 1792. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 6-7.

прежде своего брата М.П. Золотарев увлекся толстовством и поселился со своей женой на хуторе Алачково Серпуховского уезда Московской губ. в 1889 г.¹⁷⁹ Его толстовство выражалось «в упрощении костюма, в физическом труде, в простом обращении с рабочими и прислугой, и отрицательном отношении к обрядности и церковным служителям»¹⁸⁰. Хутор Золотарева, располагавшийся между Тулой и Москвой, неоднократно посещал Толстой. В одном из писем к Хилкову писатель выражал недовольство, что М.П. Золотарев «не берет к себе жить людей курящих и пьющих»¹⁸¹. Дата ухода Золотарева с хутора точно не установлена, это произошло в течение второй половины 1890-х гг. из-за сложных взаимоотношений с женой. В итоге «он сам бросил жену и детей и сошелся с другой женщиной <...> оставив жене хутор и все имущество»¹⁸².

Периодически занимался земледельческим трудом другой известный толстовец, относящийся скорее к «теоретикам», Ф.А. Страхов. Он увлекся толстовством после общения с И.М. Клопским и придерживался тех же убеждений всю свою жизнь, регулярно публикуя работы по религиозно-философским вопросам.

В 1890 г. Страхов вступил в брак с Л.Ф. Авиловой и переселился в станицу Бурацкую Донской обл. По воспоминаниям дочери, здесь он «стал жить простой трудовой жизнью, обрабатывая маленький кусок земли»¹⁸³. Но зимой Страхов отправлялся в Москву, где работал в публичной библиотеке. В 1897 г. Страховы переселились в станицу Урюпинскую той же области, где прожили до своего окончательного переезда в Москву в 1904 г.¹⁸⁴ Земледельческий образ жизни по-прежнему занимал определенное место в жизни Страхова. Например, он рассказы-

---

¹⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 24. Л. 2.

¹⁸⁰ Там же. Л. 2об.

¹⁸¹ Толстой Л.Н. Письмо Д.А. Хилкову // Полн. собр. соч. Т. 64. М., 1992. С. 277.

¹⁸² НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 24. Л. 2. Л. 2об.

¹⁸³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 40. Ед. хр. 19. Л. 11.

¹⁸⁴ Там же. Л. 11-11об.

вает другу Е.И. Попову о хозяйстве, отмечая: «С будущей недели у нас сенокос, и я с удовольствием мечтаю о том, как буду косить»¹⁸⁵.

В течение 1897–1904 гг. Страховым неоднократно интересовалась полиция в большинстве случаев из-за его корреспонденции. Например, из того же письма к Е.И. Попову усматривалось, что Страхов распространяет в станице сочинения Толстого и читает на собрании у молочан «Царствие Божие внутри вас». Напряженными для Страховых выдались ноябрь-декабрь 1899 г., когда по доносу местных жителей у них произошли обыски¹⁸⁶. Затем зимой 1902–1903 гг. Страхов привлекался как подсудимый за богохульство на основании его статьи, найденной в рукописи у местного жителя. Но грозившей ссылкой в Сибирь ему удалось избежать, статья не была признана достаточным основанием¹⁸⁷. Сразу вслед за этим по требованию местного священника 13-летний брак Страховых был признан действительным на основании дальнего родства, но после ходатайства А.Ф. Кони расторнут не был¹⁸⁸.

Станица Урюпинская, ничем не примечательная на карте толстовских колоний, периодически все же упоминалась в толстовских текстах в течение дореволюционного периода. Например, сын местного офицера Б.С. Миронов познакомился здесь со Страховым и находился под его влиянием¹⁸⁹. Во вскрытом полицией письме Миронов пишет: «Федор Алексеевич Страхов открыл мне новый чудный мир, в котором я всегда чувствовал живейшую необходимость, но со своим слабым умом, я не в силах был разобраться в той ужасной лжи и путанице, в которых вырос сам и видел окружающих меня людей»¹⁹⁰. В «Яснополянских записках» от 2 апреля 1905 г. упоминается

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 11 (1891 г.). Д. 53. Л. 31.

¹⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1–13.

¹⁸⁷ Толстой Л.Н. Письмо Ф.А. Страхову // Полн. собр. соч. Т. 72. М., 1992. С. 296.

¹⁸⁸ Толстой Л.Н. Письмо А.Ф. Кони // Полн. собр. соч. Т. 74. М., 1992. С. 127.

¹⁸⁹ Толстой Л.Н. Письмо Д.С. Миронову // Полн. собр. соч. Т. 72. М., 1992. С. 455–456.

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. лнт. А. Л. 119

цкий молодой человек Романов, будто бы получивший 8 лет назад от Толстого совет «идти в Урюпинскую колонию на Кавказ»¹⁹¹. Вероятно, подразумевался как раз хутор Страховых. Дальнейшую жизнь Ф.А. Страхов не связал с движением «на землю», а посвятил религиозно-философским исканиям в русле толстовства, которому он был верен до самой своей смерти в 1923 г.

В 1891 г. в Департамент полиции поступили сведения о создании толстовской колонии в Костромской губ. На последовавший запрос канцелярия Костромского губернатора представила сведения о двух местных толстовцах-одиночках¹⁹². Первым из них был П.И. Бирюков, впоследствии один из толстовских лидеров, известный биограф Толстого и активный антимилитарист. С конца 1888 г., решив «совсем порвать с городом, поселиться в деревне и работать на земле»¹⁹³, он поселился на хуторе, относящемся к родовому имению его семьи — усадьбе Ивановской Семеновской волости Костромского уезда. Кроме того, в отчете говорилось, что «одевается Павел Бирюков очень просто, придерживается одежды простого крестьянина и ходит нередко босиком». С местными жителями у него сразу же установились хорошие отношения: «Окрестные крестьяне одобряют Павла Бирюкова, по словам их, Бирюков много делает им добра и помощи, имению, раздает голодным хлеб, лечит больных и дает лекарства безвозмездно, навещает их. И, в какое бы время не пришли к нему, никогда не откажет в помощи, но сожалуют, что он не признает, как они выражаются, их религии, заключают же об этом по тому, что Павел Бирюков в церковь не ходит, не почитает праздничных и воскресных дней, во время их работает и даже в Светлос-Христово Воскресенье возит навоз на поле»¹⁹⁴.

---

¹⁹¹ Яснополяские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. 1. С. 231.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 4. 24 л.

¹⁹³ Толстой Л.Н. Письмо Бирюкову П.И. // Поли. собр. соч. Т. 63. М., 1992. С. 227.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 4. Л. 15об.-16об.

Вместе с Бирюковым в 1891 г. жил Н.Н. Кулагин, который предпочел земледельческий труд, а не работу в Полтавской столярной мастерской¹⁹⁵. Исследователь Альфред Сени в своей статье о Бирюкове утверждал, что толстовец в своем имении организовал «процветающую коммуну»¹⁹⁶. Это утверждение не соответствует действительности. Но, несмотря на это, оно по неизвестной причине регулярно воспроизводится в работах западных историков толстовства¹⁹⁷. В разное время у Бирюкова действительно проживали и работали по крайней мере трое других толстовцев. Однако, как заметили в местной полиции: «Попыток основать колонию последователей учения графа Л. Толстого с его стороны не замечено»¹⁹⁸.

Осенью 1895 г. Бирюков будет вынужден окончательно покинуть свой хутор. Со временем он приобретет в толстовских кругах большой авторитет и станет скорее толстовцем-«теоретиком». Подобно Страхову, он так и не вернулся к земледельческому труду, а отдал все свои силы общественной деятельности.

Другими лицами, которые сначала жили у Бирюкова, а затем основали собственный хутор, были И.Д. Ругин и его гражданская жена С.П. Зорринг, бывшие участники общины в Шевелево. В марте 1892 г. Ругин купил небольшой участок земли в 10 десятин в дер. Машихино Клеванцовской волости Кинешмовского уезда Костромской губ., а потом приобрел еще один небольшой участок неподалеку¹⁹⁹.

Местный священник в своем рапорте сетовал на неисполнение толстовцами церковных обрядов. Ругин и Зорринг не венчались и родившегося ребенка не крестили. Кроме того, в ходе дознания отмечалось: «Ругин

---

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 4. Л. 2об.

¹⁹⁶ Senn A.E. P.I. Biriukov: a Tolstoyan in War, Revolution and Peace [Electronic resource] // Russian review. Vol. 32. № 3. 1973. P. 280. URL: <http://www.jstor.org/stable/128249>.

¹⁹⁷ Alston Ch. Tolstoy And His Disciples: The History of a Radical International movement. L. - N.Y., 2014. P. 27.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 4. Л. 18.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 85 (1897 г.). Д. 1111. Л. 2.

собственноручно занимается крестьянскими работами, хотя и неумело, и из купленных у [местного помещика] Пушкина 20 десятин, 15 уже продал. На 5 десятинах вести хозяйство и иметь от него какую-то пользу нет возможности, равно нельзя существовать Ругину своим собственным трудом без денежных средств»²⁰⁰. Говорилось и о том, что Ругин стремится завоевать доверие местных крестьян с целью пропаганды среди них. Поэтому он охотно дает им деньги в долг, распространяет толстовскую литературу и читает ее на крестьянских собраниях²⁰¹.

Однако вернее было бы сказать, что Ругин, подобно многим толстовцам, всего лишь не скрывал своих убеждений и просто «распространялся перед несведущими крестьянами о своих взглядах на религию»²⁰², а задачи обратить их в толстовство перед собой не ставил. К тому же, как говорилось в отчете, крестьяне д. Машихино относились к нему равнодушно, а в соседней д. Татариново считали его «нехристом-еретиком»²⁰³.

Дата ухода Ругина со своего хутора в Костромской губ. точно неизвестна. Скорее всего, это произошло в 1894 или 1895 гг. Судя по его анкете, после этого он работал в издательстве «Посредник», с 1899 г. перешел в баптизм, а в 1902 г. вернулся к православию²⁰⁴.

В конце 1880-х гг. под влиянием Толстого оставил работу в Москве и переселился в свое имение Алмазовка Воронежской губ. врач-психиатр А.И. Алмазов. Занимаясь сельским хозяйством, он прожил здесь до конца своей жизни²⁰⁵. А.Н. Дунаев так рассказывал о душевном переводе Алмазова: «Человек, у которого 51 год за плечами, кремень по характеру, резавший правой рукой свою большую левую так же бесстрастно, как бы краюху хлеба,

---

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 4. Л. 20об.

²⁰¹ Там же. Л. 20об.

²⁰² Там же. Л. 20об.

²⁰³ Там же. Л. 22-22об.

²⁰⁴ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 38. Л. 1.

²⁰⁵ *Талгоя ЛН Письмо А.И. Алмазову / Полн. собр. соч. Т. 69. М., 1992. С. 143.*

и он, когда мы ехали на станцию и когда я заговорил с ним о Л.Н., не мог ответить мне, потому что плакал»²⁰⁶

Вместе с ним поселилась его жена О.В. Алмазова и их сын. Их знакомый К.П. Злииченко утверждал, что и отец, и сын Алмазовы являлись толстовцами²⁰⁷. Здесь же некоторое время проживал упомянутый выше С.И. Рошин и А.Г. Макеев²⁰⁸, впоследствии уехавший на Кавказ. А.И. Алмазов умер в 1900 г., спустя 11 лет жизни «на земле», его жена скончалась в 1908 г.²⁰⁹, о судьбе их сына сведений не было найдено.

В 1892 г. в деревне близ ст. Меглецы Новгородской губ. поселился медик, выпускник университета П.М. Ледерле²¹⁰ со своим братом, инвалидом Альбертом. «32-х лет от роду, 15 мая 1892 г. я распростился с Петроградом, твердо решил не навещать его вовсе и с головой окупился в радости сельской жизни»²¹¹, — пишет он. Судя по его небольшим воспоминаниям и письмам к Черткову от 1934 г.²¹², он прожил здесь до самой старости вместе с молодой женой и тремя детьми.

Ледерле занимался преимущественно сельским хозяйством, воспитывал детей в трудовой обстановке, лечил и обучал в школе местных крестьян. По-видимому, жизнь в деревне давалась П.М. Ледерле относительно легко: «На десятом году моей сельской жизни, когда я особенно хорошо себя чувствовал и сознал, что все же всем этим я обязан Толстому, что именно он натолкнул меня на эту жизнь, я написал Л.Н. благодарственное письмо, приурочив его к 28 августа [день рождения Толстого], и вскоре получил ответ. Ответ этот я считаю самым ценным из всего, что имею при себе, одной из лучших наград»²¹³.

²⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 72. Ед. хр. 50. Л. 2-2об.

²⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 114.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5 (1896 г.). Д. 266. Л. 17

²⁰⁹ Толстой Л.Н. Письмо О.В. Алмазовой // Полн. собр. соч. Т. 72. М., 1992. С. 373

²¹⁰ Толстой Л.Н. Письмо П.М. Ледерле // Полн. собр. соч. Т. 74. М., 1992. С. 194.

²¹¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 18. Л. 1

²¹² РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1863. Л. 31

²¹³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 18. Л. 1

Одним из друзей-единомышленников и соседей П.М. Ледерле был Б.А. Тевяшов²¹⁴. Ранее он, будучи морским офицером, присутствовал при отказах от военной службы двух матросов Захарова и Тригубова²¹⁵. Причины его отставки точно неизвестны, но вскоре он поселился в имении Гусево при той же ст. Меглецы Новгородской губ., что и Ледерле. В 1913–1914 гг. Тевяшов искал единомышленников для образования колонии. В заметке А.А. Медведева о нем говорится: «Тевяшев, Борис Александрович. Ст. Меглецы Новгородской губ., усадьба Гусево. По убеждению близок Л.Н. Толстому. Имсет около 300 дес. земли, на которой живет с семьей как зажиточный крестьянин, хотя он "бывший" помещик. Свою землю и свой опыт предназначает для людей, из хороших побуждений желающих поселиться на земле. Таким образом, у него можно жить, участвуя в его хозяйстве или устроив на его земле более или менее самостоятельную колонию»²¹⁶.

Но предложение Тевяшова осталось не востребовавшимся. В апреле 1914 г. он, согласно сообщению Ледерле, покинул Гусево навсегда и отправился в Бэту Черноморской губ.²¹⁷ И.М. Переяславец запоздало поместил сведения о хуторе Тевяшова в журнале «Вегетарианский вестник» за 1914 г., добавив, что «климат суровый, южанам приезжать [Тевяшов] не советует»²¹⁸.

В 1894 г. в имении Т.Л. Толстой (деревня Овсянниково Тульской губ.) поселилась бывшая участница первой толстовской общины М.А. Шмидт²¹⁹. Шмидт, говорившая о себе «я не темная, я дремучая»²²⁰, прожила здесь до самой смерти в 1911 г., и за эти долгие годы спискала ува-

---

²¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 86. Ед. хр. 25. Л. 3.

²¹⁵ Толстой Л.Н. Письмо П.М. Ледерле // Полн. собр. соч. Т. 75. М., 1992. С. 492–493.

²¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 37.

²¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 77. Ед. хр. 62. Л. 16, 58.

²¹⁸ Переяславец И.М. На лоно природы // Вегетарианский вестник. Киев, 1914. № 3. Стб. 8.

²¹⁹ Горбунова-Посадова Е.Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 61.

²²⁰ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 211.

жение и любовь многих толстовцев, самого Толстого и его семьи. Полиция давала Шмидт следующую характеристику: «Ведет жизнь замкнутую, согласно учению Толстого, одевается как крестьянки, исполняет сама все домашние работы, как то: стирку белья, мытье полов, уборку скотины, собирает грибы и ягоды, которые вместе с произведениями своего огорода посылает для продажи на станцию "Козловка"; пищу употребляет исключительно растительную. Местные крестьяне отзываются о Шмидт, как о хорошей, доброй, богобоязненной, сострадательной к бедным старушке. Держит она себя между крестьянами обособленно, политических разговоров с ними не ведет, но охотно раздает крестьянским детям книжки народного, дешевого издания»²²¹.

Ярких событий в течение периода 1894–1911 гг. в жизни Шмидт не происходило, если не считать пожара в августе 1910 г., когда у нее находился В.А. Репин²²². Еще во время своей болезни в 1900 г. Шмидт написала заявление о своем отпадении от православной церкви, в котором просила похоронить ее без церковных обрядов²²³. Но умерла Шмидт позднее, 18 октября 1911 г., и ее прежнее пожелание было исполнено И.И. Горбуновым-Посадовым и П.А. Буланже. За этот поступок толстовцы были привлечены к суду, который вызвал некоторый общественный резонанс. Привлечение Горбунова-Посадова и Буланже поставило суд в двусмысленную ситуацию: «Шмидт сама завещала похоронить себя без церковных обрядов, почему возможно, что суд принужден будет оправдать привлеченных. Но в таком случае это оправдание явится как бы легализацией гражданских похорон. Если же суд вынесет обвинительный приговор, то это явится началом борьбы против Церкви. Как говорят, многие лица намерены категорически, в юридически оформленном виде, заявить о своем желании быть похороненными без церковных обрядов»²²⁴. Несмотря на до-

²²¹ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 95 (1897 г.). Д. 168. Л. 2.

²²² Яснополяские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. IV. С. 295.

²²³ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 33. Ед. хр. 37. Л. 1.

²²⁴ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123. Л. 63.

казательства невинности толстовцев, Горбунов-Посадов и Булатже были все же признаны виновными, но сроки их тюремного заключения оказались невелики²²⁵.

В 1895 г. кратковременно работал «на земле» К.П. Злииченко. Он увлекся толстовством под влиянием друга С. Яремича и арендовал клочок земли в д. Будаевка близ ст. Боярка Киевской губ.²²⁶ Сам Злииченко вспоминал, что они жили с матерью и сильно бедствовали: «В морозы я научился пить горячую, как огонь водку. Толстовство хорошо и очень приятно у теплого камелька, а не тогда, когда голод, холод и нищета хватают тебя за горло»²²⁷. В 1896 г. Злииченко познакомился с Толстым и занялся распространением его сочинений в Киеве, за что привлекался к суду вместе со студентами Киевского университета А.И. Петренко, И.З. Бычковым и Н.А. Вишняковым²²⁸. Затем Злииченко охладил к толстовским идеям²²⁹, в 1903 г. он вступил в большевистскую партию²³⁰, занялся антимилитаристской и революционной работой.

В 1900 г. с Толстым познакомился француз, сын и наследник богатого инженера В.А. Лебрэн, который затем некоторое время исполнял при писателе секретарские обязанности²³¹. Не удовлетворившись прежними занятиями, Лебрэн решил перейти к жизни «на земле». В течение 1905 г. он предпринял неудачную попытку поселиться у г. Батум²³², после которой нашел себе участок неподалеку от Геленджика — местечко Фальшивый Геленджик (Дивноморское). Здесь Лебрэн прожил со своей матерью по меньшей мере до конца Гражданской войны, а затем переехал во Францию.

---

²²⁵ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 353-355.

²²⁶ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 62.

²²⁷ Там же. Л. 69.

²²⁸ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 5 (1896 г.). Д. 266. 66 л.

²²⁹ РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 76.

²³⁰ Толстой Л.Н. Письмо Г. Броше // Полн. собр. соч. Т. 80. М., 1992. С. 134.

²³¹ Толстой Л.Н. Письмо В.А. Лебрэну // Полн. собр. соч. Т. 72. М., 1992. С. 251.

²³² Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. I. С. 350.

Кроме занятий сельским хозяйством, он продолжал писать статьи по различным вопросам, поддерживал отношения с толстовцами, которые жили в это время на Михайловском перевале и в Сочи. Весной 1912 г. его посетил В.Ф. Булгаков, отметивший, что Лебрен по-прежнему «имеет клочок земли, который и обрабатывает своими руками, только в исключительных случаях прибегая к наемному труду»²³³.

В журнале «Голос Толстого и Единение» за 1921 г. была помещена небольшая заметка: «В. Лебрен одно время был арестован "белогвардейцами" в качестве якобы "дезертира", и отправлен в Севастополь, где находились французские войска. Оттуда Лебрен был увезен своими соотечественниками на румынский фронт, но, разумеется, это не заставило его принять участие в войне, и когда представители французского правительства поближе познакомились с ним, они отпустили его восвояси. Лебрен вернулся в Россию и вновь занялся на "Фальшивом", где он прожил много лет, тяжелым трудом земледельца»²³⁴.

В Кавказско-Черноморском регионе создавались не только толстовские общины, артели и соседские поселения. Здесь в 1900-е гг. некоторые толстовцы организовывали и индивидуальные хозяйства. Бывший общинник В.И. Скороходов последние 15 лет своей жизни прожил с женой и детьми на хуторе близ Майкопа, в станице Ханской²³⁵. Несколько лет со Скороходовыми работал болгарский толстовец Христо Досев, женившийся на их дочери Марии²³⁶.

В 1921 г., предпоследний год бурной и полной исканий жизни Скороходова, другой его зять П.Н. Гастев писал про него: «Прошел весь цикл физических и общественных работ, теперь материально разоренный совершенно, довольный своим положением, чинит ханским бабам никуда

---

²³³ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 22.

²³⁴ Вести пробуждения // «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода» (Соединенный выпуск). Посвящается 10-летию со дня смерти Л.Н. Толстого. 1921. С. 29.

²³⁵ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 69. Ед. хр. 44. Л. 4об.

²³⁶ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 94. Ед. хр. 3. Л. 2.

ненужные башмаки, делает лодки, дощца для прях и тем удивляет всех ханских баб уверенных, что "старый Скороход все может делать". Он зимой пожил у нас недели две и отбыл в очень хорошем расположении духа. Вообще его теперь состояние похоже на то, когда мы с ним без копейки в кармане пришли в Нальчик в 92 году и делали все, что нам подвертывалось под руки, с тою только разницей, что тогда делали все из-за нужды для семей, а теперь он делает для того, чтобы угодить другим в такие тяжелые годы»²³⁷.

Приблизительно в то же время жил близ Майкова увлекшийся толстовством народоволец И.И. Петрожицкий. Ранее он переехал на Кавказ и в итоге занялся сельским хозяйством²³⁸.

С конца 1900-х гг. близ Криницы проживал М.П. Кожушко. Он поселился здесь после ссылки 1905 г., вырвавшей его из жизни на Михайловском перевале²³⁹. В революционные годы, как вспоминает Н.З. Сычугова, Кожушко был уже председателем Криницы, но покинул ее перед слиянием с толстовской артелью М.Н. Иванова²⁴⁰.

В 1911 г. в деревне Хмелевое Татьевской волости Тульского уезда и губ. поселился упомянутый выше С.М. Соломахин. Его отец зажиточный крестьянин, молоканин М.Ф. Соломахин предлагал сыну 70 десятин земли уже в 1909—1910 гг. Однако С.М. Соломахин, работавший тогда банковским служащим, отказывался от земли «на религиозном основании»²⁴¹. В 1911 г. Соломахин частично принял предложение отца и занял 17 десятин с «барским домом» и готовыми постройками.

Журналист Г. Лебедев писал: «С С.М. работает одна интеллигентка, да малоросс крестьянин. Наемного труда С.М. не допускает. <...> Стол, конечно, вегетарианский.

²³⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 69. Ед. хр. 44. Л. 4об.-5.

²³⁸ Толстой Л.Н. Письмо И.И. Петрожицкому // Полн. собр. соч. Т. 73. М., 1992. С. 28.

²³⁹ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 153-154.

²⁴⁰ Сычугова Н.З. Что я помню о Кринице: записки-воспоминания. Новороссийск, 2005. С. 28.

²⁴¹ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. IV. С. 224.

Яиц не едят. Некоторые и молоко даже не пьют. <...> Все у С.М. свое. И он очень доволен своей жизнью. Жизнерадостен, энергичен, полон веры в себя»²⁴².

В отличие от богатого отца С.М. Соломахин стал все же не молоканином, а толстовцем. Как афористично сказал Толстой: «Отец его хлыст, а он рационалист»²⁴³. Толстовцем считал Соломахина и Г. Лебедев, корреспондент журнала «Жизнь для всех». Да и круг общения подтверждает толстовские взгляды Соломахина. Он находился в тесном общении с самим Толстым и толстовцами из имения Телятинки²⁴⁴, а позднее — с участниками Хмелевской артели, земля которой прилегала к его владению²⁴⁵. У Соломахина продолжительное время жили и работали толстовцы-странники С.М. Попов и Л.В. Пульнер²⁴⁶.

Пребывание С.М. Соломахина в Хмелево закончилось в 1915 г. Среди материалов Хмелевской артели имеется следующая записка Чертковых: «В 1915 году нами была куплена другая часть имения Хмелевое у С.М. Соломахина. Из этого участка мы также отдали Хмелевской земледельческой артели 12 десятин пахотной земли»²⁴⁷. Скорее всего, речь идет о покупке всех 17 десятин земли, принадлежавших в Хмелево Соломахину.

Некоторые сведения имеются об еще одном толстовце-одиночке А.Ф. Макарове. В течение 1912 г. он поселился «на земле» в Астраханской губ. и хотел создать здесь интеллигентную вегетарианскую общину²⁴⁸. Еще 3 мая 1908 г. он обратился к Толстому с вопросом об отношении к «христианским общинам»²⁴⁹, а в начале 1913 г. Макаров

---

²⁴² Лебедев Г. Яснополянские крестьяне и телятинские толстовцы // Жизнь для всех. СПб., 1913. № 7. Стб. 990.

²⁴³ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. IV. С. 224.

²⁴⁴ Лебедев Г. Яснополянские крестьяне и телятинские толстовцы // Жизнь для всех. СПб., 1913. № 7. Стб. 989-990.

²⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 21, 25.

²⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 65.

²⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 29.

²⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 44. Л. 1-2об.

²⁴⁹ Толстой Л.Н. Письмо А.Ф. Макарову // Поли. собр. соч. Т. 78. М., 1992. С. 338.

вступил в переписку с В.Г. Чертковым²⁵⁰ и А.А. Медведевым²⁵¹. В ходе нее он подробно рассказал о своем поиске единомышленников и о приобретенной им земле на одном из островов Нижней Волги. Хутор Макарова располагался по адресу: п.о. Харабали Астраханской губ., Енотаевский уезд, село Сосколи, имение Буковское.

Судя по всему, Макаров был практичным человеком и хорошо представлял себе будущую жизнь предполагаемой колонии, но найти единомышленников ему так и не удалось. В письме от 19 июня 1914 г. он повторно обращается к Медведеву с другой просьбой — порекомендовать ему землю на юге России для покупки²⁵². Так что А.Ф. Макаров и О.И. Блохина, проживавшая с ним на хуторе, так и остались «культурными одиночками».

Вероятно, осуществлению планов Макарова помешала еще и начавшаяся Первая мировая война и, к сожалению, не только ему. Остается только гадать о том, насколько велико число несостоявшихся из-за войны колоний и каково число толстовцев, которые ушли из действовавших поселений на фронт или попали в тюрьму за отказ от службы в армии. Так или иначе, сведений о появлении толстовских хуторов в период с середины 1914 до октября 1917 гг. не было обнаружено.

4.3. Толстовцы-странники

С движением толстовцев «на землю» было неразрывно связано странничество. Оно являлось кульминацией толстовского идеала «единения», его своеобразным апофеозом. Как писал Д.А. Хилков, чтобы осуществить толстовские принципы наиболее полно и последовательно, «надо быть анархистом-христианином не на словах или в теории, а быть им на деле, то есть быть нищим-бродягой, а никак не мечтать об общине и не заниматься хозяйством»²⁵³.

²⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 43. Л. 1-8.

²⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 44. Л. 1-2об.

²⁵² НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 46.

²⁵³ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. Вып. 1. Сергиев Посад, 1915. С. 14-15.

Тем не менее, лишь единицы из последователей Толстого избирали образ жизни странника. Вопреки тому, что Толстой и многие толстовцы сочувствовали странничеству, единодушного одобрения это явление в толстовских кругах все же не получило. Например, в программном документе эмигрантов-толстовцев, составленном П.И. Бирюковым, говорится: «Есть форма жизни бродячая, для одних она представляет высший идеал, для других она может послужить соблазном праздности, гордости и распушенности»²⁵⁴. Главной же причиной малочисленности толстовцев-бродяг была сама сложность этого пути. Для толстовцев из мещан, дворян и рабочих оказывался непростым даже переход к земледельческому труду. А идеал странничества требовал еще большего: отказа от имущества, документов, места жительства и средств передвижения. Словом, превращения в юродивого, обреченного из-за своих толстовских взглядов на бесконечные столкновения с церковью и полицией. Вместе с тем этой уникальностью толстовцев-странников и объясняется то особое внимание, которое уделяли им современники.

Первым бродягой-толстовцем стал И.М. Клопский, личность достаточно известная и в значительной мере загадочная. А.М. Горький изобразил его в своем произведении «Мои университеты»²⁵⁵, а Н.Е. Петропавловский-Каронин — в повести «Учитель жизни»²⁵⁶. По своему красноречива и полицейская справка о Клопском за 1891 г.: «Сын дьякона, потомственный почетный гражданин. Русский. Место постоянного жительства: Постоянного не имеет, разъезжая по Российской Империи, занимаясь земледелием. Занятия: Преимущественно земледелие и отчасти — литературный труд. Средства к жизни: Определенных не имеет. Собственности никакой нет. Холост»²⁵⁷.

---

²⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 377 Ед. хр. 16. Л. 14

²⁵⁵ Горький М. Мои университеты // Детство; В людях. Мои университеты: Пьесы. М., 1984. С. 476-479.

²⁵⁶ Каронин Н.Е. Учитель жизни // Русская мысль. СПб., 1891.

№ 1-4.

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. Оп. 188 (1891 г.). Д. 143. ч. 1. Л. 3.

И.М. Клопский родился в 1852 г., воспитывался в училище и духовной семинарии, а затем до 1879 г. обучался в Московском университете, но покинул его по собственному желанию. В 1879 г. он сделал неудачную попытку поселиться в Нью-Йорке²⁵⁸. Клопский и до знакомства с сочинениями Толстого был близок к движению «на землю», в 1882 г. он участвовал в не-толстовской земледельческой общине при с. Сербиновка Пирятинского уезда Полтавской губ.²⁵⁹

Однако Клопский стал известен полиции и общественности чуть позднее в качестве странствующего толстовца-пропагандиста. Приблизительно в середине 1880-х гг. он увлекся толстовскими идеями и почти сразу начал вести образ жизни бродяги. География его странствий в конце 1880-х и начале 1890-х гг. включает, пожалуй, все сколько-нибудь значимые, толстовские места Центральной России²⁶⁰. Он посещал общины Дугино, Тобошево, Шевелево, жил на Байрачном хуторе у М.В. АLEXИНА и в Полтаве у А.А. Волкенштейна, был в Павловках у Д.А. Хилкова.

Любопытную характеристику Клопского оставил Андрей Буткевич: «Кто он был, откуда явился, чем занимался, остается для меня тайной и до сих пор. Одно несомненно: это был бродяга по натуре, своего рода вечный жид, обрыскавший, кажется, все толстовские колонии. <...> Безобразный всем безобразием Мефистофеля, с тронутым оспой лицом, тонким хищным носом, ярким, каким-то демоническим блеском глаз и вечной саркастической улыбкой на губах, он производил на меня жуткое впечатление. Одна наша знакомая, испуганная его внезапным появлением, не называла его потом иначе, как "фатальной фигурой". <...> Но что делало Клопского действительно неотразимым, победоносным, так это поразительная сила логики. Это был гениальнейший софист. В спорах он никогда прямо не возражал. С какой-то дьявольской усмешкой Сократовским методом последова-

²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. Оп. 188 (1891 г.). Д. 143. ч.1. Л. 4.

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 305. Л. 12об.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 6 ч. 497. Л. 1-113.

тельных вопросов и утверждений, он заставлял растерявшегося, затравленного противника разбивать самого себя, признавать ложь правдой и правду ложью»²⁶¹.

Подобным образом отзывался о Клопском и В.И. Скороходов: «Многие его поступки посили характер какого-то чудачества. Он большею частью старался довести людей до раздражения, до ссоры, объясняя это тем, что люди привыкли лицемерить и высказывать только свои хорошие стороны, а потому, если хочешь узнать человека, каков он в действительности, нужно вывести его из себя, и тогда он покажет свою истинную сущность. Выводить людей из себя удавалось ему в совершенстве. Подметив какую-нибудь слабую сторону, он так умел задеть ее, что доводил человека до крайнего раздражения»²⁶².

Странничество Клопского объяснялось и его неуживчивостью с людьми. В толстовских текстах нередко негативные отзывы о нем, например: «Когда же являлись люди вроде Клопского, то мы гнали их, называли сумасшедшими за то, что они разбивали наших ложных, ничего не дающих нам Богов. Клопский не наш, он идет по другой дороге, по какой — я еще не ясно определил себе, а потому и говорить не буду»²⁶³. Или: «Иван Михайлов Клопский, я его знаю лично, это психопат, болтуш и ни к чему серьезному не способен, он толкался во всех колониях толстовцев, о которых только знал, но отовсюду его выгоняли за тунеядство и болтовню»²⁶⁴.

Некоторые толстовцы подозревали, что Клопский сотрудничает с полицией. Позднее это мнение воспроизводил Б.А. Дунаев в своих обличительных воспоминаниях о толстовцах²⁶⁵. Сам же Толстой отвечал на этот счет Хилкову: «Мое впечатление то, что он [Клопский]

²⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 51-52.

²⁶² *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг. 1914. № 8-9. С. 120.

²⁶³ ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. Оп. 188 (1891 г.). Д. 190. Л. 66.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 6 ч. 497. Л. 17.

²⁶⁵ *Дунаев Б.* Люди и людская пыль вокруг Льва Толстого М. 1927. С. 50.

не агент, а только путанный человек и такой, с которым желательно иметь как можно меньше дела до тех пор, пока ему не нужна помощь. Решать же этот вопрос не нахожу нужным»²⁶⁶. М.Л. Толстая рассказывала в письме, что зимой 1894—1895 гг. в конторе издательства «Посредник» происходило даже заседание, «в котором Клопский защищался против обвинений на него, что он агент тайной полиции». Она добавляла: «Я понимаю, как ему должно быть тяжело общее отчуждение и одиночество, его и так никто не любит»²⁶⁷. С одной стороны, явных подтверждений того, что Клопский был провокатором, не найдено — напротив, полиция следила за ним наравне с другими толстовцами. С другой стороны, в полицейском архиве сохранилась подробная запись со слов Клопского о составе и деятельности ряда толстовских общин²⁶⁸, что необычно и несколько подозрительно.

Очевидно, враждебность по отношению к Клопскому стала причиной его скоро отъезда в Америку. Последние сведения полиции о местонахождении Клопского относятся к апрелю 1896 г. Согласно им, он проживал в Петербурге, а писатель А.И. Фаресов будто бы вызвал его на дуэль²⁶⁹. После этого Клопский уехал в Калифорнию, где продолжил вести прежний образ жизни. Заработав себе денег, он отправлялся странствовать и проповедовать, но не получал отклика у местных жителей. Какое-то время жил в будке из картона в парке Лос-Анжелеса, а после столкновения с полицией оказался в сумасшедшем доме²⁷⁰. В 1898 г. Клопский попал под трамвай, потерял обе ноги и вскоре умер²⁷¹.

Для Клопского странничество было стилем жизни в течение нескольких лет. В отличие от него, некоторые

---

²⁶⁶ Толстой Л.Н. Письмо Д.А. Хилкову // Полн. собр. соч. Т. 68. М., 1992. С. 47.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 6 ч. 497. Л. 96.

²⁶⁸ Там же. Л. 30-32.

²⁶⁹ Там же. Л. 113.

²⁷⁰ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 120-121.

²⁷¹ Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Ге (сыну) // Полн. собр. соч. Т. 65. М., 1992. С. 227.

участники толстовских колоний становились бродягами эпизодически, только на короткое время. Вообще, пешие путешествия между колониями были характерным явлением, они позволяли толстовцам отдохнуть от совместной жизни с единомышленниками. Чаще всего толстовцы, покидая общины, имели определенный пункт назначения, но иногда они уходили от единомышленников и ради самого странствия.

Около двух месяцев странствовал В.И. Скороходов после своего ухода из основанной им колонии на Мызе-Кубач осенью 1891 г. Он вспоминал: «В морозный осенний день я до света вышел с Мызы, поклонился, мысленно прося прощения у спавших, невинных детей, у всех покидаемых мною друзей и врагов, и пошел по дороге без определенного направления, без намеченной цели, лишь только бы уйти»²⁷². Остываясь в крестьянских избах, он читал и раздавал Евангелие и везде, по его рассказам, получал теплый прием. «Горе мое умиротворялось той истинной любовью в людях во имя Христа, которая не может быть заглушена ни нуждой, ни различными обрядами, так как только ей люди живы»²⁷³, — с теплотой вспоминал он об этом кратковременном периоде своей жизни.

В сходных обстоятельствах покинул в 1890 г. свою общину в Шевелево А.В. Алехин. Формально он объяснял свой уход тем, что тяготится положением официально-собственника земли, ведь это являлось компромиссом с его совестью²⁷⁴. Но, пожалуй, уместнее было бы сказать, что Алехина подтолкнуло к уходу накопившееся за два года недовольство общинников по отношению к нему. Сделав дарственную на имена нескольких оставшихся участников Шевелево, Алехин отправился странствовать, сначала был в Крилице, а затем путешествовал по сек-

---

²⁷² *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг. 1914. № 12. С. 71.

²⁷³ Там же. С. 73.

²⁷⁴ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг. 1914. № 8-9. С. 126.

тантским общинам. Андрей Буткевич рассказывал, что «громадная начитанность Алехина в св. писании и его вдохновенное красноречие, создали его проповеди такой успех среди сектантов, что в одной хлыстовской общине хлыстовская богородица провозгласила его Христом и ему немалых трудов стоило скрыться тайком от своих новоявленных поклонников»²⁷⁵.

Но, если для Скороходова путешествие окончилось примирением со своей семьей и с толстовцами, то странствия Алехина обернулись решительным отказом от толстовских взглядов. Во время странствий Аехин «побывал у какого-то старца, имевшего на него большое влияние, так что он — ярый толстовец — года через два перешел в православие и собирался тоже стать старцем, но судьба не сумела привести это намерение в исполнение и он, оставив свои религиозные искания, сделался видным общественным деятелем в Курске»²⁷⁶.

В этом отношении любопытны три письма, которые впоследствии Аехин написал курскому губернатору. В них он уверял адресата в своей вере в благотельность самодержавия и православия, стремился заретушировать или скрыть толстовские факты своей биографии: основание общины, отказ от присяги, бродяжничество²⁷⁷. Толстовец А.С. Буткевич, натолкнувшийся на нерадушный прием у А.В. Алехина, сделал вывод, что им «прошлое было настолько глубоко похоронено, что всякое напоминание о нем было неприятно»²⁷⁸.

Кратковременно вел страннический образ жизни Л.А. Сулержицкий, не участвовавший в толстовских колониях. Увлечшись толстовством приблизительно в 1888 г., в возрасте 16 лет он устроился работником к одному из знакомых крестьян, но продолжил получать образова-

²⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 54.

²⁷⁶ *Скороходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 126-127.

²⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 81 (1885 г.). Д. 1121. Л. 68, 72-73, 74-75.

²⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 10.

ние и заниматься живописью²⁷⁹. Прожив такой жизнью 6-7 лет, он пришел к выводу, что «ручной труд и умственная деятельность очень легко совмещаются, и только выигрывают от этого»²⁸⁰.

В 1890 г. Сулержицкий поступил в Школу живописи, ваяния и зодчества, где обучался вместе с Т.Л. Толстой. Но в 1894 г. он был исключен за якобы «дурное поведение и неприличное отношение к преподавателю»²⁸¹. Затем он был призван к отбыванию воинской повинности, от которой сначала упорно отказывался. Но уже в психиатрической больнице под давлением отца все же принял присягу²⁸². В 1898 г. Сулержицкий участвовал в переселении духоборов в Канаду, о чем написал небольшие воспоминания²⁸³.

Период его странничества пришелся на рубеж XIX—XX вв. и длился по меньшей мере до 1901 г. В примечаниях к письмам Толстого от 28 июня 1901 г. есть запись: «Сулержицкий на Днепре, переходя с места на место, помогал крестьянам в полевых и домашних работах, обучал грамоте, вместе с бурлаками тащил баржи»²⁸⁴. Но вскоре он оставил странничество. Затем женился и стал работать помощником режиссера, а позже и режиссером Московского академического театра²⁸⁵. Но даже значительно позднее, 27 декабря 1909 г., Сулержицкий признавался Бонч-Бруевичу: «Я все мечтаю и мечтаю о земле. Боже мой, как я еще не устал мечтать об этом»²⁸⁶. 17 декабря 1916 г. в возрасте 44 лет он скончался.

В течение 1891 г. длинное странствие предпринял 18-летний гимназист увлекшийся толстовскими идеями С.Г. Громан. О своем путешествии он написал подробные

---

²⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 339. Ед. хр. 44. Л. 5-6.

²⁸⁰ Там же. Л. 3.

²⁸¹ *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1976. С. 471.

²⁸² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 406. Ед. хр. 5. 30 л.

²⁸³ *Сулержицкий Л.А.* В Америку с духоборами [Электронный ресурс]. М., 1970. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sulerzhickij_l_a/text_0070.shtml

²⁸⁴ *Толстой Л.Н.* Письмо Л.А. Сулержицкому // Полн. собр. соч. Т. 73. М., 1992. С. 91.

²⁸⁵ *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1976. С. 296.

²⁸⁶ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 339. Ед. хр. 44. Л. 27.

и яркие воспоминания «Пешком по России»²⁸⁷. Желая изучить народ не по книжкам, а на собственном опыте, он отправился из центральной России на юг, по его словам, «куда глаза глядят, куда захочу, в глубину России, в села, в деревни, монастыри, города»²⁸⁸.

Громан проехал пешком через Ясную Поляну в Павловки к Д.А. Хилкову, а затем жил на хуторе Н.Н. Ге (сына). Этим толстовцам Громан дал любопытные характеристики, например, про Ге он несколько неожиданно писал: «Сын Ге не был толстовцем-непротивленцем, в нем сидел народник 70-х гг., демократ с революционной закваской. <...> Мне казалось, что само сидение на земле, обработка ее своими руками — для него бремя, вериги, которые надели на него его идеи и желание разрушить перегородку между шим и народом, и это бремя тяготило его. Он не был доволен своей жизнью и раздражался»²⁸⁹.

Дальнейших сведений о Громане практически нет. В материалах полиции конца 1890-х гг. упоминается политически неблагонадежный прапорщик С.Г. Громан, служивший в Новороссийской городской управе и посещавший колонии Криница и Юшковка²⁹⁰. Позднее Громан рассказывал, что с Толстым он больше не виделся, но в 1910 г. написал роман «Дитя», в котором полемизировал с точкой зрения писателя по половому вопросу. Свой роман Громан посвятил Толстому со словами «моему учителю и моему мучителю», но из-за семейных обстоятельств так и не успел до ухода писателя из Ясной Поляны отправить ему свое сочинение²⁹¹.

В середине 1900-х гг. после прочтения «В чем моя вера?» идеями Толстого увлекся гимназист С.М. Попов, который станет, пожалуй, самым известным толстовцем-странником дореволюционного периода. Сразу после знакомства с толстовскими идеями он покинул Петербург-

---

²⁸⁷ Громан С. Пешком по России // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 12. Т. 2. М., 1948. С. 331-362.

²⁸⁸ Там же. С. 332.

²⁸⁹ Там же. С. 358.

²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 12 ч. 1. Л. 31об.

²⁹¹ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 76-78.

скую гимназию и кардинально изменил свой образ жизни. Попов оставил своих родителей, его отец был столичным чиновником, кандидатом коммерции. На первое время он устроился работником к женщине, содержавшей животных, а затем отправился в долгое странствие по земледельческим колониям²⁹². Как вспоминал В.Ф. Булгаков, в отличие от многих толстовцев Попов «понял, как важна, помимо чисто внешней последовательности, эта скрытая от других людей внутренняя работа над собой»²⁹³.

С одной стороны, бродячая жизнь молодого толстовца внешне была очень схожа со скитаниями И.М. Клонского. Он «исколесил, с котомкой за плечами и с посошком в руке, чуть ли не всю Россию, навещая друзей и единомышленников по разным губерниям или работая у крестьян. Он предлагал людям свой посильный труд, не прося и не принимая за него никакого вознаграждения и довольствуясь только пропитанием. Охотно делился с каждым встречавшимся ему человеком также и своими взглядами. Но, главное, поучал не словом, а жизнью»²⁹⁴. Попов работал «на земле» со многими толстовцами: жил у В.И. Скороходова в Майкопе, в Ташкентской общине В.А. Репина, у Т.С. Дудченко в Кисловодстве, в Хмелевской артели и у С.М. Соломахина²⁹⁵.

Странствуя без документов, толстовец часто оказывался в полиции. Там он без всякого стеснения рассказывал о собственных убеждениях, обличая государство, церковь, армейскую службу, подати, суды, тюрьмы. Как правило, этого «кроткого упрянца»²⁹⁶ полицейские отпускали после того, как убеждались в его безвредности и даже проникались к нему невероятными, на первый взгляд, чувствами: жалостью, снисхождением, добротой; о чем сам Попов любил с умилением вспоминать в беседах или в письмах²⁹⁷.

---

²⁹² РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 66-67.

²⁹³ Там же. Л. 69.

²⁹⁴ Там же. Л. 71.

²⁹⁵ Там же. Л. 77.

²⁹⁶ Там же. Л. 74.

²⁹⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 5. 23 л.; НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 6. 30 л.; НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 7. 44 л.

С другой же стороны, по своему характеру Попов был прямой противоположностью «фатальной фигуре» Клопского. Кротость, доброта, искренность и открытость, ласковое обращение со всеми без исключения людьми, непритворная жалость к животным: эти личные качества Попова создавали ему своеобразный ореол то ли святого, то ли юродивого человека. В.Ф. Булгаков, назвав Попова «Франциском Ассизским русских полей», писал: «это был человек кристальной чистоты и самых высоких устремлений»²⁹⁸. В том же духе высказывался, например, и журналист А.С. Панкратов: «Он "не от мира сего". Выработал <...> презрение к телу, весь сосредоточился на душе. Он живое отрицание всякого насилия. Полное непротивление злу»²⁹⁹.

Если бродячая жизнь Клопского обернулась подзрением в провокаторстве и нежеланием многих толстовцев иметь с ним дело, то молодой Сережа Попов быстро и надолго завоевал сердца единомышленников. В.Ф. Булгаков не без оснований отмечал: «Сережа был очень популярной, если не самой популярной, личностью в "толстовских" кругах»³⁰⁰. В то время как Клопский стал прототипом негативных литературных персонажей и символом толстовского лицемерия, образ Попова в работах А.С. Пругавина, А.С. Панкратова, В.Ф. Булгакова хотя и эксцентричен, но полностью положительен.

Практически все единомышленники Попова изображали его как идеального толстовца. Сложно сказать, насколько это соответствовало действительности, ведь эта всеобщая симпатия основывалась далеко не только на выдающихся качествах личности Попова. Его мировоззрение и образ жизни показывали, что толстовство — во все не «ярмо, сшитое не по людям»³⁰¹. Попов в течение нескольких лет оставался практически единственным

---

²⁹⁸ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 217.

²⁹⁹ Панкратов А.С. Ищушие Бога: очерк современных религиозных исканий и настроений. Т. 1. М., 1911. С. 39.

³⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 66.

³⁰¹ Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова. Сергиев Посад, 1915. Вып. 1. С. 15.

бесспорным и, главное, живым доказательством осуществимости тех идеалов, к которым стремился каждый толстовец. Так что жизнь толстовца-странника С.М. Попова являлась не только его личным опытом, но и своеобразным эмоционально значимым достоянием всего толстовского движения.

Накануне Первой мировой войны на хуторе Соломахино к С.М. Попову присоединился и стал его спутником другой толстовец. Это был Л.Н. Пульнер, молодой еврей из с. Очеп Черниговской губ.³⁰² Сразу после начала войны Попов и Пульнер написали воззвание к обществу «Милые братья и сестры...»³⁰³, собирали под ним подписи и распространяли текст в Туле. Затем оба были арестованы, сидели в тюрьме и привлекались в качестве подсудимых на процессе «28-ми толстовцев».

В первые послереволюционные годы С.М. Попов состоял в «Обществе истинной свободы в память Л.Н. Толстого», участвовал в антирелигиозных диспутах и в некоторых толстовских акциях³⁰⁴. В последние годы своей жизни поселился со своими сестрами в Ленинграде и работал санитаром в больнице. Как писала его сестра, «с друзьями живущими в Ленинграде редко встречался, идея Толстого постепенно уничтожается, диспутов нет. Эта мысль плохо отражалась на его психике. Интересы к жизни было мало. Брат заметно стал худеть и первничать», не удалось ему и обзавестись собственной семьей, «девушка была слишком горда, играла им»³⁰⁵. 30 июля 1932 г. С.М. Попов скоропостижно скончался от тифа, осложнившегося гангреной легких³⁰⁶.

Частым спутником Попова был еще один толстовец-странник Л.В. Томилов [Тонилов], известный как

³⁰² РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 65.

³⁰³ Рашковская М.А., Рашковский Е.Б. «Милые братья и сестры...» [Электронный ресурс] // Религии мира. История и современность. М., 1990. Режим доступа: http://www.neki.info/Links/Library/Tolstovstvo/Books/Milye_bratija_i_sestry.html

³⁰⁴ Булгаков В.Ф. Как прожил жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 493-627.

³⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 1001. Л. 13.

³⁰⁶ Там же. Л. 13об.

Лев Рыжий. Отдельные эпизоды из жизни Льва Рыжего описаны сразу в нескольких очерках, но подробных сведений о судьбе этого человека все же найти не удалось.

А.С. Пругавин представлял такой портрет Томилова: «Смелый, уверенный взгляд, правильные, мужественные черты лица, большой череп, рыжеватая борода с огненным отливом, откиннутые назад непокорные, буйные пряди густых длинных волос, пропорционально сложенная фигура»³⁰⁷. А.С. Панкратов вдобавок отметил, что «глаза и овал лица придают ему удивительное сходство с Л.Н. Толстым в молодости»³⁰⁸. Панкратов описал и характер Томилова: «Я никогда не видал человека, который всей своей жизнью был бы так антагонистичен современному буржуазному строю, как Левушка. Он не раздает прокламаций, не говорит возбуждающих речей, но стоит ему прожить в семье или другой какой организации неделю, как начинается "смута" в установившихся порядках. Левушка своими тихими, убежденными речами, ровностью отношений незаметно сводит хозяина с пьедестала и так же незаметно возвышает слуг и подчиненных»³⁰⁹. В качестве примера Панкратов рассказывает о конфликте между Томиловым и одним богатым толстовцем, распорядившимся не пускать странника в свое имение. Речь, по-видимому, шла об уходе Томилова из Телятинок Черткова в 1908 г., по этому поводу Лев Рыжий писал Толстому: «В.Г. Чертков сделал себе кумира из тебя, и торгует, и распространяет, и смотрит на тебя как на кумира. И так же в свою очередь у себя хочет держать только тех, которые бы смотрели и на него как на кумира»³¹⁰.

Летом 1909 г. Л.В. Томилов познакомился с С.М. Поповым, когда тот покинул хутор Скороходова³¹¹. Затем, по сведениям А.С. Панкратова, Томилов работал

³⁰⁷ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. С. 224-225.

³⁰⁸ Панкратов А.С. Ищущие Бога: очерк современных религиозных исканий и настроений. Т. 1. М., 1911. С. 35.

³⁰⁹ Там же. С. 37.

³¹⁰ Толстой Л.Н. Письмо Л.В. Томилову // Полн. собр. соч. Т. 79. М., 1992. С. 40.

³¹¹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 52. Ед. хр. 6. Л. 20.

у Н.Н. Александри в Бессарабии, у Н.А. Шейермана на хуторе Высоком, у В.А. Репина, нанимался на работу к крестьянам³¹². В 1912 г. небольшую заметку о Томилове оставил и В.Ф. Булгаков. Он писал, что Лев Рыжий проживал некоторое время в сочинской колонии, но по-прежнему продолжает странствовать. Как и раньше, он «ищет уединенной, одинокой жизни. <...> Он не идет в монастырь, потому что не православных убеждений. Но он слишком хорошо знаком с идеями и проповедью <...> по существу — это тот же монах. <...> Для него ничего не значит разница вероисповеданий. Он ко всем подходит как к братьям. И в женские монастыри, в монастырские подворья, к отшельникам заносит мысли Толстого, даже не упоминая его имени и совсем не пропагандируя толстовство»³¹³. По последним сведениям, приведенным Булгаковым, Томилов поселился на Кавказе в древнем дольмене и занимался поденной работой³¹⁴. Если верить примечаниям к письмам Толстого, Л.В. Томилов умер в 1920 г.³¹⁵, но обстоятельства и место его смерти неизвестны.

Итак, толстовцы селились «на земле» далеко не только общинами и артелями. Многие из них предпочитали создавать индивидуальные, а не коллективные хозяйства. В 1881–1917 гг. было образовано 10 колоний, имевших форму соседских поселений, т.е. группы хуторов. Кроме того, общины близ Ташкента и на хуторе Высоком приобретали эту форму на позднем этапе своего существования. Долше всех существовали соседские поселения Водопад, Люботин и колония Череватенко на Михайловском перевале, все они перешагнули рубеж 1917 г. и распались уже в советский период отечественной истории.

Также в дореволюционной России возникло как минимум 24 отдельных толстовских хутора, на которых работа-

---

³¹² Панкратов А.С. Ищушие Бога: очерк современных религиозных исканий и настроений. Т. 1. М., 1911. С. 36.

³¹³ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 331-331об.

³¹⁴ Там же. Л. 332об.-333.

³¹⁵ Толстой Л.Н. Письмо Л.В. Томилову // Полн. собр. соч. Т. 79. М., 1992. С. 40.

ли около 57 человек. Характерно, что приблизительно две трети толстовцев-хуторян не участвовали в колониях других форм и поэтому ранее оставались неизвестными в качестве участников движения «на землю». При этом количество толстовских хуторов в дореволюционный период могло быть намного больше, так как жизнь толстовцев-одиночек отличалась замкнутостью и часто оставалась незамеченной современниками.

По-видимому, ведение самостоятельного хозяйства лучше гармонировало с индивидуализмом толстовского мировоззрения, а идеалу единения всего человечества вовсе не вредила умеренность при его практическом воплощении. Ведь индивидуальные колонии толстовцев не только существовали дольше, но и обладали более благоприятным внутренним климатом. Им намного чаще удавалось избежать тех тяжелых драм, которые пережили практически все толстовские общины и артели.

Выходит, что в то время как современники с живым интересом, едким сарказмом или горячим сочувствием следили за судьбами толстовских коллективных поселений, другие толстовцы тихо и сравнительно незаметно селились «на земле» одиночками. Пока общины с треском распадались, а очевидцы этих событий делали скороспелые выводы о нежизнеспособности идеалов Толстого и последователей, хутора толстовцев вполне успешно продолжали свое существование на периферии внимания общественности. Таким образом, практически незамеченным остался очевидный факт — многие толстовцы-хуторяне на всю жизнь остались интеллигентными земледельцами, а значит, они приблизились к осуществлению заветной толстовско-народнической мечты о преодолении социального антагонизма между потребителем и производителем. Можно сказать, эти толстовцы одержали собственную маленькую победу над капитализмом — возможно, никому, кроме них самих, не нужную и не интересную, но все же победу.

Некоторые толстовцы шли еще одним, наиболее индивидуалистичным путем. Они вели жизнь странников, или, как сами себя называли, бродяг. Казалось бы, численность

толстовцев-странников была ничтожна, но их значимость для единомышленников и современников состояла в совершенно ином. Если индивидуальное хозяйство было для толстовца своего рода компромиссом с мечтой о всемирном единении, и поэтому становилось более-менее легко осуществимым предприятием, то странничество напротив было сопряжено с большим количеством трудностей, но зато в полной мере соответствовало христианско-толстовским идеалам. Жизнь самого известного толстовца-странника С.М. Попова становилась вдохновением для толстовцев, ведь каждый из них, смотря на него, понимал, что толстовские принципы можно осуществить во всей их полноте, а неприятные компромиссы с совестью вовсе не являются неизбежностью. Так что толстовское движение «на землю», пожалуй, немислимо без странничества, подобно тому, как невозможна человеческая жизнь без мечты.

Глава 5.

Движение толстовцев

«на землю»

в 1881—1917 гг.:

общие замечания

Как и любое социальное явление, толстовство имело собственную эволюцию и развивалось в неразрывной связи с конкретно-историческими реалиями своего времени. Легко заметить, что первые общины толстовцев и толстовские колонии предреволюционных лет отличались друг от друга весьма существенно не только своим социальным составом, но и особенностями внутренней жизни. Уже в дореволюционный период обозначились те тенденции эволюции толстовского движения, которые приведут его на вершину своего развития в конце 1910-х — начале 1920-х гг. В этой главе проанализируем эти тенденции, обобщив сведения о судьбах дореволюционных колоний толстовцев. Но прежде этого посвятим несколько страниц еще одному любопытному вопросу.

5.1. Колонии неизвестные и несостоявшиеся

Хотелось бы сказать, что в истории толстовского движения «на землю» дореволюционного периода не осталось белых пятен, но, к сожалению, это утверждение далеко от истины. Реконструкция судьбы каждой колонии подобна детективному расследованию, и многие такие расследования зашли в тупик. Некоторые из-за недостатка сведений об участниках, времени и «месте происшествия», другие — ввиду противоречивости «показаний» источников. Так что имеет смысл рассказать и о тех земледельческих колониях,

существование которых вызывает сомнения. Хочется верить, что этот материал может быть полезен тем, кто проводит или будет проводить исследования в сходном направлении.

В то же время о масштабах движения толстовцев «на землю» свидетельствуют не только совершившиеся факты создания колоний, но и неудавшиеся попытки их организации. О несостоявшихся толстовских колониях выше не упоминалось, а между тем их число было немалым. Соседство неизвестных и несостоявшихся колоний объясняется еще и тем, что они могут быть связаны друг с другом, о чем приведем далее некоторые из своих предположений.

Прежде всего, обратимся к сведениям, данным С.Н. Кривенко. Он подсчитал общины, образованные в России до конца XIX в. как толстовцами, так и их предшественниками. Кривенко писал, что «было 2 или 3 поселка в Смоленской губ., 1 — в Харьковской, 1 — в Черниговской, 1 — в Самарской, 1 — на Северном Кавказе, 2 — в береговой Черноморской полосе; 5 — в Тверской губ.; 1 — в Курской; 1 — в Пермской; 1 — в Киевской»¹.

Известны практически все перечисленные общины, и те из них, которые являлись толстовскими, описаны в предшествовавших главах. Однако сведений о последних трех общинах в Курской, Пермской, Киевской губ. не было обнаружено.

Насчет общины в Киевской губ. кажется справедливым вывод И.А. Гордеевой². С.Н. Кривенко основывался на сведениях небольшой статьи «Киевская община толстовцев» в газете «Санкт-Петербургский листок» от 1891 г.³ А между тем эта заметка, написанная едким тоном, не содержит сколько-нибудь конкретных сведений. Вероятно, она посвящена не какому-то определенному поселению, а всего лишь повторяет бытовавшие негативные стереотипы о толстовских колониях, тогда как самой киевской общины толстовцев в реальности не существовало.

---

¹ Кривенко С.Н. На распутье. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. С. 4.

² Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: ... дисс. канд. ист. наук М., 2000. С. 92.

³ Киевская община толстовцев // Санкт-петербургский листок. СПб., 1894. № 44. С. 2.

Неизвестна толстовская или не-толстовская община в Курской губ., но о ней можно привести по крайней мере два предположения. В материалах полиции от октября 1890 г. имеется запись об И.М. Клопском, что он «вместе с Аркадием Алексиним проживает у Виктора Коронного в Курском уезде» и собирает деньги на покупку земли⁴. Возможно, этот небольшой кружок, двое из представителей которого были участниками движения «на землю», Кривенко считал общиной. Согласно второму предположению, в качестве курской общины мог рассматриваться другой кружок толстовцев. Речь идет о Л.Ф. Анненковой, ее супруге и сестре А.Ф. Бенкевич, проживающих в ее имении в с. Пивца Льговского уезда Курской губ. Эти лица обращали на себя внимание полиции в связи с распространением толстовской литературы⁵, земледелием они не занимались.

Если говорить об общине в Пермской губ., то стоит обратить внимание на сведения, относящиеся к еще одной неизвестной колонии. Корреспондент газеты «Миссионерское обозрение» И. Захарьин писал о своем посещении толстовской колонии, которую он посетил после продолжительной поездки из Оренбурга; на следующий год на этом хуторе толстовцев уже не было⁶. Статья Захарьина не похожа на заметку о киевской общине толстовцев, в ней достаточно много конкретных сведений. С другой стороны, обращает на себя внимание фигура А.Т. Зацепина, вступившего с Толстым в переписку. О нем в примечаниях к письмам сообщалось: «Он в 1891 г. переехал с семьей в Нижний Новгород, откуда писал Толстому, что арендовал в Оренбургской степи 3000 десятин земли и мечтает об устройстве на ней земледельческой колонии, причем просил Толстого помочь ему в подборе людей для нее»⁷. Возможно, замысел Зацепина все же воплотился, и он создал как раз ту колонию, которую посещал

⁴ ГАРФ. Ф. 102, о.о. Оп. 226 (1898 г.). Д. 6 ч. 497 л. 13.

⁵ ГАРФ. Ф. 102 о.о. Оп. 231. (1903 г.) Д. 1271. Л. 1-39.

⁶ Захарьин И. В толстовской колонии // Миссионерское обозрение. СПб., 1899. № 4. С. 472-476.

⁷ Толстой Л.Н. Письмо А.Т. Зацепину // Полн. собр. соч., Т. 68. М., 1992. С. 182.

и описывал И. Захарьин. Можно допустить при этом, что Кривенко или его корреспондент спутал Оренбургскую и Пермскую губ., которые граничили друг с другом. Тем не менее, достоверных сведений ни о пермской, ни об оренбургской общине не было обнаружено.

Также есть несколько единичных упоминаний толстовских общин в других регионах Российской империи. Чаще всего это можно объяснить ошибками авторов текстов. В.В. Рахманов перечисляет, помимо тверской, смоленской, харьковской общин, еще и тамбовскую⁸. Такой общины, судя по всему, не существовало. В сборнике «Четверть века Кринице» от 1913 г. говорится еще и о толстовских общинах в Воронежской и Новгородской губ.⁹ Под общиной в Воронежской губ. может скрываться имение Ржевское, где до 1897 г. проживал Чертков и другие толстовцы¹⁰, но земледельческим трудом они не занимались и в общину не объединялись. Возможно, что воронежской общиной криничане считали располагавшуюся там же Ржевскую артель. Но она была создана значительно позднее тех событий, в связи с которыми авторы сборника перечисляют толстовские общины: речь идет о первом знакомстве толстовцев с криничанами, состоявшееся в самом начале 1890-х гг. Под общиной в Новгородской губ. мог ошибочно подразумеваться хутор П.М. Ледерле; или же община в Нижегородской губ., так как могла возникнуть путаница в словах «Новгородский» и «Нижегородский».

В анкете редакторского комитета «Полного собрания сочинений» Толстого, присланной М.В. Алекшину в 1928 г., содержится вопрос о некоей «симбирской общине Архангельского». По всей видимости, это имеет отношение к упоминанию такой общины А.М. Горьким в очерке о С.А. Толстой, где он писал о самоубийстве одной из участниц этой колонии¹¹. Скорее всего Горький имел в виду самарскую

⁸ Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшее СПб 1908 №9 С 18

⁹ Криничане. Четверть века «Криницы» Киев, 1913. С 110

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. Оп 197 (1900 г.) Д. 190 Л 1-110

¹¹ Горький М. О С.А. Толстой - Полн собр соч Художественные произведения в 25 т. Т. 16. М., 1973. С 360

общину Сибирякова, в которой действительно произошел такой инцидент. Да и сам М.В. Алехин ответил более чем однозначно: «Здесь [в Нальчике] есть учитель Архангельский из Симбирска, но он ничего об этом не знает»¹².

Это упоминание не заслуживало бы внимания, если бы ранее толстовскую общину, будто бы располагавшуюся в Жигулевских горах Симбирской губ., не искал Департамент полиции в 1890—1891 гг.¹³ Этот поиск так и не увенчался успехом. Департамент полиции повторял, что сведения «исходят из достоверного источника и что может быть этот поселок уже образован». Но Симбирское губернское жандармское управление столь же настойчиво утверждало, что «в течение весны и лета сего [1891] года молодые люди из последователей учения графа Льва Толстого в Жигулевских горах не появлялись и никакой общины в той местности образовано не было». Да и местные полицейские уверяли, что «Жигулевские горы все покрыты лесом и в этих горах не может быть пахотных участков, так как все горы состоят из обрывов, громадных оврагов»¹⁴.

В другом деле Департамента полиции о П.А. Булажке имеется запись: «Булажке в 90-х гг. проживал некоторое время в одной из толстовских земледельческих общин в Екатеринославской губ., где познакомился с состоящим под негласным надзором крестьянином Андреем Андреевским и известными Департаменту Николаем Львовым [Львовичем] Сергиевским и Герасимом Карпузи, жившими там в качестве интеллигентных работников»¹⁵. Такой общины толстовцев в Екатеринославской губ. не обнаружено. Возможно, речь идет об общине в Глосах Елизаветградской губ., граничившей с Екатеринославской. Но ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение невозможно, так как о названных лицах, будто бы проживавших в той общине, также ничего неизвестно.

В движении «на землю» 1900-х и 1910-х гг. «белых пятен» значительно меньше, но и здесь есть несколько

---

¹² НИОР РГБ. Ф. 345. К. 102. Ед. хр. 14. Л. 10.

¹³ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128 ч. 3. Л. 1-15.

¹⁴ Там же. Л. 8, 12.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 97 (1899 г.). Д. 4360. Л. 14об.

загадочных сюжетов. Нижегородский краевед Д.Н. Смирнов утверждал, что небольшая толстовская колония была организована под Нижним Новгородом в местности близ Мызы и Марьиной роши. Ее членами стали директор коммерческого училища, известный друг Толстого В.И. Алексеев, брендмейстер Т.С. Чапин, фотохудожник М.П. Дмитриев, а главным инициатором был пекий земский статистик Д.Ф. Щелок. Последний в итоге остался единственным регулярным участником колонии, в честь которого хутор получил название Щелоковского, которое носит и сегодня¹⁶.

Но сведения Д.Н. Смирнова вызывают сомнения по ряду причин. Во-первых, В.И. Алексеев после свадьбы с В.В. Загоскиной в 1890 г. отошел от толстовства и подпал под влияние аристократки-жены. Благодаря своему тестю он получил место директора училища в 1900 г.¹⁷ и позднее признавался, что «боится вообще поводов, которые могли бы открыть начальству его прошлое»¹⁸. Так что сложно представить, что этот уже немолодой человек (в 1900 г. ему было 52 года) вдруг принял участие в организации толстовской колонии. Да и сведения о прошлом Алексеева сильно искажены и упрощены Смирновым, что указывает на более чем скромную осведомленность краеведа в этом вопросе¹⁹. Во-вторых, едва ли кто-то из названных участников колонии был толстовцем, по крайней мере, это никакими сведениями не подтверждается. Т.С. Чапин, согласно исследованию А.А. Слепченковой и А.В. Медведева, вовсе принадлежал к партии социалистов-революционеров²⁰ в период событий, описанных Смирновым. В-третьих, в подготовительных материалах

¹⁶ *Смирнов Д.Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века. (1900–1916 годы). Нижний Новгород, 2001. С. 80.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 163-181.

¹⁸ *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 422.

¹⁹ *Смирнов Д.Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века. (1900–1916 годы). Нижний Новгород, 2001. С. 71.

²⁰ *Медведев А.В., Слепченкова А.А.* Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923). Нижний Новгород, 2012. С. 249.

автора книги существуют лишь разрозненные, неинформативные записи об этой толстовской колонии²¹. Логично предположить, что сведения о Щелоковском хуторе Смирнов записал с чьих-то слов, а сами они носили форму слухов и, следовательно, были далеки от истины. Вероятнее всего, на хуторе Щелока было нечто вроде дачного поселения нескольких лиц, которому Смирнов придал толстовский окрас, находясь под впечатлением от прошлого В.И. Алексеева.

В примечаниях к «Яснополянским запискам» приведена следующая характеристика некого Ф.Р. Германа: «Земледелец, участник колонии толстовцев "Светлый хутор" в Тульской губ.»²². Из текста самих записок следует, что Герман ранее был соседом В.А. Лебрена в Дивноморском, а к сентябрю 1908 г. поселился со своей семьей на юге Тульской губ. При этом Маковицкий отмечал, что у Германа «общее с Л.Н. [Толстым] то, что работает на земле и вегетарианство; кажется, больше ничего; ищет другое занятие, т.к. дохода не хватает»²³. О колонии «Светлый хутор» ничего не известно. Возможно, что речь идет о хуторе М.В. Булыгина, который располагался на юге от Тулы. По другой версии, авторы примечаний подразумевали, что колония была образована на самом хуторе Германа, но тогда не известен ни один из ее участников, на существование которых косвенно указывает приведенная заметка в указателе.

О еще одной загадочной колонии оставил небольшую заметку И.Ф. Наживин. Около 1905 г. к нему будто бы обратились ее участники с предложением присоединиться к проекту. Вот часть этой заметки: «Одна из таких коммун, зная меня, очевидно, по моим книгам, пригласила меня принять участие в осуществлении ее плана, разумется, грандиозного, иначе не стоит и руки марать. В проекте были и 500 десятин земли, и свои комму-

---

²¹ ЦАНО. Ф. Р-3101. Оп. 1. Д. 81, 82.

²² Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Указатель к кн. 1-4. С. 45.

²³ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. III. С. 213-214.

нальные фабрики, мастерские, заводы, и свободные школы, — словом, чего хочешь, того и просишь. В уставе, который мне прислали и на обложке которого была, разумеется, какая-то девица со спущенными на уши волосами, смотревшая на восходящее из-за моря солнце, в уставе все было размечено по параграфам, даже отношения супругов между собою, даже отношения родителей к детям, все. <...> Они, питерцы, горожане, раскритиковали и изругали старых поселенцев-интеллигентов вдребезги: они дураки, они рабы земли, им просто вздохнуть некогда, а в результате — нуль»²⁴. Поселившись на побережье Черного моря, «коммунисты» к злорадному удовольствию Наживина быстро потерпели неудачу. На прежнем месте остались три или четыре человека, а отброшенный, по их выражению «негодный элемент» переселился в Закавказье²⁵.

Очевидно, эта коммуна не была толстовской. Но даже в этом случае ни одна из известных колоний в Черноморско-Кавказском регионе полностью не подходит под описание Наживина. Вместе с тем Н.З. Сычугова упоминала еще одну не-толстовскую колонию на Черноморском побережье, про которую нам неизвестно практически ничего. Это Небуговская община близ Туапсе²⁶. Возможно, Наживин и Сычугова говорили об одной и той же колонии, но это лишь догадка.

Вероятнее всего коммуны, описанной Наживином, не существовало вовсе, а эта заметка — собирательный художественный образ, который писатель занес в свой дневник «на будущее». Позднее этот образ действительно пригодится Наживину при работе над романом «Распутин». В описании коммуны «Живая вода» он соединит черты реально существовавшей общины Криница с описанием этой выдуманной колонии²⁷. Любопытно, что ту же назидательную историю «Живой воды» Наживин изображал

---

²⁴ *Наживин И.Ф.* Моя исповедь // Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 74-75.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ *Сычугова Н.З.* Что я помню о Кринице: записки-воспоминания. Новороссийск, 2005. С. 24.

²⁷ *Наживин И.Ф.* Распутин. М., 2013. С. 146-152.

и прежде, на страницах журнала «Вегетарианское обозрение»²⁸. Но все же возможность реального существования такой коммуны исключить нельзя.

Там же Наживин упоминает об интеллигентной общине в Минской губ., которая быстро распалась. Скорее всего, речь идет о так называемой общине «Петровичи» рядом с местечком Старые дороги, Минской губ., существовавшей в 1910—1911 гг.²⁹ Эта колония, численность которой достигала 73 человек, не являлась толстовской, там селились преимущественно сектанты-малеванцы из с. Фастова³⁰. Из обращений к Толстому³¹ и к А.К. Чертковой³² можно заметить, что общинники ставили перед собой масштабные социально-политические задачи и не чуждались пафоса. Ее основатель Н. Никольский писал, что «Петровичи — это первая ячейка того общества, название которому Человечество»³³. При этом, судя по статье К. Грекова в журнале «Духовный христианин», община Петровичи — не что иное, как авантюрный проект, окончившийся практически мгновенной хозяйственной катастрофой³⁴. Если же в Минской губ. существовала еще одна толстовская или не-толстовская община, то она осталась нам неизвестной.

Современники часто называли толстовской колонией имение В.Г. Черткова в с. Телятинки Тульского уезда и губ., которое тот приобрел у А.Л. Толстой³⁵, но это неверно. Подавляющее большинство толстовцев в Телятинках не занимались земледелием, а исполняли секретарские обязанности при Черткове и работали над лите-

---

²⁸ *Наживин И.Ф.* Письма с Черноморского побережья // *Вегетарианское обозрение*. Киев, 1913. № 3. С. 92-98.

²⁹ Там же. № 4-5. С. 176.

³⁰ *Греков К.* Земледельческая община в Петровичах // *Духовный христианин*. СПб., 1910. № 10. С. 64.

³¹ *Толстой Л.Н.* Письмо членам общины «Петровичи» // *Полн. собр. соч.*, Т. 81. М., 1992. С. 143.

³² НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 15. Л. 1-2.

³³ Там же. Л. 1об.

³⁴ *Греков К.* Земледельческая община в Петровичах // *Духовный христианин*. СПб., 1910. № 10. С. 63-65.

³⁵ *Толстой С.Л.* Очерки былого. М., 1968. С. 488.

ратурным наследием Толстого. Впрочем, в разное время здесь проживали и толстовцы-земледельцы: братья Шейсмань, С.М. Попов, Л.В. Томилев. Сам Чертков ответил о Телятинках корреспонденту так: «Я предполагал устроить колонию земледельческую. Но здесь слишком мало земли. Поэтому я предполагаю здесь устроить в будущем только такой опытный хутор или станцию, на которой бы, во-первых, пробовали свои силы те из интеллигентов, которые идут в деревню заниматься земледельческим трудом, но совершенно не знают еще сил своих. Здесь, на этом хуторе они будут так сказать экзаменовывать себя, или даже проходить известную школу. Во-вторых, идущие в деревню интеллигенты будут здесь учиться обработке земли»³⁶. Это намерение Черткова не осуществилось, так как после начала Первой мировой войны в имении Телятинки была организована колония для детей-сирот³⁷.

Перейдем к несостоявшимся колониям толстовцев. В течение 1881—1905 гг. сведений о таковых имеется значительно меньше, чем в последующий период. А. Самойлова хотела организовать интеллигентную колонию на Кавказе в 1888 г.³⁸, но затем поселилась в Шевелевской общине. В течение 1889 г. полу-толстовскую общину решил организовать будущий писатель А.М. Горький близ Ясной Поляны. Но тогда Толстой не ответил молодому энтузиасту³⁹, а нижегородский писатель Н.Е. Каронин отговорил Горького «садиться на землю»⁴⁰. Хуторянин Ф.А. Мищенко приглашал М.В. Алехина устроить поселение у него в Полтавской губернии⁴¹, но Алехин был вынужден отправиться на Кавказ. В 1894 г. Е.Н. Воробьев предлагал толстовцам, проживавшим в Нальчике,

---

³⁶ Лебедев Г. Яснополянские крестьяне и телятинские толстовцы // Жизнь для всех. СПб, 1913. № 7. Стб. 984-985.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 125 (1916 г.). Д. 126 ч. 13. Л. 2.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 84 (1888 г.). Д. 244. Л. 1-7.

³⁹ Горький М. Письма, телеграммы, надписи 1889-1906 // Собр. соч. в 30 т. Т. 28. М., 1954. С. 5.

⁴⁰ Горький М. Н.Е. Каронин-Петропавловский // Полн. собр. соч. в 25 т. Т. 11. М., 1971. С. 63-83.

⁴¹ Толстой Л.Н. Письмо М.В. Алехину // Полн. собр. соч., Т. 66. М., 1992. С. 300-301.

создать общину, «где он хотел быть как бы настоятелем или руководителем, особенно по брачному вопросу, который особенно его занимал»⁴². Но толстовцы предпочли организовать соседское поселение Лескен, к которому присоединился и сам Воробьев с семьей.

В десятилетие 1905—1915 гг. сведений о несостоявшихся колониях намного больше. К ним стоит отнести целый ряд объявлений, авторы которых высказывали намерения создать земледельческие колонии. Такие объявления помещались в толстовском альманахе «Календарь для всех». В 1908 г. организовывалась колония на даче с 20 десятинами арендованной земли у станции Каспи, в долине реки Куры. Основатели стремились образовать соседское поселение, целью которого было «объединить людей для любовного общения и коллективного труда»⁴³. В том же году группа служащих Китайско-восточных железных дорог устраивало земледельческую артель в Приморской обл. на своей основе⁴⁴, а 9 человек на тех же условиях организовывало поселение на Кавказе, близ г. Батум⁴⁵. Инициатором последнего поселения был толстолец Ф.А. Ушаков, ранее привлекавшийся в Москве за распространение толстовских сочинений⁴⁶. В 1909 г. группа служащих Владикавказской железной дороги организовывала трудовую колонию в форме соседского поселения в 25 верстах от г. Кизляра Терской обл.⁴⁷ В 1910 г. «группой Кавказских интеллигентов» была образована колония близ ст. Хачмас Владикавказской железной дороги, «в 13 верстах от Каспийского моря»; о внутреннем устройстве поселения говорилось, что «труд всех членов равноценен и идет на общую пользу»⁴⁸.

С начала 1910-х гг. объявления о колониях появляются в «Календаре» значительно реже, а в течение Первой миро-

⁴² *Скорыходов В.И.* Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1916. № 7-8. С. 215.

⁴³ Календарь для каждого на 1909 г. М., 1908. Стб. 68-69.

⁴⁴ Там же. Стб. 69-70.

⁴⁵ Там же. Стб. 70.

⁴⁶ ГАРФ. Ф 102. 7 д-во. Оп. 197 (1900 г.). Д. 82. Л. 3, 16.

⁴⁷ Календарь для каждого на 1910 г. М., 1909. Стб. 65.

⁴⁸ Календарь для каждого на 1911 г. М., 1910. Стб. 76.

вой войны этот раздел практически был прекращен. В эти годы уже пожилые толстовцы А.М. Бодянский и В.И. Скороходов объединились с майкопским ветеринарным врачом П.В. Нарбековым и бывшим народовольцем И.И. Петрожицким, они пытались создать трудовую колонию «по толстовской программе» на р. Белой близ Майкопа. Но, по сведениям полиции, колония не состоялась из-за того, что местные власти отказались продать толстовцам участок земли, а другого подходящего те не нашли⁴⁹.

О масштабах, которые приняло движение «на землю» накануне начала Первой мировой войны, могут свидетельствовать материалы, собранные А.А. Медведевым. Далее перечислены лишь некоторые из задуманных земледельческих колоний, организации которых воспрепятствовала война. К.А. Павлов владел обустроенным для ведения совместного хозяйства имением при ст. Клин Московской губ. и предлагал основать земледельческое паевое товарищество⁵⁰. Аналогичную колонию пытался создать на юге России П.Ф. Карпинский, который сам проживал у ст. Бежаницы Псковской губ.⁵¹ С.К. Каневский, собственник 40 десятин земли при станции Абинская Кубанской обл., предоставлял свою землю для создания трудовой колонии⁵². Колонии также хотели организовать: М.О. Базарник — станция Ферзиково Калужской губ.⁵³, И.А. Меницкий — станция Куриловщина Витебской губ.⁵⁴, бывший участник Ржевской артели К.Г. Рейнбах — станция Жижица Псковской губ.⁵⁵ А. Кушелейко сначала собирался организовать земледельческую общину, но с началом войны вместо этого устроил на своей земле близ Новороссийска детскую трудовую колонию для сирот⁵⁶.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 242 (1912 г.). Д. 16. Л. 14, 15, 17, 19.

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 55. Л. 1-3.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 39.

⁵² НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 47. Л. 1-2.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 50. Л. 40.

⁵⁴ Там же. Л. 45.

⁵⁵ Там же. Л. 44.

⁵⁶ Кушелейко А. К вопросу о детской вегетарианской колонии (из письма А.К. Кушелейко к И.П.) // Вегетарианское обозрение. Киев, 1915. № 2. С. 60-62.

В течение периода с середины 1880-х гг. до 1910 г. некоторые лица, стремившиеся поселиться «на земле» или интересовавшиеся этим вопросом, обращались с письмами к Толстому. П.И. Бессонов писал о намерении организовать земледельческую колонию со своими товарищами и о том, что пишет статью по этому поводу⁵⁷. Домашний учитель семьи И.И. Раевского М.А. Миловидов рассказывал о своем сочувствии идеям Толстого и говорил о желании «посвятить себя трудовой жизни крестьянина»⁵⁸. Некто П.И. Стружестрах спрашивал о толстовской колонии, в которой он мог бы поселиться с семьей, по просьбе Толстого ему отправили адрес А.В. Юшко⁵⁹.

Анализируя такие письма, можно обнаружить любопытную тенденцию: в течение 1900-х гг. число таких респондентов Толстого увеличилось в несколько раз. Если исключить непосредственных участников толстовских колоний, то в 1880-х и 1890-х гг. Толстому пришло еще 8 писем от тех лиц, которые, так или иначе, выражали свое сочувствие движению «на землю». А в 1900-е гг. аналогичные письма прислал как минимум 31 респондент. Конечно, рост числа таких писем можно объяснить по-разному, но все же оно достаточно точно соответствует тем тенденциям развития движения толстовцев «на землю», которые рассмотрим далее.

5.2. Социальный состав колоний и его трансформация

Итак, в общей сложности поименно известны 505 участников земледельческих колоний всех форм. Точно установить численность лиц, участвовавших в движении, но оставшихся неизвестными, невозможно, но едва ли их

---

⁵⁷ Толстой Л.Н. Письмо И.И. Бессонову // Полн. собр. соч., Т. 66. М., 1992. С. 451.; Толстой Л.Н. Письмо И.И. Бессонову // Полн. собр. соч., Т. 70-71. М., 1992. С. 23-24.

⁵⁸ Толстой Л.Н. Письмо М.А. Миловидову // Полн. собр. соч., Т. 68. М., 1992. С. 36.

⁵⁹ Толстой Л.Н. Письмо П.И. Стружестраку // Полн. собр. соч., Т. 70-71. М., 1992. С. 56-58.

количество могло превышать три сотни. Таким образом, всего в движении толстовцев «на землю» в дореволюционный период участвовало не более тысячи человек. Не был прав Толстой, утверждавший в своем «Ответе Св. Синоду», что численность его сторонников в начале XX в. была менее сотни человек⁶⁰. Ошиблись также и писатель-диссидент М. Поповский⁶¹, а вслед за ним и У. Эджертон⁶², которые утверждали, что к октябрю 1917 г. толстовцев было 5-6 тысяч человек.

Безусловно, не все толстовцы соприкоснулись с движением «на землю». Но, пожалуй, численность толстовцев-«теоретиков», которые фактически отказывались от попыток осуществить социальные мечты толстовства, не столь уж важна. Напомним, что именно земледельческие колонии являлись, возможно, наиболее значимым элементом толстовского мировоззрения. Следовательно, количество участников движения «на землю» красноречивее всего может свидетельствовать о популярности толстовства как такового в дореволюционный период российской истории.

В ходе исследования была установлена социальная принадлежность 424 из 505 участников колоний. Большинство из них, 178 человек, были разночинцами, что составляет более трети от числа всех участников и практически половину той части из них, чья социальная принадлежность установлена.

К разночинцам были отнесены те лица, которые до увлечения толстовством занимались интеллектуальным трудом в различных его формах, а не получали средства к существованию другими способами, соответствующими

---

⁶⁰ Толстой Л.Н. Ответ на определение Синода от 20-22 февраля и на полученные мной по этому поводу письма // Полн. собр. соч., Т. 34. М., 1992. С. 246.

⁶¹ Поповский М. Русские мужики рассказывают... Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918-1977. [Электронный ресурс]. Нью-Йорк, 1981. Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/op/ovsky_00.htm.

⁶² Peterson D. [Review] [Electronic source] // The Slavic and East European Journal. 1994. Vol. 38. No. 3. P. 505. Rev.: Edgerton W. Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia. Bloomington, 1993. 264 pp. URL: <http://www.jstor.org/stable/308857>.

их социальному происхождению. Иными словами, приобретенная социальная принадлежность человека рассматривалась в качестве приоритета по отношению к его формальному происхождению. Поэтому можно сказать, что здесь категория «разночинец» в значительной мере совпадает с понятием «интеллигент».

Внутри группы разночинцев можно выделить несколько подгрупп, объединив в них лиц со сходным социальным происхождением. Этому несколько препятствует лишь то, что неизвестно происхождение почти половины разночинцев — 83-х человек из 178. Остальные 95 разночинцев распределяются следующим образом: из мещан происходило 32 человека, из дворян — 28, из крестьян — 13, из детей духовенства — 11, из купцов — 9, из казаков — 2.

После разночинцев второй по численности категорией стали крестьяне. В движении «на землю» в дореволюционный период приняли участие 115 крестьян, более четверти из тех толстовцев, чья социальная принадлежность установлена. В советской историографии общепринятой оставалась точка зрения, согласно которой крестьянство оставалось глухо к учению Толстого, как и к программам раннего народничества. А уж революция 1905 г. и вовсе сбросила сторонников толстовства «в мусорный ящик»⁶³. Немалая доля крестьянства в толстовских колониях дореволюционного периода указывает на то, что восприятие крестьянами толстовских идей не было столь простым и однозначным. Впрочем, и делать далеко идущие выводы из этого факта было бы ошибкой по нескольким причинам. Во-первых, неизвестна социальная принадлежность всех толстовцев, участвовавших в движении «на землю», а значит, точно не установлена и доля крестьян среди них. Во-вторых, среди этих 115 человек могли оказаться разночинцы и рабочие, которые были отнесены к категории крестьян из-за отсутствия более подробных сведений о них. В-третьих, приблизительно половину крестьян, принявших участие в движении «на землю», составляют члены одной и той же

---

⁶³ *Бонч-Бруевич В.Д.* По поводу письма нижепубликуемого // *Избранные сочинения.* Т. 1. М., 1959. С. 310.

колонии — Ржевской артели, созданной Чертковым и Беневицким для малоимущих толстовцев. В других колониях крестьяне также работали, но их доля среди общего числа участников была значительно меньше.

Третьей социальной категорией, значительно отстающей по численности от первых двух, являются мещане — 49 человек. Вслед за ними, с небольшой разницей следуют дворяне — 38. В категорию дворян были объединены те из лиц дворянского происхождения, которые до своего увлечения толстовством не получали средства к существованию за счет умственного труда, как это делали разночинцы. В эту же категорию были отнесены и несколько толстовцев-дворян, о профессии которых сведений не имеется.

Следующую группу составляют рабочие, которые были, подобно разночинцам, распределены в зависимости от происхождения — 35 человек. 22 рабочих-толстовца происходили из крестьян, 9 — из мещан, происхождение четверых неизвестно. Кроме того, в колониях участвовали 6 иностранных граждан и 3 казака.

Теперь посмотрим, как изменялся социальный состав колоний в течение дореволюционного периода. В первую очередь отсеем те социальные категории, представители которых участвовали в движении «на землю» относительно стабильно — это дворяне и мещане; также невозможно проследить динамику доли иностранцев и казаков из-за их малочисленности. Следовательно, нас будет интересовать соотношение, с одной стороны, разночинцев, и, с другой — крестьян, а также рабочих, среди которых большинство, 22 из 35, были также выходцами из деревень.

С 1880-х гг. до начала XX в. бесспорное большинство в толстовских колониях составляли разночинные интеллигенты, крестьяне появлялись в них лишь эпизодически, рабочих не выявлено вовсе. Разночинные интеллигенты пореформенной эпохи оказывались в специфической ситуации деклассированности, или маргинальности. Отрванные от привычной социальной действительности они не успели сформировать собственную субкультуру внутри российского общества. Существующее общественное и политическое устройство представлялось им главной

причиной этой драмы. В то же время толстовство могло предоставить им опору в виде «вечных» нравственных истин и таким образом создать иллюзию защиты от динамичных и травмирующих перемен складывавшегося капиталистического общества.

Интересно, что созвучность умонастроений русской интеллигенции и толстовских принципов подробно рассматривалась авторами знаменитого сборника «Вехи». С.Л. Франк выдвигал в качестве характеристики интеллигенции так называемый «нигилистический морализм» — превращение морали из средства в основу практического мировоззрения, которое оборачивалось отрицанием всего, что не представляет ценности с точки зрения нравственности. Так, среди явлений, отрицаемых русским интеллигентом, оказывались эстетика, культура в целом, религия — все они с позиции морального утилитаризма не имели самостоятельной ценности⁶⁴. Н.А. Бердяев говорил об утилитаристском подходе и в отношении философской истины, мерилom которой выступает для интеллигента ее практическая ценность. «Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине»⁶⁵, — писал он. Несложно рассмотреть в «нигилистическом морализме» и «утилитаризме» уже хорошо знакомую логику народническо-толстовского мировоззрения, его общий подход к явлениям действительности, который В.В. Зеньковский обозначил как «панморализм»⁶⁶. Так что вслед за Франком можно сказать, что в 1880—1890-е гг. «культ опрощения есть не специфически толстовская идея, а некоторое общее свойство интеллигентского умонастроения»⁶⁷.

---

⁶⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственно-мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 170-176.

⁶⁵ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 17.

⁶⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 194.

⁶⁷ Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственно-мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 178.

Но постепенно ситуация меняется. С поселения на хуторе Терпение, а в особенности после 1905 г., удельный вес крестьян и рабочих в толстовских колониях начинает расти. Терпение, общины Репина и Шейермана, Хмелевская артель — в этих колониях крестьяне и рабочие составили не менее четверти участников, а в Ржевской артели их было подавляющее большинство. Даже среди самих разночинцев доля выходцев из крестьян постепенно увеличивается. Представители низших социальных слоев начинают ощутимо теснить толстовцев из разночинной интеллигенции. А те, в свою очередь, окончательно уступают инициативу в создании поселений новым дворянам, пополнявшим толстовские ряды: Шейерману, Репину, Беневскому, Черткову-младшему. Первую российскую революцию можно условно считать водоразделом — после нее интеллигенция все более отходит от толстовства, а интерес к нему крестьян и рабочих, напротив, начинает расти.

Этот двуединый процесс можно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, постепенно шел процесс консолидации слоя интеллигенции, превращения ее из контркультурного в субкультурное объединение. По мере того как разночинная интеллигенция приспособлялась к новому общественно-экономическому устройству, острота ее антикапиталистического протеста постепенно снижалась, а потребность в его идеологическом обосновании исчезала. Во-вторых, если в 1880-х гг. после крушения народничества толстовство стало своеобразной альтернативой ему, то в 1900-е гг. толстовское непротивление выглядело более чем бледно на фоне других социально-политических идеологий. Потребностям активной социальной борьбы толстовство больше не соответствовало, радикальности его пацифизма уже не хватало. И именно разночинные интеллигенты, лучше других знававшие особенности ситуации, все чаще предпочитали революционные идеологии.

Наконец, доля разночинцев уменьшалась еще и оттого, что в толстовских колониях увеличивалось количество крестьян и рабочих. Рост интереса низших слоев к толстовскому мировоззрению, в свою очередь, был

обусловлен рядом причин. На руку толстовству сыграло поражение революционных выступлений 1905 г., которое сопровождалось отказом правительства от разрешения социально-политических проблем и проведением лишь половинчатых реформ. Интеллигенты откликнулись на политику правительства «Выборгским воззванием», призывавшим к борьбе с властью ненасильственными методами, и сборником «Вехи», осуждавшим любую политическую борьбу и восхвалявшим возвращение к православию. Но революция 1905 г. охватила широкие массы населения, и, следовательно, последовавшая за ней политическая реакция ощущалась далеко не только представителями интеллигенции, как это было ранее в 1880-е гг. Например, в среде социал-демократов, в недрах партии, отстаивавшей интересы рабочих, возникает «богостроительство» — течение, пытавшееся синтезировать марксизм и христианство. Выше уже упоминалось исследование "Workers on the cross..." под авторством М. Штейнберга, который сделал интересный вывод об увеличении значимости религиозно-социальных ценностей среди русских рабочих в 1900-е гг., таких как страдание, спасение, морализм и др.⁶⁸ В этих условиях толстовство становится привлекательным уже не столько для разночинцев, сколько для тех представителей народных масс, которых после 1905 г. постигло разочарование в активной революционной борьбе.

Еще одним фактором, содействовавшим пополнению толстовских колоний крестьянами, являлось постепенное разложение патриархально-общинного уклада. После 1905 г. этот процесс резко ускоряется в связи с аграрной реформой П.А. Столыпина, упразднившего, по крайней мере законодательно, крестьянскую общину. В этом отношении толстовство вызывало сочувствие крестьян не столько благодаря своему контркультурному протесту, сколько за счет идеализации патриархального крестьян-

---

⁶⁸ Steinberg M. *Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910–1924*. [Electronic resource] // *Russian review*. Vol. 53. No 2. 1994. Pp. 213-239. URL: <http://www.jstor.org/stable/130824>.

ского быта. Именно толстовские колонии в глазах крестьянина явились попыткой сохранить этот единственный, нравственный, христианский уклад, исчезающий в пучине капиталистической цивилизации. Как верно отметил И.Ф. Наживин, в отличие от интеллигента крестьянин всегда стремился «возродить старое, а не создать новое, никогда невиданное»⁶⁹.

В отличие от Толстого, большинство его последователей не осознавали значения и последствий аграрной политики Столыпина. Хотя были редкие исключения. И.Ф. Наживин страстно ненавидел проявления современной цивилизации и подробно рассказывал в конце 1900-х гг. об устраняющих переменах в его деревне, предварив свой очерк словами: «Я не ожидал, разумеется, что в родной деревне я найду что-нибудь похожее на святую Русь, но то, что я здесь встретил, превзошло все-таки все мои ожидания»⁷⁰. Крестьянин-толстовец А.Е. Никитин-Хованский (Красков) в своих записях противопоставлял фабричную цивилизацию прежней России и, подобно Наживину, указывал на оскудение деревни с начала XX в.⁷¹ С.М. Булыгин в письме 1911 г. объяснял В.Ф. Булгакову свое нежелание устроиться «на земле» хуторянином так: «Ведение отдельного хозяйства требует от крестьянина теперь таких дел, которые прямо противоречат любви», и далее — «теперешнее отдельное, обособленное крестьянское хозяйство (оно таково теперь даже и среди крестьянской общины) не является плодом братской любви друг к другу, а есть лишь плод отчаянной борьбы за плотское существование»⁷².

Любопытно появление в толстовских колониях рабочих, среди которых большинство были крестьянами по своему происхождению. Помимо факторов политической реакции и разрушения общины, отметим еще одно обстоятельство. Грубо говоря, рабочие в 1900-е гг. оказывались

---

⁶⁹ *Наживин И.Ф. Моя исповедь // Собр. соч., Т. 5. М., 1912. С. 113.*

⁷⁰ Там же. С. 108.

⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 197. К. 2. Ед. хр. 5. Л. 5-7об.

⁷² РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 20.

в ситуации, подобной той, в которой в 1870-е и 1880-е гг. были разночинцы. Связь рабочих с крестьянской средой была либо ослаблена, либо разорвана вовсе, а единый слой пролетариата, хотя и складывался достаточно быстро из-за активного индустриального развития, но все же еще не был до конца сформирован в начале века. Б.Н. Миронов, связывавший уровень преступности с маргинальным положением некоторых социальных слоев, про рабочих писал: «Оторвавшись от привычных условий и принятых стандартов поведения в деревне, освобожденные от контроля общины, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, чувствовали себя отчужденными»⁷³. На этом фоне жизнь в земледельческой колонии могла представляться рабочему желанным возвращением к прежней деревенской жизни, тогда как тяжесть фабричного труда порождала и обостряла все тот же антикапиталистический протест.

Впрочем, роль крестьян и рабочих в толстовском движении дореволюционного периода не стоит преувеличивать. После 1917 г. в результате преобразований и антирелигиозной политики советской власти произойдет куда более осязаемая трансформация социального состава толстовских колоний. Как отмечали М.Ю. Крапивин и Ю.Н. Макаров, только тогда «декрет об отделении церкви от государства 1918 г. снял формальные преграды на пути роста численности сектантских общин и устранил препятствия, мешавшие ведению сектантами активной миссионерской деятельности»⁷⁴. При этом сектантство вообще и толстовство в частности на фоне атеистической политики государства рассматривались массами в качестве компромисса между православием и официальной идеологией. «Крестьянство считает, что можно уступить и коммунисту, который закрывает церковь, но одновременно, для того, чтобы сохранить связь с богом, идет ку-

⁷³ *Миронов Б.* Уроки революции 1917 г., или кому на Руси жить плохо // *Родина*. М., 2012. № 1. С. 76.

⁷⁴ *Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н.* Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го — конец 1930-х годов) // *Исторические записки*. № 8 (126). М., 2005. С. 116.

да-нибудь в секту»⁷⁵, — так говорилось в докладе 1924 г. на конференции РКП(б). И все же нельзя еще раз не подчеркнуть, что интерес крестьян к толстовству проявился до 1917 г., хотя и в меньших масштабах.

5.3. Тенденции развития движения толстовцев «на землю» в 1881—1917 гг.

Постепенная трансформация социального состава колоний была, пожалуй, наиболее важной переменной, произошедшей в движении толстовцев «на землю» на дореволюционном этапе. Однако были и другие изменения, существенные по-своему. Частично они уже затрагивались выше при анализе печальных судеб коллективных поселений толстовцев, здесь же уместнее сказать о движении толстовцев «на землю» в целом.

Организация и самоорганизация

На первых порах движение «на землю» носило скорее спонтанный характер, а вся его организация держалась на личном знакомстве толстовцев между собой. Робкую попытку объединить единомышленников предприняли только московские толстовцы в конце 1887 г. и собрали что-то в роде «съезда», но эта инициатива поддержки не получила. Напомним, что сам Толстой не признавал необходимости объединения толстовцев, да и вообще полагал, что любая «организация парализует силы»⁷⁶ людей. Он негативно отнесся, например, к аналогичному предложению М.В. Алехина созвать единомышленников⁷⁷. А чуть

---

⁷⁵ Из доклада т. Путнина на X Царицынской губернской конференции РКП(б) о религиозности крестьянства. 19 ноября 1924 г. // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сборник документов. Волгоград, 1998. С. 58.

⁷⁶ Толстой Л.Н. Дневник 1895 г. // Полн. собр. соч., Т. 53. М., 1992. С. 4.

⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 32. Ед. хр. 59. Л. 2-2об.

позднее, как вспоминал А.С. Буткевич: «Когда после распада толстовских колоний некоторым из их основателей приходила мысль собраться на совещание для обсуждения причин распада, Толстой в ужасе, словно перед каким-то диким видением, восклицает в своем дневнике: "Как собор! Собрать собор!!!"»⁷⁸.

Но со временем крайности христианского анархизма отступают перед практической целесообразностью. Периодически из-за слабой организованности движения «на землю» происходили курьезы, которые подталкивали толстовцев к перемене точки зрения. Позднее А.А. Медведев заметит: «Мы знаем случаи, когда люди, искренно и серьезно стремившиеся к перемене жизни долго или совсем не могли осуществить своего намерения, за отсутствием подходящего места; с другой стороны, мы знаем колонию в 130 десятин, которая не развалилась, а в конце концов прекратила свое существование из-за недостатка людей, желающих воспользоваться даром предоставленной землей в то время, как таких людей в России было изобилие»⁷⁹. И, вопреки мнению Толстого, толстовцы в период с 1905 до 1917 гг. предприняли целый ряд попыток объединить движение «на землю», начать его самоорганизацию.

В январе 1905 г. по инициативе И.А. Беневского состоялся «съезд сочувствующих устройству земледельческого общества на правственных началах» в Харькове. В съезде приняли участие как старые участники движения (В.И. Скороходов, А.М. Бодянский, А.Е. Алехин), так и новые. Результатом встречи толстовцев стало создание «Трудового земельного общества» со своим уставом, которое должно было арендовать землю и образовать земледельческую артель⁸⁰. Этой артелью стала колония в Тарановке Харьковской губ. Однако сведений о дальнейшей деятельности «Трудового земельного общества» не сохранилось. Скорее всего, оно прекратило свое существование, как и колония в Тарановке.

⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 39.

⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 5. Ед. хр. 3. Л. 5.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2-2об., 3-8.

В течение предреволюционного периода некоторые толстовцы предпринимали попытки собрать и систематизировать сведения о движении «на землю». Определенного успеха в этом деле добился А.С. Зонов. С 1908 г. до 1916 г. он опубликовал ряд заметок о земледельческих поселениях в своих «Календарях». Участник Ржевской артели К.Г. Рейнбах призывал к переписке об устройстве земледельческих колоний со страниц журнала «Жизнь для всех»⁸¹. С похожей инициативой выступал летом 1915 г. Л.А. Летков⁸². В организации движения «на землю» несколько неожиданно попытались принять участие теософы. В 1912 г. они совместно с англичанами организовали «Международный союз ручного труда»⁸³. Одним из его инициаторов стала А. Погосская, автор книги «Идеалы труда как основы счастливой жизни»⁸⁴.

Косвенную помощь в организации движения «на землю» оказывали появившиеся в 1900-е гг. толстовские или близкие к ним объединения. Ярким примером стало Московское вегетарианское общество, которое впоследствии около двух десятилетий оставалось важнейшим центром толстовского движения вообще. Например, в 1914 г. оно выступило с инициативой создания собственной вегетарианской колонии⁸⁵. Помощь в наборе участников Ржевской артели оказывала так называемая «Община свободных христиан»⁸⁶, созданная толстовцем И.М. Трегубовым в 1908 г.

Особенно стоит отметить деятельность «Справочного Бюро по вопросам устройства земледельческих общин, коммун и артелей», созданного в конце 1912 — начале 1913 гг. В.Г. Чертковым⁸⁷. На практике единственным участником бюро был толстовец А.А. Медведев, фигура

---

⁸¹ Рейнбах К. Товарищеская беседа о трудовых поселках. Жизнь для всех. СПб., 1913. № 9. Стб. 1328.

⁸² НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 45. Л. 1.

⁸³ Календарь для каждого на 1913 г. М., 1912. Стб. 92-97.

⁸⁴ Погосская А. Идеалы труда как основа счастливой жизни. Калуга, 1914. 127 с.

⁸⁵ По миру // Вегетарианское обозрение. Киев. 1914. № 8-9. С. 301.

⁸⁶ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. хр. 15. Л. 1.

⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 13. Л. 1.

в значительной мере загадочная. Известно, что Медведев имел революционное прошлое, но тщательно его скрывал. По воспоминаниям Е.И. Попова, Медведев в годы первой российской революции был московским анархистом, занимался террористической деятельностью, а его настоящая фамилия — Снязин. После неудачной экспроприации Снязин был схвачен полицией и приговорен к смертной казни. Его трижды возили на казнь, но приговор так и не был приведен в исполнение⁸⁸. По-видимому, эти сведения правдивы. В личном дневнике Медведев действительно с ужасом и в подробностях описывал три свои поездки на казнь⁸⁹. После тюрьмы Медведев устраивается секретарем к В.Г. Черткову⁹⁰. Любопытно, что в «Яснополянских записках» от 28 июля 1905 г. упоминается посетитель Толстого В.А. Медведев, мечтавший поселиться «на земле»; а в записи от 24 февраля 1908 г. говорится об А.А. Медведеве, новом секретаре Черткова⁹¹. Вероятно, речь идет об одном и том же лице, тем более что в личных материалах Медведева имеется справка о лечении в психиатрической больнице, но на имя Всеволода Александровича Медведева⁹².

Так или иначе, в 1910–1912 гг. Медведев проживал в колонии Шейермана на хуторе Высоком со своей женой Н.Н. Никольской и маленьким сыном Игорем⁹³, а с конца 1912 г. поселился в Телятинках и занялся секретарской работой. В качестве секретаря бюро он работал чуть менее чем два года, с конца 1912 г. до осени 1914 г. За это время сведений о существовавших и планировавшихся колониях, о потенциальных и действительных участниках движения им было собрано больше, чем его предшественниками вместе взятыми. К сожалению, все материалы Медведева —

⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 50об.-51об.

⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 21. Л. 1об.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 1-2.

⁹¹ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. I. С. 357; Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн. III. С. 340.

⁹² НИОР РГБ. Ф. 345. К. 78. Ед. хр. 73. Л. 52.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2043. Л. 10об.-11.

это письма, распыленные по нескольким личным фондам, а обобщающих сводок или обзоров движения он не оставил. Не был издан и сборник «Земля и труд», в котором Медведев при содействии Черткова планировал представить историю движения «на землю» и его современное состояние на 1913 г. Сохранилось только предисловие к этому сборнику, не имеющее окончания⁹⁴. В военные годы деятельность бюро прекратилась, как и перестали возникать новые земледельческие колонии. Медведев не был взят на фронт из-за открывшейся у него чахотки и 5 июля 1916 г. скоропостижно скончался в Телятинках⁹⁵.

Но вместо сборника «Земля и труд» толстовцы успели выпустить до войны другой со схожей тематикой. В.А. и Н.А. Шейерманы, проживавшие на тот момент в поселении Люботин, издали два номера «Всемирного единения» в 1913 г. и в 1914 г. соответственно⁹⁶. Помимо войны, изданию третьего номера помешали убытки, которые понесли Шейерманы, а затем их эмиграция в Среднюю Азию. Изначально, согласно замыслу авторов, второй выпуск «Всемирного единения» должен был быть целиком посвящен земледельческим колониям в России. Таким образом, в нем были бы помещены те сведения, которые предполагалось поместить в сборнике «Земля и труд». К сожалению, по неизвестным причинам Шейерманы отошли от этого намерения и уделили больше внимания вопросам толстовского мировоззрения.

Интернациональные связи

Одновременно с развитием самоорганизации движения «на землю» происходило и расширение международных связей его участников. Можно сказать, что с рубежа XIX—XX вв. толстовские колонии как явление общественной жизни начинают преодолевать национальные границы.

⁹⁴ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 5. Ед. хр. 3. 34 л.

⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 95. Ед. хр. 20. Л. 1.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2090. Л. 55-105.

Первые контакты русских толстовцев с зарубежными общественными деятелями следует отнести к концу 1890-х гг., когда преследования царского правительства вынудили некоторых последователей Толстого покинуть родную страну⁹⁷. Достаточно хорошо известна деятельность В.Г. Черткова в Англии, об этом содержится масса ценных сведений в монографии Шарлоты Эльстон. При содействии местных последователей Толстого, наиболее активным из которых был Дж. Кенвортн, в Англии было образовано несколько земледельческих колоний⁹⁸. Еще одним любопытным фактом из жизни толстовцев-эмигрантов стало возникновение в середине 1900-х гг. небольшой, болгаро-русской земледельческой колонии близ г. Лозанны, Швейцария. Участие в ней принимали Е.И. Попов и болгары Х. Досев, Д. Жечков⁹⁹.

В течение 1905–1917 гг. среди русских толстовцев растет интерес к опыту земледельческих коммун за границей, многие из которых оказывались более успешными, чем толстовские колонии в России. Об этом интересе красноречиво свидетельствуют регулярные публикации, посвященные поселениям в Швейцарии, Германии и Голландии в журналах «Вегетарианское обозрение», «Жизнь для всех», в издании А.С. Зоннова «Календарь для всех». Некто А. Шульц прожил около года в колонии N. Niedorp близ Амстердама, о чем охотно рассказывал толстовцам в личной переписке¹⁰⁰. О судьбе болгарской общины в местечке Алан-Кайряк (сейчас — село Ясна Поляна близ Бургаса) подробную и информативную историю опубликовал в «Вегетарианском обозрении» ее участник Х. Досев¹⁰¹. Если су-

⁹⁷ Саломони А. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898-1905 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 112-127.

⁹⁸ Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2011. № 6. С. 141-146.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 95.

¹⁰⁰ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 17 6 л.

¹⁰¹ Досев Х. Община возрожденцев в Болгарии // Вегетарианское обозрение. Киев, 1914. № 1-5.

диль по материалам периодической печати, то складывается впечатление, что заграничные общины удостаивались даже большего внимания, чем колонии на родине.

Наконец, с начала XX века среди толстовцев в России начинают появляться иностранные подданные. Некоторые из этих лиц участвуют в земледельческих колониях. Отличались регулярностью контакты русских толстовцев с болгарскими единомышленниками. С. Ничев, Х. Досев, Г.С. Шопов, С. Кристев находились в постоянном общении с самим Толстым, В.Г. Чертковым, Е.И. Поповым, В.Ф. Булгаковым¹⁰². Помимо культурной близости, интенсивность этих контактов объяснялась еще и тем, что толстовство в Болгарии имело ощутимый, практически беспрецедентный размах.

По-видимому, популярность толстовства в Болгарии можно объяснить особенностями ее исторического развития. Исследуя восточные общественно-политические движения, Н.А. Симония сделал вывод о том, что появление народнических идеологий отражает «потребность в национальном самоутверждении и представляет собой один из моментов превращения этих народов из объектов в субъекты всемирного исторического процесса»; оно говорит о стремлении «найти какой-то особый, отличный от уже известных человечеству путь общественного развития»¹⁰³. Болгария, конечно, не восточная страна, однако она находилась в сходном состоянии борьбы за национальное освобождение и была вынуждена преодолевать социально-экономическое отставание.

После 1917 г. вместе с резким увеличением численности толстовцев расширялись и их международные контакты. Особенную роль в этом процессе сыграет В.Г. Чертков¹⁰⁴, деятельность которого выведет взаимоотношения русских толстовцев с иностранными единомышленниками на совершенно новый уровень.

---

¹⁰² ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123, 123прод.

¹⁰³ Симония Н.А. О роли «национальных социализмов» в революциях стран Востока // Вопросы истории. 1967. № 4 С 55

¹⁰⁴ Fodor A. A Quest for a Non-violent Russia. The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham - N.Y. - L., 1989 Pp 157-198.

Воспитание детей и детские трудовые колонии

На вопрос корреспондента Ф. Казманова про воспитание детей на его хуторе толстовец Е.Н. Воробьев ответил: «Они еще малы, мы с ними занимаемся сами. Но вообще у нас, толстовцев, это слабый пункт, вследствие которого часты случаи разлада между "отцами и детьми"»¹⁰⁵. Действительно, вопрос о воспитании детей был значимым моментом в истории практически каждой толстовской колонии.

Участники некоторых ранних толстовских общин открывали для местных крестьян школы, разумеется, без разрешения полиции. Скороходов вспоминал о школе при общине Шевелево: «Вся община была очень довольна этим делом; благодаря школе она входила в более близкие сношения с соседними крестьянами и приносила несомненную пользу, понятную интеллигенту, отчего чувствовалось некоторое удовлетворение, и потому отношения друг к другу и к делу общины значительно улучшились»¹⁰⁶. Но подобным педагогическим энтузиазмом толстовцы не могли похвастаться, когда дело касалось воспитания и обучения собственных детей. Можно, пожалуй, утверждать, что в дореволюционных колониях толстовцев эта проблема так и не была разрешена однозначно, и колонисты поступали различным образом.

В колонии Лескен детей учил один из толстовцев П.Н. Гастев, но это вызывало неоднократные споры о его компетентности¹⁰⁷. В Ржевской артели, напротив, работала специально приглашенная учительница Юлия Радина¹⁰⁸, которая, однако, не ужилась с участниками коло-

---

¹⁰⁵ Казманов Ф. Среди «толстовцев» // Баранов Е., Казманов Ф. Толстой жив. М, 1911. С. 21.

¹⁰⁶ Скороходов В.И. Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. № 8-9. С. 122.

¹⁰⁷ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. № 9. С. 122.

¹⁰⁸ НИОР РГБ. Ф. 345. К. 83. Ед. хр. 20. Л. 1-18.

нии и вскоре покинула ее. Еще чаще с педагогическим вопросом сталкивались те толстовцы-одиночки, которые дольше других проживали «на земле». Но и они поступали по-своему: отдавали детей в местные школы, учили их самостоятельно как Е.Н. Воробьев¹⁰⁹, открывали свои школы как М.В. Булыгин¹¹⁰, или брали для них учителей как Анатолий Буткевич¹¹¹.

Новый виток развития педагогики в толстовских общинах относится к советскому периоду. Большая численность, продолжительность и обособленность жизни толстовских коммун поневоле вынудили толстовцев выбирать из своего числа учителей, систематизировать принципы и задачи образования, разработать программу, отличавшуюся от государственных стандартов¹¹². Специфика детского обучения в толстовских коммунах 1920–1930-х гг. является одним из самых любопытных сюжетов истории толстовства. Но, к сожалению, он не может быть включен в данное исследование ни хронологически, ни тематически.

Но заслуживает внимания другое явление, тесно сплетавшееся с историей толстовских дореволюционных колоний. Речь идет о детских трудовых колониях или приютах, первые из которых были организованы толстовцами в 1910-е гг. Главной особенностью таких колоний было то, что в них под руководством нескольких взрослых толстовцев проживали и трудились дети-сироты, получавшие в условиях земледельческой жизни еще и азы образования.

В отличие от земледельческих поселений детские трудовые колонии не создавались толстовцами по личным умозрительным причинам, а являлись ответом на насущную потребность российского общества. В годы Первой мировой войны резко увеличилось количество детей-сирот, преимущественно для которых толстовцы и открывали детские колонии.

---

¹⁰⁹ Казманов Ф. Среди «толстовцев» // Баранов Е., Казманов Ф. Толстой жив. М, 1911. С. 21.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп. 88 (1890 г.). Д. 673. Л. 42-42об.

¹¹¹ НИОР РГБ. Ф. 599. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 429.

¹¹² Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910–1930-е годы. М., 1989. 478 с.

Еще до начала войны И.А. Беневский брал на воспитание детей из сиротских приютов¹¹³, а с ее началом в 1914 г. при содействии Чертковых оперативно было создано «Общество трудовой помощи» со своим уставом. Судя по списку участников, и это общество сразу же вступил 51 человек, среди них были толстовцы Г.И. Апарин, И.А. Беневский, А.Н. Коншин, С.М. Попов, И.И. Горбунов-Посадов, В.В. и В.Г. Чертковы¹¹⁴.

В течение первых двух лет Обществом были открыты детские колонии в Люберцах под Москвой¹¹⁵ и в имении Телятинки Тульской губ., которое покинули Чертков со своим поредевшим штатом секретарей¹¹⁶. Оба этих приюта существовали и в 1917 г., и в годы Гражданской войны. В 1915 г. толстовцы помогли восстановить уничтоженную пожаром детскую колонию «Снегири» рядом с Москвой, основанную еще в декабре 1906 г. Н.И. Верещагиной¹¹⁷. Одним из активных организаторов приюта «Снегири» был Р.А. Буткевич. С 1915 г. эта колония находилась в ведении Московского вегетарианского общества, оказывавшего ему постоянную помощь¹¹⁸. В ноябре 1917 г. то же «Общество трудовой помощи» организовало детскую трудовую колонию в с. Островка Моршанского уезда Тамбовской губ. В Гражданскую войну ее директором стал еще один активный молодой толстовец А.Е. Никитин-Хованский¹¹⁹.

Независимо от московских толстовцев две детские колонии были созданы на юге. Одну из них организовал близ Майкопа уже пожилой В.И. Скороходов в 1915 г.¹²⁰ Тогда же А. Кушлейко, мечтавший прежде о толстовской общине или «полуобщине» на своей земле, устроил вместо этого приют и взял на воспитание 5 сирот. В дальнейшем он планировал создать здесь детскую вегетариан-

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 113.

¹¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 14. Л. 1-4об.

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2090. Л. 16об.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 125 (1916 г.). Д. 126 ч. 13. Л. 1-10.

¹¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 26. Л. 1-5.

¹¹⁸ Там же. Л. 17.

¹¹⁹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 509-510.

¹²⁰ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2551. Л. 14-14об.

скую колонию, а своим воспитанникам передать землю¹²¹. Толстовцы продолжали организовывать детские колонии и в первые годы советского периода, стараясь оказать посильную помощь детям и в трудные годы Гражданской войны.

Детские трудовые колонии толстовцев были знаменательным эпизодом движения «на землю» еще и потому, что в них впервые толстовское мировоззрение было систематически применено к вопросам воспитания и обучения. Именно с этих приютов времен Первой мировой войны началось становление специфической толстовской педагогической системы, основу которой составляли уважительное отношение к ребенку и отказ от принуждения. «Ребенок чист, светел, кроток, смиренен, любящ, сам радуется и других радует, как солнце. Все это нужно сохранить в нем. Нужно не отнимать у него ни один из его божественных даров, а дать им свободно раскрыться до их возможных пределов. Это возможно только тогда, когда на ребенка будем смотреть как на высшее существо, со всем безграничным уважением и доверием к нему»¹²², — так объяснит толстовский подход к воспитанию В. Мазурин уже в советские годы.

Итак, в течение периода 1881—1917 гг. в движении толстовцев «на землю» происходили перемены. Наиболее важной из них являлась постепенная смена социального состава толстовских колоний. Если в ранних поселениях абсолютное большинство участников были представителями разночинной интеллигенции, то в поздних сравнительно многие колонисты являлись крестьянами и рабочими. Под влиянием объективных факторов развития российского общества в дореволюционный период шли два взаимосвязанных процесса: разочарование интеллигенции в толстовстве и рост интереса к нему со стороны крестьянства. Этими процессами объясняется один из исто-

---

¹²¹ Кушелейко А. К вопросу о детской вегетарианской колонии (из письма А.К. Кушелейко к И.П.) // Вегетарианское обозрение. Киев, 1915. № 2. С. 60-62.

¹²² Мазурин В. Из дневника // Сибирские огни. Новосибирск. 1991. № 10. С. 247.

риографических парадоксов толстовства: возникнув как интеллигентское течение в 1880-е гг., в советский период оно имело в своих рядах множество крестьян.

Смена социального состава и уроки печального опыта первых колоний подтолкнули толстовцев к пересмотру радикального анархического неприятия организации. С середины 1900-х гг. становятся регулярными попытки объединить единомышленников, стремящихся поселиться «на земле» из нравственных побуждений. Функции самоорганизации движения берут на себя появлявшиеся толстовские общества и органы печати, группы единомышленников и отдельные лица. Принципы организации проникали и во внутреннюю жизнь коллективных поселений предреволюционных лет. Впервые в некоторых общинах и артелях толстовцев начинают появляться уставы, элементы самоуправления, регламенты быта и труда.

С ростом численности и активности толстовцев расширяются международные контакты русских толстовцев вообще и участников движения «на землю» в частности. Особенно интенсивным было общение русских и болгарских единомышленников.

Важным элементом жизни толстовских колоний был вопрос о воспитании детей. И хотя единого решения в самих дореволюционных колониях не существовало, именно в это время толстовцы организовали первые трудовые колонии для детей-сирот. Так, фактически уже до революции, началось зарождение и практическое осуществление толстовского подхода к воспитанию детей, основанного на ненасилии, гуманности и безусловном уважении к ребенку. Этот подход уже впоследствии станет яркой и важной частью опыта толстовских коммун советского периода.

Заключение

Итак, появление толстовских идей не стало случайностью, а сами они не были только лишь плодом разыгравшегося воображения писателя Л.Н. Толстого. Возникновение толстовства явилось результатом переплетения целого ряда объективных исторических процессов. Наиболее отдаленным и глобальным среди них, общей причиной появления толстовства стало складывание капиталистических отношений. Точнее говоря, та травмирующая ломка привычного уклада, которая их сопровождала во всех сферах: реорганизация основ экономической жизни и самой социальной структуры, политические преобразования, пересмотр ценностей старого мира. Капитализм, уже восторжествовавший в странах Запада, воспринимался как внешний агрессор. Он — это универсальное, неведомое, но страшное зло, которого можно избежать, только если обратиться к самобытным, уже знакомым формам социальной жизни. Это значит, что индустриальному развитию следует противопоставить земледельческий труд, буржуазному индивидуализму и отчуждению — общинный коллективизм и братство, социальной дифференциации — равенство.

В пореформенную эпоху возникло несколько общественно-политических течений, с надеждой обратившихся к традиционным, народным рецептам против капиталистической пандемии, эти течения условно называют «народническими» или «популистскими». Своё скромное место в спектре народнических идеологий занимало и толстовство.

Но народническая суть толстовства приобрела хорошо известное специфическое обличье под влиянием некоторых других, более конкретных исторических обстоятельств. С одной стороны, наступившая в 1880-е гг. эпоха реакции, невозможность принимать участие в общественно-политической жизни и влиять на решения государства, а с другой — крах «хождений в народ» и последовавший за этим кризис народнического движения. Все это привело к тому, что привычные идеалы российского народничества в толстовстве претерпели ощутимые изменения. Грубо говоря, радикальность этих идеалов снизилась, но полностью не исчезла. Народнический «субъективный метод», примат личности перед обществом обернулся толстовским идеалом личного самосовершенствования как основного способа оздоровления социальной жизни. Анархизм народников сменился либертаризмом толстовцев, внегосударственностью, или, как сказал один из них, «экстрархизмом». Революционный настрой и активная борьба с самодержавием 1870-х гг. превратились в философию ненасилия, пассивное сопротивление властям и политический индифферентизм последователей Толстого. Сама идея служения народу в толстовстве сохранилась, но обосновывалась уже не материалистическими теориями разного рода, а религиозно-этическим смыслом учения Христа.

Любопытным историческим прецедентом стало учение о «богочеловечестве» А.К. Маликова, появившееся в середине 1870-х гг. в народнических кругах. Маликов будто бы предчувствовал кризис народничества и уже тогда проповедовал непровиновение, ненасилие, самосовершенствование, идеал земледельческого труда, предвосхитив толстовство. Так что эти «толстовские» идеалы не были чуждыми народнической среде и ранее, а некоторые из народников имели в своей душе те струны, на которых в 1880-е гг. заиграет Толстой и его последователи.

Российское народничество стало главным истоком толстовства, но не единственным. Кризис общественно-го движения и государственной власти могли подталкивать человека к поиску утешения в религиозной сфере.

Но православная церковь и ее вера находились во второй половине XIX в. не в лучшем своем состоянии. Само православие не обладало идеологической гибкостью и не успевало объяснить и принять происходившие в обществе изменения, поневоле становясь оплотом борьбы с наукой и просвещением. Ситуация обострялась тем, что после реформ Александра II священники были вынуждены существовать почти исключительно за счет местного крестьянского населения, а это содействовало росту неприязни к институту церкви с ее идеологией. Как следствие, пореформенный период стал временем рождения множества новых народных религиозных верований, направленных против церкви, и роста численности старых сектантских организаций.

Толстовство, как губка, впитало в себя эти зачастую смутные антиклерикальные настроения, развило, четче обосновало и сделало тем самым их более радикальными. Реформационные идеи русских сект в толстовстве превращались в полное отрицание религиозной мистики, таинств, обрядов, загробной жизни и даже молитвы, в отличие от большинства сектантов толстовцы признавали исключительно лишь этические нормы христианского учения. Критика религиозных организаций трансформировалось в толстовское убеждение, что не просто церковь, но и никакое сообщество верующих не должно навязывать человеку свои принципы, а слушать он должен лишь свою совесть. Глухое сектантское неповиновение властям, которое на деле часто оборачивалось компромиссом с ними, стало толстовским непотворением, подразумевавшим не только отказ от подчинения, но и убеждение угнетателей и окружающих людей — убеждение, которое становилось антигосударственной и антиклерикальной проповедью. Особый статус в толстовстве приобрели ненасильственные идеи, бытовавшие среди сектантов и прежде. Принцип пацифизма больше не был побочным следствием других религиозных убеждений, а стал краеугольным камнем толстовского мировоззрения. Словом, подобно народническим идеалам, сектантские религиозные убеждения претерпели в толстовстве заметные ме-

таморфозы, но при этом своей сути не утратили. Можно сказать, что толстовство — это народническое течение, которое избрало причудливый язык рационалистических сект для провозглашения своих идеалов.

И все же особенности толстовства не объяснить только лишь этой встречей народничества и сектантства. Было в этом явлении еще кое-что необычное — сама организация движения и те формы деятельности, которые избирали толстовцы. Толстовство жило не планомерной и целенаправленной пропагандой своих идей, а отдельными проектами и конкретными акциями, которые объединяли представителей самых различных социальных групп. Оно предлагало начать преобразование социальной жизни с малого: принципы справедливого мироустройства должны быть воплощены не в государственном или региональном масштабе, а в первую очередь — в повседневной жизни каждого отдельного человека. Этим особенностям соответствовала и сама логика толстовского учения, которое едва ли можно назвать последовательной и заранее продуманной идеологической системой. Толстовство было в значительной мере эклектичной совокупностью различных ценностей, ориентированной не на массы и кардинальные преобразования, а на каждого человека и его личные действия. Не реформы и не революции занимали умы Толстого и его последователей, а некий третий путь преобразования — постепенное изменение общественного устройства изнутри, без насилия и резких ломок.

Эти черты имеют не народническое и не сектантское происхождение, а были почерпнуты толстовством из еще одного истока — современных альтернативных, или новых социальных движений. Одно из них сосуществовало и сливалось с толстовством, оказывая на него особенно сильное влияние, речь идет о коммунитарном движении. Это влияние более всего сказалось в том, что неотъемлемой частью толстовского мировоззрения стал общинный идеал, а многие толстовцы начинали новую жизнь земледельца с организации коллективных сельскохозяйственных поселений как до, так и после Октябрьской революции.

Итак, в появлении толстовства непосредственное участие приняли три социальных течения: народничество, русское рационалистическое сектантство и альтернативные движения. Достаточно разные эти три истока толстовства кое в чем сливались воедино. Эта точка — трудовой земледельческий идеал толстовства. В нем соединялись и заветное народническое стремление обрести единство с народом, и вера сектантов в исключительную религиозно-этическую значимость земледельческого труда, и мечта участников альтернативных движений о преобразовании мира изнутри посредством практики конкретной утопии. Конечно, можно по-разному объяснить и проиллюстрировать ту особую роль, которую играли земледельческие колонии в жизни толстовцев. Но, пожалуй, в рамках исследования толстовской истории важнее всего подчеркнуть довольно простой факт. Трудовой земледельческий идеал был не просто точкой пересечения многих принципов и мечтаний толстовцев, своеобразным центром толстовской картины мира. Он был таковым как раз потому, что возник в результате закономерного слияния тех социальных течений, которые создали толстовство таким, каким мы его знаем.

Может казаться, что трудовой земледельческий идеал вместе с другими принципами социальной программы располагались где-то на обочине толстовского мировоззрения и логически подчинялись его более существенным, религиозно-философским постулатам. Такое представление в ощутимой мере ошибочно. Оно является следствием упрощенного подхода к толстовской концепции, который стремится превратить ее в стройную, логически сложившуюся и статичную систему. Но толстовство как явление включает в себя не только результат философских исканий Толстого и его единомышленников. Оно — это и сам процесс, динамика этих исканий, происходивших в определенных исторических условиях. Даже беглый и поверхностный анализ динамики развития толстовского учения может показать, что социальная программа толстовства вовсе не подчинялась его абстрактным религиозно-философским принципам. Антигосударственные, антицер-

ковные, утопические и иные толстовские идеи не были получены искусственно путем умозрительного анализа христианского учения, а отталкивались от злободневных проблем российского общества своего времени. Так что концепция Толстого, взятая в ее историческом контексте — это не столько религиозная философия, сколько своеобразная социальная программа, направленная на спасение общества от надвигающейся катастрофы.

По этой достаточно простой и очевидной причине современники Толстого воспринимали его учение иначе, чем мы. Они могли соглашаться или яростно критиковать толстовские социальные идеи, но вниманием их не обходили. Среди последователей Толстого можно условно выделить две группы: М.В. Алехин называл их «теоретиками» и «активистами». «Теоретики» следовали только религиозно-философским принципам концепции Толстого, а осуществление ее социальных идеалов откладывали на неопределенный срок. «Активисты» — напротив, стремились в первую очередь воплотить в своей личной жизни толстовскую социальную программу, центром которой был трудовой земледельческий идеал. Проще говоря, именно толстовцы-«активисты» занимались организацией земледельческих колоний, принимая непосредственно участие в движении «на землю». Можно долго спорить о том, кто более всего соответствовал духу учения Толстого: «теоретики» или «активисты». Но, если рассматривать толстовство в качестве социального явления, то именно «активистов» следует назвать более последовательными толстовцами. Ведь они не на словах следовали толстовству, а на деле стремились осуществить его народническую мечту, перешагнув пропасть между потребителем и производителем.

Для толстовца-«активиста» жизнь в земледельческой колонии являлась важной частью его программы самосовершенствования. Самосовершенствование в толстовском мировоззрении было важным, но весьма расплывчатым принципом. Оно не подразумевало определенный набор точных и однозначно установленных действий, а скорее задавало некий общий вектор, направление жизни и то-

нальность мировоззрения толстовцев. И все же теория самосовершенствования определяла мотивы поведения толстовцев в конкретных ситуациях, а вместе с тем и ряд особенностей толстовских колоний, их отличия от тех земледельческих поселений, которые основывали сторонники других мировоззренческих систем.

В колониях толстовцев сильнее проявился дух индивидуализма. Во-первых, их участники были склонны отвергать все, что могло как-либо стеснить свободу личности: уставы, регламентацию жизни и ведения хозяйства, внутреннее самоуправление, порядок принятия новых и исключения старых колонистов. Во-вторых, идеал личного земледельческого труда постепенно подчиняет общинный идеал, который в движении толстовцев «на землю» самостоятельного звучания так и не приобрел. Нельзя сказать, что коммунитарные мотивы были совсем чужды участникам толстовских поселений, но все же не мечта об общинной жизни чаще всего подталкивала толстовцев к созданию земледельческих колоний, а индивидуальное стремление каждого из них жить одной с крестьянами, трудовой жизнью. В-третьих, толстовский индивидуализм сказывался еще и в том, что их колонии были более замкнутыми от внешнего мира. Толстовцы, как правило, в меньшей мере заботились о пропаганде своих идей или о том, чтобы показать миру пример идеальной жизни, их скорее занимали проблемы собственного самосовершенствования и личного соответствия тем идеалам, которые они перед собой ставили.

Еще одной отличительной чертой толстовских колоний было так называемое «опрощение». С одной стороны, оно подразумевало аскетизм в быту: неприятие роскоши, умеренность в пище и вегетарианство, правственное поведение, отказ от вредных привычек. С другой стороны, «опрощение» приводило интеллигентов-толстовцев к абсолютизации физического труда, возведению его в культ. В то же время умственная деятельность и интеллектуальное развитие зачастую считались толстовцами бессмысленными и избыточными. Особенностью толстовских колоний были напряженные отношения их участников

с представителями местной власти. Стараясь построить свою жизнь вне государственного устройства, толстовцы часто отказывались от военной службы, присяги, выплаты податей, а это делало конфликты с полицией и чиновниками практически неизбежными спутниками большинства толстовских поселений. То же можно сказать и об отношении с местным духовенством. Беспокойство и раздражение священников толстовцы вызывали тем, что чаще всего не посещали церквей, не исполняли обрядов и не крестили детей, работали в праздники, а в беседах с местными крестьянами открыто говорили о своих антицерковных взглядах и проповедовали какую-то новую неведомую веру. При этом толстовцы не были фанатиками и отличались терпимостью к религиозному инакомыслию, поэтому еще одна особенность толстовских поселений состояла в том, что в них часто проживали представители рационалистических сект, в особенности духоборы, молокане и шундисты.

Естественно, оказавшись с такими убеждениями в русской деревне, толстовец становился там «белой вороной». И в этом состоял один из парадоксов его мировоззрения и реальной жизни. Нервом движения «на землю» был толстовский мотив единения — мечта о том, что все религиозные, политические, национальные и социальные преграды между людьми будут преодолены, и человечество медленно, но верно превратится в большую братскую семью. Да, всемирное единение оставалось далекой и несбыточной мечтой, но, создавая земледельческую колонию, толстовец делал первый шаг на пути к ее осуществлению. Добывая себе хлеб трудами рук своих, он выходил из порочного круга социального антагонизма и начинал жить общей с простым народом жизнью. Кроме того, если толстовец селился «на земле» со своими друзьями, то тесное общение, совместная работа и бытовая жизнь делали возможным единение этих людей в рамках небольшой группы. Так представлялось единение в теории. Разумеется, на практике все оказывалось сложнее. И даже в тех случаях, когда толстовцам удавалось наладить свою жизнь «на земле», этот парадокс толстовского единения все равно

оставался неразрешенным. Ведь современная жизнь с его государствами, насилием, церквями и неравенством была органически враждебна толстовству, и, чтобы сделать шаг навстречу единению с миром, приходилось замкнуться в своей маленькой рукотворной утопии.

Как и самосовершенствование, единение было расплывчатым идеалом, который в истории движения «на землю» воплощался по-разному. Кое-кто из толстовцев заметил, что сложившиеся виды земледельческих колоний являются как бы ступенями единения. Действительно, в форме общины с коммунистическими принципами идеал единения выражается полнее, чем в артельной организации, социалистической по своей сути. В меньшей степени единение проявлялось в быте соседских поселений. В таких колониях толстовцы вели индивидуальные хозяйства, но жили в непосредственной близости и поддерживали между собой постоянное общение. Хутора, на которых толстовцы селились одиночками или со своими семьями, были самыми замкнутыми от внешнего мира формами земледельческих колоний. Наивысшей ступенью единения и наиболее специфической его формой было странничество. Толстолец-странник не имел постоянного места жительства, работы, документов и собственности, зато он в полной мере обладал единением с внешним, а не только толстовским миром. Будучи наиболее радикальной и контркультурной, эта форма единения встречалась реже всего, но была самой заметной.

Движение толстовцев «на землю» в дореволюционный период имело свою логику развития и прошло несколько этапов. Период с 1880-х гг. до середины 1890-х можно назвать общинным этапом. На фоне кризиса народнического движения и эпохи общественно-политической реакции первые толстовские общины казались необычным явлением и привлекали к себе внимание современников. Чаще всего те критиковали идеалы общинников, на разные лады убеждали себя и окружающих в нежизнеспособности толстовства, саркастично усмехались попыткам интеллигентов заниматься земледельческим трудом. Но все же современники присматривались с разной до-

лей любознательности к судьбе толстовских общин, вдруг у их участников получится что-то заслуживающее внимания, и тогда вся многоликая критика толстовства окажется неуместной. К злорадному удовольствию большинства свидетелей все десять толстовских общин потерпели быстрый и эффектный крах. Каждая из колоний существовала менее чем три года, до отказа наполненных, как правило, бесплодной борьбой толстовцев со своими недостатками, конфликтами участников между собой и неудачными попытками преодолеть хозяйственную несостоятельность поселений. Выставив и посмаковав эти непримечательные стороны жизни общин, современники как будто убедились в справедливости своих изначальных обвинений в адрес толстовства и с облегчением о нем забыли. По большому счету такими и были запечатлены в истории дореволюционные колонии толстовцев — единичными попытками несуразных интеллигентов жить трудами рук своих, вылившимися то ли в комедийный водевиль, то ли в тяжелую драму. Вот только ранние общины стали лишь одной из страниц движения толстовцев «на землю», страницей важной, но не единственной.

Часть участников первых толстовских общин не спешили распрощаться со своими попытками поселиться «на земле». Видимо, негативный коммунитарный опыт подсказывал им и другим толстовцам, что избрать нужно другую форму организации колоний. Некоторое время толстовцы практически не создавали общины и артели, и небольшой временной отрезок с 1894 г. до 1907 г. стал этапом соседских поселений. Всего известно 10 таких колоний, только одна из них была создана чуть позже, в 1912 г. Кроме того, в конце 1900-х гг. форму соседских поселений постепенно приобрели еще две колонии, первоначально организованные на общинных принципах. Можно предположить, что ведение отдельных индивидуальных хозяйств и постоянное общение с единомышленниками оказывали положительное влияние на внутренний климат соседских поселений. Кажется, что их быт значительно реже сотрясали внутренние конфликты. Так или иначе, существовали такие колонии дольше, чем ран-

ние общины. В некоторых соседских поселениях, например, в Водопаде или в Люботине, толстовцы не просто встретили начало советской эпохи, но и жили до конца своих дней.

Небольшим исключением из правила стала община «Лысая гора», созданная в 1896 г. А.В. Юшко. Казалось бы, хронологически она ближе располагалась к ранним толстовским общинам, но от них ее отличали иной социальный состав участников, место расположения и сравнительно долгий период существования — около 5 лет.

Постепенно ряды толстовцев пополняются новыми энергичными людьми, которые не видели воочию краха общин 1880—1890-х гг. и надеялись, что при создании коллективных поселений смогут избежать ошибок своих предшественников. Период с 1905 г. по 1917 г. стал временем возвращения толстовцев к попыткам создания общин и появлением в движении «на землю» новой «компромиссной» формы — артели. На общинно-артельном этапе толстовцами было создано 12 коллективных поселений: 6 общин и 6 артелей. При этом в первые годы мировой войны не появилось ни одной колонии. Но в самом конце дореволюционной эпохи на Михайловском перевале Черноморской губ. толстовцы организовали артель в 1916 г. и общину в 1917 г.

Представители нового поколения толстовцев действительно извлекли кое-какие уроки из трагических судеб ранних общин. Участники некоторых коллективных поселений 1905—1917 гг. предпринимали попытки обуздать тот анархический и эгоистический дух, который приводил большинство колоний к распаду. В артелях появлялись уставы и самоуправление, а вместе с тем и правила поведения, толстовцы начали серьезнее относиться к отбору участников и к хозяйственной стороне жизни. Это не могло не сказаться на увеличении продолжительности коллективных поселений. На этот раз многие из них шагнули за пятилетний рубеж, а Таежная артель существовала более 8 лет. Впрочем, другие толстовцы не оставляли надежд создать общины без всякой организации и компромиссов с идеалом, по типу поселений

1880—1890-х гг. Такие общины 1905—1917 гг. распались с той же стремительностью, с какой в свое время терпели крах их прототипы.

И все-таки та же судьба постигла и большинство колоний общинно-артельного этапа, и 1917 г. встретили лишь единицы из них. Рассуждения о причинах краха толстовских коллективных поселений многочисленны и разнообразны. Безусловно, важным фактором было давление, которое испытывали толстовцы со стороны церкви, государства, полиции, общественности и местного крестьянства, но ведь часто общины и артели распались и без постороннего вмешательства.

Кажется, что само толстовское мировоззрение становилось своего рода соблазном и содержало в себе предпосылку этого краха. Последователей писателя интересовал труд, а не его результат, внешнее «опрощение», а не внутреннее принятие образа жизни земледельца, теоретические, а не практические вопросы. С таким подходом толстовские общины были обречены на хозяйственную несостоятельность с самого начала. Но с этой несостоятельностью сталкивался коллектив, а не каждый из его участников непосредственно. О ней в колониях много говорили и мучительно спорили, но сама форма коллективного хозяйства не позволяла каждому из толстовцев пересмотреть свое отношение к практическим вопросам земледельческой жизни. В общине участник слишком легко мог убедить себя в том, что в хозяйственной несостоятельности виноват не он сам, а коллектив в целом или кто-то другой. Так что соединение толстовских идей с общинной формой организации часто производило губительный эффект, особенно в судьбах тех колоний, которые объединяли лиц, впервые взявшихся за земледельческий труд. Впрочем, не стоит забывать, что крах общин указывал вовсе не на ошибочность толстовского трудового идеала как такового, а на то, что он нуждается в более подходящем практическом обличье.

Сложно сказать, осознавали ли это сами толстовцы, но многие из них с самого начала шли иным путем и селились «на земле» индивидуальными хозяйствами. Тол-

стовские хутора — отдельная и наименее неисследованная страница движения «на землю» дореволюционного периода. Толстовцы-одиночки чаще всего вели замкнутый образ жизни, да и хозяйство поглощало большую часть их сил и времени. Как следствие, о них забывали не только редкие исследователи толстовских колоний, но даже и их собственные современники. Всего были найдены сведения о 22 толстовских хуторах, но их могло быть и намного больше. Из-за отрывочности данных выделить какую-либо закономерность их появления в течение дореволюционного периода проблематично, хотя можно заметить, что с середины 1900-х гг. толстовские хутора появлялись чуть реже.

Главное преимущество хуторского хозяйства состояло в том, что оно позволяло преодолеть недостаток практичности трудового идеала толстовца, направив его силы в нужное русло. Хуторянин четче осознавал, что благополучие зависит от продуктивности повседневной хозяйственной деятельности, поэтому большую часть усилий вкладывал в сам труд, а не в обсуждение и разрешение религиозно-этических вопросов. Это простое и очевидное обстоятельство делало хутора наиболее оптимальным путем перехода толстовцев к земледельческой жизни. Многие толстовцы, селившиеся индивидуальными хозяйствами в дореволюционный период, на всю жизнь остались «культурными земледельцами», а некоторые из них встретили 1930-е и 1940-е гг. Можно сказать, что именно толстовцам-одиночкам удалось то, что не получилось у общинников — осуществить ту самую, заветную мечту о жизни трудами рук своих. Остается лишь пожалеть, что в коллективной памяти современников были запечатлены не скромные, единичные успехи толстовцев-хуторян, а курьезные и звонкие крушения толстовских общин.

Наверняка, ложкой дегтя толстовцам-хуторянам казались те компромиссы, на которые многим из них приходилось идти в ходе и без того нелегкой земледельческой жизни. Да и других толстовцев нередко терзали сомнения в полноценности толстовских идеалов. Поэтому особым вниманием и уважением в толстовских кругах пользовались толстов-

цы-странники, наиболее радикально и бескомпромиссно вставшие на путь единения с человечеством. Они вдохновлялись теми же мечтами, что и колонисты, работали вместе с ними и жили в одних поселениях. Но странники пытались миновать тот парадокс толстовской утопии, согласно которому единение с миром достигалось бегством от него, и не замыкались в границы определенных земледельческих поселений. Толстовцы-странники были единичным явлением, но жизни некоторых из них (С.М. Попова, Л.В. Томилова, Л.Н. Пульнера) становились настоящим вдохновением для единомышленников, потому что подтверждали осуществимость самых смелых толстовских мечтаний.

Осталось сказать несколько слов об основных тенденциях развития движения толстовцев «на землю» в дореволюционный период. Всего поименно известны 505 его участников, а общая численность движения едва ли превосходила одну тысячу человек. Пожалуй, суммарное количество участников толстовских колоний является достаточно точным показателем популярности толстовства, его удельного веса в общественной жизни дореволюционной России. Однако то, действительно скромное влияние, которым пользовалось толстовство, основывалось не на масштабности толстовского движения, да и его сторонники никогда не стремились подчинить себе умы современников. Значимость толстовства уместнее измерять скорее качественно, чем количественно. Оно привлекало внимание своей эксцентричностью, нестандартным подходом к решению социальных и иных проблем. Так, некоторые толстовские колонии вызывали относительно большой общественный резонанс, по своей силе совершенно непропорциональный их малой численности.

Наиболее важной тенденцией развития движения «на землю» в дореволюционный период стала трансформация его социального состава. Известна социальная принадлежность 424 толстовцев из 505. В рамках этой группы большинство составляли разночинцы (178 человек) и крестьяне (115 человек). Кроме того, в дореволюционных толстовских колониях приняли участие 49 мешан, 38 дворян, 35 рабочих, 6 иностранных подданных, 3 казака.

В течение 1881—1917 гг. под воздействием ряда объективных факторов в толстовских колониях постепенно становилось, с одной стороны, меньше разночинцев, а с другой — больше крестьян и рабочих. Уменьшению количества разночинцев содействовала медленная, но верная консолидация интеллигенции как социального слоя и, как следствие, снижение ее контркультурного импульса. В то же время тех разночинцев, которые по-прежнему не желали мириться с существующим строем, все менее и менее устраивал толстовский пацифизм. И в сложившейся ситуации неуклонного роста социальной напряженности они обращались к более активным, революционным идеологиям.

Рост интереса крестьян к толстовству обусловлен разложением патриархально-общинного уклада, резко ускорившимся с началом аграрной реформы П.А. Столыпина. В толстовстве крестьяне видели дорогие их сердцу ценности и отношения старого мира, которые стремительно поглощает капитализм. Сходным образом объясняется и появление в толстовских колониях рабочих, которые были, по сути, вчерашними крестьянами. Тяжесть фабричного труда, деклассированность рабочих приводили к тому, что они еще острее испытывали отторжение к нарождающимся капиталистическим отношениям и еще охотнее вставали на путь бегства от современной цивилизации. Демократизации социального состава движения содействовала и кратковременная эпоха разочарования в революционных идеях, наступившая вслед за первой русской революцией. На этот раз это разочарование коснулось не столько интеллигенции, сколько представителей народных масс, вовлеченных прежде в революционную борьбу.

Еще одной заметной чертой эволюции движения «на землю» в дореволюционные годы стало постепенное развитие его самоорганизации. После 1905 г. толстовцы намного активнее и продуктивнее пытаются объединить реальных и потенциальных участников движения «на землю», содействовать возникновению новых колоний и оказать помощь уже существующим поселениям. Такие функции либо номинально, либо неформально начинают

брать на себя толстовские общества и кружки, периодические издания, отдельные активисты. В 1909 г. возникло известное Московское вегетарианское общество, ставшее на несколько десятилетий важнейшим центром толстовского движения. Еще бóльшим событием для истории толстовских колоний стало создание в 1913 г. «Справочного бюро по вопросам устройства земледельческих общин, коммун и артелей». Секретарю этого бюро А.А. Медведеву в короткие сроки удалось собрать множество сведений о современном состоянии движения «на землю». Но, к сожалению, в годы Первой мировой войны процесс появления новых колоний прервался, деятельность бюро потеряла всякий смысл и была приостановлена.

Аналогичную динамику в дореволюционный период имело расширение интернациональных связей толстовцев. На рубеже XIX—XX вв. толстовское движение преодолевает границы Российской империи и приобретает сторонников среди подданных других государств. К 1910-м гг. контакты толстовцев со своими единомышленниками за рубежом были многообразны и регулярны. Это отразилось и на толстовских колониях, среди участников которых появляются первые иностранцы.

На закате дореволюционной эпохи неотъемлемой частью движения «на землю» стали детские трудовые колонии-приюты, которые толстовцы создавали для сирот. В этих поселениях взрослые участники не только занимались земледелием, но и давали детям азы образования как практического, так и теоретического. Именно в дореволюционных детских колониях началось становление яркой и своеобразной педагогической системы, характерной для толстовских коммун советского времени.

Толстовское движение «на землю» не только не утратило с началом советской эры, но более чем успешно продолжило свое развитие. Можно смело сказать, что 1917 г. стал важнейшим рубежом, за которым начался совершенно новый этап толстовской истории. Тенденции развития движения дореволюционного периода были лишь ростками, которые дадут в послеоктябрьские годы обильные плоды. В трудное время Гражданской войны и станов-

ления советского государства толстовству еще предстоит пережить свой «золотой век», когда сеть толстовских поселений раскинется практически по всей стране, а ряды его единомышленников будут объединять представителей самых разных слоев и профессий. А затем несовместимость толстовства с советской системой приведет его к печальному исходу и в конце 1930-х гг. власть ликвидирует последние толстовские общины. После этого социальные идеалы толстовцев уже никогда не будут столь же близки к своему осуществлению, а толстовство останется мировоззрением лишь отдельных лиц. Впрочем, в 1917 г. все это было еще впереди, на следующей советской странице толстовской истории.

Знакомство с судьбами толстовских колоний дореволюционного периода оставляет неоднозначное впечатление. Казалось бы, что подавляющее большинство их попыток стать в ряды земледельцев были неудачными, а мировоззрение толстовцев было испещрено парадоксами. Но все-таки сложно согласиться и со стереотипным представлением, согласно которому история земледельческих колоний толстовцев целиком состоит из провалов и является, по сути, историей крушения толстовских надежд. Сразу как-то вспоминаются две крупных толстовских артели, встретивших 1917 г., и два южных соседских поселения, где толстовцы жили до 1920-х и 1930-х гг., и несколько еще более долговечных хуторов, и странники С.М. Попов и Л.Н. Пульнер. А история толстовских коммун советского периода и вовсе завораживает своим масштабом и трагическим финалом. Так что метод проб и ошибок вовсе не привел толстовство в тупик, а вылился в создание чего-то нового — маленьких островков утопии в бушующем океане человеческой истории. Пожалуй, несуразны они, да и недолговечны, как многое вокруг нас, но все-таки не отрицать же существование этих островков утопии, воздвигаемых вопреки всему трудами рук своих.

Приложения

Приложение 1.

Поименный список участников колоний в 1881—1917 гг.

Список составлен в алфавитном порядке.

Включает в себя имена взрослых участников, за исключением тех случаев, когда лица юношеского возраста проживали в колониях без опеки родителей.

Фамилии жен, за исключением случаев гражданских браков, даны по фамилиям их мужей. Девичьи фамилии, если известны, приведены в скобках.

В первую очередь приведена приобретенная социальная принадлежность (разночинец, рабочий); если также известно социальное происхождение лица, то оно указано в скобках. Если профессия лица не установлена, то в качестве социальной принадлежности указано его номинальное происхождение, если оно известно.

В тех же случаях, когда об участнике ничего неизвестно, кроме фамилии, в скобках указано его родство с другими участниками колоний.

В квадратных скобках приведены другие известные варианты фамилий, имен и отчеств тех же лиц.

1. Алейников Гавриил Степанович. Крестьянин
2. Александри Николай Николаевич. Дворянин
3. Алексеев Василий Иванович. Разночинец (из дворян)
4. Алексеев Николай Алексеевич. Крестьянин
5. Алексеева Мария. Крестьянка
6. Алехин Алексей Васильевич. Разночинец (из купцов)
7. Алехин Аркадий Васильевич. Разночинец (из купцов)
8. Алехин Аркадий Егорович. Разночинец (из купцов)
9. Алехин Митрофан Васильевич. Разночинец (из купцов)
10. Алехина Дарья Николаевна
11. Алмазов Алексей Иванович. Разночинец (из дворян)
12. Алмазов Василий Алексеевич. Разночинец (из дворян)
13. Алмазова Ольга Васильевна. Разночинка (из дворян)
14. Ансонская Ефросинья Яковлевна. Рабочая (из мещан)
15. Ансонская София. Мещанка
16. Ансонский Иван. Мещанин
17. Ансонский Александр Янович. Мещанин
18. Ансонский Анс-Ани [Ян]. Рабочий (из крестьян)
19. Ансонский Василий Янович. Мещанин
20. Ансонский Георгий Янович. Мещанин
21. Ансонский Федор
22. Антонов [Фурман, Фурманов] Василий Ильич. Разночинец (из мещан)
23. Антонов Владимир
24. Антонов Максим Артемьевич. Рабочий (из мещан)
25. Антюфьев Назар Яковлевич. Казак
26. Аленченко Семен Иванович. Разночинец (из крестьян)
27. Апурин Петр Семенович. Крестьянин
28. Артеменко Макарий Сидорович. Крестьянин
29. Архангельский Александр Иванович. Разночинец
30. Асеев Александр Викторович. Разночинец
31. Афанасьев Федор Федорович. Разночинец
32. Бабанин Степан Александрович. Разночинец (из дворян)
33. Базарник Михаил Иосифатович. Крестьянин
34. Баршева Ольга Алексеевна. Разночинка
35. Безверхая Александра Федоровна. Рабочая (из крестьян)
36. Безверхая Анна Михайловна. Крестьянка
37. Безверхий Павел Федорович. Рабочий (из крестьян)
38. Бельский Самуил Моисеевич. Разночинец (из мещан)
39. Беликов Петр Дмитриевич. Разночинец
40. Белозеров Вячеслав Алексеевич. Мещанин
41. Бенеvская (Федоровская) Евдокия Сидоровна. Крестьянка

42. Беневский Иван Аркадьевич. Дворянин
43. Беспалова Евгения Васильевна
44. Бибииков Александр Дмитриевич. Дворянин
45. Бибиикова Степанида. Крестьянка
46. Бирюль [Бируля] Алексей Адамович. Разночинец (из крестьян)
47. Бирюков Павел Иванович. Дворянин
48. Блинов Константин Львович. Разночинец
49. Блохина Ольга Ивановна
50. Бобровская Татьяна Анисимовна. Мещанка
51. Бобровских Константин Максимович. Разночинец (из мещан)
52. Бобровских Тихон Максимович. Мещанин
53. Богданов Иван. Рабочий (из крестьян)
54. Богданов Яков Иванович. Крестьянин
55. Богданова Акулина Никитична. Крестьянка
56. Бодянская Анна Григорьевна. Дворянка
57. Бодянский Александр Михайлович. Дворянин
58. Бодянский Иван Александрович. Разночинец (из дворян)
59. Бооль Клара Карловна. Разночинка
60. Боровикова Елена Александровна. Разночинка (из мещан)
61. Боровицкая Акулиня Михайловна. Крестьянка
62. Бочкарев Андрей Иванович. Рабочий (из крестьян)
63. Бочкарева Антонина Анисимовна. Крестьянка
64. Бровко Ефим Андреевич. Крестьянин
65. Будин Ян. Крестьянин
66. Булатов Яков
67. Булыгин Михаил Васильевич. Дворянин
68. Булыгин Сергей Михайлович. Разночинец (из дворян)
69. Бушин Иван Алексеевич. Разночинец (из дворян)
70. Бурштейн Клара
71. Бурштейн (муж К. Бурштейн)
72. Буткевич Алатолий Степанович. Разночинец (из дворян)
73. Буткевич Андрей Степанович. Разночинец (из дворян)
74. Буткевич (Рахманова) Евгения Васильевна. Разночинка (из дворян)
75. Буткевич (Штыкина) Елизавета Филипповна. Разночинка
76. Буткевич Рафаил Анатольевич. Разночинец (из дворян)
77. Бушаев Константин. Крестьянин
78. Бушаева
79. Вайнер Леонид Лазаревич. Мещанин
80. Вейнберг Михаил
81. Великанов Павел Васильевич. Разночинец (из крестьян)

82. Веселов Алексей Михайлович. Разночинец (из дворян)
83. Винер Цецилия Владимировна. Разночинка (из дворян)
84. Виноградова Евдокия Николаевна. Мещанка
85. Виноградов Василий Васильевич. Рабочий (из мещан)
86. Виноградский Гавриил Александрович
87. Вишневский Виктор Николаевич. Разночинец
88. Вишня Евдокия Федоровна. Мещанка
89. Вишня Семен Трофимович. Рабочий (из мещан)
90. Воробьев Ефим Николаевич. Разночинец (из мещан)
91. Воробьев Николай Ефимович. Разночинец (из мещан)
92. Воробьева Анастасия Васильевна
93. Воронец Вера Николаевна. Дворянка
94. Гавардовский Иван Николаевич
95. Галицкая Роза
96. Галицкий Николай. Рабочий
97. Гастев Петр Николаевич. Разночинец (из духовенства)
98. Гастева (Скороходова) Ольга Владимировна. Разночинка (из дворян)
99. Ге (сын) Николай Николаевич. Дворянин
100. Герцон [Герцог] Александр Александрович. Разночинец
101. Головастиков Александр Иванович
102. Голота Анна Алексеевна. Разночинка
103. Голубев Козьма Семенович. Крестьянин
104. Гольдфельд Екатерина
105. Гольдфельд Маркус
106. Гонтарева Мария Григорьевна. Разночинка
107. Горбунова Валентина Леонидовна. Мещанка
108. Горбунова Мария Ивановна. Мещанка
109. Гордеева Варвара Мартемьянова. Мещанка
110. Граубергер Федор Христофорович. Разночинец (из мещан)
111. Григорьев Михаил Георгиевич. Разночинец (из мещан)
112. Григорьев Николай Валентинович. Мещанин
113. Гриненко Мария Степановна. Крестьянка
114. Гриненко Петр Романович. Крестьянин
115. Гриненко Роман Антонович. Крестьянин
116. Гроздов [Котылев, Котуев] Федор Филиппович. Крестьянин
117. Громан Сергей Густавович. Разночинец
118. Гусаров Иван Сергеевич. Рабочий (из крестьян)
119. Гусарова (жена И.С. Гусарова). Крестьянка
120. Гусарова Зинаида Ивановна. Крестьянка
121. Дадзиани Георгий Александрович. Дворянин
122. Дадзиани Надежда Яковлевна. Дворянка.

123. Данилова Вера Александровна. Разночинка.
124. Дзедзевич Елена Семеновна. Мещанка
125. Дзюба Александр Тихонович. Крестьянин
126. Дзюба Тихон. Крестьянин
127. Дзюба (Воробьева) [имя неизвестно] Ефимовна. Крестьянка
128. Дмитриев Сергей Логинович. Разночинец (из крестьян)
129. Добролюбова Анна Андреевна. Разночинка
130. Догорская Авдотья Алексеевна. Разночинка (из духовенства)
131. Долгополова Серафима Андреевна. Разночинка
132. Дольнер Анатолий Владиславович. Разночинец
133. Досев Христо Федосеевич. Иностраннный подданный (болгарин)
134. Досева (Скороходова) Мария Владимировна. Разночинка (из дворян)
135. Доценко Михаил Павлович. Мещанин.
136. Дранин Иван Степанович. Разночинец
137. Дудченко Ирина Михайловна. Мещанка
138. Дудченко Митрофан Семенович. Мещанин
139. Дудченко Николай Иванович. Мещанин
140. Дудченко Тихон Семенович. Мещанин
141. Дунин
142. Дунина (жена Дунина)
143. Душкин Леонтий Евсеевич. Рабочий
144. Елиференко Борис Тимофеевич. Крестьянин
145. Елиференко Дарья Федоровна. Крестьянка
146. Елиференко Елена Тимофеевна. Крестьянка
147. Елиференко Тимофей Терентьевич. Крестьянин
148. Ермолин Владимир Федорович. Разночинец (из духовенства)
149. Ермолин Михаил Федорович. Разночинец (из духовенства)
150. Ефимов Яков Ефимович. Рабочий (из мещан)
151. Ефимова Елизавета Михайловна. Рабочая (из мещан)
152. Жашкевич Павел Антонович. Крестьянин
153. Животков Василий Иванович. Разночинец (из духовенства)
154. Жилинская (Виноградова) Екатерина Васильевна. Разночинка (из мещан)
155. Жилинский Георгий Бертольдovich. Рабочий
156. Забара Андрей Иванович. Крестьянин
157. Забара Зинаида. Крестьянка
158. Забара Кузьма Илларионович. Рабочий (из крестьян)
159. Заболотнюк Сергей Александрович. Рабочий (из крестьян)

160. Задорожная Елизавета Васильевна. Казачка
161. Зайцев Александр Иванович. Крестьянин
162. Зайцев Дмитрий. Крестьянин
163. Зайцев Игнат Николаевич. Крестьянин
164. Зайцева Марья Романовна. Крестьянка
165. Залюбовская (жена А.П. Залюбовского)
166. Залюбовский Алексей Петрович. Дворянин
167. Засосов Владимир Иванович. Крестьянин
168. Зейдман
169. Злинченко Кирилл Петрович. Мещанин
170. Злинченко (мать К.П. Злинченко). Мещанка
171. Золотарев Василий Петрович. Мещанин
172. Золотарев Максим Петрович. Рабочий (из мещан)
173. Золотарева (Венкова) Александра Ивановна
174. Зорринг Сусанна Петровна. Мещанка
175. Иванов Григорий Леонтьевич. Мещанин
176. Иванов М.Н.
177. Иванов Николай Семенович. Рабочий (из мещан)
178. Иванов Петр.
179. Изюмченко Николай Трофимович. Крестьянин
180. Иконников Антон Иванович. Рабочий (из крестьян)
181. Ильинская Надежда Федоровна. Дворянка
182. Кадзюлис Иван [Ян] Юрьевич. Разночинец (из крестьян)
183. Калантаров Евгений Савич. Разночинец
184. Каневский [Коневский] Анатолий Николаевич. Дворянин
185. Каплан-Перпер (Каплан) Эсфирь Исааковна
186. Карасев Иван Васильевич. Крестьянин
187. Карпенко Андрей Артемьевич. Крестьянин
188. Карпов И.
189. Картушин Петр Прокофьевич. Разночинец (из казаков)
190. Кареев Павел Петрович. Мещанин
191. Килифарский. Иностраннный подданный (болгарин)
192. Киселевич Яков Иванович. Разночинец (из мещан)
193. Клитчоглу Георгий Иванович. Разночинец
194. Клопский Иван Михайлович. Разночинец (из духовенства)
195. Клочко В.
196. Клочко Григорий Федорович. Крестьянин
197. Клочко Екатерина Григорьевна. Крестьянка
198. Клочко Иван Григорьевич. Крестьянин
199. Клочко Фекла [Елена] Ивановна. Крестьянка.
200. Коваленкова Мелания Васильевна. Крестьянка
201. Коган Михаил Леонтьевич. Разночинец
202. Кожушко Михаил Петрович. Разночинец (из мещан)

203. Козлов Владимир. Рабочий (из крестьян)
204. Козлов Федор Александрович. Разночинец (из крестьян)
205. Козлова [Павлова] Варвара Павловна. Мещанка
206. Колесниченко Алексей Яковлевич. Разночинец
207. Колосов Василий
208. Колосов Иван
209. Колягин Алексей Иванович. Мещанин
210. Конашевич Кондратий Федорович. Разночинец
211. Коняхин Николай Алексеевич. Крестьянин
212. Коняхина Антонина Алексеевна. Крестьянка
213. Корнилов Андрей Васильевич. Крестьянин
214. Корнилов Василий Васильевич, крестьянин
215. Корнилов Федор Васильевич. Крестьянин
216. Корнилова Анна Иосифовна. Крестьянка
217. Короб Роман Емельянович. Разночинец
218. Кошечая (жена Т.Н. Кошевого). Крестьянка
219. Кошевой Иван Тихонович. Крестьянин
220. Кошевой Тихон Николаевич. Крестьянин
221. Косенко Николай Антонович. Мещанин
222. Красинский Николай Денисович
223. Крупский Александр Николаевич
224. Крюкова [Крюкович] Софья Алексеевна. Дворянка
225. Кудрявцева Мария Федоровна. Разночинка
226. Кузевич Егор Павлович. Крестьянин
227. Кузевич Мария Павловна. Крестьянка
228. Кузнецов Сергей Дементьевич. Разночинец (из купцов)
229. Кулагин Николай Николаевич. Разночинец
230. Кусаков Иван. Дворянин
231. Кусакова Александра Ивановна. Дворянка
232. Кусакова Варвара. Дворянка
233. Кусакова Ольга Ивановна. Дворянка
234. Кухарев [Кухаренко] Григорий
235. Кырылюков Трофим Петрович. Крестьянин
236. Кырылюкова Татьяна Васильевна. Крестьянка
237. Лариенко Вячеслав Александрович. Разночинец
238. Ларионов Иван Васильевич. Мещанин
239. Лебедева Александра Александровна. Разночинка (из крестьян)
240. Лебедево Иван Григорьевич. Крестьянин
241. Лебедево Иван Иванович. Крестьянин
242. Лебедево Наталья Николаевна. Крестьянка
243. Лебрен Виктор Апатольевич. Иностранец подданный (француз)

244. Лебрен (Елгаштина) Иулиана Семеновна
245. Лебрен (мать В.А. Лебрена). Иностранная подданная (француженка)
246. Ледерле Петр Михайлович. Разночинец
247. Ледерле Альберт Михайлович. Разночинец
248. Ледерле (жена П.М. Ледерле)
249. Леонтьев Борис Николаевич. Разночинец
250. Лиман Василий Стефанович. Крестьянин
251. Линденберг Герман Романович. Разночинец (из мещан)
252. Лисиченко Дмитрий Петрович. Крестьянин
253. Лозинский Александр. Мещанин
254. Любарская Анна Львовна. Разночинка (из купцов)
255. Любич Ефим Николаевич. Разночинец
256. Любич (жена Е.Н. Любича)
257. Макаров Алексей Федорович
258. Макаров Василий Петрович. Разночинец
259. Макарова Вера Васильевна. Разночинка
260. Макарова Евгения Филипповна. Разночинка
261. Макарова Надежда Васильевна. Разночинка
262. Макеев Александр Гордеевич. Разночинец (из крестьян)
263. Маккавейская Евгения Ивановна. Разночинка (из дворян)
264. Маклаков Василий Алексеевич. Разночинец (из дворян)
265. Маласай Кузьма Корнеевич. Крестьянин
266. Марес Леон Альберт. Иностраный подданный (француз)
267. Маронко Козьма Николаевич. Крестьянин
268. Маршанд Наталия Леонардовна. Разночинка
269. Марюшпан Рейн Петрович. Крестьянин
270. Мацкевич Екатерина Васильевна. Разночинка (из духовенства)
271. Медведев [Снязин] Анатолий Александрович. Разночинец (из мещан)
272. Меньшов Михаил Васильевич. Рабочий (из крестьян)
273. Менцева Елена Алексеевна. Разночинка
274. Михайлов Аполлон Тимофеевич
275. Михайлова (жена А.Т. Михайлова)
276. Миронов Борис Семенович. Разночинец
277. Могила Ефрем Федорович. Разночинец
278. Муратов
279. Муфель Вячеслав Андреевич. Разночинец
280. Накашидзе (Оникова) Варвара. Дворянка
281. Накашидзе Елена Петровна. Дворянка
282. Накашидзе Илья Петрович. Дворянин
283. Накашидзе Леван Петрович. Дворянин

284. Несмелов Василий Павлович. Разночинец
285. Нечаева Евдокия Павловна
286. Никонов Никанор Алексеевич. Крестьянин
287. Никифоров Лев Львович. Разночинец (из дворян)
288. Никифоров Лев Павлович. Разночинец (из дворян)
289. Никифоров Павел Львович. Разночинец (из дворян)
290. Никифоров Яков Максимович. Мещанин
291. Никифорова (Засулич) Екатерина Ивановна. Разночинка (из дворян)
292. Николаев Сергей Дмитриевич. Разночинец
293. Николаева Лариса Дмитриевна. Разночинка
294. Никольская Анна Васильевна. Дворянка
295. Никольская Надежда Николаевна. Разночинка
296. Ниненберг Владимир [Вольдемар] Тенович. Рабочий (из крестьян)
297. Новичков Гавриил Александрович. Рабочий (из крестьян)
298. Новоселов Михаил Александрович. Разночинец (из дворян)
299. Обухова Александра Ивановна. Разночинка (из мещан)
300. Овсянников Прокофий Степанович. Рабочий (из крестьян)
301. Овсянников Феодосий Прокофьевич. Рабочий (из крестьян)
302. Озерешкая Анна Петровна. Разночинка (из духовенства)
303. Озмиздов Николай Лукич. Разночинец
304. Озмиздова (Домбровская) Александра Прохоровна
305. Озмиздова (Спенглер) Ольга Николаевна. Разночинка
306. Онуфриенко Соломонида Терентьевна. Мещанка
307. Опарин Иван Васильевич. Рабочий (из крестьян)
308. Опарина (Безверхая) Елизавета Федоровна. Крестьянка
309. Орехов Николай Иванович. Мещанин
310. Орлов Владимир Федорович. Разночинец (из духовенства)
311. Осипов Василий Яковлевич. Крестьянин
312. Острая Агнесса
313. Острый Айзик
314. Павлинов Михаил. Разночинец
315. Павлова Варвара М-на
316. Паничкин Афанасий Александрович. Рабочий (из крестьян)
317. Паничкина Марфа Михайловна. Крестьянка
318. Панкратов Алексей Павлович. Рабочий (из крестьян)
319. Парамонов Владимир. Казак
320. Петрожицкий Иосиф Иванович. Разночинец (из мещан)
321. Петров Илья
322. Петровская Е.И.

323. Пилипенко Владимир. Разночинец
324. Пискарев Петр. Разночинец
325. Плескова Циа Пейсаховна. Разночинка
326. Плюнин Василий Васильевич. Разночинец (из купцов)
327. Плюнин Михаил Иванович. Рабочий (из крестьян)
328. Плюнина Ульяна Марковна. Крестьянка
329. Погорелова [Горелова] Лидия Алексеевна. Мещанка
330. Погорельская Мария Степановна. Мещанка
331. Погорельский Александр Иванович. Разночинец (из мешан)
332. Подосенов Николай Петрович. Разночинец (из дворян)
333. Покрас
334. Поляков Глеб. Крестьянин
335. Полов Евгений Иванович. Разночинец
336. Попов Иван Иванович. Разночинец
337. Попов Сергей Михайлович. Разночинец (из мешан)
338. Попов Сергей Федорович. Крестьянин
339. Предыбайлова Евфимия Васильевна. Крестьянка
340. Пригниц Михаил. Казак
341. Прокопенко Мария Николаевна. Мещанка
342. Прокопенко Семен Павлович. Мещанин
343. Прокопенко Яков
344. Прокофьев Александр. Разночинец
345. Прохоров Осип Осипович. Разночинец (из мешан)
346. Прохорова Мария Петрова. Мещанка
347. Пряднев Петр
348. Пульнер Лев Насонович. Крестьянин
349. Пытковская (Теличенко) Татьяна Васильевна. Разночинка (из мешан)
350. Пытковский Михаил Иванович. Разночинец (из мешан)
351. Радина Юлия Александровна. Разночинка (из крестьян)
352. Раев Павел Константинович. Разночинец
353. Ракович Алексей Ксенофонович. Разночинец
354. Рахманов Владимир Васильевич. Разночинец (из дворян)
355. Рахманова (Сытинская) Ольга Андреевна. Разночинка (из купцов)
356. Рейнбах Анна Карловна
357. Рейнбах Валентина Карловна
358. Рейнбах Зинаида П.
359. Рейнбах Карл Густавович
360. Рейнбах Ольга Карловна
361. Резников Василий Федорович. Крестьянин.
362. Релин Василий Акимович. Дворянин

363. Решина Дарья Акимовна. Дворянка
364. Решина Мария Михайловна
365. Решкова Мария Денисовна. Разночишка
366. Ризенкамф Федор. Разночинец
367. Рогаченко Герасим
368. Рогаченко (жена Г. Рогаченко)
369. Романов Сергей Дементьевич. Разночинец
370. Романова Екатерина
371. Роменский Андрей. Крестьянин
372. Роменский Емельян. Крестьянин
373. Роменский Николай. Крестьянин
374. Роттер Павел Фридрихович. Разночинец (из мещан)
375. Рощин Сергей Иванович. Разночинец (из крестьян)
376. Рубан-Щуровская (Ге) Зоя Григорьевна. Разночишка (из дворян)
377. Рубан-Щуровский Григорий Семенович. Разночинец
378. Рубинок Петр Иванович
379. Рутин Иван Дмитриевич. Разночинец (из мещан)
380. Рудченко Ростислав Александрович. Разночинец
381. Руссов Дмитрий Васильевич. Разночинец (из мещан)
382. Сабанеев Александр Иванович. Дворянин
383. Сабанеева (жена А.И. Сабанеева)
384. Савчук Тимофей Васильевич
385. Салиенко Павел Петрович. Разночинец (из крестьян)
386. Самойлова Александра. Разночишка
387. Самсонов Иван Алексеевич. Разночинец
388. Сафронов Сергей Павлович. Разночинец (из купцов)
389. Сафронов Степан Федорович. Крестьянин
390. Семенов Егор Ефимович. Рабочий (из мещан)
391. Семеновичев Михаил Никифорович. Крестьянин
392. Сераж Автоном Федорович. Крестьянин
393. Сергеев Поликарп Парменович. Крестьянин
394. Сергеенко Алексей Петрович. Разночинец (из мещан).
395. Сибиряков Константин Михайлович. Дворянин
396. Силкин Алексей Александрович. Разночинец (из крестьян)
397. Симон Федор Павлович. Разночинец
398. Симонсон Мария Федоровна. Разночишка (из мещан)
399. Симонсон Серафима Федоровна. Разночишка (из мещан)
400. Синкин Тихон Яковлевич. Крестьянин
401. Скороходов Владимир Иванович. Дворянин
402. Скороходова (Дегожская) Ольга Федорова. Дворянка
403. Скрынников Александр Александрович. Мещанин
404. Славновская (Игнатьева) Анна Максимовна. Разночишка

405. Слуховский Иван Осипович. Мещанин
406. Слюсарева Агафья Игнатьевна. Крестьянка
407. Смаковский. Разночинец
408. Соловьев Н.Е.
409. Соломахин Семен Михайлович. Разночинец (из крестьян)
410. Соломахина (жена С.М. Соломахина)
411. Сотников Михаил
412. Сояпин Иван
413. Степанов Алексей Павлович. Мещанин
414. Степанова Антонина Алексеевна. Мещанка
415. Стефаникова Петраскева Леонтьевна. Крестьянка
416. Страхов Федор Алексеевич. Дворянин
417. Страхова (Авилова) Любовь Федоровна. Дворянка
418. Стрелков Михаил Яковлевич. Крестьянин
419. Сукачев Евгений Андреевич
420. Сулержицкий Леопольд Антонович. Разночинец
421. Сутковая (сестра Н.Г. и А.Г. Сутковых). Разночинка
422. Сутковой Николай Григорьевич. Разночинец
423. Сутковой Александр Григорьевич. Разночинец
424. Сучков Николай Иванович. Крестьянин
425. Сьянов Никита Филиппович. Крестьянин
426. Сютаев Василий Кириллович. Крестьянин
427. Сютаева Домна Васильевна. Крестьянка
428. Таиров Алексей Александрович. Разночинец (из духовенства)
429. Таирова Ольга Петровна. Разночинка
430. Тевяшов Борис Александрович.
431. Терентьев Михаил Дементьевич. Разночинец (из мещан)
432. Титов
433. Титова (жена Титова)
434. Толстоухов Самуиль Савельевич. Крестьянин
435. Толстоухова Ирина Григорьевна. Крестьянин
436. Томилов Лев Викентьевич [Лев Рыжий]
437. Туев Иван Филиппович. Рабочий (из крестьян)
438. Турнаева Серафима Петровна. Разночинка (из дворян)
439. Тыщенко Мария. Крестьянка
440. Тыщенко Мартын Акакиевич. Рабочий (из крестьян)
441. Тюникова Мария Ивановна. Крестьянка
442. Тяпкич
443. Усков Михаил Кузьмич. Крестьянин
444. Ускова Агафья Ильинична. Крестьянка
445. Файнерман Исаак Борисович. Разночинец (из мещан)
446. Фалеев Николай Вадимович. Разночинец (из мещан)

147. Федоров Петр. Разночинец
148. Федоровская Анна Сидоровна. Крестьянка
149. Федоровская Елизавета Сидоровна. Крестьянка
150. Федоровская Мария Егоровна. Крестьянка
151. Федоровский Сидор Прокофьевич. Крестьянин
152. Федюкин Петр Шикитич
153. Флессе Адриан Эмильевич. Иностранец подданный (пруссак)
154. Флоров Александр Ефимович. Мещанин
155. Фомин Анатолий Сергеевич. Мещанин
156. Хилков Дмитрий Александрович. Дворянин
157. Хитагуров Иван. Разночинец
158. Хобачев Николай Петрович. Крестьянин
159. Хорош Моисей Иосифович. Мещанин
160. Хохлов Николай Галактионович. Разночинец (из мещан)
161. Хохлов Петр Галактионович. Разночинец (из мещан)
162. Царевский Александр. Разночинец (из духовенства)
163. Цветков Дмитрий Дмитриевич. Крестьянин
164. Цибульская Епистиния Ивановна. Крестьянка
165. Цибульский Даниил Никодимович. Крестьянин
166. Цыганков. Рабочий
167. Чага (Страшкевич) Фелиция Александровна. Разночинка
168. Чага Яков Трофимович. Разночинец (из мещан)
169. Череватенко Алексей Степанович. Крестьянин
170. Череватенко Николай Яковлевич. Крестьянин
171. Череватенко Степан Яковлевич. Крестьянин
172. Череватенко (жена С.Я. Череватенко). Крестьянка
173. Черепашенко Анна Романовна. Крестьянка
174. Черепашенко Даниил Васильевич. Крестьянин
175. Черняев Василий Владимирович. Разночинец
176. Черняев Николай Владимирович. Разночинец
177. Черняева Александра Алексеевна. Разночинка
178. Черняева Зинаида Владимировна. Разночинка
179. Черняева Мария Владимировна. Разночинка
180. Чертков Владимир Владимирович. Дворянин
181. Чуенко Василий Семенович. Мещанин
182. Чулицкий Дмитрий
183. Шаворский Михаил Макарович. Разночинец
184. Шашков Игнатий Ефимович
185. Шашков Ефим
186. Шейерман Владимир Александрович. Дворянин
187. Шейерман Мария Яковлевна
188. Шейерман Михаил Владимирович. Дворянин

489. Шейерман Николай Александрович. Дворянин
490. Шейерман (жена М.В. Шейермана)
491. Шейерман (мать В.А. и Н.А. Шейерманов). Дворянка
492. Шилин Василий Михайлович. Рабочий (из крестьян)
493. Шилина Анна Николаевна. Крестьянка
494. Шмидт Мария Александровна. Разночинка
495. Щербаков Антон Петрович. Крестьянин
496. Щерица Алексей
497. Элько [Енько] Наталья Николаевна. Разночинка
498. Эрнст Оскар. Мещанин
499. Юшко Авраам Васильевич. Разночинец (из казаков)
500. Юшко Евдокия Арефьевна
501. Яблонский Василий Христофорович. Разночинец
502. Яковлев Иван Александрович. Разночинец
503. Ярцев Александр Викторович. Разночинец (из дворян)
504. Ярцева Александра Александровна. Разночинка
505. Ярцева Ксения Степановна

Всего разночинцев: 178

Среди них:

Разночинцев из мещан: 32

Разночинцев из дворян: 28

Разночинцев из крестьян: 13

Разночинцев из духовенства: 11

Разночинцев из купцов: 9

Разночинцев из казаков: 2

Разночинцев неизвестного происхождения: 83

Всего крестьян: 115

Всего мещан: 49

Всего дворян: 38

Всего рабочих: 35

Среди них:

Рабочих из крестьян: 22

Рабочих из мещан: 9

Рабочих неизвестного происхождения: 4

Всего иностранных подданных: 6

Всего казаков: 3

Участников, чья социальная принадлежность не установлена: 81

Приложение 2. Толстовские колонии и их состав

Колонии в списке представлены в хронологическом порядке по дате основания.

Места их расположения даны полностью, согласно топографии, соответствующей времени существования колоний.

В квадратных скобках приведены другие известные варианты географических названий

Все участники перечислены в алфавитном порядке, по аналогичным Приложению 1 правилам.

Ввиду участия значительного числа толстовцев сразу в нескольких колониях настоящее приложение не дублирует предыдущее, а арифметическое сложение количества участников всех колоний не имеет ничего общего с общей картиной движения «на землю».

ОБЩИНЫ

1. Сочинская община Н.Л. Озмидова

Имение Уч-Дере, Сочинский отдел, Черноморский округ.
Август 1886 — начало 1887 гг.; в форме хутора: 1888—1893 гг.

1. Баршева Ольга Алексеевна
2. Бунин Иван Алексеевич
3. Бооль Клара Карловна
4. Дальнер Анатолий Владиславович
5. Душкин Леонтий Евсеевич
6. Кудрявцева Мария Федоровна
7. Кусакова Александра Ивановна
8. Озмиздов Николай Лукич
9. Озмидова (Домбровская) Александра Прохоровна
10. Озмидова (Спенглер) Ольга Николаевна
11. Орлов Владимир Федорович
12. Озерцкая Анна Петровна
13. Хохлов Николай Галактионович
14. Шмидт Мария Александровна
15. Ярцев Александр Викторович.

2. Община при сельскохозяйственной школе Сибирякова

Имение Сколково Самарского уезда и губернии.

1886 г. — конец 1889 г.

(5 учеников школы)

1. Алексеев Василий Иванович
2. Орлов Владимир Федорович
3. Сибиряков Константин Михайлович.

3. Шевелевская община А.В. Алехина

Сельцо Успенское близ деревни Шевелево, Красно-Болатовская волость Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

Весна 1888 г. — март 1891 г.

1. Алехин Алексей Васильевич
2. Алехин Аркадий Васильевич
3. Алехин Аркадий Егорович
4. Алехин Митрофан Васильевич

5. Афанасьев Федор Федорович
6. Белосеров Вячеслав Алексеевич
7. Борошкова Елена Александровна
8. Бирюков Павел Иванович
9. Будин Ян
10. Воронен Вера Николаевна
11. Гонтареня Мария Григорьевна
12. Гордеева Варвара Мартымяновна
13. Добролюбова Анна Андреевна
14. Ермолин Владимир Федорович
15. Зайцев Александр Иванович
16. Зайцева Мария Романовна
17. Золотарев Василий Петрович
18. Зоринг Сусанна Петровна
19. Ильинская Надежда Федоровна
20. Карасев Иван Васильевич
21. Козлов Федор Александрович
22. Козлова [Павлова] Варвара Павловна
23. Крюкова [Крюкович] Софья Алексеевна
24. Кусакова Александра Ивановна
25. Леонтьев Борис Николаевич
26. Любарская Анна Львовна
27. Марес Леон Альберт
28. Маршанд Наталия Леонардовна
29. Муфель Вячеслав Андреевич
30. Несмелов Василий Павлович
31. Новоселов Михаил Александрович
32. Обухова Александра Ивановна
33. Озерецкая Анна Петровна
34. Погорелова [Горелова] Лидия Алексеевна
35. Попов Евгений Иванович
36. Попов Иван Иванович
37. Пытковская (Телгченко) Татьяна Васильевна
38. Пытковский Михаил Иванович
39. Рахманов Владимир Васильевич
40. Рахманова (Сыгинская) Ольга Андреевна
41. Романов Сергей Дементьевич
42. Рошин Сергей Иванович
43. Рупин Иван Дмитриевич
44. Рудченко Ростислав Александрович
45. Самойлова Александра
46. Симонсон Мария Федоровна
47. Симонсон Серафима Федоровна

48. Скороходов Владимир Иванович
49. Скороходова (Догожская) Ольга Федоровна
50. Слуховский Иван Осипович
51. Файнгерман Исаак Борисович
52. Хохлов Николай Галактионович
54. Хохлов Петр Галактионович
55. Энько [Енько] Наталья Николаевна.

**4. Община Дугино М.А. Новоселова
Усадьба Дугино [Братское], Овсищенская волость,
Вышневолоцкий уезд, Тверская губерния.
Весна 1888 г. — январь 1891 г.**

1. Алехин Алексей Васильевич
2. Алехин Аркадий Васильевич
3. Алексеева Мария
4. Боровикова Елена Александровна
5. Гастев Петр Николаевич
6. Залюбовская (жена А.П. Залюбовского)
7. Залюбовский Алексей Петрович
8. Зорринг Сусанна Петровна
9. Каневский [Коневский] Анатолий Николаевич
10. Клопский Иван Михайлович
11. Козлов Федор Александрович
12. Козлова [Павлова] Варвара Павловна
13. Козлов Владимир
14. Кусакова Александра Ивановна
15. Кусакова Варвара
16. Кусаков Иван
17. Кусакова Ольга Ивановна
18. Маклаков Василий Алексеевич
19. Марес Леон Альберт
20. Маршанд Наталия Леонардовна
21. Новоселов Михаил Александрович
22. Павлова Варвара М-на
23. Прокофьев Александр
24. Пытковская (Теличенко) Татьяна Васильевна
25. Рахманов Владимир Васильевич
26. Рахманова (Сыгинская) Ольга Андреевна
27. Романов Сергей Дементьевич
28. Ругин Иван Дмитриевич
29. Скороходов Владимир Иванович

30. Скороходова (Дегожская) Ольга Федоровна
31. Сютаев Василий Кириллович
32. Сютаева Домна Васильевна
33. Таилов Алексей Александрович
34. Хохлов Николай Галактионович
35. Черняев Николай Владимирович
36. Черняев Василий Владимирович
37. Черняева Александра Алексеевна
38. Черняева Мария Владимировна
39. Черняева Зинаида Владимировна
40. Чулицкий Дмитрий.

**5. Община в Глodosax И.Б. Файнермана.
Село Глodosы, Добро-Величковская (или Злынская) волость,
Елизаветградский уезд, Херсонская губерния.
Декабрь 1889 г. — лето 1890 г.**

1. Буткевич Анатолий Степанович
2. Бурштейн
3. Бурштейн Клара
4. Галицкий Николай
5. Галицкая Роза
6. Гольдфельд Маркус
7. Зейдман
8. Любарская Анна Львовна.
9. Острый Айзик
10. Острая Агнесса
11. Файнерман Исаак Борисович
12. Штыкина Елизавета Филиппова.

**6. Байрачная община М.В. Алехина.
Хутор Байрак [Байрачный], Харьковский уезд и губерния.
Март 1890 г. — лето 1892 г.**

1. Алехин Митрофан Васильевич
2. Алехин Аркадий Васильевич
3. Алехин Аркадий Егорович
4. Алехина Дарья Николаевна.
5. Бодянский Александр Михайлович
6. Дудченко Николай Иванович
7. Клопский Иван Михайлович

8. Коваленкова Мелания Васильевна
9. Кожушко Михаил Петрович
10. Кулагин Николай Николаевич
11. Леонтьев Борис Николаевич
12. Линденберг Герман Романович
13. Прокопенко Семен Павлович
14. Пытковская (Теличенко) Татьяна Васильевна
15. Романов Сергей Дементьевич
16. Рошин Сергей Иванович
17. Симонсон Мария Федоровна
18. Сукачев Евгений Андреевич
19. Файнерман Исаак Борисович.

**7. Община на Мызе-Кубач В.И. Скороходова
Имение Мыза-Кубач, Овсищенская волость,
Вышневолоцкий уезд, Тверская губерния.
Сентябрь 1890 г. – апрель 1893 г.**

1. Алехин Алексей Васильевич
2. Герцон [Герцог] Александр Александрович
3. Гастев Петр Николаевич
4. Данилова Вера Александровна
5. Догорская Авдотья Алексеевна
6. Долгополова Серафима Андреевна
7. Зайцев Александр Иванович
8. Зайцева Мария Романовна
9. Зорринг Сусанна Петрова
10. Ильинская Надежда Федорова
11. Каневский [Коневский] Анатолий Николаевич
12. Козлов Федор Александрович
13. Козлова [Павлова] Варвара Павловна
14. Кусаков Иван
15. Кусакова Александра Ивановна
16. Никифоров Лев Павлович
17. Новоселов Михаил Александрович
18. Рахманов Владимир Васильевич
19. Рахманова (Сытинская) Ольга Андреевна
20. Симонсон Мария Федоровна
21. Симонсон Серафима Федоровна
22. Скороходов Владимир Иванович
23. Скороходова (Дегожская) Ольга Федорова
24. Федоров Петр

25. Хохлов Николай Галактионович
26. Черняева Мария Владимировна.

**8. Община Тобошево Л.П. Никифорова
Имение Тобошево [Табошено], Овсищенская волость,
Вышневолоцкий уезд, Тверская губерния.
Начало 1891 г. — начало 1895 г.**

1. Архангельский Александр Иванович
2. Григорьев Николай Валентинович
3. Ларенко Вячеслав Александрович
4. Лебедева Александра Александровна
5. Никифоров Лев Павлович
6. Никифорова (Засулич) Екатерина Ивановна
7. Никифоров Лев Львович
8. Павлинов Михаил
9. Ярцев Александр Викторович
10. Ярцева Александра Александровна
11. Ярцева Ксения Степановна.

**9. Община Орпири А.М. Бодянского
Селение Орпири близ станции Самтреди, Сенакский уезд,
Кутаисская губерния.
Август-сентябрь 1893 г. — весна 1894 г.**

1. Алехин Митрофан Васильевич
2. Бодянский Александр Михайлович
3. Бодянская Анна Григорьевна
4. Гастев Петр Николаевич
5. Даднани Георгий Александрович
6. Даднани Надежда Яковлевна
7. Доценко Михаил Павлович
8. Киселевич Яков Иванович.
9. Коваленкова Мелания Васильевна
10. Кожушко Михаил Петрович
11. Леонтьев Борис Николаевич
12. Линденберг Герман Романович
13. Прокопенко Семен Павлович
14. Прокопенко Мария Николаевна
15. Резников Василий Федорович
16. Сераж Автоном Федорович

17. Скороходов Владимир Иванович
18. Скороходова (Дегожская) Ольга Федоровна
19. Фалеев Николай Вадимович.

**10. Община при Григорьевской сельскохозяйственной школе.
Хутор Затишье, Шутиловская волость, Лукояновский уезд,
Нижегородская губерния.
Ноябрь 1894 — осень 1895 г.**

1. Апенченко Семен Иванович
2. Великанов Павел Васильевич
3. Гроздов [Котылев, Котуев] Федор Филиппович
4. Никифоров Павел Львович
5. Никонов Никанор Алексеевич
6. Синкин Тихон Яковлевич
7. Стрелков Михаил Яковлевич
8. Флоров Александр Ефимович.

**11. Община «Братский хутор», «Лысая гора» А.В. Юшко.
Местечко Тхуаб [Тхаб], Новороссийский округ,
Черноморская губерния.
Начало (либо октябрь) 1896 г. — конец 1901 г.**

1. Антонов [Фурман, Фурманов] Василий Ильич
2. Бровка Ефим Андреевич
3. Голота Анна Алексеевна
4. Калантаров Евгений Савич
5. Кожушко Михаил Петрович
6. Косенко Николай Антонович
7. Лозинский Александр
8. Парамонов Владимир
9. Плюсин Василий Васильевич
10. Поляков Глеб
11. Пригниц Михаил
12. Прохоров Осип Осипович
13. Прохорова Мария Петрова
14. Ракович Алексей Ксенофонтович
15. Терентьев Михаил Дементьевич
16. Щербаков Антон Петрович
17. Юшко Авраам Васильевич
18. Юшко Евдокия Арефьевна.

12. «Ташкентская» община В.А. Репина
Хутор Ак-Джара близ почтовой станции Джерри, Ташкент-
ский уезд, Сырдарьинская область,
Туркестанское генерал-губернаторство
Лето 1907 г. — конец 1910 г.

1. Ансоновский Александр Янович
2. Ансоновский Георгий Янович
3. Ансоновский Иван Янович
4. Безверхая Анна Михайловна
5. Безверхий Павел Федорович
6. Бриюль [Бируля] Алексей Адамович
7. Блинов Константин Львов
8. Бобровская Татьяна Анисимовна
9. Бобровских Константин Максимович
10. Бобровских Тихон Максимович
11. Бочкарев Андрей Иванович
12. Бочкарева Антонина Анисимовна
13. Вейнберг Михаил
14. Вишня Евдокия Федоровна
15. Вишня Семен Трофимович
16. Дранин Иван Степанович
17. Зайцев Дмитрий
18. Карпенко Андрей Артемьевич
19. Кырылюков Трофим Петрович
20. Кырылюкова Татьяна Васильевна
21. Подосенов Николай Петрович
22. Попов Сергей Михайлович
23. Репин Василий Акимович
24. Репина Мария Михайловна
25. Репина Дарья Акимовна
26. Савчук Тимофей Васильевич
27. Семенов Егор Ефимович
28. Силкин Алексей Александрович
29. Стефаникова Петраскева Леонтьевна
30. Томиллов Лев Викентьевич [Лев Рыжий]
31. Туев Иван Филиппович
32. Усков Михаил Кузьмич
33. Ускова Агафья Ильинична
34. Хобачев Николай Петрович.

13. Община В.А. Шейермана на хуторе «Высокий».
Хутор Высокий близ села Лисичанска, Бахмутовский уезд,
Екатеринославская губерния.
Весна 1908 г. — начало 1909 г.; в форме соседского
поселения: 1909 г. — март 1912 г.

1. Алексеев Николай Алексеевич
2. Гусаров Иван Сергеевич
3. Забара Зинаида
4. Забара Кузьма Илларионович
5. Заболотнюк Сергей Александрович
6. Каплан-Перпер (Каплан) Эсфирь Исааковна
7. Медведев [Снязин] Анатолий Александрович.
8. Могила Ефрем Федорович
9. Никольская Надежда Николаевна
10. Новичков Гавриил Александрович
11. Погорельская Мария Степановна.
12. Погорельский Александр Иванович
13. Попов Евгений Иванович
14. Попов Сергей Михайлович
15. Ризенкампф Федор
16. Семеновичев Михаил Никифорович
17. Томилов Лев Викентьевич [Лев Рыжий]
18. Цыганков
19. Шейерман Владимир Александрович
20. Шейерман Мария Яковлевна
21. Шейерман Михаил Владимирович
22. Шейерман Николай Александрович
23. Цибульская Епископия Ивановна
24. Цибульский Даниил Никодимович
25. Ал. Ив.
26. Евгения Павловна.

14. Сочинская община П.П. Картушина и Н.Г. Суткового
Сочи, Сочинский округ, Черноморская губерния
Лето 1908 г. — вторая половина 1912 г.

1. Веселов Алексей Михайлович
2. Досев Христо Федосиевич
3. Засосов Владимир Иванович
4. Картушин Петр Прокофьевич

5. Колесниченко Алексей Яковлевич
6. М.
7. Сутковой Александр Григорьевич
8. Сутковой Николай Григорьевич
9. Сутковая (сестра).

**15. Колония «Лесной хутор» С.П. Турнаевой
Имение «Лесной хутор» Хохловская волость,
Смоленский уезд и губерния.**

Лето 1911 г. — октябрь-декабрь 1912 г.

1. Антонов Владимир
2. Беликов Петр Дмитриевич
3. Виноградский Гавриил Александрович
4. Виноградов Василий Васильевич
5. Головастиков Александр Иванович
6. Никифоров Яков Максимович
7. Турнаева Серафима Петровна
8. Тыщенко Мартын Акакиевич
9. Федюкин Петр Никитич
10. Эрнст Оскар.

**16. Вегетарианская колония Н.Е. Соловьева
Местечко Текос близ села Архипо-Осиповка,
Новороссийский округ, Черноморская губерния.
Весна 1912 г. — октябрь 1914 г.**

1. Н.
2. Пискарев Петр
3. Соловьев Н.Е.
4. Шашков Игнатий Ефимович.

**17. Община Шейрманов на Михайловском перевале
Село Михайловский Перевал Новороссийского округа
Черноморской губернии
Лето 1917 г. — после 1921 г.**

1. Гавардовский Иван Николаевич
2. Граубергер Федор Христофорович
3. Красинский Николай Денисович

4. Кухарев [Кухаренко] Григорий
5. Нечаева Евдокия Павловна.
6. Погорельский Александр Иванович
7. Шейерман Владимир Александрович
8. Шейерман Мария Яковлевна
9. Шейерман Михаил Владимирович
12. Шейерман Николай Александрович
13. Шейерман (жена М.В. Шейермана)
14. Шейерман (мать В.А. и Н.А. Шейерманов).

АРТЕЛИ

**1. Артель «Тарановка» И.А. Беневского.
Имение Шиманское близ станции Тарановка, Змиевский
уезд, Харьковская губерния.
Начало 1905 г. — середина 1908 г.**

1. Беневский Иван Аркадьевич
2. Клочко Григорий Федорович
3. Клочко Фекла [Елена] Ивановна
4. Ниненберг Владимир [Вольдемар] Тенович
5. Овсянников Прокофий Степанович
6. Самсонов Иван Алексеевич
7. Толстоухов Самуиль Савельевич
8. Толстоухова Ирина Григорьевна
9. Царевский Александр.

**2. Таежная артель Г.И. Клитчоглу
Деревня Отрадное близ Норского склада [г. Норск],
Амурская область, Приамурское генерал-губернаторство.
1906 г. — после ноября 1914 г.**

(около 20 участников)

1. Клитчоглу Георгий Иванович
2. Изюмченко Николай Трофимович.

**3. Колония близ Пржевальска И.А. Беневского
Местечко Джиги-Огули, Пржевальский уезд, Семиреченская
область, Туркестанское генерал-губернаторство,
1910 г. — начало 1911 г.**

1. Беневский Иван Аркадьевич
2. Лебедево Иван Григорьевич
3. Лебедево Наталья Николаевна
4. Овсянников Прокофий Степанович
5. Роттер Павел Фридрихович
6. Толстоухов Самуиль Савельевич
7. Толстоухова Ирина Григорьевна.

**4. Ржевская артель В.Г. Черткова и И.А. Беневского
Имение Ржевское близ станции Митрофановка,
Михайловская волость, Богучарский уезд,
Воронежская губерния.
Февраль 1911 г. — март 1917 г.**

1. Алейников Гавриил Степанович
2. Алексеев Николаи Алексеевич
3. Ансонская Ефросинья Яковлевна
4. Ансонская Софья
5. Ансонский Александр Янович
6. Ансонский Анс-Анн {Ян}
7. Ансонский Василий Янович
8. Ансонский Георгий Янович
9. Ансонский Федор
10. Антонов Максим Артемьевич
11. Антиюфьев Назар Яковлевич
12. Асеев Александр Викторович
13. Базарник Михаил Иосифатович
14. Безверхая Анна Михайловна.
15. Безверхая Александра Федоровна
16. Безверхий Павел Федорович
17. Беликов Петр Дмитриевич
18. Беневская (Федоровская) Евдокия Сидоровна
19. Беневский Иван Аркадьевич
20. Богданов Иван
21. Богданов Яков Иванович
22. Богданова Акулина Никитична
23. Бочарев Андрей Иванович

24. Вайнер Леонид Лазаревич
25. Виноградова Евдокия Николаевна
26. Виноградов Василий Васильевич
27. Виноградский Гавриил Александрович
28. Голубев Кольма Семенович
29. Горбунова Мария Ивановна
30. Горбунова Валентина Леонидовна
31. Григорьев Михаил Георгиевич
32. Гриненко Роман Антонович
33. Гриненко Мария Степановна
34. Гриненко Петр Романович
35. Дзедзевич Елена Семеновна
36. Дудченко Митрофан Семенович
37. Ефимов Яков Ефимович
38. Ефимова Елизавета Михайловна
39. Елиференко Борис Тимофеевич
40. Елиференко Дарья Федоровна
41. Елиференко Елена Тимофеевна
42. Елиференко Тимофей Терентьевич
43. Животков Василий Иванович
44. Жашкевич Павел Антонович
45. Жилинская (Виноградова) Екатерина Васильевна
46. Жилинский Георгий Бертольдovich
47. Забара Кузьма Илларионович
48. Иванов Григорий Леонтьевич
49. Иванов Николай Семенович
50. Кареев Павел Петрович
51. Карпов И.
52. Клочко В.
53. Клочко Григорий Федорович
54. Клочко Екатерина Григорьевна
55. Клочко Иван Григорьевич
56. Клочко Фекла [Елена] Иванова
57. Коган Михаил Леонтьевич
58. Колосов Василий
59. Колосов Иван
60. Колягин Алексей Иванович
61. Коляхин Николай Алексеевич
62. Коляхина Антонина Алексеевна
63. Корнилов Андрей Васильевич
64. Корнилов Василий Васильевич
65. Корнилов Федор Васильевич
66. Корнилова Анна Иосифовна

67. Кошневая (жена Т.Н. Кошевого)
68. Кошевой Иван Тихонович
69. Кошевой Тихон Николаевич
70. Ларионов Иван Васильевич
71. Лебеденко Иван Григорьевич
72. Лебеденко Иван Иванович
73. Лебеденко Наталья Николаевна
74. Лиман Василий Стефанович
75. Лисиченко Дмитрий Петрович
76. Макаров Василий Петрович
77. Макарова Вера Васильевна
78. Макарова Евгения Филипповна
79. Макарова Надежда Васильевна
80. Маккавейская Евгения Ивановна
81. Маронко Козьма Николаевич
82. Марюшман Рейн Петрович
83. Мацкевич Екатерина Васильевна
84. Менцева Елена Алексеевна
85. Меньшов Михаил Васильевич
86. Муратов
87. Никольская Анна Васильевна
88. Ниденберг Владимир [Вольдемар] Тенович
89. Овсянников Прокофий Степанович
90. Онуфриенко Соломонида Терентьевна
91. Опарин Иван Васильевич
92. Опарина Елизавета Федоровна
93. Орехов Николай Иванович
94. Осипов Василий Яковлевич
95. Паничкин Афанасий Александрович
96. Паничкина Марфа Михайловна
97. Панкратов Алексей Павлович
98. Плескова Циа Пейсаховна
99. Плюхин Михаил Иванович
100. Плюхина Ульяна Марковна
101. Погорельский Александр Иванович
102. Попов Сергей Михайлович
103. Предыбайлова Евфимия Васильевна
104. Радина Юлия Александровна
105. Рейнбах Анна Карловна
106. Рейнбах Валентина Карловна
107. Рейнбах Зинаида П.
108. Рейнбах Карл Густавович
109. Рейнбах Ольга Карловна

110. Руссов Дмитрий Васильевич
111. Сафронов Степан Федорович
112. Семеновичев Михаил Никифорович
113. Сергеенко Алексей Петрович
114. Скрынников Александр Александрович
115. Степанов Алексей Павлович
116. Степанова Антонина Алексеевна
117. Сучков Николай Иванович
118. Сьянов Никита Филиппович
119. Толстоухов Самуиль Савельевич
120. Толстоухова Ирина Григорьевна
121. Томилов Лев Викентьевич [Лев Рыжий]
122. Туриаева Серафима Петровна
123. Тыщенко Мария
124. Тыщенко Мартын Акакиевич
125. Тюникова Мария Ивановна
126. Федоровская Анна Сидоровна
127. Федоровская Елизавета Сидоровна
128. Федоровская Мария Егоровна
129. Федоровский Сидор Прокофьевич
130. Флессе Адриан Эмильевич
131. Фомин Анатолий Сергеевич
132. Черепашенко Анна Романовна
133. Черепашенко Даниил Васильевич
134. Чуенко Василий Семенович
135. Шаворский Михаил Макарович
136. Шейерман Владимир Александрович
137. Шейерман Михаил Владимирович
138. Шилин Василий Михайлович
139. Шилина Анна Николаевна
140. Яковлев Иван Александрович.

5. Хмелевская артель В.В. Черткова
Имение Хмелево близ одноименной деревни, Татьевская
волость, Тульский уезд и губерния.
Ноябрь 1913 г. — после 1917 г.

1. Апурин Петр Семенович
2. Беленький Самуил Моисеевич
3. Бирюль [Бирюля] Алексей Адамович
4. Кадзюлис Иван [Ян] Юрьевич
5. Конашевич Кондратий Федорович

6. Кузевич Егор Павлович
7. Кузевич Мария Павловна
8. Марюшиан Рейн Петрович
9. Попов Сергей Федорович
10. Сергеев Поликарп Парменович
11. Хорош Моисей Носифович
12. Цветков Дмитрий Дмитриевич
13. Чертков Владимир Владимирович
14. Виктор
15. Василий.

б. Артель «толстовцев» М.Н. Иванова
Село Михайловский перевал, Новороссийский округ,
Черноморская губерния.
 1916 г. — после 1921 г. (слияние с «Криницей»)

(Около 20 человек).

1. Пванов М.Н.

СОСЕДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

1. Гремячий хутор А.М. Бодянского,
Имение «Гремячий хутор», Хотомлянская волость,
Волчанский уезд, Харьковская губерния
Зима 1891-1892 гг. — июнь 1892 г.

1. Алехин Аркадий Егорович
2. Алехин Митрофан Васильевич
3. Алехина Дарья Николаевна
4. Бодянская Анна Григорьевна
5. Бодянский Александр Михайлович
6. Коваленкова Мелания Васильевна
7. Энденберг Герман Романович
8. М-н Василий
9. Стржж Автоном Федорович
10. Скориходов Владимир Иванович
11. Евдоким.

2. Колония в с. Башкичет Д.А. Хилкова
Селение Башкичет, Борчалинский уезд, Тифлисская губерния.
Февраль 1892 г. — лето 1894 г.

1. Бодянская Анна Григорьевна
2. Бодянский Александр Михайлович
3. Винер Цецилия Владимировна
4. Дудченко Николай Иванович
5. Леонтьев Борис Николаевич
6. Прокопенко Семен Павлович
7. Прокопенко Мария Николаевна
8. Романов Сергей Дементьевич
9. Сераж Автоном Федорович
10. Хилков Дмитрий Александрович.

3. Колония в с. Кекеты Д.А. Хилкова и Г.А. Даднани
Селение Кекеты, Тифлиссский уезд и губерния.
Лето 1894 г. — середина 1895 г.

1. Винер Цецилия Владимировна
2. Даднани Георгий Александрович
3. Даднани Надежда Яковлевна
4. Дудченко Николай Иванович
5. Накашидзе (Оникова) Варвара
6. Накашидзе Елена Петровна
7. Накашидзе Илья Петрович
8. Накашидзе Леван Петрович
9. Прокопенко Семен Павлович
10. Прокопенко Мария Николаевна
11. Хилков Дмитрий Александрович.

4. Колония в Нальчике.
Слобода Нальчик, Нальчикский округ, Терская область.
1894 г. — начало 1896 г.

1. Алехин Митрофан Васильевич
2. Воробьев Ефим Николаевич
3. Воробьева Анастасия Васильевна

4. Гастев Петр Николаевич
5. Даднани Георгий Александрович
6. Даднани Надежда Яковлевна
7. Киселевич Яков Иванович
8. Коваленкова Мелания Васильевна
9. Кудрявцева Мария Федоровна
10. Линденберг Герман Романович
11. Роменский Николай
12. Роменский Андрей
13. Роменский Емельян
14. Скороходов Владимир Иванович
15. Скороходова (Дегожская) Ольга Федоровна
16. Хитагуров Иван.
17. Фалеев Николай Вадимович.

**5. Поселение «Лескен» В.И. Скороходова и Г.А. Даднани
Местечко Лескен, хутор Кура-Гада (Кара-Юда),
Нальчикский округ, Терская область.
Конец 1895 — конец 1901 г.**

1. Бушаев Константин
2. Бушаева
3. Гастев Петр Николаевич
4. Даднани Георгий Александрович
5. Даднани Надежда Яковлевна
6. Дзюба Александр Тихонович
7. Дзюба Тихон
8. Воробьев Ефим Николаевич.
9. Воробьева Анастасия Васильевна
10. Киселевич Яков Иванович
11. Кузнецов Сергей Дементьевич
12. Михайлов Аполлон Тимофеевич
13. Михайлова (жена А.Т. Михайлова)
14. Пытковская (Теличенко) Татьяна Васильевна
15. Пытковский Михаил Иванович
16. Рахманов Владимир Васильевич
17. Рахманова (Сытинская) Ольга Андреевна
18. Рогаченко Герасим
19. Рогаченко (жена Г. Рогаченко)
20. Скороходов Владимир Иванович
21. Скороходова (Дегожская) Ольга Федоровна.

**6. Колония «Терпенне» В.И. Скороходова
Хутор Терпенне близ станицы Маргаритовки,
Маргаритовская волость, Ростовский округ,
Донская область.**

Август 1902 г. — март 1905 г.

(24 семейства).

1. Артеменко Макарий Сидорович
2. Булатов Яков
3. Воробьев Ефим Николаевич
4. Воробьева Анастасия Васильевна
5. Гастев Петр Николаевич
6. Гастева (Скороходова) Ольга Владимировна.
7. Дзюба Александр Тихонович
8. Дзюба Тихон
9. Иванов Петр
10. Кузнецов Сергей Дементьевич
11. Петров Илья
12. Прокопенко Яков
13. Пряднев Петр
14. Рубинюк Петр Иванович
15. Скороходов Владимир Иванович
16. Скороходова (Дегожская) Ольга Федоровна
17. Сотников Михаил
18. Сояпин Иван
19. Тяпкин
20. Чага (Страшкевич) Фелиция Александровна
21. Чага Яков Трофимович
22. Шерица Алексей.

**7. Колония «Водопад»
Хутор Водопад [поселок Юцкие хутора],
Пятигорский отдел, Терская область.
Начало 1905 г. — после начала 1930-х гг.**

1. Воробьев Ефим Николаевич
2. Воробьев Николай Ефимович
3. Воробьева Анастасия Васильевна
3. Гастев Петр Николаевич
4. Гастева (Скороходова) Ольга Владимировна.
5. Дзюба Александр Тихонович
6. Дзюба Тихон (отец)

7. Дзюба (Воробьева) ... Ефимовна
8. Дудченко Тихон Семенович
9. Дудченко Ирина Михайловна
10. Дунин
11. Дунина (жена Дунина)
13. Засосов Владимир Иванович
14. Иконников Антон Иванович
15. Маласай Кузьма Корнеевич
16. Попов Сергей Михайлович.
17. Томилов Лев Викентьевич [Лев Рыжий]
18. Чага Яков Трофимович
19. Чага (Страшкевич) Фелиция Александровна
20. Шашков Игнатий Ефимович
21. Шашков Ефим.

8. Колония на Михайловском перевале братьев Череватенко
 Местечко (с 1904 года село) Михайловский перевал,
 Новороссийский округ,
 Черноморская губерния
 1903 г. — середина 1906 г.;
 в форме хутора: 1906 г. — 1929 г.

1. Дудченко Тихон Семенович
2. Дудченко Ирина Михайловна
3. Кожушко Михаил Петрович
4. Ракович Алексей Ксенофонтович
5. Шашков Игнатий Ефимович
6. Череватенко Алексей Степанович
7. Череватенко Николай Яковлевич
8. Череватенко Степан Яковлевич
9. Череватенко (жена С.Я.)
10. Юшко Авраам Васильевич
11. Юшко Евдокия Арефьевна.

9. Колония Н.Н. Александри в Бесарабии
 Имение Н.Н. Александри, в 15 верстах
 от г. Каменец-Подольск, Подольская губерния.
 Весна 1906 г. — между 1910 и 1912 гг.

1. Александри Николай Николаевич
2. Гусаров Иван Сергеевич

3. Гусарова (жена)
4. Гусарова Зинаида Ивановна
5. Дмитриев Сергей Логинович
6. Заболотнюк Сергей Александрович
7. Николаев Сергей Дмитриевич
8. Николаева Лариса Дмитриевна.
9. Крупский Александр Николаевич
10. Томилов Лев Викентьевич [Лев Рыжий].

10. Поселение Люботин Н.А. и В.А. Шейрманов
Хутор Альбовский близ станции Люботин,
Люботинская волость, Валковский уезд,
Харьковская губерния.
Начало 1910 г. — 1925 г.

1. Беспалова Евгения Васильевна
2. Бульгин Сергей Михайлович
3. Забара Андрей Иванович
4. Забара Зинаида
5. Забара Кузьма Илларионович
6. Задорожная Елизавета Васильевна
7. Зайцев Игнат Николаевич
8. Граубергер Федор Христофорович
9. Картушин Петр Прокофьевич
10. Короб Роман Емельянович
11. Кухарев [Кухаренко] Григорий
12. Маккавейская Евгения Ивановна
13. Петровская Е.И.
14. Погорельская Мария Степановна
15. Погорельский Александр Иванович
16. Романов Сергей Дементьевич
17. Романова Екатерина
18. Титов
19. Титова (жена)
20. Чуенко Василий Семенович
21. Шейрман Владимир Александрович
22. Шейрман Николай Александрович
23. Шейрман Мария Яковлевна
24. Шейрман Михаил Владимирович
25. Шейрман (мать В.А. и Н.А.).

ХУТОРА

1. Имение Н.Л. Озмидов под Москвой. 1881—1883 гг.

1. Озмидов Николай Лукич
2. Озмидова (Домбровская) Александра Прохоровна
3. Озмидова (Сисиглер) Ольга Николаевна.

2. Имение Н.Н. Ге (отца) близ станции Плиски, Борзнянский уезд, Черниговская губерния 1884—1894 гг.

1. Ге (сын) Николай Николаевич
2. Рубан-Щуровская (Ге) Зоя Григорьевна
3. Рубан-Щуровский Григорий Семенович
4. Слюсарева Агафья Игнатьевна.

3. Сельцо Ясная Поляна, Крапивенский уезд, Тульская губерния Середина 1885 г. — 1887 г.

1. Симон Федор Павлович
2. Файнерман Исаак Борисович.

4. Имение Д.А. Хилкова в селе Павловки, Сумский уезд, Харьковская губерния Осень 1886 г. — начало 1892 г.

1. Винер Цецилия Владимировна
2. Дудченко Митрофан Семенович
3. Любич Ефим Николаевич
4. Любич (жена Е.Н. Любича)
5. Хилков Дмитрий Александрович.

**5. Имение А.А. Таирова, село Горки,
Весьегонский уезд, Тверская губерния
Начало 1888 г. — после 1890 г.**

1. Таиров Алексей Александрович
2. Таирова Ольга Петровна.

**6. Дача «Полтавщина» С.А. Бабанина, станция Искровка,
Полтавская губерния
Лето 1888 г.**

1. Бабанин Степан Александрович
2. Пилипенко Владимир
3. Смаковский
4. Яблонский Василий Христофорович.

**7. Имение Хатунки М.В. Булыгина, Крапивинский уезд,
Тульская губерния.
Октябрь 1888 г. — 1917 г.**

1. Бибиков Александр Дмитриевич
2. Бибикова Степанида
3. Булыгин Михаил Васильевич
4. Булыгин Сергей Михайлович
5. Буткевич Анатолий Степанович
6. Вишневецкий Виктор Николаевич
7. Ермолин Владимир Федорович
8. Ермолин Михаил Федорович
9. Рутин Иван Дмитриевич
10. Славновская (Игнатьева) Анна Максимовна.

**8. Усадьба Ивановское П.И. Бирюкова,
Семеновская волость, Костромской уезд и губерния.
Конец 1888 г. — осень 1895 г.**

1. Бирюков Павел Иванович
2. Зорринг Сусанна Петровна
3. Кулагин Николай Николаевич
4. Рутин Иван Дмитриевич.

**9. Имение Буткевичей при селце Русаново,
Крапивинский уезд, Тульская губерния
Андрей Буткевич: лето 1889 г. — начало 1895 г.
Анатолий Буткевич: осень 1890 г. — 1930-е гг.**

1. Буткевич Андрей Степанович
2. Буткевич Анатолий Степанович
3. Буткевич (Рахманова) Евгения Васильевна
4. Буткевич (Штыкина) Елизавета Филипповна
5. Буткевич Рафаил Анатольевич
6. Конашевич Кондратий Федорович
7. Рошин Сергей Иванович.

**10. Имение А.В. Сабанеева близ г. Тверь
1889 г. — после 1900 г.**

1. Гастев Петр Николаевич
2. Сабанеев Александр Васильевич
3. Сабанеева (жена)
4. Никифоров Лев Павлович
5. Никифорова (Засулч) Екатерина Ивановна.

**11. Хутор Золотаревых Алачково, Серпуховский уезд,
Московская губерния.
1889 г. — середина 1890-х гг.**

1. Золотарев Василий Петрович
2. Золотарев Максим Петрович
3. Золотарева (Венкова) Александра Ивановна.

**12. Хутор М.С. Дудченко под Полтавой
Начало 1890-х гг. — после 1930-х гг.**

1. Биевский Иван Аркадьевич
2. Дудченко Митрофан Семенович
3. Леонтьев Борис Николаевич
4. Любич Ефим Николаевич
5. Любич (жена Е.Н. Любича)
6. Попов Евгений Иванович
7. Симонсон Мария Федоровна.

13. Имение Ф.А. Страхова в станице Бурацкой (1890—1897 гг.); затем — в станице Урюпинской (1897—1904 гг.)
Донской области.

1. Миронов Борис Семенович
2. Страхов Федор Алексеевич
3. Страхова (Авилова) Любовь Федоровна.

14. Хутор И.Д. Ругина у деревни Машихино, Кинешмовский уезд, Костромская губерния.
Март 1892 г. — конец 1894 (либо первая половина 1895) г.

1. Боровицкая Аксинья Михайловна
2. Зорринг Сусанна Петровна
3. Ругин Иван Дмитриевич.

15. Имение А.И. Алмазова Алмазовка, Воронежская губерния
1889 г. — 1908 г.

1. Алмазов Алексей Иванович
2. Алмазов Василий Алексеевич
3. Алмазова Ольга Васильевна
4. Макеев Александр Гордеевич
5. Рошин Сергей Иванович.

16. Хутор П.М. Ледерле близ станции Меглецы,
Новгородская губерния
1892 г. — после 1934 г.

1. Ледерле Альберт Михайлович
2. Ледерле Петр Михайлович
3. Ледерле (жена П.М. Ледерле)
4. Тевяшов Борис Александрович.

17. Хутор М.А. Шмидт у деревни Овсянниково,
Тульская губерния.
1894 г. — 18 октября 1911 г.

1. Шмидт Мария Александровна
2. Хохлов Николай Галактионович.

**18. Хутор К.П. Злинченко при деревне Будаевка,
близ станции Боярка, Киевская губерния
1895 г.**

1. Злинченко Кирилл Петрович
2. Злинченко (мать К.П. Злинченко).

**19. Хутор В.А. Лебрена близ Дивноморское (Фальшивый
Геленджик), Новороссийский округ, Черноморская губерния
Конец 1905 г. — после 1921 г.**

1. Заболотнюк Сергей Александрович
2. Лебрен Виктор Анатольевич
3. Лебрен (Елгаштина) Иулиана Семеновна
4. Лебрен (мать В.А. Лебрена)
5. Сутковой Николай Григорьевич.

**20. Хутор В.И. Скороходова близ Майкопа, Кубанская область
Середина 1904 г. — 1922 г.**

1. Досев Христо Федосиевич
2. Досева (Скороходова) Мария Владимировна
3. Петрожицкий Иосиф Иванович
4. Попов Сергей Михайлович
5. Садненко Павел Петрович
6. Скороходов Владимир Иванович
7. Скороходова (Дегожская) Ольга Федоровна.

**21. Имение С.М. Соломахина, деревня Хмелево,
Тульский уезд и губерния.
1911 г. — 1915 г.**

1. Соломахин Семен Михайлович
2. Соломахина (жена С.М. Соломахина)
3. Попов Сергей Михайлович
4. Пульвер Лев Насонович.

**22. Имение Буковское А.Ф. Макарова при селе Соскади
Енотаевский уезд, Астраханская губерния.
Конец 1912 г. — июль 1914 г.**

1. Блохина Ольга Ивановна
2. Макаров Алексей Федорович.

Приложение 3. Материалы толстовских колоний

Отчет заседания лиц, сочувствующих устройству земледельческого общества на нравственных началах, 5 января 1905 г.

РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2–2об.

Заседание состоялось 5 января 1905 г. в г. Харькове. Заседание было открыто словом А.Д. Мироненко, выразившего мысль, что главное основание Общества должно быть нравственное учение Христа, и привел Евангельский текст. <...> В.И. Скороходов сказал, что составляющееся Общество тогда только будет прочно, когда в него войдут люди, сознающие необходимость изменения своей жизни к лучшему так же сильно, как они теперь сознают необходимость перемены своей материальной жизни. На вопрос о форме общественной жизни А.Е. Алехин сказал, что формы общественной жизни бывают высшая и низшая: высшая та, когда у всех членов будет одно сердце и одна душа и никто ничего не будет считать своим, но все одним; и низшая, когда земля будет только общей – общественной, жизнь же личная или семейная – особняком. И с этой низшей надо начинать, как с азбуки. Кроме того, он настаивал на том, что соединение в общество лиц религиозно разномыслящих может привести только к распадению общества, и что для прочности его необходимо, чтобы общество состояло из групп единомышленников или единоверцев, во избежание самого невы-

носимого для человека — чувства полного одиночества в духовном смысле. А.М. Бодянский возразил, что прочность общества зависит не от полного единомыслия или единоверия, а от степени терпимости каждого из членов общества. И.К. Дитерихс с этим согласился и в подтверждение привел персидскую поговорку <...> А.Д. Мироненко сказал, что для устройства общества на деле можно начать с добровольных денежных взносов по силе или желанию каждого, причем жертвователи могут и не быть членами общества, но только сочувствовать ему. А.Е. Алехин указал, что недостаточно рассчитывать на средства жертвователей, а следует не упускать из вида и другие источники получения нужных средств как то: беспроцентные займы у сочувствующих лиц под обеспечение земли, а также и займы в земельных банках.

Н.М. Стрижова спросила: найдет ли себе дело в таком обществе человек неспособный к земледельческому труду. На это остальные ответили, что в обществе могут быть и другие полезные занятия, и она лично может заниматься с детьми, так как одна из главных задач общества есть воспитание и образование детей.

Д.И. Прокопенко внес запрос: как будут относиться к религиозным обрядам в предполагаемом обществе. На что А.Е. Алехин ответил, что совершение религиозных обрядов не должно быть стесняемо и основным правилом общества должны быть принятые слова Евангелия: «И так во всем, как хотите чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».

С этим все присутствующие согласились.

Второе заседание происходило 6 января и было открыто чтением отчета предыдущего заседания. Затем была прочитана записка А.И. Ивановой, в которой выражалось желание, чтобы составляющееся общество имело заботу о лицах, посвятивших себя исключительно служению другим как в обществе, так и вне его. А.М. Бодянский заметил, что такие лица будут желательными членами всякого сколько-нибудь нравственного общества. А.Е. Алехин указал, что в предыдущем заседании разработка вопросов о составляющемся обществе остановилась на том, что ре-

шили приобрести землю в общую собственность, которая не могла бы быть продаваема кем-либо из членов; хозяйство же на этой земле может вестись каждым из членов самостоятельно или по соглашению артелями или общинами; плата же за пользование землей должна вноситься в общую кассу, как аренда. И.А. Беневский предложил решить вопрос: что требуется от желающего стать членом составляющегося общества. А.М. Бодянский сказал, что так как для приобретения земли на имя общества необходимо утверждение общества правительством, стало быть нужен устав, то первым условием для вступления в Общество должно быть подписание устава, а вторым — денежный взнос.

И.А. Беневский выразил мнение, что могут быть членами и те, которые не в состоянии сделать денежного взноса, если они изъявят желание работать в обществе. А.М. Бодянский сказал, что по его мнению лица не делающие денежного взноса могут быть приняты в общество не иначе как с согласия лиц, сделавших взносы. С этим согласились все собрание. А.М. Бодянский предложил для дальнейшего осуществления намеченного дела, выбрать комиссию, которой поручить выработать устав и вообще предпринимать все, что касается устройства общества. При этом комиссия будет входить в письменные сношения со всеми лицами, интересующимися этим делом. Выбраны были три члена комиссии.

[Подпись А.М. Бодянского].

**Договор Ржевской артели с Е.И. Чертковой,
22 февраля 1911 г.**

ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 120 (1911 г.). Д. 173. Л. 5—7.

С.-Петербург. Тысяча девятьсот одиннадцатого года
Февраля 22 дня. Мы, нижеподписавшиеся мещанин Максим Артемьевич Антонов, крестьянин Тульской губернии Веневского уезда Михаил Васильев Меньшов, крестьянин Псковской губернии Порховского уезда Иван Богданов,

С.-Петербургский мещанин Яков Ефимович Ефимов, крестьянин Ярославской губернии Рыбинского уезда Иван Васильев Опарин, Клинский мещанин Василий Васильев Виноградов и крестьянин Рязанской губернии Зарайского уезда Василий Михайлов Шилин, руководствуясь 1528, 1529, 1530, 1531, 2198 и 2198 ст. ст. 10 ч. 1. Свода Законов Гражданских настоящим договором соединяемся в одно товарищество и составляем земледельческую трудовую артель для ведения одного общего хозяйства на земле, имеющей быть взятой нами всеми вместе в аренду у помещицы Елизаветы Ивановны Чертковой и по взаимному нашему согласию обязуемся подчиняться нижеизложенным условиям.

1. На всей заарендованной нами земле мы устраиваем одно общее хозяйство всей артели, с общей обработкой земли, предоставляя в отдельное пользование только усадебные участки в размере одной десятины на каждую семью для устройства жилых и хозяйственных построек, посадок огородов и т.п., не принадлежащих артели.

2. Весь скот, лошади, земледельческие машины и орудия постройки на артельном дворе и вообще все хозяйство и артельное имущество составляет собственность всей артели.

3. Для начала дела каждый из членов артели должен внести в кассу артели денежный пай в размере пятидесяти рублей, если же кто-либо из членов не будет в состоянии внести свой пай единовременно, то на нем остается долг, который должен быть уплачен в кассу артели по частям в определенные сроки по соглашению с остальными членами артели.

4. Весь урожай артельного посева свозится на один артельный двор и по окончании молотбы зерно распределяется следующим образом: а) оставляется на посеве, б) на уплату артельных долгов, в) затем отчисляется одна десятая часть в основной капитал, предназначенный для приобретения земли в общее владение, г) остальная часть делится на две равные половины, из которых первая распределяется между членами артели по числу рабочих душ (полных рабочих и полурбочих, считая полурбочими

лиц от 12 до 17 лет), а вторая половина распределяется между всеми участниками артели по числу едоков поровну без различия пола и возраста.

5. Для артельного двора, а равным образом и для школы отводится по одной десятине усадебной земли.

6. Все работы на артельном дворе: по уходу за скотом, лошадьми, охране имущества, заведыванию амбаром и разными отделами хозяйства производятся по дежурству по очереди или по особому соглашению в распределении между собой отдельных обязанностей. Во всех полевых работах все члены артели участвуют на равных основаниях.

7. Для руководства в хозяйстве и ходе работы выбираются старосты, для заведования кассой артели — кассир, а для ведения записей, счетоводства и отчетности — секретарь артели.

8. Нарушение нравственного поведения, употребление спиртных напитков курение табаку, картежная игра, ругательства и грубое обращение ни в каком случае не допускаются.

9. За прогульные дни без уважительных причин вычитается плата в размере поденного заработка при разделе прибыли.

10. В случае какого-либо несчастья с членом артели или в его семействе (болезнь, смерть, пожар и пр.) артель должна ему чем может помогать и за пропущенные дни по уважительной причине никакого вычета из его части не производится, он получает свою часть целиком наравне с другими бывшими на работе, а в случае смерти артельщика его семья остается на попечении всей артели.

11. Артель может принять к себе еще новых членов на равных условиях.

12. В случае желанья выйти из состава артели кого-либо из членов ему возвращается его членский взнос и уплачивается следуемая ему часть годовой прибыли в конце хозяйственного года к 1 ноября.

13. Все могущие возникнуть недоразумения или несогласия между членами артели должны разрешаться товарищеским постановлением всей артели или выборными уполномоченными.

14. За нарушение договора после предупреждения и упорное неподчинение общим постановлениям, артель может исключить из числа своего состава такого члена, вернув ему его денежный взнос и уплатив за работу сколько придется на его долю из годовой прибыли.

15. Постройки на отдельных усадебных местах, возведенные на свой личный счет, считаются частной собственностью, но при уходе члена остаются в неприкосновенном виде за артелью за плату их действительной стоимости объявленной при их возведении и могут быть переданы на условиях уплаты по соглашению вместе с усадебной землей вновь принятому члену на место уходящего.

16. Весь долг Е.И. Чертковой за постройки, живой и мертвый инвентарь, зерно для посева и т.д. мы принимаем на себя круговой друг за друга порукой.

17. Изменение условий настоящего договора не может последовать без согласия на то владелицы арендуемой земли Елизаветы Ивановны Чертковой.

18. В том, что настоящий договор принят нами по общему добровольному соглашению и должен нами соблюдаться во всей полноте по доброй совести, мы и подписываемся. Мещанин г. Луги Максим Артемов Антонов, кр. Михаил Васильев Меньшов, кр. Иван Богданов, мещанин Яков Ефимович Ефимов, кр. Иван Васильев Опорин, мещанин Василий Васильев Виноградов, кр. Василий Михайлов Шилин.

Я нижеподписавшийся удостоверяю, что предстоящие подписи сделаны собственноручно в присутствии моем Владимира Владимировича Струтинского С. Петербургского Нотариуса в конторе моей Литейной части по Невскому проспекту № 68 лично мне неизвестными нижепоименованными лицами: 1. Лужским мещанином Максимом Артемовичем Антоновым, 2. кр. Тульской губернии Веневского уезда Михаилом Васильевым Меньшовым, 3. Кр. Псковской губернии Порховского уезда Иваном Богдановым, 4. С. Петербургским мещанином Яковом Ефимовичем Ефимовым, 5. кр. Ярославской губернии Рбинского уезда Иваном Васильевичем Опариным, 6. Клинским мещанином Василием Васильевичем Виноградовым и 7.

кр. Рязанской губернии Зарайского уезда Василием Михайловичем Шилиным удостоверившими свою личность: 1. бессрочной паспортной книжкой, выданной Лужским мещанским старостой 17 февраля 1907 года за № 696, 2. паспортом выданным Костельским волостным правлением 23 сентября 1910 года за № 1182, 3. паспортом выданным Сорокинским волостным правлением С. Петербургской мещанской управой от 15 сентября 1910 года за № 12423, 5. бессрочной паспортной книжкой выданной Приставом 3 участка Московской части гор. С. Петербурга от 22 ноября 1907 года за № 1967, 6. бессрочной паспортной книжкой, выданной Управлением 2 уч. Александровской части гор. С. Петербурга 13 января 1909 года за № 75 и 7. Бессрочной паспортной книжкой, выданной Приставом 1 участка Выборгской части гор. С. Петербурга 5 апреля 1910 года за № 408; живущими: 1. Петербургской части Помпосевской ул. в д. № 18, 2. Рождественской части по Тверской ул. в д. № 7, 3. Василевской части по 3 линии в д. № 48, 4. Московской части по Загородному проспекту в д. № 22, 5. Петербургской части по Б. Гребенской ул. в д. № 10, 6. по Столярному переулку в д. № 8-17 и 7. Выборгской части по Безбородкинскому проспекту в д. № 20. — С. Петербург февраля 23 дня 1911 года по реестру № 1013 Нотариус В. Струтинский (м.п.)

Я нижеподписавшийся удостоверяю верность этой копии с подлинным договором представленным мне, Владимиру Владимировичу Струтинскому С. Петербургскому Нотариусу в конторе моей Литейной части по Невскому проспекту № 68 мещанином Максимом Артемовым Антоновым живущим Петербургской части по Малой Московской улице в доме № 18. При сличении мною этой копии с подлинников в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. Подлинник оплачен гербовым сбором 2 рубля. С. Петербург февраля 23 дня 1911 года. По реестру № 1015-а. нотариус В. Струтинский.

С копией верно.

Старший Помощник Правителя
Канцелярии Воронежского Губернатора.

**Проект договора земледельческой общины
[Ржевской артели], устроенной толстовцами
в имени Е.И. Чертковой в 1911 году.**

РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 9—11.

Мы, нижеподписавшиеся, заключили этот договор в следующем:

1. Все созданное на земле Богом — создано для блага и счастья людей и в достаточной мере, если все это, созданное Богом, будет справедливо распределено и разумно использовано между людьми, населяющими земной шар.

2. Справедливое и разумное использование всех земных богатств и даров Божиих может быть достигнуто тогда, когда каждый человек в основу своей жизни положит принцип: «ничего лишнего», то есть, когда все люди будут возможно более производить и возможно менее растрчивать.

3. Творческая работа строительства жизни — возможность больше производить — может быть достигнута лишь при помощи свободного и полного развития талантов природы человеческой; усовершенствования техники, развития наук, искусств, открытий и изобретений и всего, что может помогать людям покорить внешнюю природу земного шара и осуществить идеал человеческого достоинства: здоровья, силы, поэзии, творчества и всего того, что облагораживает, возвышает и укрепляет человека и делает жизнь его полною, разнообразною и радостною.

4. Осуществление принципа возможно меньше растрчивать может быть достигнуто, когда люди не будут приобретать в личную собственность тех земных богатств и даров Божиих, которые даны Богом не отдельным лицам, а всему человечеству.

5. Для осуществления вышеприведенных положений мы соединяемся в общину земледельцев, имея в виду использовать все блага культуры и употреблять остаток свободного от земледельческих работ и ведения общинного хозяйства времени на изучение и производство различных ремесел и всех других знаний в области наук и искусств, какие только могут быть нам при данных условиях доступны.

6. Несчастья людей происходят от самих людей, от их несовершенства и несправедливой жизни. Чтобы избежать этого следует каждому во всех своих поступках руководствоваться исполнением законов и воли Бога. Поэтому главной задачей для себя мы ставим: жить по законам Бога и всегда стремиться к осуществлению и исполнению воли Божией.

7. Осуществление законов Бога мы полагаем в разумной согласованности физической жизни с жизнью духовной (себялюбие и дружелюбие), отдавая последней все преимущества в тех случаях, когда согласованность между ними является невозможной.

8. Исполнение воли Божией мы полагаем в желании совершенства и в постоянном стремлении к совершенству. Забота о личном и общем нашем совершенствовании — будет стоять у нас на первом плане, как одна из главных основных задач нашей жизни.

9. Мы ставим для себя святой и ненарушимой обязанностью полную религиозную свободу и терпимость, признавая священными всякие религиозные убеждения, когда они не мешают, но, так или иначе, способствуют проведению в жизнь вышеозначенных положений.

10. Для тела — ни аскетизма, ни роскоши; для духа — «ни иудея, ни эллина».

11. Мы соединяемся в общину, как одну родственную семью братьев и сестер, решивших и готовых делить между собою, как радости, так и горести, как благополучие, так и напасти, как прибыли, так и убытки и всячески друг другу помогать.

12. Весь инвентарь, как живой, так и мертвый принадлежит общине и, также как и земля, никак не может переходить в личную собственность ни отдельных членов общины, ни групп.

13. Все полевые работы и ведение хозяйства производятся совместно всеми членами общины, в порядке, какой будет выработан и утвержден членами общины по соглашению между собою.

14. Каждая семья получает в свое пользование усадебный надел, размером в одну десятину, на которой возводит

для себя жилые постройки и землю которой может эксплуатировать по своему личному усмотрению и методу, не выходя из пределов установленных общиной правил.

15. Каждая семья живет в отдельном доме или квартире и устраивает свое жилище по своему желанию и вкусу, но согласно условиям гигиены и санитарии.

16. Довольствие члены общины получают из общинного продовольственного магазина, по числу едоков, в соответственном количестве.

17. Каждая семья имеет свой особый стол и может есть и пить что пожелает, за исключением одурманивающих напитков и курения табаку, что в общине совсем не допускается.

18. Ежегодно община отчисляет 10% с чистой прибыли в основной и безвозвратный капитал на расширение общинного дела.

19. Ставя себе задачей мирную творческую работу в строительстве жизни, мы не признаем возможным для себя принимать участие в революционной политической борьбе и пропаганде, опирающихся на насилия и убийства.

20. Самым существенным и рациональным оружием в борьбе со злом мира и несчастьем человечества мы принципиально признаем: пример личной справедливой жизни, братскую любовь ко всем людям, «как к самому себе»; воздействие духовное на злую волю человека, в полной мере сил и возможностей, согласно законам и воле Бога.

**Памятка для всех прибывающих здесь
[1912 г., Сочинская колония П.П. Картушина
на р. Мацеста].**

РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. 162. Л. 343—344.

1. Мы ушли сюда из мира скорби не для легкой жизни, а только ради любви: чтобы в труде, тишине, молчании и внутреннем единении с братьями укрепить свои силы и тогда отдать их на служение Богу и людям.

2. Вокруг нас миллионы братьев страдают от голода и холода. Будем же стремиться к возможно суровой жизни хоть из сочувствия к ним и чтоб не забывать, для чего мы ушли сюда.

3. Изгоним отсюда всякий дух праздности. Будем днем укрепляться телесным трудом, а утро и вечер посвящать молитве.

4. Установим строгий порядок во всем, чтоб вся наружная жизнь шла как бы сама собой и не мешала все глубже уходить во внутреннюю работу.

5. Чтоб победить всякое чревоугодие, будем подкрепляться видимой пищей только за общей трапезой, со страхом Божиим и благоговейным молчанием, молясь о невидимом и вспоминая тайную вечерю.

6. Все наружное не стоит слов, а внутреннее боится их. Будем же все больше стремиться к молчанию и внутреннему единению друг с другом, произнося со всей осторожностью даже самое чистое и нужное слово.

7. Будем непрестанно пребывать в храме простом и чистом, благоговейно охраняя тишину его. Будем помнить, что все мы тысячью невидимых нитей тесно связаны в одно и потому каждый даже самый тайный грех одного из нас омрачает всех, оскверняя самое место это.

8. Во имя святого послушания умоляем каждого пребывающего здесь всеми силами следовать этим правилам, чтоб никого не соблазнять, но всех поддерживать примером своим.

**Протокол положений об условиях приобретения земли
Хмелевской Артелью у А.К. Чертковой, осужденных
и принятых на совещании Чертковых
с членами Артели. 25 октября 1913.**

НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 19—22.

1. А[нна] К[онстантиновна] прежде всего не желает, чтобы передаваемая колонии земля сделалась когда-нибудь частной собственностью не только участников настоящей артели, но и других посторонних лиц. Она хочет,

чтобы эта земля всегда оставалась в общинном владении. Об условиях юридического обеспечения исполнимости ее желания надо, конечно, переговорить со специалистами.

2. Выясняется, что передаваемые колонии 32 дес. земли по 175 руб. десятина, постройки, инвентарь и 100 руб. на каждую семью для начального обзаведения, — составят 9000 руб. Эту сумму А.К. предлагает выплачивать таким образом: первые 2 года колонисты ничего не платят; а с 3 года платят 200 руб. в год. По этому расчету свой долг в 9000 руб. колонисты должны выплатить в 45 лет. Никаких процентов по долгу они не платят.

3. На имеющиеся у колонии 32 десятины земли имеют право поселиться только 4 семьи. Больше 4-х семей пригласить колонисты не могут, т.к. Чертковы считают, что 8 дес. это минимум того, что необходимо для прожития семьи. Но если артель прикупит еще земли, то она имеет право пригласить новых членов.

4. [неразб.] разрешается пользоваться для пастбища, но корчевать их нельзя.

5. В остающихся при хуторе лесах Чертковых колонисты имеют право пользоваться хворостом, могут чистить их, но за это они должны нанимать сторожа для охраны леса.

6. Так как в дело колонии Чертковы вкладывают беспроцентно значительный капитал, они хотят иметь некоторые права в это деле, а именно:

а) члены колонии не имеют права принимать новых членов без согласия Чертковых.

в) остальные члены не имеют права исключить Диму [В.В. Черткова] хотя бы и большинством голосов.

с) Если по вопросу об исключении того или другого члена голоса разделяются поровну, Чертковым принадлежит решающий голос.

Этими тремя правами Чертковы пользуются лишь до тех пор, пока колонисты не выплатят весь долг. После этого Чертковы лишаются перечисленных прав.

8. Закладывать землю колонистам нельзя ни в каком случае.

9. По вопросу о приобретении конюшни за 1000 руб. совещание не пришло к определенному решению. Влад[имир]

Григ[орьевич] со своей и Анны Кон[стантиновны] сторон
остановился на таком предложении колонистам: или они
принимают конюшню на выплату за 1000 руб. или полу-
чают от Чертковых ту сумму, которую последние выручат
от продажи конюшни на сторону, к чему они приступят
безотлагательно. Эта сумма должна войти в общую сумму
долга. Добавить к вырученной сумме Чертковы ничего не
могут. Колонисты решили еще подумать об этом вопросе.

Выясняется невозможность выполнить условие с Со-
ломахиным о сноске помещений колонистов, располо-
женных на его земле к будущей осени, поэтому решено
настоятельно просить его об отсрочке сноски еще на год.

10. На случай если бы колонисты пожелали через
5-10 лет, выплатив так или иначе всю сумму своего долга
Чертковым, ликвидировать хозяйство в Хмелевом, про-
дать землю и переехать в другое место, Анна Конст[анти-
новна] ставит условием, чтобы земля для покупки была
предложена прежде всего ей и по той цене, по которой
она была продана колонистам.

Это возражение встречает горячие возражения в том
смысле, что в таком случае, колонистам придется продать
землю по дешевой прежней цене, вложив в нее некоторые
затраты, а покупать по ценам будущего, которые намного
могут превысить прежнюю, что является крайне обремен-
ительным при необходимости переселения.

Ввиду этого возражения и сложности обсуждаемого
вопроса предложено еще обдумать этот вопрос и его раз-
решение откладывается до понедельника.

Договор Хмелевской артели и А.К. Чертковой о сдаче земли, 1 ноября 1913 г.

НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 15—16.

Тысяча девятьсот тринадцатого года ноября 1-го дня
мы, нижеподписавшиеся по личной доверенности Анны
Константиновны Чертковой, Петр Семенов Апурин
и крестьяне, именующие себя Земледельческой Трудовой

Артелью, Егор Навлович Кузевич, Поликарп Парменович Сергеев, Сергей Федорович Попов и Владимир Владимирович Чертков, заключили настоящее условие в нижеследующем. Я, Апушин, продал вышеупомянутым лицам движимый и недвижимый, живой и мертвый инвентарь, зерновые и хлебные продукты и разного имущества, числящегося при Хмелевом участке, находящемся при сельце Хмелевом Тульского уезда и губернии. Весь инвентарь и зерновые продукты, поименованные в отдельном при этом подшитом списке на сумму 2857 р. 25 к. и наличными деньгами 400 р., а всего на сумму 3257 р. 25 к., каковую сумму, мы, трудовая Артель, обязуемся выплатить Анне Константиновне Чертковой или кому она прикажет, в течение 15 лет, т.е. с 1915 года по 1929 год по равной части, а именно 215 р. 15 к. в год каждого 1 ноября, не позднее 1 января — размеры ежегодного взноса могут быть уменьшены до 100 р., если всем участникам артели будет трудно делать полный взнос (215 р.) и таким образом уплата раскладывается на соответственно более долгий срок.

Постройки поименованные в списке мы, Трудовая Земледельческая Артель, обязуемся снести с усадьбы в течение 1914 года и снесенные постройки должны быть возведены на земле Чертковой при сельце Хмелевом, каковую землю мы получили в пользование на особых условиях.

За все означенные строения, живой и мертвый инвентарь, если почему-либо нами, Трудовой Земледельческой Артелью, не будет уплачиваться в означенный срок причитающиеся с нас деньги, то Чертковой предоставляется право требовать уплаты из продажи означенного имущества на соответствующую сумму. Без согласия Чертковой именуемая Трудовая Земледельческая Артель не вправе передавать свои права и обязательства по сему условию другому лицу.

Трудовой Земледельческой Артели предоставляется право временно пользоваться для выпаса скота лесом «Корь» бесплатно, за что артель обязуется охранять леса и луга, остающиеся в распоряжении Чертковой.

Все повинности, губернские, уездные, частные, касающиеся земли, мы, Трудовая Артель, принимаем на себя, сколько бы таковых ни причиталось на землю, находящуюся в нашем пользовании.

**Удостоверение Хмелевской артели, выданное А.К.
и В.Г. Чертковыми, ноябрь 1917 г.**

НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 18. Л. 29—29об.

<...> ноября 1917 г.

Удостоверение.

Сие удостоверение дано нам, Анной Константиновной Чертковой и Владимиром Григорьевичем Чертковым, членам Хмелевой Земледельческой Артели, Егору Павловичу Кузевичу, Дмитрию Дмитриевичу Цветкову и сыну нашему Владимиру Владимировичу Черткову, в том, что мы отдали в бесплатное пользование еще в 1913 году, названным лицам Хмелевской Земледельческой Артели, часть нашего Хмелевского имения, при с. Хмелевое, Татьяевской волости, Тульского уезда и губ., а именно: 1. всю пахотную землю (в размере 32 десятин), 2. часть луговой и 3. часть усадебной, начиная с каменных построек до внешнего края «Бычка». Мы решили с самого начала продать им этот участок или отдать в долгосрочную аренду, но, в виду призыва некоторых членов артели на военную службу, нам не удалось еще официально оформить это, а потому, по неволе, у нас до сих пор существует с артелью только устное соглашение.

Составную усадебную землю с постройками мы предоставили им во временное пользование до тех пор, пока они сами не отстроятся. Кроме того, мы передали им в собственность весь живой и мертвый инвентарь.

В 1915 году нами была куплена другая часть имения Хмелевое у С.М. Соломахины. Из этого участка мы также отдали Хмелевской земледельческой артели 12 десятин пахотной земли.

На этом основании вся пахотная земля имения Хмелевое в размере около 48 десятин, часть луговой (около 5 десятин) и часть усадебной — фактически еще до войны была в полном распоряжении названных членов Хмелевской Артели, с которыми мы собирались это официально оформить.

Что и удостоверяем.

Иллюстрации

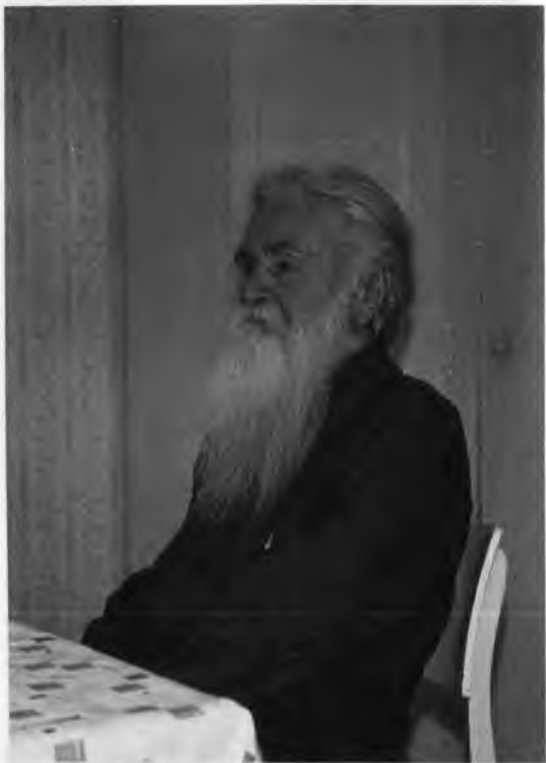

П.Л. Никифоров

А.А. Медведев

Н.А. Шейрман. Конец 1950-х гг.

С.М. Булыгин. 1912 г.

С.М. Попов. 1914 г.

Р.А. Буткевич

V. Dunant

ST. PETERSBURG
CAUCASE

Я.Т. Чара. 1899 г.

Бульгины. Лето 1914 г.

A. H. Tamm
W. B. Bradford

E. H. Bradford
Rev. Tamm

Tamm from previous
A. H. Bradford

common place

издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Гнозис», «Все свободны», «Смена»,
«Кирпич», «Порядок слов», «Подписные издания»,
«Князь Мышкин», «Бакен», «Пиотровский», «Никто не
спит», «Чарли books», книжный клуб «Петровский»,
а также заказать с доставкой на сайте common.place

Ефим Владимирович Агарин

Трудами рук своих

Толстовские земледельческие колонии
в дореволюционной России

Корректор — Татьяна Макарова

Оформление серии — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 29.02.2019

Формат 84x108/32

Тираж 500 экз.

Заказ № 161

Издательская инициатива «common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Еф. Агарин

СПАСИБО

за внимание

к моей чудесной книге.

С любовью к Истине...